

Лариса Порхун

Счастливая Женька. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48649891

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман "Счастливая Женька" – это попытка честного разговора о сложной и неудобной проблеме зависимости. Это история о непростой судьбе молодой женщины, преодолении ею алкогольной зависимости, а также поисках себя и своего предназначения. В нашем обществе до сих пор сохраняется устойчивое отношение к пьющей женщине, как к чему-то постыдному, о чем не принято говорить вслух. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

1	6
2	12
3	42
4	58
5	87
6	100
7	126
8	149
9	157
10	174
11	191
12	212
13	237
14	259
15	294
16	320
17	337
18	359
20	415
21	438
22	466
23	485
24	503

25	534
26	549
27	572

Лариса Порхун
Счастливая
Женька. Начало

Истинное призвание одно – отыскать ключ к себе настоящему...

Герман Гёссе

1

Женька тихонько открыла дверь своим ключом и вошла в темную прихожую. Было около шести утра. В коридоре свет включать нельзя, родители спят. Другое дело – ванная! Ей удалось в темноте бесшумно проскользнуть к двери, на которой была прикреплена пластмассовая картинка, с изображением упитанного ребенка, стоящего под душем. На противоположной стене имелаась такая же выкрашенная белой масляной краской дверь, все стем же толстым малышом, но только сидящим на горшке. Женька знала, что если прижать выключатель всеми пальцами и равномерно надавить, он практически не издает звука. Ванная комната осветилась мягким светом и первое, что увидела Женька – это свое собственное отражение в зеркале, с полураспустившимися «локонами» (бабушкино словечко), и слегка размазанной под глазами тушью. Еще бы! Больше, чем она, никто из девчонок не танцевал. От приглашающих отбоя не было. Женька только что вернулась с выпускного бала. Окончен десятый класс: позади школа, позади экзамены, а, главное, совсем позади – завуч Татьяна Анатольевна, оставившая Женьку, у которой в аттестате была только одна четверка по русскому языку без серебряной медали.

– Понимаешь, Евгения, иногда твое поведение, некоторым образом, ... – как-то начала Татьяна Анатольевна в кон-

це года путаный и витиеватый монолог, который так и не смогла закончить. Но в этом и не было необходимости. Женька, как и все остальные в школе, и так знала, что поведение её, пусть и не безупречное, совершенно не причём. А причина в том, что городской отдел образования не одобрял чрезмерное количество медалистов на отдельно взятый класс и относился к этому вопросу крайне щепетильно. Это казалось подозрительным. Чрезмерным считалось (негласно, разумеется) количество более двух. А в Женькином классе уже и так было двое: безупречный во всех отношениях, к тому же лингвистический и математический вундеркинд – Боря Литвинов: то, что он окончит школу с золотой медалью, причём, абсолютно заслуженной, было ясно уже с первого класса. Ему был обеспечен самый радушный прием, как в МГИМО, так и в «Бауманке». А вторая серебряная медалистка – худая и нервная зубрила Наташка Демина, была родной дочерью завуча Татьяны Анатольевны. Как говорится, – Вопросы есть? – Вопросов – нет! – Все свободны. Конечно, можно было идти добиваться, скандалить, угрожать, писать жалобы, но Женьке было прекрасно известно, что родители её никогда на это не пойдут. Отец не станет этого делать по каким-то недостижимым, одному ему известным принципам, а у матери всю жизнь невероятно благоговейное отношение к учителям, которое она неустанно, но безуспешно возвращала все десять лет в упрямой и строптивой Женьке. Слово учителя казалось Зинаиде Евгеньевне истиной в

последней инстанции, классный руководитель, по её разумению, это – высший судия, а завуч и директор, соответственно, царь и бог.

– Я свободна! Ура! – тихонько захихикала Женька. У неё совершенно прошла обида на школу вообще и на завуча в частности. – А ну, их всех! – подумала она, внимательно разглядывая себя в зеркале. Она вспомнила, как почти все девочки из её класса плакали и сегодня при расставании, и на последнем звонке, но только не она. Вот ещё! Надо шагать в будущее, а не оплакивать прошлое. Мать и отец тоже совершенно спокойно относились к факту окончания их дочерью средней школы. А некоторые родители одноклассников (бывших, тут же поправила она себя) волновались, ждали своих чад возле школы. А её вон спят себе преспокойно. Правда, им скоро на работу. Мать встает в пять утра, работает поваром в детском садике, в который поочередно ходили и сама Женька, и её младший брат Ярослав. Отец – наборщик в городской типографии, в их доме много самиздатовской литературы самого разного направления: от астрологии, хиромантии и сборника рецептов народной медицины до Козьмы Пруткова и Мандельштама с Ходасевичем.

Девушка боролась с сильным искушением принять душ, но боялась разбудить родителей. Нельзя, чтобы отец её видел сейчас. Как многие абсолютные трезвенники, он мгновенно услышал бы запах спиртного, а этого Валерий Михайлович совершенно не переносил. Встречая рассвет, выпускни-

ки распили две бутылки сухого вина, кислый вкус которого совершенно Женьке не понравился, зато очень понравилось ощущение, которое появилось после. Это можно было бы сравнить с расслабленной, снисходительной уверенностью в себе, в своих силах, в своем прекрасном будущем, в своей какой-то исключительности и даже превосходстве. Исчезло вечное недовольство собой, своей внешностью, манерами и походкой. Взгляд утратил свою настороженность и детскую наивность, в серых глазах появился стальной блеск, в поведении – грация некая манерность. Даже объект её постоянного недовольства и насмешек младшего брата – маленький курносый нос, казалось, утратил всю свою вздернутую незначительность и смотрел вверх горделиво, с восхитительным чувством собственного достоинства. На редкость приятные ощущения... Женя решила сейчас просто умыться и лечь спать, а когда отец уйдет на работу, залезть в ванную. Входящая в комнату вместе с молодым июньским солнцем, умытая и причесанная юная девушка являла собой всю прелесть семнадцати лет. Как часто в этом возрасте, чтобы выглядеть нежной и обворожительной, бывает достаточно просто смыть косметику! К сожалению, с годами, чтобы добиться похожего результата, часто требуется выполнять противоположные манипуляции.

Покосившись на спящего одиннадцатилетнего брата, Женька с наслаждением вытянулась в своей кровати. Засыпая, она, тем не менее, продолжала любоваться, висящим пе-

ред её глазами на дверце шкафа серебристым (под цвет глаз), только что бережно снятым «выпускным» платьем. Женька почувствовала тепло, когда подумала о бабуле, которая нашла и оплатила очень известную, и потому совершенно недоступную портниху, которая милостью Божьей, а также благодаря щедрой бабулиной премии, нашла в своем плотном графике небольшой зазор и сварганила для Женьки это маленькое серебристо-серое чудо. «Надо будет обязательно навестить бабГалю на днях, а то со школой, экзаменами, совсем её забросила» – успела подумать Женька. В следующую минуту она увидела себя, скачущей на вороном коне, у которого почему-то было лицо Витьки Белобородова, с параллельного класса, а он на выпускном, между прочим, совершенно по-хамски вел себя во время медленного танца, елозя по Женькиной спине (и даже ниже) руками и плотно прижимаясь всем телом. Топот копыт становился невыносимым, Женька неслась во весь опор, слева и справа она видела других лошадей: белых, серых в яблоках, рыжих. Она знала, что ей необходимо быть самой ловкой и самой смелой, ведь это её табун. Это она ведет его к какой-то очень важной и значительной цели, вот если бы не этот шум, почти грохот. Ах, да это вода, водопад так шумит. Табун мчится прямо к нему... Но Женьке нисколечко не страшно... Так надо... – Я справлюсь, – беззвучно произносят её губы, и она первая вместе с конем-оборотнем Витькой прыгает в воду. Тут же гул и бешеная скачка прекращаются, наступает долгожданный по-

кой и блаженство. Вода принимает её, укутывает невидимым легчайшим одеялом, покачивая, успокаивая и ласково обнимая... Женька безмятежно и крепко спит уже без всяких сновидений.

2

– Все прошло достойно. Именно так сказала Галина Аркадьевна своей дочери Зинаиде и зятю Валерке, сидя в столовой птицефабрики за поминальным столом. Зина, не глядя на мать, угрюмо кивнула. Валерий, по обыкновению, ничего не ответил и вообще старался не смотреть в сторону тещи. С первого дня знакомства он испытывал жуткий дискомфорт в её присутствии. Как только он видел устремленный на него колючий взгляд маленьких бледно-голубых глаз, темно-каштановую, залитую лаком «Прелесть» вечную «халу», возвышающуюся над ними, плотно сжатые губы и стекающие вниз, по краям рта, как логическое продолжение скорбной маски уныния, две глубоких борозды, ему становилось не по себе. Будучи образованным и неглупым от природы человеком, в её присутствии, Валерий Михайлович становился косноязычным и запуганным неучем. Имея рост 180 с лишком сантиметров, он был выше тещи на полголовы. Но когда она вставала, шумно выдыхая, расправляя свою щедрую грудь, он сам себе казался ничтожеством и пигмеем. Несмотря на то, что Галина Аркадьевна неизменно была с ним холодно вежлива и немногословна, Валерий знал, что теща его презирает и считает неудачником.

– Отмучился Николаша, – вздохнула Галина Аркадьевна.

– Царствие небесное, – с готовностью откликнулась вер-

ная подруга и наперсница Галины Аркадьевны – Надежда, разложившая огромные сиськи по обеим сторонам тарелки. Многие гости, бывшие сослуживцы, товарищи усопшего Николая Петровича уже разошлись, оставались, в основном, родственники и друзья семьи. Двенадцатилетняя Женечка явно скучала, приставала с расспросами, – А когда мы пойдем домой? – но услышав от потерявшей терпение матери шипящую отповедь, надулась итихозавидовала младшему брату Ярику, которого ввиду малолетства на похороны и поминки не взяли, а оставили под присмотром папиной сестры Раисы. Она была веселая, добрая и разрешала играть, во что хочешь. Можно было приглашать соседских девчонок, раскладывать с ними кукольные шатры, устраивать подушечные баталии и скакать по кроватям: у них дома такое невозможно было даже представить.

Со столов стали убирать. Зинаида и Надежда, как будто по сигналу одновременно поднялись и начали сортировать еду: дома тоже нужно будет посидеть узким кругом. Женька с облегчением вздохнула и, пользуясь тем, что мать с озабоченным видом хлопотала у стола и не обращала на неё внимания, вышла на улицу.

Николай Петрович был третьим мужем Галины Аркадьевны. Более двадцати лет он проработал на птицефабрике, занимая должность начальника отдела по материально-техническому и транспортному обеспечению, проще говоря, был завхозом, но одновременно другом и правой рукой дирек-

тора. Про таких говорят: человек на своем месте. Знал все входы и выходы на своей родной «птичке», будучи сам заядлым рыбаком возил «нужных» людей на рыбалку, да такую, про которую директору в министерстве на совещании шептали, закатывая глаза, – Ездили в субботу с Петровичем твоим на пруды... ммм – это что-то! Николай был третий муж Галины Аркадьевны, которого она похоронила, как и предыдущих двух ровно через двенадцать лет после замужества. Такая уж у этой женщины была судьба, или как она сама прочитала в одной из Валеркиных полуподпольных самиздатовских книжек – такая карма. Первый раз она вышла замуж в 23 года за человека, которого безоглядно полюбила, если не с первого, то со второго взгляда точно. Жили они тогда на Украине в областном центре и работали оба на химзаводе. Человека звали Евгений, был он молод, хорош собой, остроумен и галантен. Любовь к нему Галину закружила, зачаровала, лишила сна и покоя, и упала она в неё, не имея ни сил, ни желания с этим наваждением бороться. Поженились в счастливый и победоносный 1945-й. От завода получили комнату в семейном общежитии. Через год родилась дочь Зинаида. Её Женя был душа компании, остряк и балагур. В доме всегда были гости, музыка, смех и душевные разговоры. Галина любила его так, что подкашивались ноги, изнемогая от ревности и желания его спрятать, закрыть, оставить только для себя и использовать единолично при закрытых дверях и постараться растянуть надолго, как редкое

и очень дорогое вино. Но Евгений отшучивался, вырывался, исчезал, ускользал, на ходу целуя её в нос и надутые губы. И однажды исчез навсегда. Когда дочке Зине было одиннадцать, он во время работы поднялся на эстакаду, где почувствовал резкий запах сероводорода. Потерял сознание и упал с семиметровой высоты. Месяц он лежал в больнице, не имея ни одного целого ребра, с множественными гематомами и ушибами, мучаясь от боли, от собственного бессилия и от невозможности не только безболезненно помочиться, но и нормально дышать. Галина поселилась в больнице. Дома появлялась набегами, для того только, чтобы наспех проверить, как там Зинка и приготовить для Женечки свежую порцию перетертых супчиков и паровых котлеток. Изгнать её из палаты не представлялось никакой возможности, и персонал больницы махнул рукой. Она кормила его с ложечки, умывала, обтирала, брила, разминала затекшие мышцы, выгуливала в больничном сквере, терпеливо сносила его раздражение и злобу. Не взирая на обстоятельства: казенную больничную обстановку, плачевное состояние здоровья мужа, его холодность и отчуждение, испытывая острое сострадание к нему, она все же была почти счастлива: он был с ней и был только её. Неотлучно: утром, днем, вечером и ночью. Она старалась перехватить взгляд его чудесных, серых в темную крапинку глаз, и млела от избытка чувств к своему Женечке: тут и безоговорочная любовь, и какая-то материнская жалость, и дикая страсть, и накрывающий её ледяной вол-

ной страх за любимого. Нечастых посетителей Галина умело выпроваживала, ссылаясь на рекомендацию врачей не утомлять больного. Через месяц Женя почувствовал себя хуже. Он почти ничего не ел, лежал, отвернувшись к стене от Гали и от всего мира. И внешне очень изменился: он сильно отек, лицо стало одутловатым, на теле стали появляться гематомы непонятного происхождения. Врачи забили тревогу. Его куда-то везли, что-то вливали, что-то капали, постоянно брали анализы. Но ничего не помогло, через шесть недель с момента поступления в больницу Женя умер. Оказалось, что у него уже семь дней, как отказали почки. Врачи переживали, что нужно будет возиться с Галиной, но она была строгой и вменяемой. Только потемнела лицом и все говорила и делала очень медленно. Как будто не была уверена, что это нужно и правильно. Похоронив горячо любимого Евгения, она вместе с ним похоронила свою молодость, женственность и привлекательность. В тридцать пять лет она выглядела солидной матроной глубоко за сорок. Но зато и оцепенение её прошло. Она стала рассылать письма-жалобы в различные инстанции, добиваясь служебного расследования по факту производственной травмы, повлекшей смерть Никишичева Е. С. В них она подробно излагала, «... что несмотря на тот факт, что у супруга были поломаны ребра, скорую помощь ему не вызывали два с половиной часа. Этот факт объясняется тем, что в заводском медпункте выжидали время для испарения из легких Никишичева Е. С. паров сероводорода,

которыми он и был отравлен. Кроме того, из лечебно-профилактического участка предприятия ему не вызвали скорую, а отвезли на транспорте завода. Первоначально Евгению был поставлен диагноз «закрытый разрыв лонного сочленения», а через шесть дней диагноз изменили на «ушиб мягких тканей лонного сочленения», что дало право заводу признать травму производственной». Галина Аркадьевна вошла во вкус истрочила письма. В поисках истины сидела в многочасовых очередях к чиновникам, неудачи и проволочки её не останавливали, а наоборот воодушевляли. По вечерам на кухне, отправив Зинку спать, Галина с выражением, гневно зачитывала, слушавшей её с открытым ртом соседке Марусе очередную петицию: «Врачом лечебно-профилактического участка (ЛПУ) химзавода Воронковой Л. Т., а также заведующим отделением второй городской больницы Дмитриенко А. С., при оказании медицинской помощи и выдаче медицинских заключений было совершено преступление (должностной подлог). Мой супруг Никищев Е. С., менее чем за месяц до несчастного случая, повлекшего смерть, проходил периодический медосмотр в ЛПУ химзавода и был признан годным к выполнению работы с особыми условиями труда. Если, как впоследствии указала в медицинских заключениях, главный врач ЛПУ – Воронкова Л. Т., причиной несчастного случая явилось состояние здоровья моего супруга, в таком случае, почему она допустила больного человека к выполнению трудовых обязанностей? Если состояние здоровья

Никишичева Е. С. не вызывало сомнений, в таком случае почему причиной несчастного случая главный врач ЛПУ указывает состояние его здоровья?» И так далее, и все в таком же духе. Как бы там ни было, но с приближением первой годовщины смерти драгоценного Женечки, многомесячные усилия Галины Аркадьевны в восстановлении справедливости начали приносить свои плоды. Была назначена пенсия по случаю потери кормильца, выдана единовременная довольно значительная материальная компенсация, и самое главное, – Галина Аркадьевна получила ордер на двухкомнатную квартиру, в очереди на которую они с мужем стояли более десяти лет. Последним заключительным аккордом, прозвучала врученная ей путевка в санаторий в городе Кисловодске, куда руководство завода её направило, чтобы подлечить надорванное в тяжких походах за справедливостью здоровье. При этом, Галине Аркадьевне недвусмысленно дали понять, что продолжать дальше трудовую деятельность на химзаводе ей будет довольно непросто. Да она и сама не хотела работать там, где все напоминало бы о муже. Поэтому с большим энтузиазмом устроившись в новой квартире, поручив надзор за самостоятельной Зинкой доброй соседке Марусе, она написала заявление с просьбой уволить её по собственному желанию и укатила на целый месяц в Кисловодск.

В этом же санатории им. А. М. Горького залечивал душевные раны после тяжелого разрыва с женой, Василий Иванович Огородничий – военный пенсионер, а ныне преподава-

тель начальной военной подготовки в одной из школ города Ставрополя. Коренастый, плотный, с довольно внушительным брюшком он, тем не менее, привлек Галину Аркадьевну своей какой-то неприкаянностью и беспомощностью. В 47 лет он оказался абсолютно не готов к ситуации, в которой оказался. До сих пор всё было хорошо, по крайней мере, он так считал. Он служил, ездил по гарнизонам, объектам и командировкам, часто подолгу не бывал дома, где его всегда ждала элегантная, умная, хозяйственная жена Марина и двое сыновей 17 и 10 лет. Василий Иванович дослужился до майора, в сорок пять лет, как и положено, вышел на пенсию и тут начались проблемы в семье. На гражданке он, разумеется, пребывал в кругу семьи и не собирался никуда уезжать. Оказалось, что его длительное присутствие очень раздражало супругу. Как она впоследствии ему призналась, она все время ждала подсознательно, что он скоро уедет, а он все не уезжал. А наоборот очень активно проявлял себя: громко сморкался, храпел и считал величайшим преступлением спать после шести утра. Кроме того, Василий Иванович имел привычку развешивать на дверях свои влажные полотенца, а если в блюде не присутствовало мясо, не считал это полноценным обедом или ужином, ну и т.д. Жену начинала бить нервная дрожь, когда он прикасался к ней. Он стал на ночь устраиваться на кухне, на раскладушке. Супруги все чаще выясняли отношения, чего никогда раньше не было. Даже трудоустройство Василия Ивановича не спасло положения.

Марина подала на развод, он съехал к приятелю. Директор школы, в которой работал Василий Иванович, посоветовал ему отдохнуть, подлечиться и обеспечил путевкой в этот санаторий.

– Нервы совсем расшатались, – жаловался он Галине Аркадьевне, – Просто не знаю, что делать! Они стали вместе проводить все свободное от процедур время. Василий Иванович говорил, она внимательно слушала. Однажды провожая Галину до её номера, он задержал её руку в своей. Она не отнимая руки, посмотрела на него с нежностью и сообщила, что её соседка уехала навестить дочь с маленькой внучкой.

Свадьбы никакой не было, Василий Иванович, окончив санаторно-профилактический курс, переехал к Галине Аркадьевне и через месяц они скромно расписались. Затем выяснилось, что Василий Иванович жить не может вдали от родных степей Ставрополя, своих любимых мальчиков, да и старенькая мама осталась одна в деревне.

– К тому же, Сашке поступать в этом году, ты же понимаешь, Галчонок, нужна будет моя поддержка, а младший совсем от рук отбился, того и гляди на второй год оставят, – Василий Иванович замолчал, и печальным голосом добавил, – А Маринке не до того, у неё есть кто-то... Галина Аркадьевна посмотрела мужу прямо в глаза, с нежностью, на которую только была способна и с огромным воодушевлением (как и все, что она делала) начала сложный процесс обмена, который увенчался положительным результатом только через

два с половиной года.

Жили они мирно, спокойно, без особых страстей, но и без потрясений. Василий Иванович к Зине относился ровно, скорее, даже равнодушно. Она нормально восприняла тот факт, что этот мужчина будет жить теперь с ними, как и переезд в Ставрополь. Ей никогда не пришло бы в голову перечить матери. Вообще, она росла замкнутой и тихой девочкой и, хотя училась неважно, особых хлопот ни учителям, ни матери не доставляла. Такая усредненная девочка: среднего роста, средней невыразительной внешности, средних способностей. Её мать, Галину Аркадьевну, также, даже в юности было довольно сложно назвать красавицей, но в ней была стать, был характер, была лидирующая составляющая, была «изюминка», которая привлекла к ней такого записного красавца и Донжуана, как Евгений Никишичев. В Зинке ничего этого не было и в помине. Галину Аркадьевну это ужасно возмущало.

– Как ты будешь на свете жить, размазня!? – кричала она дочери. У тебя ни о чем своего мнения нет! Все кому не лень, тобой помыкают. Мышка серая! Зинка только сильнее втягивала голову в плечи и с тоской смотрела в окно. Василий Иванович, не переносящий шума, слабо заступался:

– Она научится, Галчонок, жизнь заставит.

Миновав двенадцатилетнюю годовщину брака, Галина-Аркадьевна готовилась к юбилею мужа. Ему должно было исполниться шестьдесят. Она закупала продукты, производи-

ла генеральную уборку. Планировалось много гостей. Соседка Надя, которая стала Галине Аркадьевне с самого начала её переезда в Ставрополь близкой подругой и кем-то вроде духовника, была ещё известна своим талантом доставать всеми правдами и неправдами остродефицитные вещи. Так, накануне юбилея Василия Ивановича, Надежде удалось раздобыть в какой-то страшной очереди чешский мужской костюм дивного темно-синего цвета с перламутровым отливом. Принимая активное участие в нешуточной потасовке за импортный текстиль, имея весомый перевес в виде огромных двухпудовых грудей и хозяйственной торбы с мороженым хеком, сильно потрепанная, но довольная Надежда с победным криком, игнорируя несущиеся ей в могучую спину оскорбительные вопли и даже плевки менее удачливых охотников за дефицитом, покинула поле боя с заграничным трофеем. Изначально она планировала его для своего мужа, (готовились выдавать дочку замуж) но её Володька, слесарь автобазы, узнав, сколько костюм стоило шарашено присвистнул: «Полтора ста целковых!!! Да тычё, мать, с дуба рухнула!? – и грозно добавил, – Продавай его на х..!» Галина Аркадьевна с удовольствием смотрела на мужа, который стоял перед зеркалом в новом костюме, и почти не раздумывая, передала восхищенно цокающей языком Надьке деньги. На следующий день Василий Иванович пришел с работы весь в испарине, пожаловался супруге на одышку, тошноту и странную боль под лопаткой, которая отдавала и в руку, и даже в нижнюю че-

люсть. Он отказался от ужина и прилег в гостиной на диван. Галина Аркадьевна забеспокоилась и решила вызвать скорую. Вернувшись в комнату, она увидела, что Василий Иванович мертв. Она совершенно точно поняла, что это так, даже не приближаясь к нему. Он как-то мгновенно, неуловимо, но абсолютно однозначно превратился из облысевшего, полного, добродушного и живого человека в мертвое тело. Похоронили его в купленном у Надьки темно-синем костюме, который предназначался совсем для другого, более жизне-радостного мероприятия. Обширный инфаркт, уже второй, объяснили Галине Аркадьевне врачи. Сердце было настолько изношенным, что казалось, принадлежало человеку раза в два старше Василия Ивановича.

В 48 лет Галина Аркадьевна опять осталась вдовой. Зинаида уже год, как вышла замуж. Отношения с дочерью у Галины Аркадьевны были прохладные. В пятнадцать лет Зинка вдруг из тихой и покорной серой мышки превратилась в упрямую, целеустремленную и вполне себе милостивую девицу. Окончив кое-как восемь классов, наперекор матери, не пошла в девятый, а поступила в профессионально-техническое училище в соседнем городке, хотя таких ПТУ и в Ставрополе хватало. Жила в общежитии. К очередному удивлению Галины Аркадьевны училась там дочь хорошо и даже получала стипендию. Окончив училище по специальности «Повар, кондитер», получила распределение в столовую птицефабрики. Будучи свидетельницей на свадьбе у Надь-

киной дочки Ирины, познакомилась с Валеркой, свидетелем со стороны жениха. В армию Зинаида его провожала и верно ждала, находясь в статусе невесты. Через два года, когда из армии вернулся бравый сержант Валерий Шаповалов, молодые решили пожениться, но тут в пьяной драке убили Валеркиного отца, запойного алкоголика, но от этого не легче. Несмотря на общесемейное нежелание даже хоронить дорогого папу, который всем им (матери, сестре, самому Валерке) изрядно потрепал нервы, пропивая все, что не успевали от него спрятать, и при каждом удобном случае колотя жену и детей, свадьбу решено было отложить. Через десять месяцев после смерти отца, когда Зинаида с Валерием опять с надеждой поглядывали в сторону городского ЗАГСа, от цирроза печени скоропостижно умерла абсолютная трезвенница, любимая мама Валеры. Всю жизнь, неустанно боровшаяся с пьянством мужа, Ульяна Дмитриевна, как говорили врачи, на нервной почве «съела» в этой безрезультатной и совершенно напрасной войне собственную печенку, заработав цирроз. Любимого сына перед смертью попросила о двух вещах: присматривать за Раисой, сестрой Валерия, у которой вполне определенно начинала просматриваться та же алкогольная проблема, которая в силу молодости и относительно крепкого здоровья имела пока форму некоторой удали, бесшабашности и нескучного времяпрепровождения. И второе, о чем попросила сына Ульяна Дмитриевна: чтобы на её поминках и духа спиртного не было. «Этой гадости, которая

убила сначала все хорошее, что было в вашем отце, затем его самого, а теперь убивает меня», – повторяла мама Валерке. Так и сделали. Только насчет Райки, Валерию казалось, что мать ошибается. Ну не похожа аппетитная, как ванильная булочка, добрая хохотушка сестра с ямочками на щечках на их отца: тощего, злобного выродка, просыпавшегося и засыпавшего с одной-единственной мыслью: «Надо выпить!»

Свадьбу опять отложили. Галина Аркадьевна, в последние годы увлекающаяся эзотерикой твердила Зинке, что это неспроста, что это знак, предупреждение, которое нельзя игнорировать. Зинаида сравнила мать с темной шаманкой из Северной Африки, а её эзотерические изыскания назвала мракобесием. В тот день они сильно поссорились. Мать и дочь встретились только на свадьбе Зины и Валерия, почти через год. Да и то, пошла туда Галина Аркадьевна, по настоянию Василия Ивановича. Она так и не смогла принять зятя. Выбор дочери казался ей каким-то недоразумением, ошибкой, которую ещё не поздно исправить. Даже его абсолютная и постоянная трезвость казалась ей какой-то подозрительной и фальшивой показухой. На свадьбе она сидела, как на троне: надменная, холодная, замкнутая.

Но с приближением первой годовщины со дня смерти Василия Ивановича, оставшаяся одна в квартире Галина Аркадьевна окончательно загрустила. Больше всего одиночество, как это обычно и бывает, заявляло о себе в выходные и праздники. Оно вваливалось бесцеремонно, прокручивая

в голове Галины Аркадьевны один и тот же навязчивый и тоскливый мотив: ты никому не нужна, ты осталась совершенно одна, одна... Галина Аркадьевна родом была из глухого украинского села, где была только начальная школа. Семилетку окончила уже в городе, живя у тетки, многодетной, горластой, прокуренной большевички и её мужа-инвалида, потерявшего на войне обе ноги. Глядя на жизнь этих людей, в огромной, кричащей, дымящей, пьющей, дерущейся коммунальной квартире, где семья её тетки, состоящая из шести человек, ютилась в двух смежных комнатках, а по закопченной общей кухне сновали тысячной ордой рыжие тараканы, юная Галина поклялась, что никогда не будет жить так, как они. Сделает, что угодно, но у неё будет светлая, чистая квартира с занавесочками в цветочек и геранью на окнах, с белыми простынями и воскресными пирогами. Окончив семилетку, по совету тетки пошла на химзавод, так как там предоставляли жильё. Выйдя замуж за Василия Ивановича, нигде не работала, он не хотел, да в этом и не было необходимости, у мужа зарплата и пенсия, она получала за Евгения – денег хватало. После смерти второго супруга, видя её потерянность под влиянием утраты и желая помочь вдове хорошего человека и отличного работника, директор школы, в которой много лет проработал Василий Иванович, предложил ей должность школьного лаборанта.

– Работа не сложная, колбы, пробирки помыть, для занятий реактивы приготовить, цветы полить, – говорил он Га-

лине Аркадьевне, – Но главное, вы в коллективе, вы не одна, а дети – такой народ чудесный, вот увидите! И Галина Аркадьевна устроилась в школу, и хоть в коллективе приняли её довольно настороженно и прохладно, работа ей определенно нравилась. Скучную и захлавленную лаборантскую кабинета химии, она вскоре превратила в уютный и зеленый островок, с множеством растений, с зоной отдыха и новыми занавесками на окнах. Здесь также, как и у неё дома царил порядок и чистота.

Выйдя однажды с работы прохладным ноябрьским днем, Галина Аркадьевна остро почувствовала, что не хочет идти домой, и приняла молниеносное решение навестить дочь. Зинаида и Валерий жили в полчасе езды от Ставрополя, в Валеркином старом доме, доставшемся им с сестрой от родителей. Тут же, в маленькой пристройке жила двадцатилетняя Раиса. Галина Аркадьевна приехала к вечеру, но, ни Валерия, ни Зинаиды дома не было. На стук, нетвердой походкой вышла Райка, у которой были гости, но она не смогла толком объяснить, где Зинаида и/или Валера. Взглянув на часы, Галина Аркадьевна подумала, что дочь может быть ещё на работе. Остаться в доме с Райкой и её веселыми друзьями не было никакого желания. Она села в автобус и проехала три остановки до фабрики, чтобы встретить дочку на проходной. Простояв там больше часа и не дождавшись Зинаиды, Галина Аркадьевна смотрела на стеклянные двери, из которых уже редко кто-то выходил и размышляла, что

ей теперь делать. Уже темнело, надо было ехать опять к дому, где жила дочь с неприятным зятем или отправляться на автостанцию, чтобы успеть вернуться в Ставрополь. А если дочери все ещё нет дома? Где её искать и где ночевать ей в таком случае, ведь на автобус до своего города она тогда не успеет? Задумавшись, Галина Аркадьевна не сразу заметила крупного, средних лет мужчину, в отличной замшевой куртке, который направлялся прямо к ней.

– Добрый вечер. Вы кого-то ждете? – спросил он. У незнакомца оказался участливый голос, открытый взгляд и приятные черты лица, которые, быть может, слегка утяжелял массивный подбородок, но этот недостаток вполне компенсировался легким, но устойчивым загаром, который чрезвычайно шел к его белозубой, мягкой улыбке и был особенно удивителен в преддверии зимы. Галина Аркадьевна рассказала о том, что хотела проведать дочь, но дома её нет, на работе, судя по всему тоже. Женщина опять мельком глянула на часы: – Просто не знаю, что делать, да и волнуюсь уже. Зина моя домоседка, да и муж еётакой же. Не случилось бы чего... Она посмотрела на собеседника, он внимательно слушал, потом коротко спросил фамилию Зины и велел Галине Аркадьевне подождать несколько минут. Глядя, как незнакомец скрывается за дверями проходной, она вдруг совершенно успокоилась и присела на лавочку. Откуда-то пришла уверенность, что теперь все будет хорошо. Ей не о чем беспокоиться. Она в надежных руках. Галина Аркадьевна до-

стала зеркальце и, ловя свое отражение в наступающих сумерках, поправила, как могла прическу и макияж. Через двадцать минут она узнала, что её дочь Зинаида лежит в больнице на сохранении уже две недели. Что на работу в ближайшее время она, скорей всего, не выйдет, так как ей очень скоро в декрет. Что незнакомца зовут Николай Петрович, он вдовец, имеет взрослого сына и давно работает на этой фабрике. Ещё Галине Аркадьевне стало известно, что Николаю Петровичу тоже нужно ехать в Ставрополь, и потому он с большим удовольствием подвезет такую милую женщину до места её проживания на своей личной «Волге». У Галины Аркадьевны путались мысли, и немного кружилась голова. Сразу столько всего... Зинка беременная! Уже почти перестала надеяться... Два года живут, и вот наконец-то! Она скоро станет бабушкой... Вот и зять хоть на что-то путное сгодился... Какой приятный человек этот Николай Петрович... Галина Аркадьевна рассказывала ему о своей жизни, почему-то этот человек вызывал какое-то безусловное доверие, ему хотелось излить душу, с ним хотелось говорить обо всем на свете. В самых лучших чувствах расстались они возле дома Галины Аркадьевны, обменялись телефонами и договорились о встрече. Утром следующего дня, помолодевшая и жизнерадостная Галина Аркадьевна купила на рынке свежих фруктов и поехала к дочери в больницу. Увидев похорошевшую, нарядную мать, Зина растерялась и обрадовалась. Примирение было максимально быстрым и, к удивлению обеих,

искренним и бурным. Галина Аркадьевна обнимала Зину, много шутила, говорила о том, как она рада, строила планы семейного времяпрепровождения на даче, которую надо будет обязательно приобрести, ведь ребенку нужен свежий воздух. Зинаида, глядя на благоухающую, яркую мать, не узнавала её, столько в ней было молодой сокрушительной энергии и напора. Рядом с ней Зина стеснялась своего жиденького хвостика, отекавших ног и тесного халатика, уже не сходящегося на животе. По-своему истолковав её смущение, Галина Аркадьевна взяла Зинины тонкие пальчики в свои большие и теплые ладони, ис заметным волнением, торжественно произнесла:

– Все будет хорошо, доченька, вот увидишь! Отлично знакомое ей чувство восторженного душевного подъема и бурная жажда деятельности медленно, но неуклонно заполняли всю её без остатка, отменяя прочь неуверенность, преграды и сомнения, встающие на пути её преобразований и обновления.

Жизнь Галины Аркадьевны сделала еще один романтический вираж и заиграла новыми красками. 20 ноября 1970 года она познакомилась с Николаем Петровичем, 20 декабря 1970 года они подали заявление в ЗАГС, 20 января 1971 года состоялась немногочисленная, но знатная свадьба на чудесной даче Николая Петровича, имеющей собственную акваторию, а 13 января 1971 года родилась её внучка. Когда Зинаиду с дочкой привезли из роддома, малышка долго не

открывала глаза, то ли спала, то ли просто не считала нужным. Она морщила розовое личико, иногда посапывала крохотным носиком, но упорно не желала использовать органы зрения. Собравшиеся в честь новорожденной близкие родственники, потоптавшись возле малютки, вернулись к столу. Когда через какое-то время, Галина Аркадьевна решила взглянуть на ребенка, то не поверила собственным глазам. В кроватке лежала туго спеленатая малышка, глядя на неё серьезно и абсолютно осознанно большими серыми глазами, с темной окантовкой.

– Да это жеБоже мой, – прошептала Галина Аркадьевна, – ...Женечка! Практически единогласно было решено назвать девчущку Евгенией, так как восприняли это узнавание и это сходство, как добрый знак.Против был только зять Валерий, который тихо, но упорно настаивал на имени Оксана. Но всерьез его сопротивление никто не воспринял, поскольку даже любящая жена посчитала это всего-навсего капризом, актом необдуманного протеста,направленного в адрес тёщи. Новоиспеченная бабушка с умилением гладила длинный русый хвост малышки, приговаривая: «Счастливая будет! Вон коса-то у девки – загляденье!»

Женька росла милой, смышленной и непоседливой. Галина Аркадьевна любила её какой-то особенной, отдельной любовью, не имеющей ничего общего с её обожанием Николая Петровича, например. Или к тому, что она чувствовала к Зине, когда та была ребенком. Вообще, она очень изменилась.

Изменилась внешне и внутренне. Черты лица стали мягче, походка утратила резкость и порывистость, а взгляд – холод. Глаза её, как будто подсвечивались изнутри. Третье замужество и появление в семье маленькой девочки с глазами её первой, самой чистой и самой сильной любви подействовало на неё, как живительная влага для засыхающего растения. Так случилось, что пик её женственности и привлекательности случился не в восемнадцать и не в двадцать пять, а на шестом десятке её жизни. И подсознательно чувствуя, что такое, почти осязаемое счастье не может продолжаться очень долго, она пыталась насладиться им сполна. Первого мужа Галина Аркадьевна очень любила, но эгоистичной, своекорыстной любовью, как бы исключительно для себя. Здесь было много чего: и страсти, и ревности, и шумного выяснения отношений, и бурного примирения, и ультимативных требований, и клятвенных заверений в вечной любви, и демонстративных уходов, но не было взаимного уважения, не было внутренней, личностной свободы, они оба увязли и задохнулись в этом браке. Вторым мужем, был обыкновенен и предсказуем до нагоняющей тоску зевоты. Галина Аркадьевна всегда могла сказать с поражающей несведущих людей точностью, где Василий Иванович в данный конкретный промежуток времени и чем он занят. Но после бурной и драматической любви первого брака, оборвавшегося трагической кончиной Евгения, её продолжительное время устраивала эта тихая, спокойная, умиротворенная бухта имени Василия Ивановича.

ча Огородничего. Что касается третьего мужа, Николая, то здесь Галина Аркадьевна из ведущей легко и непринужденно стала вдовой. Причем совершенно добровольно, сразу и с удовольствием. Она боготворила своего нынешнего супруга. Николай Петрович до той самой встречи с Галиной Аркадьевной уже одиннадцать лет вдовствовал: его жена и семилетняя дочка возвращаясь с детского праздника, разбились на машине. Такси, в котором они ехали, на полном ходу затянуло под груженный самосвал. Это все, что Галине Аркадьевне очень сдержанно и только однажды рассказал Николай Петрович. Она вовремя поняла, что настаивать на подробностях не стоит. Сам он в это время был в командировке в Белгородской области, а его сын в пионерском лагере. Сейчас двадцатичетырехлетний Юрий жил в Москве, учился в аспирантуре и работал на кафедре теоретической физики МГУ. Родной сын для отца являлся тайной за семью печатями. Николай Петрович, который мог расположить к себе кого угодно, найти выход в самой запутанной ситуации, умело переводить нарастающую ссору в конструктивный диалог, — не мог подобрать нужных слов в разговоре с сыном. То ли смерть матери и сестры так отразилась на мальчике, то ли от природы Юра был замкнутым, неэмоциональным человеком, живущим не в реальном, а в своём физико-математическом мире, но общих тем у отца с сыном, год от года становилось все меньше.

В последние несколько лет с легкой руки друзей, коллег и

некоторых родственников, Николай Петрович уже числился закоренелым холостяком. Утомившись от многочисленных безуспешных попыток женить или хотя бы ближе познакомиться (ну хороший же мужик!) со своей подругой, сестрой, золовкой (вот такая баба!) его оставили в покое. Да и сам он не ожидал такого поворота. Но заметив однажды, на территории фабрики высокую женщину с медными волосами, которая смотрела вдаль так, как будто находилась совсем не здесь и видела совсем не то, что все остальные, что в нем изменилось. Её светло-голубые глаза, остановившись в какой-то точке, были невыразимо грустны и прекрасны. Николаю Петровичу захотелось сделать для этой женщины что-нибудь очень хорошее. Он хотел, чтобы она улыбнулась, а потом ещё раз, и ещё, и только ему. Почему-то это казалось очень важным.

Теперь, разбирая садовый инвентарь и поглядывая на Галину и Женечку, громко читающую по слогам, он понял, что это действительно важно. Только это и важно. Это то, чего ему не хватало так много лет. То, что так его терзало и мучило, наконец, отпустило. Вот оно, родное, ему казалось, что уже почти забытое, то чего ждала все эти годы измученная чувством вины душа и израненное горем сердце. Его жена, любящая, понимающая маленькая девочка, в освещаемой солнцем беседке... Когда-то это было у него безжалостно и чудовищно отобрано, больше он этого не допустит. Николай Петрович поднял голову и посмотрел в сторону беседки. Га-

лина Аркадьевна улыбаясь, смотрела на него. Шесть лет семейной жизни пролетели, как шесть дней. «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»

Николаю Петровичу никто не давал его шестьдесят лет. Выше среднего роста, широкоплечий, крепкий и сбитый, как гриб боровик, он чувствовал себя и выглядел прекрасно.

– Галя, хватит терзать девчонку, нам кто-то обещал вишневый пирог, – направляясь к беседке, он на ходу подхватил на руки облегченно и радостно взвизгнувшую Женьку.

– Давно на столе, – Галина Аркадьевна смотрела на бегущую к дому Женьку, – Николай, ей в школу в сентябре, нужно заниматься, ты слишком её балуешь, вчера зоопарк, сегодня полдня рыбалка, Зине рожать через месяц, ей не до неё.

– Все успеем, Галюнь, и в школу поступим, и родим, кого надо в срок, идем лучше чай пить – Николай Петрович обнял жену и пока они направлялись к веранде, где уже хозяйничала Женька, расставляя чашки, шумно тянул носом, стараясь уловить дух знаменитого вишневого пирога. Душевный комфорт и стабильность удивительно к лицу зрелой женщине. Галина Аркадьевна в пятьдесят пять, выглядела лучше, чем в тридцать. Именно с этоговозраста шестилетняя Женя уже очень хорошо её помнила. Тогда бабушка на даче учила её читать, а дедушка Коля ловить рыбу. Женька была совершенно не похожа ни на мать, ни на отца. Бойкая, ловкая, жизнерадостная, загоревшая и подстриженная на лето «под мальчика», она и своим поведением напоминала маль-

чишку-сорванца. Бьющая через край энергия, жажда новизны и активности исключали самую мысль о покое и тишине. Николай Петрович такую кипучую Женькину деятельность одобрял и даже поощрял, давно в этом доме не было так по-хорошему шумно и весело, а Галина Аркадьевна немного переживала за внучкины хронически не заживающие коленки и локти, и вообще «она же девочка». Но в глубине души, радовалась, глядя на умненького, ладного и такого живого ребенка. Женька часто вспоминала это дачное лето 1977 года, большой светлый дом, в котором пахло нагретой сосной и лесными травами, деревянные ступеньки идут от солнечной веранды с множеством окон и сбегают прямо к озеру... Дед Коля – сильный, загорелый, рубит дрова, значит сегодня – баня. Женьке очень нравится банный дух, она вдыхает его еще на пороге и не может надышаться. Дед ласково смотрит на неё и улыбается. Вокруг глаз разбегаются веселые лучики-морщинки. Женя слышит голос бабГали, она идет купаться и зовет её с собой. Поскольку Женька живет под девизом «Зачем идти, если можно бежать!?!», она несется к озеру, опережая бабушку, которая медленно спускается с наброшенным на плечо полотенцем, в длинном голубом сарафане, который очень идет ей.... Чудесное было лето... Вишнево – абрикосово – малиновое, солнечно-загорелое и лазурно-небесное – последнее дошкольное Женькино лето. Последнее лето, когда она была единственным ребенком в семье, последнее лето, когда дедушка Коля был здоровым,

бодрым и сильным.

17 августа 1977 года родился брат Женьки – Ярослав. А 1 июня 1978 года Николай Петрович поехал в аэропорт, встречать сына с невесткой и на обратном пути попал в небольшую аварию. Никто не пострадал, но с Николаем Петровичем, перенесшим тяжелейший стресс по этой причине, ночью случился инсульт. Галина Аркадьевна, как когда-то давно, снова переехала с мужем в больницу. Через месяц, когда его выписали, Зинаида, встречающая у больницы, не сразу узнала в худом, шаркающем старике с палочкой – Николая Петровича. Мать держалась, но тоже очень сдала. Она держала свою руку так, чтобы ему было удобно опираться свободной от палки рукой. Так они и шли скорбными, неторопливыми шагами к ожидавшему их такси, чтобы ехать на дачу. Зинаида, проглотила комок и открыла заднюю дверь:

– Где Женечка? – вместо приветствия спросила мать у дочери, – Она ведь у нас будет?

– Нет, она потом... может, вам и так трудно будет..., – Зинаида помолчала, – Мама, я думаю, вам удобнее было бы в квартире, и к нам ближе, а дача – 50 километров, ни телефона, ни медпункта, вдруг что...

– Что!?! – перебила её Галина Аркадьевна, – Ещё один инсульт? Или инфаркт? – взглянув на испуганную дочь, смягчилась, – Не переживай. Надежда с Костиком приезжают через неделю на все лето, мы не одни будем с Колей, а ему дача нужна его, он погибнет в квартире, зачахнет совсем, а Же-

нечку привези, каникулы ведь, пусть у нас побудет, Коля так любит её.

Зина, молча, кивнула. Спорить с матерью было напрасной тратой сил, нервов и времени. И начался ещё один этап в жизни Галины Аркадьевны. Николай Петрович плохо ходил и говорил, с трудом глотал, не всегда распознавал позывы к мочеиспусканию, сидел большую часть дня на веранде, слушал радио, но в основном, дремал, пока жена не поднимала его на прогулку или массаж. Галина Аркадьевна вышла на пенсию, жили они теперь все время на даче. В квартиру Николая Петровича переехал, вернувшийся из Москвы, его сын с женой и ребенком. Через год ситуация со здоровьем Николая Петровича если и не улучшилась кардинально, то, по меньшей мере, стабилизировалась. А по отдельным направлениям весьма четко просматривалась и положительная динамика. За этот год, благодаря Галине Аркадьевне, Николай Петрович заново прошел обучение навыкам самообслуживания. Его жена каждое утро поднимала мужа на зарядку, растирала влажным полотенцем, нашла и оплатила хорошего логопеда и массажиста. Каждые два месяца возила на сеансы магнитотерапии, заваривала травы, доставала по благу мумиё. С мая до первых чисел октября, вместе с ним выполняла комплекс упражнений в воде, которому её обучила ещё в больнице улыбчивая и равнодушная медсестра, занимающаяся с пациентами лечебной физкультурой. Николай Петрович довольно хорошо стал говорить, двигался хоть и мед-

ленно, но, за редким исключением, самостоятельно. Конечно, он уже никогда не стал прежним, – сильным, волевым, харизматичным. Он старался уединиться, зная о своих речевых недостатках, от разговоров уклонялся. Часто трудно было понять какое впечатление производит на него то или иное событие, он как будто отстранялся постепенно... Но, тем не менее, после тяжелейшего ишемического инсульта, он прожил ещё пять лет, будучи опрятным, подтянутым и достаточно здравомыслящим пожилым человеком, который с тихой улыбкой встречал наезжающих к нему по старой памяти друзей, занимался с внуками, и даже увлекся в последнее время столярным делом. В мастерской, в которую он превратил бывший сарай, практически все было изготовлено его руками: полки, верстаки, удобный рабочий табурет. Тут все было пропитано крепким смоляным духом, это было маленькое деревянное царство. Здесь и нашла его без сознания ноябрьским погожим днем Галина Аркадьевна. Он привалился к левой стене, а справа лежала на боку недоделанная им скамеечка. Подарок для неё. Она знала, что он готовит какой-то сюрприз к её дню рождения, так как он пытался неловко маскировать свое творение, накрывая его тряпкой, всякий раз, когда она входила в мастерскую. Больше он уже не вставал. Через два месяца, 20 января 1983 года миновала двенадцатая годовщина со дня заключения брака Николая Петровича и Галины Аркадьевны. А через три дня он умер. Все расходы по организации похорон взяло на себя руководство птице-

фабрики, на которой 24 года проработал Николай Петрович.

Девятый и сороковой день устраивали на любимой даче Николая Петровича. На сороковинах, уже поздно вечером, к ней подошла невестка, жена Юрия, Инга и скорбным шепотом сообщила, что дачу надо освободить.

– В каком смысле освободить? – не поняла Галина Аркадьевна, – От кого?

– Мы сдаем дачу в апреле, понимаете, Юрий заканчивает докторскую, скоро защита, нужны деньги, – Инга вздохнула и пожалала грациозными плечиками, обтянутыми черным атласом, – Вы не подумайте, мы знаем, сколько вы сделали для Юриного папы, но у вас есть прекрасная квартира, а нам сложно, ведь Юра такой не практичный, а тут предложили сдать дачу на несколько месяцев и деньги хорошие....

– Я ничего не делала «для Юриного папы», – ледяным тоном ответила ей Галина Аркадьевна, – все, что я делала, я делала для своего мужа и не считаю это чем-то выдающимся, – Галина Аркадьевна с высоты своего роста и комплекции, глянула на хрупкую, невысокую Ингу, – Так ведёт себя любая нормальная женщина, если она уважает и любит своего мужа, – Галина Аркадьевна выдержала паузу, снова пристально смерив растерянную невестку взглядом, в котором читалось откровенное сомнение, что Инга на её месте поступила бы также и добавила:

– «Я *освобожу* дачу к понедельнику. Если бы дело было только во мне, я съехала бы немедленно, но здесь моя подру-

га с больным внуком, а им нужно время, чтобы собраться, – считая разговор оконченным, Галина Аркадьевна направилась на кухню, где верная Надя мыла посуду, а её внук – солнечный мальчик Костик, настолько насколько позволял его диагноз «синдром Дауна», как всегда, старательно ей помогал.

3

– Все равно не понимаю, почему именно в медицинский?! – ни к кому напрямую не обращаясь, тихо повторила Зинаида, – Трупы, инфекция, вонь...

– Да ты что заладила: почему, почему!? Радоваться надо – в семье свой врач будет, – Галина Аркадьевна в сердцах встала, – Что тебе не нравится-то опять!? Чего ты все грызешь её!? Девчонка с одной четверкой школу окончила, с лёту в мединститут поступила, а... тебе все равно не угодишь – Галина Аркадьевна махнула рукой.

– Мы с Валерой думали, чтоб в педагогический, учительницей. У неё бы получилось, она с детства с малышами хорошо управлялась, – Зинаида тоскливо посмотрела на мужа, ожидая поддержки. Но Валерий демонстративно уставился в телевизор.

– Они с Валерой думали! Очень интересно, чем именно, хотелось бы мне знать.... Неизвестно, как закончилась бы эта увлекательная беседа, если бы не звук открывающейся входной двери. Галина Аркадьевна зыркнула грозно на дочь и поспешила в прихожую встречать Женьку.

Собрались узким кругом в честь недавно зачисленной на 1 курс медицинского университета Евгении Шаповаловой. Но настроение у бабушки и матери было заметно подпорчено, обе взглядами старательно избегали друг друга, – Опять

поцапались! – пронеслось у Женьки в голове. В кресле перед телевизором сидел хмурый отец, не повернувший даже головы в сторону вошедшей дочери. Через час Галина Аркадьевна засобиралась домой, внучка пошла её провожать на остановку. Зинаида глянула в окно, как они шли: дочь, активно жестикулируя, что-то радостно на ходу рассказывала, мать внимательно слушала, с улыбкой кивая. Зину накрыло горячей волной хорошо знакомое ей смешанное чувство обиды, горечи и вечного её спутника с детства, постепенно нарастающего глухого раздражения на мать.

– Господи, можно подумать, что я завидую, это отвратительно, – подумала она.

– Вот именно. Завидуешь и ревнуешь свою мать к дочери! – тут же пронеслось в голове, – Ну почему она так всегда, как будто меня нет, как будто я дура набитая, – Зинаида готова была расплакаться, – Со мной она никогда не была такой веселой и никогда меня так не слушала. Зина смотрела в одну точку, глубоко задумавшись. Зловредная память услужливо выдавала ей одну за другой картинки из детства и юности: как-то в седьмом классе она собиралась на день рождения подружки и одноклассницы Машки Данилец и долго трудилась над прической. Когда она вышла из комнаты, мать в присутствии Василия Ивановича громко рассмеялась: «Что это за Эйфелева башня, немедленно приведи себя в порядок, Бриджит Бардо недоделанная!». А ещё раньше, лет в двенадцать, Ольга Ефимовна, классная руководителни-

ца и учительница русского языка и литературы, похвалила её за выразительную декламацию стихотворения Н. Некрасова и посоветовала записаться в школьный театральный кружок. Когда Зинка вечером, смущенно улыбаясь, рассказала об этом матери, она только хмыкнула: «Да что ты, какой тебе театральный... Это для таких, как ваша Карина Абазова, ярких, красивых, голосистых...». Зинаида вспоминала, как из кожи вон лезла, чтобы заслужить похвалу матери. Этого крайне редко удавалось достичь, да и то необходимо было прилагать титанические усилия. У матери был такой удивленный вид, если у неё что-то хорошо получалось, как будто в её картине мира произошел чудовищный сбой и совершенно неизвестно к чему это может привести. Зато когда дочь очередной раз оказывалась не на высоте, мать поджимала губы, горестно кивая головой, с видом человека, которого хамским образом надули, подсунув вместо идеального ребенка, получить которого у неё были все основания – жалкую троечницу Зинку. Потом она молча удалялась всем своим видом демонстрируя смирение, жертвенность и следующий посыл: «Нет, я не жалуясь, просто, честно говоря, непонятно, как *такое* вообще могло произойти *со мной!*?» Отец умер, когда ей было одиннадцать, как Ярику сейчас. Она его не очень хорошо помнила, он пролетел каким-то веселым, шумным, ярким метеором и исчез навсегда. Но и то, что она запомнила, не оставило глубокого следа: как и все остальное в своей недолгой жизни, отец не воспринимал и её всерьез, – шутов-

ство и насмешливость его общения скрывались под маской простоты и искренности.

На каком-то этапе своего взросления Зина просто устала. Устала добиваться похвалы, устала доказывать свою значимость, устала от регулярно демонстрируемых фактах её незначительности и бесталанности, а больше всего устала от своих тщетных попыток доказать обратное. Зина приняла решение уехать от матери, и чем скорее, тем лучше. Она, как ей казалось, совсем перестала мучиться по поводу того, что скажет ей Галина Аркадьевна. И эта интуитивно применяемая Зинкой незнакомая ей тактика оказалась самой верной. Только отделившись от матери, Зина свободно вздохнула и шагнула в новую жизнь легко и смело. Никому не нужно было ничего доказывать, никто её ни с кем не сравнивал, ни у кого не нужно было выпрашивать похвалу, можно было оставаться самой собой, не тянуться из всех сил за недостижимым идеалом, и не казаться тем, кем ты, на самом деле, не являешься. По прошествии некоторого времени, оказалось, что Зина не такая уж и серая мышка. Девушка была неплохо сложена, являлась обладательницей безупречно-матовой кожи и светло-голубых глаз. Имея от природы красивую форму ног, умело подчеркивала это мини. Она сделала модную стрижку и умудрялась на крошечную стипендию выкраивать себе наряды. Оказалось, что у неё хороший вкус. Она прекрасно разбиралась в том, что идет, а что нет. Девчонки в общезнании часто обращались к ней за советом. К тому же,

материнская школа не прошла даром: у Зинки было редкостное трудолюбие и настойчивость. Кроме того, она умела слушать, и была отличным другом. Все эти качества, за которые Зинаиду Евгеньевну будут уважать, и ценить в течение всей её жизни, не появились вдруг, они присутствовали в ней изначально, но находились в зачаточном, угнетенном состоянии. Уверенность в её приземленности матери и насмешливо-поверхностное отношение отца привели к тому, что Зинаида и сама была весьма невысокого мнения о своей персоне. И только покинув родительский дом, с единственной мыслью: «Навсегда!», она стала знакомиться с собой, окружающим миром и своим местом в нем. И неожиданно сама себе понравилась. Позже она увидит закономерность: это работает только до тех пор, пока рядом нет матери. Как только на авансцене проявлялась Галина Аркадьевна и в очередной раз на слова дочери готова была махнуть рукой, не удостоивая её объяснением или произнести свое коронное: «Не мели ерунды, Зинаида!», как она опять становилась ни на что не способной, маленькой, невзрачной девочкой.

Знакомство с Валерием совпало с расцветом её женственности, который, к сожалению, был совсем непродолжительным, и довольно скоро трансформировался в устойчивый образ женщины-матери. Зина с Валерой были очень похожи. Он, как и она, был робким, тихим, немногословным, и также, как Зинка мечтал скорее покинуть родительский дом. Конечно, на подрастающем мальчишке не могло не сказать-

ся разрушающее влияние отца-алкоголика. Становление его личности происходило в атмосфере лютой ненависти к отцу, постоянного страха, обиды и боли за мать, жалости к маленькой сестренке. В итоге, к моменту знакомства со своей будущей женой, мировоззрение его сформировано было с довольно большими перекосами. Валерий фанатично пропагандировал здоровый образ жизни, это была одна из весьма немногих любимейших тем, на которые он мог говорить часами. Валерий Михайлович, имея от природы весьма некрепкое здоровье, разработал ещё в юношеские годы целую программу оздоровления собственного организма, чем весьма активно и занимался всю жизнь, вовлекая в этот процесс в добровольно-принудительном порядке и своих домочадцев. Любой человек, который не разделял безоговорочно его взглядов, или не дай Бог, имел вредные привычки, к коим Валерий Михайлович спокойно мог отнести и второй бокал вина за праздничным столом, элементарно переставал для него существовать. Своеобразным, и очень четким, было у него отношение и к женщинам. Он разделял их на две неравномерные группы: в первой были его мать, и отчасти, жена, в другой – все остальные. И если в молодости, такие недостатки, как ревность, обидчивость, злопамятность, скупость носили слегка акцентуированную форму, то с возрастом они же превратились в тяжелые комплексы. Но Зина ничего этого знать не могла, а если бы и могла, то вряд ли захотела. Она увидела высокого и симпатичного парня, с милой,

скромной улыбкой, с которым она познакомилась на Иркиной свадьбе, и уже во время второго танца знала, что он станет её мужем. Так иногда бывает. Открывается внутреннее зрение и совершенно четко приходит осознание того, что это твой человек. Он не лучше, и не хуже других, и неизвестно будешь ли ты с ним счастлива, но он твой. Предназначенный. И сделать с этим ничего нельзя, да и не стоит. Все это пронеслось у Зинки в голове, она осознала это, приняла и совершенно успокоилась. Любовь мягко опустилась на Зинаиду и попала на благодатную почву: она засветилась глазами, и едва ли не впервые в жизни почувствовала себя уверенной, желанной и единственной. Валерке тоже понравилась миловидная и скромная подружка невесты на свадьбе его однокурсника. Они сидели рядом за столом и смотрели на танцующие пары. Валерка ужасно конфузился, не знал что сказать, от этого чувствовал себя еще хуже, и вдруг Зина сама повернулась к нему и тихо спросила: «Может, потанцуем?» Все основательно и конкретно стало двигаться в сторону заключения брака, когда мама Валеркина после знакомства, одобрила выбор сына: «Женись, сынок. Правильная девушка».

Ульяна Дмитриевна уже тогда плохо себя чувствовала и стремилась передать своих детей в любящее и заботливое окружение, которое по её мнению, способна была дать только семья.

Когда родилась Женька, молодой отец не мог скрыть легкого разочарования. Он был уверен, что как и у него в семье,

первым родится сын, его копия. Но родилась дочь, причем совершенно на него не похожая, вся в какого-то неведомого первого мужа ненавистной ему тещи.

Он ни за что не согласился бы ещё и назвать свою дочь в честь этого человека, но Галина Аркадьевна, произнося тост за новорожденную Евгению и счастливо улыбаясь, добавила: «Ну, зять, сдавай на права, – хватит пешком ходить!» Валерий Михайлович не без оснований считал себя принципиальным человеком с обостренным чувством собственного достоинства: но тут сердце его дрогнуло: ГАЗ – 24, давно вынашиваемая и лелеемая им голубая мечта – «Волга»! Он уже давно посчитал, что самим копить на эту машину, причем находясь в режиме жесткой экономии (ну, это он умел), придется лет шесть или семь. Стоять в очереди примерно столько же. Да и то не факт, что ему достанется талон на такой остродефицитный товар, не такую он занимал должность в своей типографии. Кроме того, в этом отношении у Валеры тоже был, что называется «пунктик». Он видел себя за рулем только «Волги». А это больше восьми тысяч!!! Сослуживцы крутили пальцем у виска: да какая разница, лишь бы машина была. Валерий презрительно кривил рот: что вы понимаете, мне нужна только «Волга»... И вдруг! Валерий не верил своим ушам: оказывается, имеющий обширные товарищеские и деловые связи Николай Петрович, который и сам уже много лет ездил на белой «Волге», вскоре отправлялся в Грузию, и там с помощью своего бывшего сослуживца и хорошего при-

ателя намеревался приобрести автомобиль вожаделенной зятем марки. Валерий не стал вдаваться в тонкости коммерческих хитросплетений, которые, безусловно, придется разрешать Николаю Петровичу, только встал и, задыхаясь от волнения, произнес:

– Я все до копейки верну, только не сразу, – Валерий обескуражено тряс широкую ладонь Николая Петровича, – Спасибо вам! И вам, – Валера повернулся к теще, – ...Галина Аркадьевна, ... спасибо! Когда Женьке было полгода, в семье появилась черная «Волга».

Женя росла практически беспроблемным ребенком. Зинаиду только утомляла и раздражала излишняя, так ей казалось, живость, почти безостановочная говорливость и неуёмная любознательность дочери. Девочка много времени проводила на даче с дедом и бабушкой. Зинаида в этом случае испытывала противоречивое двойственное чувство: недовольства и облегчения. С одной стороны, ей не нравилось, что Женька так стремится туда. С другой – было приятно, что дома чисто и тихо. Это очень ценил её муж. А то, что было важным для него, априори становилось важным и для неё. Тем более что она чувствовала себя виноватой в том, что не смогла подарить Валерию первенца мужского пола. Ярослав родился только через шесть лет, зато действительно являлся точной копией своего отца: те же тонкие черты лица, тот же рассеянный взгляд карих глаз. В роддоме Зина все время улыбалась и плакала одновременно. Ей говорили, что у неё

послеродовая депрессия. Но она знала, что это от избытка любовной неги. – От нежности, – объяснила Зинаида мужу уже находясь дома. Трудно было бы найти двух более непохожих детей, чем родные брат и сестра. Женька и Ярик были категорически, абсолютно разные. Если глядя на Женьку, Зинаида вообще сомневалась, – действительно ли она её родила, то в младшем сыне невооруженным глазом было видно органичное сочетание внешности отца и характера матери. Если Женька – это огонь, фонтанирующая энергия, харизматичность, жизнерадостность, – при своем росте – 165 см, (пожалуй, единственное, что она унаследовала от матери), она мгновенно заполняла собой любое пространство, в котором находилась, то её брат – тихая заводь, сосредоточенность и дисциплина. С раннего детства Ярик коллективным мероприятиям предпочитал спокойные игры в одиночестве. В детском саду до пяти лет вообще ни с кем не разговаривал, мог с одной и той же игрушкой молча просидеть весь день. Зинаиде, которая работала в этом же саду, с тех пор как Женьке исполнилось полтора года, советовали показать мальчишку специалистам, намекая на его психическое отклонение, но Зина отмахивалась: «Все нормально, я такая же была!» Женька время от времени тормозила брата, пытаясь увлечь то одним, то другим, мать кидалась на защиту:

– Отстань от него со своими глупостями! Женька возмущалась:

– Да он у вас спит на ходу, ему семь, а кажется, что семь-

десять!

– Не равняй всех по себе, – советовала мать, – он просто серьезный и уравновешенный...

Галина Аркадьевна к внуку относилась настороженно и часто не знала, как себя с ним вести. Зинка обижалась за сына и однажды упрекнула мать, когда та, отправляясь на дачу, приехала забрать Женьку.

– А Славика что ж больше не приглашаете? – спросила Зина, помогая собраться дочке.

– Ой, не знаю, дочь, ... ему не интересно там, что не предложишь, ничего не хочет, ну его совсем, ей-Богу, – со свойственной ей прямоотой и безапелляционностью ответствовала Галина Аркадьевна. Её дочь закусила губу, волна обиды и знакомой с детства горечи, усиленная в несколько раз, потому что сейчас это касалось её мальчика, такого славного, послушного и милого, накрыла её с головой. Чтобы скрыть охватившее волнение, Зинаида, опустив голову и не глядя на мать, лихорадочно складывала в Женькин рюкзак её шортики, трусики, книжку с рассказами Н. Носова, которую дочка сейчас читала, любимый сарафанчик с «крылышками», носки, куртку на случай дождя, что-то ещё, чего сама Зина уже толком не различала. Ладно, небось, не к чужим людям отправляется, разберутся, если что-то забыла... Закрыв за ними дверь, она вошла в детскую, где на ковре мастерил что-то из железного конструктора Ярослав. Зина присела рядом, с едва повернувшим к ней голову ребенком, – Ну весь в от-

ца, – умилилась Зина.

– Славик, Женя уехала с бабушкой на дачу, ну и пусть, а мы с тобой, в воскресенье пойдем в Дом пионеров, там детский спектакль будет «Аленький цветочек» – хочешь?

– Лучше в планетарий, а на дачу я не хочу, там комары и ночью страшно, дедушка Коля хрипит, и громко стучит палкой, а тебя нет...

– Ах, ты ж мой комарик золотой, дедушка не хотел тебя пугать, он просто болеет, – Зинаида обхватила сына за плечи, развернула к себе и поцеловала вмакушку. Она подумала, что уже на следующий год ему в школу, а он такой маленький, такой домашний и такой наивный. Зина всерьез думала перейти на работу в школьную столовую, чтобы быть поближе к Славику. У Ирины, её подруги были связи в горно, она ей обещала помочь. Валерий был категорически против, обвинял её в том, что она своей чрезмерной опекой и заботой портит мальчишку, превращает его в маменькиного сынка. Всегда считая главным и правильным мнение супруга, в этом вопросе, Зинаида была непреклонна. Что он понимает, думала Зина, Славик ребенок особенный, ранимый и впечатлительный. Как можно его одного, такого хрупкого, совать в школьную клоаку. Мужа интересует только его машина, его парники, где он выращивает экологически чистые огурцы и помидоры, а оставшееся время тщательно распределяет между работой, просмотром телепередач и чтением научно – популярных статей в журнале «Здоровье», «За ру-

лем» и самиздатовских многочисленных брошюр околеме-
дицинского направления.

Ярик пошел в первый класс, а Зинаида практически одно-
временно с ним приступила к работе в этой же школе. Учил-
ся он почти также хорошо, как и Женька, только достигали
этого они по-разному. Женьке все давалось легко, имея ве-
ликолепную память и развитое мышление, она на пригото-
вление уроков тратила минимум времени. Её брату же для
освоения того же материала нужно было в два раза больше
времени. То есть он добивался хороших результатов благо-
даря своей усидчивости и многократному повторению. Ро-
дители не могли нарадоваться на сына: тихий, спокойный,
аккуратный. Не надо повторять, как бывало Женьке, о до-
машнем задании пять раз. Наоборот, нужно было заставлять,
чтоб вышел, хоть немного погулял. Тогда как его сестру, на-
против, трудно было загнать домой. Вообще, в этой семье
тишина и порядок являлись синонимами понятия «счастли-
вая семья». Валерий Михайлович, с возрастом все больше
замыкался, уходил в себя, общение с домашними сводилось
к минимуму и касалось исключительно бытовых и финансо-
вых вопросов. Зинаиду раньше это расстраивало, беспоко-
ило, но затем она смирилась и даже стала находить в этом
плюсы: не пьёт, деньги зарабатывает, нервы не мотает, в её
дела не лезет. Конечно, и дом, и огород, и дети были на ней,
муж как-то очень быстро самоустранился. Но Зинаиде, не
боящейся никакого труда, так было даже легче. Справедли-

вности ради нужно сказать, что не без помощи своей жены, Валерий Михайлович, все больше отстранялся от участия в воспитании. К дочери он с самого её рождения чувствовал какую-то отчужденность, какую-то стену, которая год от года росла и мешала их сближению, но с сыном он был уверен, что все будет по-другому. Но здесь уже стеной между ними стала Зинаида. Когда Ярослав в четыре года заболел крупозным воспалением легких, Зинаида, чуть не лишившаяся рассудка во время его болезни, категорически запретила мужу даже приближаться к сыну с его закаливающей программой. Как ни старался, Валерий растолковать, что она оказывает Ярику медвежью услугу, запрещая гимнастику на свежем воздухе и водные процедуры, он не смог её переубедить. Затем эта история с внедрением супруги в школу (именно так он говорил об этом событии), а впоследствии бесконечные справки, – липовые и не очень, с освобождением сына от уроков физкультуры.

– Ты пойми, наконец, от чего ты его бесконечно освобождаешь, – непривычно повышая голос, шумел Валерий Михайлович, – от единственного урока, где ребенок может двигаться, бегать, прыгать, – он нервно шагал по комнате, – От *чего* ты его защищаешь?! От здоровья?!

Но Зинаида Евгеньевна была неумолима. Такого сопротивления от обычно робкой и покладистой жены, Валерий Михайлович не ожидал. И отступил...

В том смысле, – делайте вы что хотите, я вас предупре-

ждал и за последствия не отвечаю. Ярослав был действительно «мамин» сын. Отца он не понимал и побаивался, от сестры уставал и только с Зинаидой чувствовал себя комфортно, когда она была рядом, но не слишком близко и молча. Им втроем, – Ярославу и его родителям, несмотря на отсутствие близости, и душевной теплоты было весьма комфортно. Валерий Михайлович либо занимался вопросами обогащенного витаминами растениеводства в теоретической или прикладной его части, то есть непосредственно на огородном участке, либо возился с машиной, либо сидел у телевизора с журналом в руках. Зинаида никогда не сидела «просто так», всегда что-то делала: готовила, убирала, подшивала, белила, кормила, мыла, чистила, красила и даже вязала. Ярик тихо возился в детской, которую до сих пор делил с сестрой, что причиняло обоим сильное неудобство и дискомфорт. У Зинаиды были корыстные планы на пристройку, где жила золовка Рая. Прикидывала, может, выйдет девка замуж, да и съедет по-тихому к мужу. И в пристройке можно будет устроиться дочке. И Славик, наконец, получит свою комнату, целиком. Но Райка, не будь дура, не только никуда не съехала, а совсем наоборот, привела на свою территорию мужика и сожительствовала с ним на глазах родного старшего брата и его малолетних детей. Ко всему прочему, как только они вместе с безработным Анатолием, что называется, «доходили до кондиции», Раиса стремилась в обязательном порядке выяснить у Зинаиды, почему та её «не уважа-

ет», намекала на ожидающееся у неё в скором времени множественное пополнение семейства, и требовала раздела имущества.

– По-честному, – верещала она, раскачиваясь посреди двора, – а то, понимаешь, сами в хоромах, а меня, эт самое, как пса шелудивого, чуть не под забор...

– Не перестанешь вести такой образ жизни, там и окажешься! – не выдерживала Зина.

Райка будто этого и ждала, тут же взвивалась пестрым барачно-матерным фейерверком. Когда Зинаида жаловалась мужу, тот морщился, как от сильной боли и обещал поговорить с сестрой. Женька почти физически ощущала нехватку воздуха, находясь в родительском доме. И стремилась, по мере возможности, сократить своё пребывание в нем.

4

Женя училась уже на втором курсе и жила у бабушки. По официальной версии потому, что от Галины Аркадьевны, проживающей в городе, до института было гораздо ближе и удобнее добираться, чем из Женькиного пригорода. К тому же матери Зинаиды было уже под семьдесят и в этой связи, помощь и даже обычное присутствие рядом близкого человека, были бы совсем не лишними. Но на самом деле, переезд, который планировался, но все время откладывался по тем или иным причинам, случился внезапно, после ужасной ссоры с отцом в день Женькиного восемнадцатилетия. Отец с матерью с утра её поздравили и подарили черное драповое пальто и зимние сапоги. Отец при этом произнес целую речь, в которой было много всего: и то, что теперь она совершеннолетняя, и то, что они долго с матерью копили, буквально отказывая себе во всем, чтобы одеть свою дочь-студентку, и конечно, она же понимает, что уже взрослая, и, что больше такие подарки они позволить не смогут, ведь, не забывай, что у тебя есть младший брат, и что родители в её возрасте уже зарабатывали на жизнь самостоятельно и прочая, и прочая. Женька поблагодарила обоих и расцеловала, а заодно сообщила, что идет вечером отмечать день рождения с друзьями в кафе. Отец, собиравшийся уже покинуть комнату, замер, как английский пойнтер, засекший дикого

селезня, и тут началось... Валерий Михайлович, не стесняясь в выражениях, поинтересовался, – откуда у неработающей студентки могут быть деньги на кабак, да ещё в таком количестве, чтобы угощать целую толпу бездельников.

– Это возмутительно, вести себя подобным образом, зная, как нам приходится экономить, – бушевал Валерий Михайлович, – Мать, ты видишь, кого мы вырастили! Да ты знаешь, кто посещает такие места? Бандиты и проститутки!

– Во-первых, не кабак, а кафе, во-вторых, – еле сдерживаясь, цедила сквозь зубы, бледная Женька, – во-вторых, я не прошу у тебя денег, и никогда не просила, даже, когда мне было одиннадцать! Уже тогда я знала, что это бесполезно, в-третьих, я кое-что отложила со стипендии, в – четвертых, мои друзья не бездельники, а студенты медицинского института, будущие врачи и, в-пятых, это они скидываются, у нас так принято.

Женька вскочила и стала заворачивать подаренные родителями пальто и сапоги, под аккомпанемент отцовского крика:

– Ты слышишь, как она разговаривает! Зинаида! В моём собственном доме, меня оскорбляет родная дочь. А все эти её идиотские поездки на дачу и общение с твоей безумной мамашей, полюбуйся теперь, я тебя предупреждал, это не доведет до добра... Она уже сколько раз заявлялась поздно, и разило от неё спиртным! – Валерий Михайлович начал задыхаться и сел на стул. Перепуганная Зинаида уже бежала к

нему с каплями.

– Не трогай бабушку, если бы не она с дедом, у меня вообще детства бы не было... Я бы... свихнулась тут с вами,... окончательно, – упавшим голосом сказала Женька, и, завернув, наконец, пальто, обратно, в бумагу, водрузив на него коробку с сапогами, она все это очень быстро отнесла в комнату родителей, и, уже из коридора, натягивая пуховик, жестко произнесла:

– Да, и сегодня я буду пить шампанское, ведь именно так поступают проститутки и бандиты, так ведь, папа? – обернувшись у входной двери, глухо добавила, – Не нужны мне ваши подарки, обойдусь.

В этот же день она переехала к бабушке. Галина Аркадьевна встретила Женьку сдержанно, поговорила с ней на счет того, что «родителей не выбирают», и что «не судите, да не судимы будете», и все в таком же духе. Но в глубине души, была рада, определила Женьку в гостиную, велела обустроиваться по своему усмотрению, сама переехала в спальню, а дочери по телефону сказала, как отрезала:

– Пусть живет у меня и спокойно учится, а что касается твоего Валерия Михайловича, – переживет, напомни ему, что нервные клетки не восстанавливаются, а Евгешу я понимаю, рядом с ним и тесто киснет.

Учиться было трудно. Особенно вначале, тогда она дважды пересдавала анатомию, и её чуть не отчислили. Сейчас Женька более-менее освоилась, втянулась, и хотя, ей мно-

гое казалось наносным и лишним, она понимала, что с выбором профессии не ошиблась, что находится на своем месте. Трудно было ещё и в психологическом плане, в её группе были мажоры, папенькины дочки-сыночки, подъезжавшие к институту на личных автомобилях. Общались они исключительно друг с другом, редко снисходя до простых смертных вроде Женьки и нескольких её сокурсников. Она злилась на себя из-за того, что это задевает её гораздо сильнее, чем ей бы хотелось. При всем своём желании она не могла даже приблизительно одеваться так, как они. Бабушка, конечно, подкидывала кое-что из своей небольшой пенсии, но этого было явно недостаточно, чтобы выглядеть хотя бы отдаленно, так как, например, Алина с её курса, дочка «скромного» работника Минздрава.

Жизнь стремительно менялась вокруг неё, наступил 1990 год. Румыния первой из стран Восточной Европы и бывших членов Организации Варшавского договора запретила Коммунистическую партию, а в Баку начались армянские погромы. 20 января был совершен ввод советских войск в столицу Азербайджана – Баку. 15 марта Михаил Горбачев принес присягу в качестве президента СССР, а 3 апреля во Львове впервые официально был поднят желто-голубой флаг. Бывшие советские республики друг за другом объявляли о своей независимости и суверенитете. Но все эти события Женькой были едва ли замечены, жизнь вокруг неё была ключом, наступила её восемнадцатая весна, которая была чудо, как

хороша и прекрасна, а самое главное: к окончанию второго курса, она без памяти влюбилась в своего однокурсника Лёню Соколовского. Лёнчик был хорош собой, умен и элегантен. И прекрасно знал об этом. Женьке очень льстило, что он стал явно оказывать ей знаки внимания, ведь он был из группы «золотой молодежи».

Они стали встречаться. Лёня был сыном довольно известных в крае художников-пейзажистов. Он в буквальном смысле вырос в художественной мастерской, и сам неплохо владел кистью, но после того, как пять лет назад умер его отец, с поставленным ему наспех, размытым и фальшивым диагнозом «сердечная недостаточность», твердо решил идти в медицинский. Окружение в котором рос маленький Лёня, влияние творческой, богемной обстановки с раннего детства сформировали не только его характер, но отражались даже в его внешности, манере говорить и одеваться. Его уверенность, открытость, абсолютная неспособность подстраиваться и угождать, кому бы то ни было, невероятно подкупали Женьку. Казалось, он лично был знаком с сильными мира сего, или как минимум, собирался это сделать в самое ближайшее время. Когда намного позже Женя не раз задумывалась, чем все-таки привлек её Леонид, пробудивший в ней такое неведомое ранее чувство, она поняла, что в первую очередь, – своей внутренней свободой. Совсем немногие его ровесники, да и большинство взрослых людей могли бы тогда похвастаться этим качеством. Это Женьке очень импо-

нировало. Она и в себе чувствовала яростное сопротивление против запретов и ограничений, касающихся её прямо или косвенно ещё с эры вступления в пионерскую организацию. Да, – размышляла Женька, – именно личностная свобода. Здорово, конечно, что к ней прилагаются красивая внешность, высокий рост и безупречный вкус, но это не главное. Если совсем не трудно было понять, что привлекало её в этом человеке, то Жене казалось непостижимым, что такой парень из множества вариантов, безусловно, имевших место в его жизни, выбрал, почему-то, её. Она вспомнила, как холеная и красивая Алина, недавно поравнялась с ней при входе в главный корпус института, презрительно смерила её взглядом и менторским голосом произнесла:

– И что Лёнчик в тебе нашел? Не понимаю, как можно находиться рядом с девушкой, которая носит сапоги из коззама, – Алина обогнала задохнувшуюся от обиды Женю и, обернувшись, ехидно добавила, – К тому же грязные...

Глупенькая Женька и не подозревала, что к своим двадцати двум годам Леонид прошел такую школу жизни, что ей даже не снилось. В семнадцать лет это был уже весьма искушенный в вопросах взаимоотношений полов и испорченный предоставляемой его родителями неограниченной свободой, граничащей с безразличием, пресыщенный юнец, который не просто не имел представления, чем бы ему хотелось заниматься в жизни, но даже не брал на себя труд об этом хотя бы подумать. Жизнь представлялась Лёне, как вечный

праздник, как великолепная постановка гениального режиссера, где меняются только сюжеты, декорации и второстепенные роли, а главный герой-победитель, – всегда он – Леонид Соколовский. Все изменилось, когда от передозировки умер его отец. Он знал, что его родители наркоманы, в их среде этим было никого не удивить, слышал и о весьма экстравагантных летальных случаях, но никогда ещё смерть не касалась его так близко. Кроме родителей у Лёни никого не было. Отец – сирота, воспитанник детского дома, со своими родственниками мать отношений не поддерживала. Когда это случилось, Лёня почувствовал себя обманутым, растерянным и опустошенным. Они с отцом мало интересовались жизнью друг друга, вряд ли Игорь Соколовский хотя бы примерно знал, чем интересуется его сын, и в каком классе он учится, но наличие живых родителей, как бы автоматически являлось гарантом его, Лёниной, беззаботной и яркой жизни. А теперь праздник закончился. «Почему, почему, почему», – стучало в голове у Лёни, когда, похоронив отца, он лежал, вторые сутки у себя в комнате и плакал навзрыд, до икоты, как не плакал даже в детстве. Ему мучительно было вспоминать безобразную сцену на поминках, когда он, пьяный, кричал матери, что это она виновата в смерти отца, так как, не разрешила вызвать скорую. Слава Богу, он не все помнил, он видел то отца с лилово-синюшным лицом и выпученными глазами, который тянул к нему руку и жутко хрипел, то себя на поминках в уборной, где его мучи-

тельно выворачивало наизнанку, и это было странно, потому что алкоголь появился в его жизни лет в тринадцать, и был для него привычен. Ещё всплывали эпизодически какие-то женщины, которые долго пытались умыть его над большой раковиной. Лёне больше текло за рубашку, он вздрагивал и смеялся, как дурак... Он вспомнил, как сидел на маленьком приставном стульчике, его била нервная дрожь, он уткнулся в огромную теплую плиту, гладил её и тихо плакал. Ну и, конечно, он помнил Элеонору Соколовскую, блистательную Элю, как её называли многочисленные друзья и поклонники, – свою мать. Он её всегда помнил, даже когда она была совсем рядом, как сейчас, в соседней комнате, своей мастерской.

– Наверняка уже в отключке, – думал Леонид, продолжая всхлипывать и сотрясаться всем телом от рыданий, – Ну и пусть, так ей и надо... – успело пронестись в его голове и он провалился в сон настолько глубокий и неподвижный, как будто в его сознании кто-то выключил рубильник, отвечающий за всю его жизнедеятельность.

Элеонора – донская казачка, закончила Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и была направлена на работу в Ставропольский драматический театр, ассистентом художника. Элеонора прибыла сюда в возрасте девятнадцати лет. Она была удивительно хороша. Густых волнистых волос ярко-рыжего цвета в сочетании с зеленою глаз и белоснежной улыбкой было бы вполне достаточно, чтобы сделать

её заметной даже ночью. Но Эля обладала ещё и пленительными формами, от которых шлакругом голова не только у желторотых студентов, но и вполне себе респектабельных, морально устойчивых партийных работников. Как раз с одним таким сотрудником училища, выплыла наружу некрасивая история, в которой Элеонора пыталась с его помощью добыть себе свободное распределение не вполне корректным и не достойным советской девушки-комсомолки способом. Скандал постарались замять, перепуганный задним числом парторг отделался строгим выговором. Элю спасло её железобетонное рабоче-крестьянское происхождение, направление на учебу, подписанное председателем совхоза-передовика, определенные художественные способности и её показательное раскаяние с застывшими, но так и не пролившимися слезами в изумрудных глазах на комсомольском собрании. Вручая ей диплом вкупе с направлением в краевую столицу, зам. директора шепнул, что на большее в её ситуации рассчитывать не приходится.

– Какое у вас редкое и красивое имя, – сказал ей помощник режиссера, с трудом отводя взгляд от груди Элеоноры, – Родители так называли?

Эля, как большинство рыжеволосых, легко покраснела и имела белоснежную кожу. Сейчас она решила, что для этого самое подходящее время, потупила глаз, порозовела щечкой и ответила: «Отец. Ему нравилось все такое, – Эля неопределенно помахала в воздухе левой ручкой, – Но вообще так

звали первую жену Федора Ивановича Тютчева» – Эле хотелось показать свою осведомленность. Мужчина хмуро кивнул, еще раз быстро скользнул тяжелым взглядом по Элиному декольте и произнес:

– Работать начнете вместе с Соколовским, талантливый художник, но сложный, неорганизованный человек, – он, остановился, внимательно посмотрел на Элю и сказал, выстреливая фразы, – Сначала на подхвате. Приглядывайтесь, запоминайте, слушайте. Работа ненормированная. Привыкайте. Жить будете в общежитии, ордер на заселение возьмете в приемной. Он встал, молча глядя на неё, как бы намереваясь что-то ещё добавить, но в последний момент передумал, и просто весьма сухо пожелал удачи и взялся за телефонную трубку, давая понять, что разговор окончен.

– Ах ты мой лысенький пупсик, – заливалась внутренним смехом Эля, когда вышла из кабинета помрежа, – Какие мы важные начальники и серьезные дяди, а сам еле встал, потому что все распухло внизу от вожделения!

Да, этой девушке был совсем не чужд высокопарный стиль даже в весьма пикантных ситуациях, она была «грековкой», выпускницей знаменитой художки, кроме того, Элеонора считала, что ей это идет, и часто использовала подобные выражения в своей речи, не всегда, правда, задумываясь, над тем насколько они уместны. Эля вообще не часто затрудняла себя раздумьями над чем-либо. Но совсем не потому, что была глупа, как можно было бы предположить. Совсем нет.

Просто она считала это напрасной тратой времени и сил. Жизнь и без того быстротечна. А женский век и подавно. Молодость проходит, красота увядает. Больше всего Элеонора боялась старости и уродства. Больше всего ценила радость и удовольствия. А из всех радостных удовольствий выделяла чувственное наслаждение. Она была эротична и сладострастна до мозга костей. Бог знает, как случилось, что в глухой казачьей станице, в Ростовской области, у пожилых неграмотных родителей, восьмым по счету, но четвертым выжившим ребенком появилась на свет, ни на кого и близко не похожая девочка с изумрудного цвета глазами, которую называли неслышанным и претенциозным для тех мест именем Элеонора. Где, и, главное, у кого могла научиться маленькая Эля, медленно и жеманно убирать со лба непослушную рыжую челку, вскидывая на собеседника исподлобья ярко-зеленый взгляд и светиться лукавой, какой-то нездешней улыбкой? Вряд ли кто-то мог вразумительно объяснить, почему её родной отец выходил из себя, не понимая, что происходит, когда ловил этот взгляд на себе и, топя ногами, кричал, как заполошный: «Выйди из-за стола, паршивка! Я те устрою счастьяделки!» Любимым уроком у Эли было рисование, а учителя рисования и черчения – щуплого, поджарого Антона Ивановича, она просто боготворила. Он первый заметил её несомненные художественные способности, а, как мужчина, и, как человек творческий, не мог не отметить превосходной женственной фактуры. В свободное от препода-

давательской деятельности время, Антон Иванович рисовал пейзажи. О чем и поведал однажды любимой ученице. УЭ-ли загорелись глаза, и она попросила взять её в следующий раз с собой. Примкнуть, так сказать, хотя бы отдаленно прикоснуться к святому искусству... Строго говоря, это Элеонора, как набоковская Лолита соблазнила Антона Ивановича, только Эле было четырнадцать, а не двенадцать. Также как Гумберт у Лолы, бедный учитель отнюдь не был у неё первым. Но в отличие от европейского писателя Гумберта Гумберта, Антон Иванович, находясь в полном отчаянье и ужасе от свершившегося этого даже не заметил.

Как совершенно не помнил тот момент, когда она оказалась у его мольберта, и, втиснувшись между ними Антоном Ивановичем, прижалась всем телом, запустив горячие руки, с ловкими тонкими пальчиками, ему под свитер. Они были на опушке рощицы, которая являлась весьма посещаемым в станице местом, и только благодаря удачному стечению обстоятельств, их тогда никто не заметил. Потом он долго сидел на собственной куртке, раскачиваясь и обхватив голову руками, а Элеонора старательно приводила в порядок себя и своего учителя.

С огорчением рассматривая пятно от травы на юбке, она ласково успокаивала Антона Ивановича, как мать, вынужденная многократно разьяснять своему неразумному отпрыску очевидные вещи:

– Не надо так убиваться, ведь ничего страшного не про-

изошло, я вас с пятого класса люблю, честное слово,— Элеонора, вскочила на ноги и упруго потянулась всем своим юным телом, — Давайте, я вам помогу встать, пора собираться. Она, наклонив голову, смотрела на свой рисунок:

— А здорово у меня эти березы вышли, правда, Антон Иванович? Он медленно поднял голову и долго смотрел на неё снизу вверх, взглядом, в котором читалось отчаяние, недоумение, раскаяние и страсть.

Полтора года, до самого окончания восьмого класса, они регулярно встречались. Свидания всегда назначала Элеонора. Он не выказывал ни протеста, ни особого желания. Полноручно соглашался. Но только до той секунды, пока она не подходила вплотную к нему, не обхватывала его лицо руками и не принималась жадно целовать. После этого у Антона Ивановича наступало какое-то помрачение рассудка, этот уважаемый педагог, сорокалетний женатый человек, отец троих детей, не помня себя, тонул совершенно в объятиях этой девочки, своей ученицы, не испытывая ранее, да и никогда потом, большего наслаждения в жизни.

Окончивший сам художественное училище им. Грекова, будучи истовым «грековцем», Антон Иванович, не только посоветовал это учебное заведение Эле, но и выступил её своеобразным протеже. Его там знали и уважали, помнили по некоторым работам, принимавшим участие в союзных выставках, и считали, что он закапывает свой талант, работая в далекой станичной школе простым учителем рисова-

ния. Эля легко поступила и с головой окунулась в бурлящую, многоликую и насыщенную студенческую жизнь в большом городе. Антон Иванович после отъезда Эли дважды приезжал к ней, но оба раза Элеонора выражала искреннее удивление и недовольство его появлением, о чем коротко и жестко сообщила во время их второй, как оказалось, последней встречи:

– Что было, то прошло, у меня теперь своя дорога, зачем вам ездить, – и, глянув, на него кокетливо и лукаво, как умела только она одна, со смехом добавила, – Я ведь не назначала вам свидания, Антон Иванович.

После этой встречи он страшно запил. Однажды в декабре, за пять дней до наступления 1965 года, он на рассвете вышел по нужде, в одном белье и валенках и пропал. Нашли его только на второй день, он сидел насмерть замерзший, привалившись к тоненькой березке, в нескольких метрах от той самой опушки, где два с половиной года назад произошло самое яркое и значительное событие, четко разделившее его жизнь, на «до» и «после», и знаменующее для Антона Ивановича начало конца.

Элеоноратак никогда и не узнала об этом, а если бы ей и стало известно, скорей всего, она пожалала бы своими точными плечиками, как бы отказываясь понимать, какие только глупости не вытворяют люди из-за форменных пустяков. Незадолго до этого из-за перитонита умерла мать Элеоноры, но у девушки настолько лихо закручивалась жизнь, – сума-

шедший роман с иностранным студентом политехакубинцем Алехандро, тайный аборт от него, улетные вечеринки, «травка» и алкоголь в неограниченном количестве, – что о полученной телеграмме, все это время валявшейся на подоконнике в общежитии, она вспомнила только через неделю после похорон. Отец публично отрекся от неё, пообещав собственноручно удавить неблагодарную, пустившуюся во все тяжкие, подколодную гадюку-дочь, если та вздумает появиться в отчем доме. Он запретил сестре и двум братьям Эли, даже упоминать её имя, а в случае ослушания угрожал проклятием. Все это ей пытался рассказать Антон Иванович, когда навещал её в последний раз. Элеонора лишь нетерпеливо и раздраженно фыркнула, в том смысле, что она очень сомневается, что ей когда-нибудь придет в голову тащиться в ту глухомань, к этим серым и забитым людям. Не больно-то и нужно!

Игорь Соколовский, молодой человек 29 лет, который расположился недалеко от театра, на лавочке в парковой аллее, и только что с большим удовольствием выпил бутылку рижского пива (то, что нужно после вчерашней попойки), не мог и предположить, какой сюрприз ожидает его за дверью театральной мастерской.

– Откуда ты, прелестное дитя!?! – спросил он, с восхищением разглядывая Элеонору.

– Из Ростова, ... работать с вами буду... вот ..., – вспыхнула Эля, положив на место эскизы, которые до его прихода

с любопытством разглядывала, – Очень здорово! – она кивнула на рисунки.

– Это для «Маскарада», обновить кое-что нужно, в сентябrevыходим в новом составе, так что подключайся, – Игорь! – шагнул он навстречу к девушке и протянул руку.

– Очень приятно, Элеонора..., – он держал её руку в своей и, по-видимому, не собирался отпускать, Эля не возражала ...

– А уж как мне приятно..., – Игорь, не отрываясь, смотрел на неё.

Эльвире стало неуютно под его взглядом:

– Арлекин бесподобен, но такой зловещий, страшнее Неизвестного – сказала она, чтобы сказать хоть что-нибудь, – А у Нины платье великолепное, но уж очень траурное, вы не находите?!

– Так и нужно, детка, – он помедлил, и добавил тихо, – этого и добивался... – он продолжал разглядывать Элю своими прозрачными, бутылочного цвета глазами и нахально посмеиваться. Для неё ситуация была непривычная, искреннее смущение было для неё чем-то новым и волнующим, – почему, интересно? – думала Эля. Прирожденная актриса Элеонора настолько привыкла к ведущей партии и своей всегда главенствующей роли, что сейчас растерялась и не знала, как себя вести. Что-то, безусловно, было в этом парне, который стоял напротив в мятых джинсах и не самых чистых кедах и похоже, вовсе не собирался падать в обморок от Элиной

неземной красоты.

«Это будет интересно, – пронеслось у неё в голове, – Достойный противник.»

– А, уже познакомились, – в мастерскую вошел помощник режиссера, – Соколовский, ты во сколько сегодня явился на работу? – он обошел стол, со сваленными на нем обрывками декораций, бумаги, красок, поднял и водрузил на стол ангела с поломанным крылом, несколько упавших разноцветных масок, затем подойдя ближе к Игорю, шумно потянул носом, – А вчера во сколько ушел?

– Геннадий Харитонович, у меня вообще-то среда – библиотечный день – Игорь, незаметно подмигнул Эле.

– Знаю я твою библиотеку, вот она у меня где, твоя библиотека, – он несколько раз энергично постучал по своему загривку, – В общем, у тебя теперь есть помощница, с 25-го начинаем прогоны, в первых числах сентября – генеральная. Чтоб все было готово через две недели, и смотри у меня... без глупостей...

Элеоноре и Игорю предназначено было встретить друг друга. Эти двое настолько органично и естественно смотрелись вместе, что становилось ясно: здесь целенаправленно действовали высшие силы, встреча их была определена Провидением и не зависела от их собственной воли и желания. Пожалуй, здесь можно было бы говорить и о любви, но лишь в той степени, на которую каждый из них мог быть способен. Но то, что это чувство было не только обоюдным, но и самым

ярким в их коротких жизнях – это совершенно точно. Игорь – дитя войны, на которой потерял обоих родителей, воспитывался в детском доме села Александровское Ставропольского края. В 1956 году он окончил образованное из бывшей фабрично-заводской школы ставропольское специальное ремесленное училище, которое, впоследствии, станет профессионально-техническим, а затем модифицируется в политехнический колледж. На этом своё образование Игорь считал вполне достаточным и был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Именно в армии в полной мере раскрылись его сценические таланты. Он не только из бросовых материалов готовил потрясающие декорации к смотрам художественной самодеятельности, но и сам активно в них участвовал. Както ещё в первый год службы Игорь всего с двумя бестолковыми помощниками-новобранцами, подготовил все декорации к смотру-конкурсу, где их постановка «Кремлевских курантов» заняла призовое место. А матрос Рыбаков, в его, конечно же, исполнении, вызвал продолжительные овации. С тех пор, а также с легкой руки капитана, а за ним изамполита, рядовой, а перед увольнением в запас, сержант Игорь Соколовский стал бессменным художественным руководителем, гримером, звукорежиссером, декоратором и актером культурно-массовых мероприятий в рамках отдельной воинской части Вооруженных сил СССР. Ему нравилась эта работа гораздо больше, чем армейская муштра, кроме того, она давала ему некоторые поблажки: он всегда мог рассчитывать на

увольнительную, ему прощались какие-то дисциплинарные нарушения и т.д. Например, ротный, которого Соколовский убедил сыграть роль Ленина, и весьма талантливо подготовил его и загримировал, вообще считал Игоря выдающимся человеком, таким героем своего времени, тем более что в следующей постановке, жена этого командира с энтузиазмом играла Катерину в «Грозе» по А.Островскому, бросая на Игоря страстные взгляды. Так что тяготы и лишения армейской службы не особенно коснулись Игорька, он, лениво покуривая, и тщательно отбирая «актеров» для новых смотров, занимался тем, что ему нравилось, и тем, что умел. В армии он хорошо понял две вещи о себе, вытекающие одна из другой: ему нравится театр, а именно работа по его художественно – декоративному оформлению, и для того, чтобы эта работа была ещё масштабнее и приносила ещё больше экзистенциального удовлетворения и радости, ему необходима «травка». Первым его регулярно снабжало командование, а вторым сослуживец Умар, которому время от времени приходили бандероли из Средней Азии, где в числе прочего бывала странно пахнущая трава. Высокий, смуглый, с оливково-безупречной кожей Умар, хитро улыбался белоснежной улыбкой, и на вопрос Игоря, – что это, – подмигивая ему, как заговорщику, отвечал: – «Цай». Красавец таджик с легкой руки Игоря, уже несколько раз играл самого товарища Дзержинского, в которого моментально перевоплощался, как только, Соколовский его заканчивал гримировать и он

надевал шинель. Замполит из-за страшного акцента не разрешал ему разговаривать в инсценировках, поэтому Феликс Эдмундович в воплощении Умара, был чрезвычайно молод, статен, хорош собой, но суров и молчалив до крайности. По ходу пьесы он лишь отделялся, изредка, краткими и односложными репликами, – Но какая фактура! – вздыхала исполнительница роли Забелиной, библиотекарь Клавдия Васильевна. До конца службы за ним так и закрепилась кличка «Феликс», что чрезвычайно льстило его восточному самолюбию. Игоря с тех пор он считал не только своим другом, но и учителем, поэтому к его услугам было все, чем располагал сам Умар-Феликс, в том числе и «травка-цай», которую они весьма активно и безнаказанно употребляли, под видом махорки с ещё двумя-тремя приближенными. Что касается Игоря, нужно сказать, что это семя упало в довольно подготовленную почву. Ранняя и почти мгновенная склонность к зависимости любого рода была включена в саму структуру его личности. Курить он начал с одиннадцати лет ещё в детдоме, в училище регулярно сильно напивался. В октябре 1956 года поехал в Москву на выставку Пабло Пикассо, это было одно из самых пронзительных и ярчайших событий его юности. Игорь был настолько потрясен увиденным, что не находил себе места, дневал и ночевал возле ГМИИ, в декабре поехал за выставкой в Ленинград, и стал одним из самых яростных паломников оппозиционной молодежи. Участвовал в митингах, против соцреализма, за свободу слова, был

дважды арестован.

Вернувшись с армии, понял, что гашиш, это игра в бильярд по сравнению хотя бы с «винтом». Много экспериментировал с транквилизаторами, особенно в сочетании с алкоголем, пока к началу шестидесятых прочно не «подсел» на опиаты. В отличие от многих приятелей-наркоманов, Соколовскому вовсе не были чужды и алкогольные радости. Причем Игорь и сотоварищи не больно-то и прятались. Видимо, в стране Советов, уверенно шагающей в коммунизм, действительно не было ни наркомании, ни секса, ни организованной преступности, ни расстрела в 1962 году трудящихся Новочеркасска, ни советских танков в Праге, ни многого другого.

Элеонора и Игорь расписались в январе 1969 года, а в июле у них родился сын Леонид. Игорь работал днем и ночью. Его картины только что вернулись с Всесоюзной ежегодной выставки, проходившей в 1968 году в Манеже, он снова готовил ряд работ, сразу к двум выставкам: всесоюзной – посвященной 25-летию победы Советского Союза в Великой отечественной войне и краевой – «Советский юг», которая должна была состояться уже через несколько месяцев. Кроме того, он хорошо подрабатывал, выполняя частные заказы. Элеонора в этих мероприятиях не участвовала, пыталась заниматься ребенком, но очень быстро охладела к этому, с легкой грустью констатируя мужу тот факт, что материнство – это не её. Игорь посоветовал не заниматься

ерундой и пригласить к младенцу няню. Именно в это время, в небольшой, полученной от театра квартирке Соколовских начинает формироваться усилиями экзальтированной, красивой и скучающей Элеоноры, некое подобие художественно-эпикурейского салона, который становится известным и в узких кругах даже популярным, в городе и окрестностях. Элеонора писала свои милые пейзажи, как она говорила «для души», но именно эти наивные березки и клёны, неожиданно вошли в моду и помогли семье выжить, в поздние застойные времена и сразу после развала Союза.

Поразительно, как два законченных эгоцентрика и наркозависимых человека, таких, как Игорь и Элеонора, вполне мирно сосуществовали друг с другом. Возможно, дело заключалось в том, что они были очень похожи. Каждый видел вдругом отражение себя, отлично знал, что понравится, а что разозлит вторую половину. А потому не лез, и не мешал. Это были, по-своему, очень гармоничные отношения. Семьей, в обычном понимании их назвать было сложно, тут царил анархия и полная свобода нравов. Пятая по счету няня маленького Лёнечки, была сообразительней своих предшественниц. Дабы ограждать ребенка от пагубного влияния чересчур раскрепощенных хозяев и гостей дома, и к тому же самой остаться в здравом уме в этом богемном окружении, она, с полного, и, возможно, чересчур торопливого согласия Элеоноры и Игоря, забрала трехлетнего Лёню к себе. Его родители могли видеть своё чадо лишь дважды в месяц, исклю-

чительно по утрам, когда эта мудрая и практичная женщина приходила с ним за деньгами.

Когда Лёне было восемь, его няня переехала к дочери в Подмосковьё, а мальчик вернулся к родителям. Он как-то удивительно органично вписался в эту среду. Очень быстро прошли стеснение и робость перед такими красивыми и такими неизвестными людьми – его родителями. Ещё быстрее высохли слёзы из-за отъезда любимой няни. Лёне все нравилось в этом доме. Все казалось оригинальным, прекрасным и возможным только у них. Он любовался, униженной браслетами, тонкой рукой матери с неизменным бокалом в ней. Ему нравилось, что отец говорил с ним серьезно, как с взрослым, и обращался к нему «старик», нравилось, что в этом доме никто не следил за временем, на обед можно было есть, что хочешь, например, пирожное «корзиночка» или зефир. Никто не спрашивал его ничего о школе и уроках, но Лёня сам учился хорошо, потому что учиться плохо было бы стыдно и недостойно его семьи. Друзья родителей тоже очень нравились Лёне. Нравилась смешливая Мила, которая приходила чаще всех, тормошила и целовала Лёню, обдавая его нездешним запахом французских духов, позировала отцу, а потом уединялась с матерью. Нравился толстый профессор, который неизменно обращался к нему со словами – «молодой человек» и угощал шоколадными конфетами. Нравились разноцветные стайки начинающих актрис и матерых театральных работников, нравились веселые и шумные

студенты художественного училища и художники-самоучки, приходившие к ним в дом и часто, остававшиеся на неопределенное время. Лёня был в своей среде и чувствовал себя в ней превосходно. Он легко и непринужденно общался совершенно разными людьми, обладал живым умом и наблюдательностью. Элеонора взялась учить его рисованию, к которому у него обнаружился не только вкус, но и способности. Он был счастлив, так как искренне восхищался матерью. В раннем детстве она казалась ему сказочной и недостижимой принцессой. Ему слабо верилось, что она его мама. Лёня очень долго считал себя недостойным её. Он восторженно ждал этих уроков с Элеонорой: впитывал, вдыхал, наслаждался, – из мастерской часто можно было слышать звонкий мальчишеский голос, – тень, полутень, рефлекс. Довольно скоро Леонид выучил не только расположение цветов на цветовом круге, но и все чаще вальяжно рассуждал в гостиной о композиции и цветоведении, о живописи, и о современном искусстве вообще... Да, он знал, что его мать и отец регулярно употребляют наркотики и алкоголь, но считал это нормой, своего рода издержками профессии. Все изменилось, когда семнадцатилетний Лёня, зашел в мастерскую, потому что услышал странные звуки, доносившиеся оттуда, и увидел отца, лежащего на полу. Из рта у него шла пена, а лицо с кровавыми белками, отливало неестественным синим цветом. Отец хрипел и был ещё жив, но Лёне тут же стало понятно, что кожа живого человека не может быть такого цвета. Точь

в точь, как на старых отцовских эскизах к спектаклю «Маскарад», в сцене за игорным столом, где фронтальная стена окрашена в темно-малиновые тона в переходе к густо-лиловому. Его парализовало от страха, он не мог несколько секунд двинуться, рассматривая не только с нескрываемым ужасом, но и с затаенным мазохистическим любопытством этот чудовищный оттенок. Лишь когда Игорь Никольский протянул к нему руку, пытаясь, что-то сказать, он с криком побежал звать Элеонору. Через несколько дней после похорон, Леонид встал, принял контрастный душ, скромно оделся и пошел в больницу, а точнее к зданию морга, откуда они забирали отца. Тогда он увидел там объявление: требуются санитары. Через два часа рослый, широкоплечий Лёня был принят на работу санитаром, но не в морг, а в приёмный покой. Через три месяца по личной инициативе устроился на эту же работу, но в наркологический диспансер. И работал там до самого получения повестки в армию. После этого выбросил свои кисти и краски, во дворе, под ободряющие крики и улюлюканье своих приятелей, время от времени разогреваясь вместе с ними дешевым портвейном, устроил ритуальный демонстративный костер из своих рисунков, набросков, мольберта и прочего, по его выражению, псевдо-художественного дерьма. С матерью почти не разговаривал, но мучился, страдал, любил её и ненавидел, почти с одинаковой силой. Элеонора хранила ледяное молчание, не снисходила до оправданий и разговоров «по душам». Возможно, потому

что чувствовала себя уязвлённой, – привычное и безусловное обожание, к которому она привыкла, сменилосьу Лёни довольно внушительным списком претензий, – а возможно, потому что ей было все равно. Как бы она не старалась, уход Игоря подкосил и её. Она заметно потускнела, выкуривала «дури» и пила больше обычного. Перед тем, как идти выполнять интернациональный долг, Леонид сказал матери, что если вернется домой живым и невредимым, будет поступать в медицинский. Только туда. И Элеонора расплакалась, первый раз за много лет. А может и за всю жизнь. По-детски – надрывно, горячо и искренне плакала блистательная Эля на плече своего мальчика, который отправлялся в 1987 году в Афганистан, за два года до окончания этой бессмысленной и кровавой бойни.

Леонид вернулся не только живым и здоровым, но даже без единой царапины. Такое иногда случается и в адском крошеве. Он неуловимо изменился, стал выглядеть мужественнее и взрослее. За всю жизнь никому, даже находясь в сильном подпитии и самым близким друзьям, Леонид Соколовский ничего не рассказывал о службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Никогда. Если сильно приставали, отшучивался, особенно настырных – конкретно посылал. В остальном, это был тот же Лёнчик: красивый, стильный, веселый и уверенный. На втором курсе, он разглядел невысокую сероглазую девчушку, с короткой стрижкой и острым язычком: бойкую и жизнерадостную.

Он сначала так же, как и Женька, не мог понять, почему ему так хорошо и уютно с ней, почему так тепло и комфортно. А потом понял, – потому что она настоящая. Чистая, живая и естественная, как лесной родник. Абсолютная противоположность его матери и всего их привычного окружения, которое ему когда-то так нравилось, и которое он теперь ненавидел. Видимо смерть отца и последующая армейская служба в горячей точке повлияли на него больше, чем это могло показаться со стороны. Он стал с трудом выносить Элеонорино жеманство, её постоянную игру. Даже если кроме него не было никого, создавалась четкое ощущение, что она актриса, а он вечный зритель и поклонник. Он часто думал о матери, – где она сама, какая она настоящая?

Её друзья своими фальшивыми улыбками и притворными чувствами вызывали отвращение, которое он почти не скрывал. Как-то вернувшись поздно с театра, где отмечали премьеру «Королевы Марго», Элеонора, увлекшись, долго что-то рассказывала сыну, патетически всплескивая руками, в определенном ракурсе откидывая голову и с манерной улыбкой глядя на единственного зрителя строго в нужных местах. Леонид не выдержал:

– Мама, мы здесь одни, зачем этот театр, – и помолчав, добавил, – Ты один раз была настоящей, на вокзале, когда провожала меня...

Элеонора расхохоталась:

– Ах, ты о том случае... Это было всего лишь похмелье,

дурачок, к тому же я тогда серьезно поссорилась с Алексом... – Эля подошлак зеркалу и распустила все еще прекрасные волосы, которые оранжевым, блестящим ливнем тихо накрыли её плечи, – Ты помнишь АлександраЕгорыча? Мы были у него на даче, к нему ещё танцор этот приезжал знаменитый, как его...Марлен, кажется,...помнишь, Леон? Ответом была гулко хлопнувшая входная дверь.

Евгения и Леонид поженились на третьем курсе, в 1990 году. Свадьба была в теплом и солнечном октябре, гуляли всем курсом, так весело и бесшабашно, как можно только в 20 лет. Женька совершенно помирилась с отцом, Зинаида была очень довольна, всплакнула на радостях и сказала, – как хорошо, что женятся они на Покров, это к счастливому браку. И даже почти не заметила, что на почетном (родительском) месте сидела Галина Аркадьевна, а не они с Валерой. Элеонора появилась с сильным опозданием и целой свитой придворных. Их появление вызвало небольшое смятение и шепот. Блистательная Эля это обожала. Она была ослепительна, хотя и сильно «под кайфом». Леонид напрягся, когда она торжественно и неспешно, как будто под прицелом телекамер, шла к невесте, так как,ещё недавно узнав о свадьбе, мать презрительно скривила губы и сказала сыну, что таких «Женек» у него будет миллион,и что же он, намерен на всех жениться?! Но Эля всего лишь поцеловала обалдевшую Женьку и застегнула на её шее кольцо, с тремя небольшими, но восхитительной чистоты бриллиантами. Смуглый, моло-

дой красавец, который пришел с Элей, протянул огромнейший букет белых роз, который пришлось взять Лёне, так как Женька не смогла бы его удержать. После чего, вновь прибывшие отбыли в том же составе, под тихие и удивленные комментарии потрясенных гостей.

Младенец немного пугал Женьку своими тоненькими ручками и ножками, которые двигались у него безостановочно и хаотично, и потому она торопилась поскорее его запереленать. Ей казалось, что так безопаснее и для него и для неё. Димочка родился 23 августа 1991 года, а на следующий день – М. С. Горбачёв распустил ЦК КПСС, подал в отставку как генеральный секретарь партии и распустил все партийные единицы в правительстве.

Молодые родители жили у Галины Аркадьевны, туда же привезли своего новорожденного сына. О том, чтобы снять жильё или привести жену и сына к Элеоноре, не могло быть и речи. Да она и не звала. Лёня учился и с третьего курса уже подрабатывал на скорой. Вот где пригодился его юношеский санитарный опыт. Женя тоже учебу не бросала, даже умудрилась полгода растить Димку на грудном молоке, – сцеживалась, или, если получалось, забегала между парами и кормила ребенка. С малышом сидела Галина Аркадьевна, в свои семьдесят была она полна энергии, отлично справлялась и с хозяйством и с ролью прабабушки-няни. Ведь она опять была востребована. Более того, в ней нуждались! Галина Аркадьевна, как много раз в своей жизни, мобилизовалась, почувствовав невероятный прилив сил, закатила рукава и принялась за дело. Иногда ночью, жалея измотанных

учебой, работой и своим новым социальным положением – родителей-студентов, брала плачущего младенца и уносила к себе, качая и докармливая сцеженным накануне молоком.

Элеонора уже второй раз лежала в наркологии. Официально уже давно нигде не работала. Лёня после учебы и перед сменой, навещал её и поддерживал, как мог. Элеонора, полуприкрыв глаза, сухими губами шептала:

– Я чувствую, как сквозь меня проходит время, понимаешь, Леон, просто чувствую физически, – потом обязательно добавляла – Я не могу стареть, не умею. Эля стала плаксивой и раздражительной. Обвиняла сына, в том, что он так рано сделал её бабушкой, жаловалась, что её никто не любит, плакала, успокаивалась и интересовалась, как она выглядит. Лёня уставал и звал доктора, которого хорошо знал ещё с тех пор, как работал здесь санитаром. Молодой нарколог, которого явно не оставили равнодушным прелести Элеоноры, много с ней возился, советовал остаться на реабилитацию, посещать группы поддержки и завязать хотя бы с наркотиками:

– Сердце измотано, печень увеличена, нервная система расшатана до крайности, – стараясь не смотреть в вырез атласного халатика, повторял врач, – Я ни за что не поручусь, что вы выкарабкаетесь следующий раз.

– Да ты что, док, неграмотный что ли, – искренне удивлялась Эля, – Опиатные нарки тоже бы хотели потягивать сухое вино и курить легкие сигареты с ментолом, – Элеонора

перекинула ногу на ногу, выставляя не без удовольствия, из-под гостеприимно распахнувшегося голубого атласа изумительные ноги, – Но это кайф бычий, понимаешь? Настоящий – только в маке, на конце иглы... А то что здоровье малёк потрепалось, это ничего... Жизнь без кайфа – не жизнь, понял, док?

Но потом входил сын, настроение её из игриво-кокетливого, мгновенно становилось плаксиво-жалостным. Лёня говорил какие-то ободряющие слова, комплименты, целовал мать перед уходом, но через пару дней все повторялось снова.

Женька несколько раз порывалась навестить свекровь, но Лёня махал руками и просил этого не делать.

– Ну почему? – не понимала Женя, – Я возьму Димку, куплю фруктов. Ей приятно будет, болеет же человек.

Лёня живо представил, как *его* матери будет приятно, когда молодая, цветущая Женька войдет в палату к матери во всем блеске своих двадцати лет, свежего, так идущего ей материнства и неуловимой женственности. Ленчик так живо представил, как «счастлива» будет Элеонора, что рассмеялся, замахал руками и попросил этого не делать:

– Просто поверь мне на слово, тем более наркология совсем не место для маленького ребенка, – Лёня глянул на Женьку, опять представил Эличкину реакцию, заржал и вышел из комнаты.

– Да ну тебя, Лёня, дурак какой-то... – сказала жена ему

вслед и пошла сцезиваться.

Все нравилось Женьке в её семейной жизни, кроме тяжелого, глубоко потаённого чувства, что она не дотягивает до своего мужа, а может и не достойна, что она будто даже занимает чьё-то чужое место. Конечно, при здоровом размышлении, Женья понимала, что никто не может занять чьё-то место, и вообще, глупости всё это. Если Лёнька умнее, опытнее её; разбирается в театре и живописи, да и в медицине он, конечно, сильнее, – весь последний год учился за двоих, – то в практических вопросах она гораздо лучше и быстрее ориентируется – это факт. И взаимодействовать с людьми Женька умела лучше. Лёню внимательно слушали, он прекрасно говорил, наглядно убеждал, посмеиваясь, в два счета уничтожал неоспоримыми аргументами всю доказательную базу собеседника. Разбирался в политике, искусстве, литературе: его мнение уважали, к нему, безусловно, прислушивались, но дружить предпочитали с искренней и простой Женькой. При всем своём обаянии и красноречии, Леонид редко мог удержаться от высокомерных и претенциозных оттенков в общении с людьми. При всей кажущейся простоте и доброжелательности, между ним и другим человеком, почти всегда, неуловимо, но четко ощущалась граница: с этой стороны я, Леонид Соколовский, а с той, извините, – вы. Кроме того, Женька постоянно ощущала какую-то недоговорённость с мужем. Как будто он почему-то боялся и не хотел открытых и честных взаимоотношений. Часто отшучивался или резко,

иногда в грубой форме, уходил от чересчур, по его мнению, откровенного разговора. Сам того не понимая, он во многом повторял манеру своих родителей, особенно матери, скрывать истинные чувства, носить разные маски. Женьке это было непонятно и больно. Для неё быть счастливой, значит читать любимого, как открытую книгу, иметь родство душ и возможность делиться сокровенным. Иногда ей становилось жутко, когда она очередной раз понимала, что все, что она знает о своём муже, это только то, что она видит. Точнее то, что он позволяет видеть и знать. Его внешняя сторона: волосы, лицо, одежда, слова, поступки. Только верхушка айсберга. А что скрывается под темной водой – неизвестно. А для неё взаимопонимание и искренность были важны чрезвычайно, и ставила она их наравне с любовью. В Женькином мировоззрении одно не могло иметь место без другого. Для неё это было не только очень важно, но и жизненно необходимо.

Шло время, учеба близилась к завершению, на горизонте замаячили ГОСы, надо было как-то определяться. Леонид твердо знал, что после ординатуры работать пойдет в наркологию. Женька готовилась в стоматологи. Трехлетний Дима уже ходил в детский сад. Он по-прежнему был на попечении Галины Аркадьевны, Женька и Лёня учились и работали, брали ночные дежурства, потому что за них больше платили. Лёня после работы обязательно «снял напряжение», да так, что не всегда попадал домой. Объяснял это тем, что иначе невозможно «все это вынести». Что конкретно «это»,

по своему обыкновению, не уточнял. Женька возмущалась, они часто ссорились, в конце концов, договорились, что если он захочет немного расслабиться и выпить после работы, то будет делать это дома, а не с алкашами-санитарами. Первое время так и было, Женя заметила, что ей даже стали нравиться эти посиделки с собственным мужем. Она их стала ждать. Во время их полуночных застолий Лёня становился разговорчивее и мягче, они строили планы, шутили, любили друг друга яростно и страстно. Женьке казалось, что она надумала все проблемы, все у них с Лёней замечательно и прекрасно. Но тут противницей такого времяпрепровождения стала Галина Аркадьевна. Время от времени, отлавливая по утрам, хмурую, заспанную внучку, распространяющую на всю кухню устойчивый перегарный аромат, она высказывалась так, чтобы слышно было также мучающемуся от похмелья Лёне:

– Ты что делаешь, идиотка?! Ты же сопьёшься! – понимая, что эти слова не помогают ей достучаться до спящей на ходу, вяло помешивающей кофе Женьки, судорожно подыскивала слова, – Тебя лишат материнских прав, Димочку заберут, я ведь старая уже, – она переходила на крик, – Если этому все равно, – она кивала на дверь комнаты, – То ты ведь, женщина, мать, остановись, Евгеша!

Женька с отвращением глотала кофе, вторую чашку несла мужу в комнату, на ходу отвечая: «БабГаль, да ты что?! Выпили после работы по чуть-чуть... Не выпались, просто...не волнуйся ты...»

– Женя, с этого все начинается, у него вся семья наркоманы, у тебя тоже наследственность плохая, одна Райка чего стоит... – Галина Аркадьевна махала рукой и уходила в комнату поднимать Димку, который давно переехал к ней в комнату, вдетский сад.

– Пора нам сваливать от бабули,... да и тесно здесь, – задумчиво говорил одевающийся Лёня, – Будем снимать хату, я узнаю у ребят. Ничего, мать, все устроится, полмира живет в арендованном жилье, а мы чем хуже.

Женька недовольно дернула плечом:

– Не называй меня так, сто раз просила... Не потянем мы съёмную квартиру, ты прекрасно знаешь об этом...

Но снимать жилье не понадобилось. Сестра Женькиного отца, – Раиса, умерла в ноябре 95-го, не дожив и до сорока лет. На похоронах Женька никак не могла соотнести портрет двадцатипятилетней Раи, сделанный двенадцать лет назад, который стоял теперь на поминальном столе, с тем, в кого превратилась эта женщина за последние несколько лет. На фотографии смеющаяся девушка с ямочками на щеках, запрокинув голову, придерживала рукой тяжелую светлую косу, а похоронили сегодня жилистую, морщинистую тётку с отеками ногами и одутловатым лицом, испещрённом красно-синей сеткой кровеносных сосудов. От обаятельной белокожей красавицы не осталось и следа. Её место заняла мумия неопределенного пола, у которой половина зубов отсутствовала, а во второй напоминали лишь кое-где торчащие жел-

то-коричневые пеньки. Зинаида начала говорить о переезде ещё на кладбище. К удивлению Женьки, отец поддержал мать и сказал, что окажетлюбое содействие, касательно ремонта пристройки, в которой жила Раиса. На поминках Зина продолжила, и Женька с удивлением слушала мать, которая приводила все новые доводы в защиту их переезда, как будто волновалась, что кто-то начнет в них сомневаться, или оспаривать:

– Ты подумай, доченька, в пристройке две отдельные комнаты, кухонька, хоть и маленькая, да своя, – перечисляла Зинаида Евгеньевна, – туалет, умывальник, – Зина судорожно вздохнула, – Райка, дрянь такая, царствие небесное, конечно, загадила там прилично, но это ничего, отец поможет с ремонтом, раз обещал, да и я тоже.... Мать глянула на Женьку, которая все смотрела на Райкину фотографию, подождала какой-нибудь реакции от дочери и, не дождавшись, продолжила:

– Ты знаешь, отец сейчас совсем другой стал, мы к вам соваться не будем, чего нам делить, правда, доченька? – И у Митеньки своя комнатабудет, опять же, пятый год мальчишке всё-таки... Да и как не крути – это твой дом родной, прописана ты здесь.

– Спасибо, мама... – Женька испытывала страх и отчаяние... Что-то ещё, помимо смерти Раисы,тяжелым мрачным комом давило изнутри. Она вдруг явственно ощутила неопределенное, но вполне различимое предчувствие надви-

гающей беды. Женька не глядя на мать, тусклым голосом спросила:

– А ты помнишь, какая она была, раньше?! – она кивнула на портрет – А я помню, я очень хорошо её помню – она платья куклам шила такие, что мне все девчонки завидовали, – Женя чувствовала, как закипают слезы, – Я её любила, да и Славик тоже, она ведь очень добрая была...очень... – Женька вышла из-за стола.

Когда она мыла посуду, к ней снова подошла мать:

– Дочь, всё решили: в общем, Лёня с папой на днях начинают ремонт, я с 18-го в отпуске, тоже подключусь, а ты смотри, по обстоятельствам, – Зинаида торжествующе, но с некоторым удивлением, смотрела на дочку, не понимая, почему она не радуется. Женя медленно вытерла руки, (людей было мало, поэтому управились быстро) и, с усмешкой, проговорила:

– А, так вы все решили, вот молодцы, вот и ладненько! Сделаем ремонт, – отмоем, выметим, перечистим всё, чтоб и духу Райки-алкашки не осталось, да, мамочка, ты ведь это имело в виду!? Моя дорогая, аккуратная, правильная и всегда трезвая мамочка! – Женька уткнула лицо в полотенце и глухо зарыдала, – Что с ней стало,...с Раей ... – плечи её сотрясались от рыданий, – Вы что, не видите, что с ней стало-о-о....

На кухню зашёл отец, за ним Галина Аркадьевна и Лёня. Зинаида умоляюще посмотрела на мужа, потом на мать и зя-

тя:

– Это ничего, это бывает, у неё истерика... Валерий Михайлович откашлялся, сделал шаг в сторону Женьки, которая сидела за кухонным столом, слегка раскачиваясь, так и не отнимая от лица полотенце, остановился и затем нерешительно произнес:

– Видишь ли, Евгения, мы жили в одном доме, и были свидетелями, так сказать, непосредственно... э... её падения, можно сказать, деградации личности твоей тёти, моей сестры, – Женя медленно подняла глаза на отца и внимательно слушала, – Что касается меня, то если ты думаешь, что я просто наблюдал со стороны, то уверяю, – он обвёл глазами присутствующих, чтобы не встречаться взглядом с дочерью, – Уверяю... вас, что я делал все, что мог, чтобы этого избежать, – я разъяснял, я предупреждал, я настоятельно советовал лечиться... Я... – но осталось неизвестным, какие ещё невероятные усилия предпринимал Валерий Михайлович и почему он вдруг вообще стал об этом говорить, оправдываться и что-либо объяснять, потому, что заговорила Галина Аркадьевна:

– Никто тебя не обвиняет, Валера, чего ты разошелся? Свою голову не одолжишь, человеку трудно помочь, если он сам не хочет этого, а то, что Евгеша так близко к сердцу приняла, может и неплохо, – Галина Аркадьевна присела рядом и обняла Женьку, – Не думаю, что кто-то ещё так искренне оплакивает Раису Михайловну... Упокой, Господи,

её страдающую душу, – Галина Аркадьевна перекрестилась и, наклонившись к Женьке тихо сказала:

– Ты знаешь, а хорошо, что ты видела все сама. Думай, Евгеша, крепко думай! И уже, чтобы слышали все, добавила:

– Знаешь, внучка, а идея с переездом неплохая, – Дима может ходить в садик здесь, мама тебе поможет его устроить в свой, – Зинаида благодарно кивнула.

– И места больше, и двор свой есть, и старая калоша, опять же, не будет все время маячить перед глазами, – Галина Аркадьевна отмахнулась от несмелых протестов и тяжело встала, – Мне кажется, Раиса была бы не против твоего заселения, да и мне, честно говоря, хочется уже тишины, голова почти каждый день ужасно болит, – Зина, принеси мою сумку, там лекарство.

Через неделю Женька приехала глянуть, как обстоят дела с ремонтом. Оставалось побелить потолок и наклеить обои в маленькой комнате. Женя с удовольствием прошлась по свежотремонтированной кухоньке. Заново выкрашенному буфету исполнялось, наверное, лет сто, но Женька представила, как его вместительное чрево заполнится продуктами, как на маленький столик она постелет нарядную скатерть, как на чистых окнах будут красоваться новенькие занавески.

– Вот это да! – Женя, как в детстве захлопала в ладоши, когда оказалась в большой комнате. Лёня, улыбаясь, стоял посередине возле стола, в газетной треуголке. Он только что повесил люстру, и теперь она сверкала всеми пятью рожка-

ми и её свет отражали новые перламутровые обои с изображенными на них цветками нежной лаванды. Они вышли во двор, родителей поблизости не было, и Женька закурила.

За калиткой появился бомжеватого вида мужичонка и, оглянувшись, поманил Женьку пальцем. Она вспомнила, что видела его на кладбище, да и на Райкиных поминках он мелькал пару раз.

– Кто это? – спросила она у Лёни. Тот неопределенно пожал плечами:

– Да алконавт местный, батя твой гонит его нещадно, а он видишь, опять нарисовался, – Женя направилась к калитке, – Да не ходи ты, на пузырь стреляет, не ясно что ли...

– Нет, он сказать что-то хочет... – Женя подошла к мужчине, тот еще раз оглянувшись и мельком глянув на Лёню, быстро заговорил:

– Ты знаешь, чего папаша-то твой засуетился, я был ведь у Райки в тот вечер, как ей плохо-то стало, побег я, значит, к Валерке, – Райке, грю, хреново совсем, а он падла, грит, – Пить надо меньше, – Я, грит, вообще, на выселение подал, – Во гнида фискальная, сеструху родную гнать собрался, – Курить есть? – после серии затяжек, он продолжил, – А я ему, – Ты хоть неотложку вызови, Райка, грю, загибается, в натуре, а он, – Я, грит, щас милицию вызову, осточертели вы, алкаши проклятые! Из-за таких, как ты, грит, она и загибается... Некоторое время молча курили. Мужик снял и тут же опять надел засаленную шапочку, и тихо выругавшись, вдруг резко

повысив голос, произнес:

– Да, как же через меня-то, ё-моё, я ж и пальцем ни разу не тронул... Ну, выпивали, ясен перец, не без этого, – он прерывисто вздохнул, – Ну, а к утру, она уже...это... и отошла... – А на второй день, я ж проститься хотел, по-человечески, а он меня в шею... – Зинка, правда, догнала потом, бутылку сунула... Женя сосредоточенно втирала в землю окурки, потом оглянулась растерянно на Лёню, побежала в дом и вынесла мужику деньги, которые были в кошельке:

– Вот, держите, выпейте, на помин души Раисы. Спасибо вам, что были с ней и хотели помочь, – Женя быстро пошла от калитки обратно в дом, Лёня что-то спросил, но она не слышала. Мужик не унимался и говорил ей вслед:

– Я двери распахнул и ушел. Про папашку твою люди и так говорили, что дочку выгнал к бабке, а теперь гутарят, что и родную сестру згнобил до смерти, вот он и расстилается чичас перед вами....Одно слово – падаль, а не человек,... – мужик смачно харкнул в кусты.

– Ну... ты не очень там, вали давай отсюда, пока он не явился, – сказал Лёня и вошел в дом за женой.

Не хотелось больше любоваться ремонтом, Женя проговорила Лёне что-то бессвязное про дежурство, взяла у него мелочь на проезд и торопливо ушла, словно боялась, что вот-вот из-за угла бесшумным катафалком выедет черная отцовская «Волга» и тогда нужно будет разговаривать, благодарить и восхищаться обоями и новой люстрой ...

6

Женя неподвижно лежала в Димкиной комнате и ждала, когда пройдет тошнота. Эта беременность с самого начала оказалась тяжелой и муторной, во всех отношениях. Женька боялась пошевелиться, хотя нужно было вставать, готовить ужин, или хотя бы включить свет и поставить чайник, так как скоро мать приведет Димку. Лёня остался в больнице дежурить вторые сутки, кого-то там подменял. Женька чувствовала себя плохо и физически, и морально. Мужа она видела редко, они общались на бегу: рано утром или поздно вечером, если он ночевал дома, и иногда по телефону, когда у него было время и желание позвонить. Он страшно злился, когда она его начинала расспрашивать, где он проводит время, ведь не может же он работать сутками. Он называл это допросом, снова замыкался и убегал. У него появились новые друзья, с которыми он жену знакомить не спешил. Много времени Лёня стал проводить у матери в её, как сама Элеонора называла, пятничном салоне. Женьку туда не то, чтобы не приглашали, но как бы давали понять, что лучше не надо. Лёня уверял, что ей будет скучно, но она знала, что дело совсем не в этом. Просто она – чужая, не своя, и своей никогда не станет. Она одна из тех, кого Лёнчик с Элеонорой именовали некрасивым и обидным словом «быдло». Женька почувствовала, как закипают слёзы. Чувствуя угрызения

совести, она, тем не менее, вышла во двор и закурила. Больше года они жили в отремонтированной пристройке, но даже про себя, она продолжала называть её – Райкиной. А Лёня, переезжая сюда, каким-то образом умудрился половину вещей оставить у матери, у которой уже не жил шесть лет. От неё он приходил не то, чтобы радостный, а возбужденный и какой-то странный. Женька подозревала, что Леонид употребляет не только алкоголь, с регулярным присутствием которого она уже смирилась, но и наркоту. Она почувствовала сильное желание выпить. «Даже напиться!» – тут же поправила она себя. Это желание стало возникать каждый раз, когда Женя бывала чем-то расстроена или, наоборот, испытывала эмоциональный подъём, или была в ярости, как сейчас, или просто устала, таких «или», в её жизни становилось все больше, и она сама это замечала.

«Ну и пусть! Ну и ладно! – Эля – старая проститутка, – думала Женька в который раз, – Купила его с потрохами своей вонючей машиной, – она с остервенением пнула колесо стоящей рядом «шестерки». Элеонора действительно удачно «толкнув» несколько «березок» в поднятый железный занавес, ради смеха купила Лёне машину, – Пока учись на этой, – но он, хоть и обрадовался, и добросовестно сдал на права, ездил на ней очень редко, так как в последнее время нечасто был в состоянии управлять автомобилем. У Валерия Михайловича сердце обливалось кровью, глядя на простаивающий и медленно ржавеющий транспорт. Кроме то-

го, для двух машин во дворе было недостаточно места. Если бы Леониду взбрело в голову сесть за руль, когда Валерий Михайлович был дома, он бы элементарно этого не смог сделать, так как тесть должен был бы для начала отогнать свою машину. Чтобы пройти к знаменитому лекарскому огороду, нужно было протискиваться между двумя транспортными средствами, стоящими почти вплотную к дому, с одной стороны, и забором с другой. Валерий Михайлович не раз предлагал зятю продать машину и даже находил покупателя, но каждый раз Лёне было некогда, к тому же он искренне, но весьма неопределенно представлял, что каким-то чудесным образом, он скоро со всем разберется, все наладится и он, как добропорядочный отец семейства, психиатр-нарколог (без пяти минут), отпустит небольшую профессорскую бородку, займет несколько приличных костюмов, кожаный пиджак и будет ездить на работу в личном автомобиле, и вывозить на нем семью на загородный пикник. Но пока как-то все не устраивалось и не налаживалось, а проблемы росли, как снежный ком. Работы было много, а денег мало. Лёня, как и большинство молодых специалистов, видел перед собой бесконечность возможностей и чувствовал силы для их реализации, но, кто же время, его сковывало ощущение нереальности и временности всего происходящего. Страну лихорадило и пучило, как горячего больного: талоны на продукты, бандитские разборки, криминальная приватизация, почти официальная рекомендация вышестоящего на-

чества, изучать рыночную экономику торгуя на базаре, чудовищные масштабы безработицы. Многие их с Женькой одноклассники уехали за границу или ушли в бизнес, некоторые открывали частные кабинеты и даже целые клиники, кто-то прочно сидел на игле или стакане, четверых с их курса уже не было в живых. Леонид понимал, что для больших и рискованных дел не годится, для этого нужны были определенные черты характера, которых у интеллигентного и артистичного эрудита Лёни не было. Он занял выжидательную позицию наблюдателя, которая могла принести хороший результат, в любое другое время, но не в лихие 90-е. Это было время бесшабашных, уверенных, нахальных и рискованных парней, которые не изнуряли себя поисками смысла жизни и экзистенциальным обоснованием своего предназначения. Возможно, они не были очень глубокими людьми, но они были, совершенно точно, детьми своего времени, они были одним целым – эти дети, и это время, и потому чувствовали себя в нём весьма комфортно. Лёня не принадлежал к этой группе, как, собственно, и ни к какой другой. Он мучился от своей непохожести, малодушия, болезненного самолюбия и одиночества. Ему было плохо наедине с собой, ещё хуже наедине с другими. Хотя ему нравилась его работа, занимаясь пациентами, он отвлекался от собственных мыслей. В остальное время работу заменяли наркотики и алкоголь, которые приносили непродолжительное, но заметное облегчение. Да, вот такой парадокс: талантливый нарколог, помогающий многим

алкоголикам и наркоманам, поступающим в его отделение, имел ровно ту же зависимость, что и его пациенты.

Ординатура подходит к концу, – размышляла Женька, – их ждет настоящая самостоятельная работа, исчезнет уни- зительное подшефное, наполовину студенческое положение, и дурацкая приставка «ординатор». А то даже эта хабал- ка, старшая медсестра, не считала ординаторов настоящими врачами, разговаривала свысока, и ни в грош не ставила. – И как некстати эта беременность, – думала Женя, – Сейчас надо устраиваться, делать карьеру, а через несколько лет, набравшись опыта в городской поликлинике, открыть соб- ственный кабинет! Женька зажмурилась от удовольствия! Пока это был предел мечтаний, дальше этого она не шла. Хотя бы потому, что не знала, нужно ли человеку, который уже имеет свою частную практику, а вместе с ней и все со- путствующие этому привилегии, что-то ещё.

– Мама, мама, а мы все приехали! – звонкий крик сына мигом вернул её к действительности. Отец высадил Зинаи- ду, Димку и Лёню возле дома, а сам не заезжая во двор уехал снова. У Женьки радостно забилося сердце при виде мужа, – дежурство отменилось! Леонид, не останавливаясь, и не гля- дя на жену, быстро прошел в дом. Женька растерянно смот- рела ему вслед. Возле неё с тяжелыми сумками остано- вилась Зинаида:

– Лёня хотел сам забрать Диму, да хорошо я увидела – от- говорила, всё равно отца просила заехать, вон сумки-то ка-

кие, – Зинаида Евгеньевна оперлась о кузов Лёниной «шестерки», – Женя, что ж он всё огрызается, мы ж вам добра желаем, отец верно говорит, за этот месяц, если пару раз дома ночевал, то хорошо. Разве ж это нормально? Сын его и не видит... И ещё, дочь, от него запах все время почти, ты же знаешь отношение папы к этому... У него в салоне теперь, как в пивной. Женька раздраженно перебила:

– Что вы опять ему наговорили? Мама, я же просила... – она пошла в дом, где её ждал разъяренный Лёня:

– До каких пор это будет продолжаться!?! – набросился он на неё, – Я *тебя* спрашиваю!?! Мне все, начиная с моей драгоценной жены, долдонят, что я не занимаюсь сыном, что я его не вижу, тычут в нос безотцовщиной и прочим дерьмом, а когда я переносу дежурство, чтоб забрать мальчишку из детского сада, чтобы погулять, мне заявляют, что этого делать не надо, видите ли сейчас приедет Валерий Михайлович и отвезет нас всех, вместе с ворованными из детского сада продуктами домой! – Лёня уже кричал во весь голос, – Да, вот такой дружной и образцовой семейкой мы сюда и явились! Здорово, правда! Женя округлившимися глазами смотрела на его побелевшее от гнева лицо и выдавила:

– Сейчас же прекрати кричать! В доме ребенок, ты озверел, что ли или обкурился? Что произошло такого, что ты ведешь себя, как буйно помешенный?

– О да! Про это я тоже выслушал целую лекцию, пока ехал, – Леонид, ты что, пил? – Скажите, пожалуйста, ах, ах,

мы же такие трезвенники, и как это в наши ряды затесался такой алкаш! А то, что и их доченька глузбанитрегулярно так, что мама не горюй, они знают, интересно? А? Или только на мне отрываются??

– Перестань орать на весь дом...

– Ну да, – «в доме ребенок, не ори в доме». – Провалился бы он уже куда-нибудь этот дом вместе с вами! Осточертело все! И это мамаша твоя, дура набитая, только и может хлопать глазками, да шептать: «Лёня, Валерий Михайлович просто имел в виду... Папа считает, что вы...» – Леня заметался по комнате, – Боже! Куда я попал, куда?! Лёня рванул на себя дверцу хлипкого шкафчика, которая жалобно взвизгнув, закачалась на одной петле и начал бросать на кровать свои вещи, приговаривая:

– Ноги моей больше не будет в этом хлеву! – он достал спортивную сумку, и, запихивая беспорядочно туда свои вещи, не замечал, что сынуле давно громко плакал, уткнувшись матери в колени. Женя словно застыла, пытаясь справиться с мыслями и начать уже соображать, но у неё это получалось не очень хорошо. Она только знала, что если он сейчас уйдет, случится что-то плохое. И уже сложно будет что-то исправить. Поэтому нельзя его отпускать ни в коем случае. Она ватными руками натянула на плачущего Димку куртку и шапочку, легонько подтолкнув его к двери, велела идти к бабушке.

Когда ребенок ушел, она подошла вплотную к мужу и по-

пыталась обнять.

Лёня убрал её руки с какой-то страдальческой гримасой, произнеся:

«Только этого не хватало, не начинай, пожалуйста, это выглядит очень нелепо и ...жалко, не нужно, я ухожу...». Жёня остановилась, как вкопанная, с застывшей улыбкой на каменном лице. То, что произошло дальше, иначе, как обоюдным помешательством было не назвать. Лёня направился с сумкой к двери, Женька, пытаясь его задержать, встала в дверях, началась потасовка, в результате которой у неё в руках оказалась Лёнина сумка. Плюнув на вещи, Леонид вышел во двор, Женька босиком побежала за ним и запрыгнула мужу на спину. Не ожидавший такого, скорее от неожиданности, чем от веса маленькой и щуплой жены, Лёня упал на землю вместе с Женькой. Вскрикнув при ударе о землю, она, тем не менее, вскочила на ноги, опрометью бросилась к калитке, закрыла её, и торжественно повернувшись к ковыляющему мужу, демонстративно бросила ключ через забор.

– Нет, всё-таки ты, фантастическая идиотка! Неужели ты думаешь, что можешь, таким образом, меня остановить? – Лёня тяжело дышал, придерживая левой рукой, ушибленный правый локоть, с удивленным сожалением рассматривал эту маленькую отчаявшуюся женщину, которая ещё недавно была ему так дорога, а сейчас, кроме обычной жалости и досадного раздражения не вызывала ровным счетом ничего. Женька в эту минуту напоминала тощего воробья после

неравной схватки: торчащие в разные стороны волосы, надорванный рукав футболки, – это, когда Леонид её оттаскивал от двери, – искаженное гримасой боли и злорадной ухмылкой лицо. Женя потрогала голову, она здорово грохнулась, да ещё Лёня придавил сверху. Но внутри у неё уже разгорелся злой и веселый огонь, – а пропади оно все пропадом! Этот стихийный костер ещё не раз будет вспыхивать по самым разным поводам, в самое разное время в течение всей её жизни, сжигая не только мосты у неё за спиной, но, бывало и её саму, и тех, кто в этот момент находился рядом. Женька громко рассмеялась, она буквально согнулась пополам. Ей было очень смешно. Кто знает, рассмейся Леонид сейчас вместе с ней, возможно, через короткое время, они бы обнялись, и вернулись домой, помогая друг другу залечить полученные душевные и физические раны. Может быть, они бы потом со смехом, перебивая друг друга, обсуждали бы это, искренне не понимая, как такое вообще могло произойти между ними, и привычный мир был бы восстановлен и все пошло бы опять своим чередом. Но Лёня не засмеялся вместе с женой. Он вообще на неё не смотрел. Леонид смотрел на ворота, которые открывал только что приехавший, Валерий Михайлович. Через секунду Лёня уже сидел за рулем своей машины, – слава Богу, машина тестя находилась не близко к воротам, ключи были здесь же, в машине: – зажигание, педаль газа... Валерий Михайлович едва успел отскокить в сторону потому не мог видеть, как его дочь побежала

за выезжающей со двора «шестеркой», пытаюсь открыть на ходу заднюю дверцу автомобиля, намереваясь, по всей видимости, во чтобы то ни стало попасть внутрь. Возможно, ей бы это и удалось, если бы она не встретила на этом пути серьёзное препятствие в виде не полностью открытой левой створки ворот. Как потом ей стало известно, она только чудом не попала под заднее колесо. Леонид, ослеплённый ненавистью и одним-единственным желанием, как можно быстрее покинуть это место, ничего не почувствовал, но отлично запомнил округлившиеся от недоумения глаза тестя. Свет фар на мгновение выхватил из темноты его бледное лицо. Лёня не видел, как Женькин отец, кинулся к лежащей без сознания дочери, которую не сразу заметил, как Зинаида Евгеньевна ехала с ней в машине «скорой помощи», как из-за начавшегося кровотечения Женька едва не рассталась с жизнью. Ему не было известно, что в ту ночь жена потеряла ребенка. Ничего этого он не знал, да и вряд ли бы захотел тогда знать. Он медленно двигался наугад, пока не выбрался, наконец, на шоссе, ведущее в город. Здесь Лёня с облегчением вздохнул, прибавил газу и ехал уже с музыкой, правда, не долго, а именно до первого поста ДПС. Требование гаишника остановиться, он с испугу проигнорировал, ну а дальше по известной схеме: неподчинение, управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Можно было попробовать договориться на месте, но денег у Лёни было мало, опыта решения такого рода проблем ещё меньше, время было упу-

щено, и в итоге: телега на работу, штраф, лишение водительских прав на год. О том, что случилось с Женей, он узнал только через два дня от возмущенной сокурсницы Наташки Морозовой или Туси, как её все называли и с которой Женя заканчивала ординатуру. Она дозвонилась ему на работу и кричала в трубку:

– Ты что вообще с катушек слетел?! У тебя совесть есть?! Женька лежит в больнице, живого места нет... Левая сторона вся синяя, это ты её так к воротам припечатал, да плюс черепно-мозговая... ещё скажи спасибо, что она на тебя, паразита, заяву не накатала. Отец её до сих пор уговаривает это сделать... Лёня ничего не соображал, но почувствовал дурноту:

– Туся, подожди, что значит синяя, какие ворота, ничего не понимаю... Девушка на минуту замолчала, как бы не зная, с чего начать и затем устало проговорила:

– А... так ты, действительно, не в курсе... Слушай, я не знаю, что между вами происходит, да и не моё это дело, но она в третьей больнице, в гинекологии. Она в ужасном состоянии. Сходи к ней, поговори, может... Лёня её перебил:

– Подожди, что значит в гине... Тусенька, спасибо, мне нужно идти, увидимся. В ординаторской, Леонид схватился за голову, в голове началось беспорядочное столпотворение мыслей, – какой идиот, что же я наделал, бедная девочка, что с ней случилось, и как плакал Димка, а как она бежала за мной, о...нет, мне нужно к ней, Боже мой, как она там и

что с нами такое произошло...

В больнице Лёня говорил своей жене примерно тоже самое, но с остановками для бесконечных извинений и поцелуев. У Женьки не было сил, она почти ничего не говорила и, сославшись на головокружение, отправилась в палату. Обернувшись на пороге, увидя испуганное и страдальческое лицо мужа, постаралась смягчить быстрый уход:

– Я не сержусь, Лёня. Сама виновата, – знаю, ты не хотел этого... Ты иди сейчас, ладно? И не переживай, никакого заявления я не писала и не собираюсь писать, я сама вцепилась в эту дверцу. Никто меня не заставлял... Ладно, потом... всё... Я устала очень... Лёня вышел в пустынный больничный двор и закурил. Он понемногу успокаивался, супруга жива, пусть медленно, но верно идет на поправку. Тем более находится на лечении в хорошей больнице. Он, между прочим, тоже пострадал, локоть и мениск повредил, до сих пор хромотает. А если что-то серьёзное? Но он не может себе позволить валяться по больницам... И вообще, ну что это за поведение, как у трудного подростка, ей-богу... Но что-то зацепило Лёню в словах жены и не давало покоя, – ах, да, что значит «ты не переживай на счёт заявления»? А когда это он переживал? И в мыслях не было... И не думал... Или думал и всё-таки... переживал? Лёня запутался, такие размышления неизменно выводили его из равновесия и просто бесили. Но у него был отличный способ это исправить. Он сел на самую отдалённую и видимо, поэтому самую обшар-

паннуюлавочку и вытащил из внутреннего кармана алюминиевую плоскую фляжку с заботливо и собственноручно налитым коньяком. После большого глотка стало тепло и хорошо, даже унылый больничный двор, засыпанный мокрой октябрьской листвой, показался довольно симпатичным. Лёня подумал, что нужно перехватить у кого-нибудь денег до зарплаты, отвезти к теще на работу, ведь на ней сейчас больная дочь и его сын. Он не знал, что будет дальше, но понимал, что жить больше в Райкиной пристройке не сможет никогда. Леонид с сожалением вспомнил о брошенной там сумке с его вещами. Надо сказать Элеоноре, чтобы поехала и забрала её. Ну не может он сейчас видеть тестя, – что касается его семьи, – время покажет, – вздохнул он умиротворенно, снова отхлебнул из фляжки, а после того, как она была надежно спрятана во внутреннем кармане, закурил и направился к остановке.

Женька не находила себе места, – её выписали сразу после утреннего обхода, сейчас уже первый час, а Лёни, который обещал забрать её с больницы до сих пор нет. Она спросила разрешения позвонить. На работе его не оказалось, на дежурство ему только завтра. Может быть, он что-то напутал и ждет её дома? Трубку взял брат. – Нет, Лёни у них нет... – И не было ни разу, с того самого вечера... – Приезжала его мамаша, забрала вещи Лёнчика, ругалась тут с батей, потому что он отдавать не хотел, – Отпадная чувиха, – порционно выдавал Ярик информацию, которая уже была извест-

на ей. Женя положила трубку и решила не мозолить больше глаза медперсоналу и покинуть лечебное учреждение самостоятельно. Чувствовала она себя нормально, но на душе было тягостно и почему-то ныло под ложечкой. Вначале она долго оплакивала своего не родившегося ребенка, считая себя, – прямо и косвенно, – виновной в том, что произошло. Ведь она его не хотела! Потом смирилась, пришла к выводу, что так будет лучше для всех. Она уже не наивная девочка с удивленными и доверчивыми глазами, она прекрасно знает, что нельзя привязать мужчину к дому ребенком. Тем более, что у него уже есть сын, и что-то не видно, чтобы он по нему очень скучал. Мать приезжала через день и Женя знала, что Лёня только раз в самом начале заехал к ней на работу, передал деньги, и сразу ушел, сказав, что очень торопится. На днях её вдруг навестила Элеонора, появившись в роскошном соболином полушубке, хотя на дворе стоял довольно теплый октябрь. Эля была само обаяние, доброжелательность и сочувствие. Привезла целый пакет заморских фруктов и йогуртов, итальянскую косметику и дорогое лекарство, которое Зинаида уже месяц искала и не могла найти. Женя расчувствовалась, и вышла провожать свекровь. Они сели на лавочку, как раз напротив той, где три с половиной недели ранее Лёня пил коньяк и так благополучно избавился от негативных мыслей и сравнительно недолгих угрызений совести. Элеонора закурила длинную коричневую сигарету, отставив в сторону от полушубка изящную руку с ярко-красным ма-

никюром. Она протянула серебряный портсигар Жене, но та, покачав головой, достала мятую пачку «L&M». Немного покурили молча. Затем Элеонора рассказала Жене, как переживает Лёня, как он сожалеет, о том, что произошло, как любит её и ребенка. На этом месте Женька про себя усмехнулась, – Интересно, блистательная Эля знает хотя бы, как зовут её внука? За все время Лёня навещал жену три раза, последних два – будучи сильно нетрезвым. Женьке пришлось его выпроваживать. Как будто прочитав её мысли, Элеонора сообщила, что Лёне предложили работу в частном наркологическом центре с умопомрачительным окладом, но и серьёзной нагрузкой. В ноябре он приступает к автономной работе в этой клинике, как психиатр-нарколог. Но и сейчас он в свободное время едет туда, знакомится с историями больных, входит, так сказать, в курс дела.

– Ты понимаешь, котик, у него совершенно нет времени, – Эля открыла алый блестящий клатч, и достала несколько крупных банкнот, – Вот, он просил отдать это тебе, – Скоро выписка, нужны будут деньги. Элеонора поднялась:

– Ну, всё, лапонька, возвращайся, а то простудишься, – она притянула Женьку к себе, обдав её чудным, пряным запахом неведомых Женьке духов, – И не нужно растрачивать себя из-за мужчин, даже лучшие из них не стоят этого... Поверь мне, я знаю о чем говорю, – Эля погладила Женьку по щеке, ласково заглядывая в глаза, – Мой сын не исключение, такой же гавнюк, как и все остальные, и вообще – любить

можно только одного человека – себя, поняла, детка?»

Сейчас Женька с благодарностью вспомнила про деньги, которые ей оставила мать Лёни и вызвала такси. Да и с Лёней надо помягче, – а то «иди Лёня, потом Лёня, я плохо себя чувствую, Лёня..», – а он, молодец, работу хорошую нашёл, ни единым словом не упрекнул её, ни разу, волнуется, переживает. Все-таки как Эле удаётся, думала она, удобно расположившись на заднем сиденье иномарки, всегда оставлять о себе неизгладимое, буквально феерическое впечатление и вселять непоколебимую уверенность в том, что она посланный небесами ангел, который только и думает о благополучии, здравии и личном счастье человека, с которым говорит в эту минуту?! Даже Женька, которая давно знала, что это совсем не так, что Элеонора фальшива и эгоцентрична от самой своей златовласой макушки до пяток, регулярно попадала под её обаяние и искренне верила каждому слову, по крайней мере, до тех пор, пока Эля не скрывалась из виду и тончайший шлейф её изысканных духов не становился практически неуловимым.

Такси остановилось у дома, в котором вырос её муж, и в котором она за семь лет, была считанные разы. Женя нажала кнопку звонка, ничего не услышала, – сломан, наверное, подумалось ей. Негромко постучала, затем услышав доносившуюся музыку, нажала на ручку двери, та бесшумно открылась. Музыка и невнятные глухие звуки шли из самой дальней комнаты, – мастерской, вспомнила Женя, она была

там только один раз, когда Элеонора устроила небольшой, светский фуршет-выставку, по случаю очередной годовщины смерти Лёниного отца. Женя толкнула дверь мастерской и тут же подумала, что сошла с ума. Потом, миллион раз восстанавливая по крупицам все фрагменты этого посещения, она все время жалела только об одном, – Почему, ну почему она не постучала в дверь мастерской, а сразу её распахнула?! Хотя сама же себе и отвечала, – а чтобы это изменило? Дверь была приоткрыта, и вообще, – ещё не трогая её, Женя была уверена, что то, что за ней находится, она вряд ли забудет. Она не только не забыла, но то, что она увидела, перевернуло её жизнь навсегда. Так меняет привычную жизнь, неожиданно ворвавшееся известие о смерти близкого, или внезапная катастрофа участником или жертвой которой становишься ты сам, или смертельный диагноз в истории болезни любимого человека. Женька застыла на пороге и целую вечность не могла понять, что происходит. На широкой тахте расположенной слева от двери в мастерскую, лежала совершенно нагая Элеонора, широко раскинув свои длинные ноги, между ними Женька, как в тумане, разглядела выющийся Лёнин загревок, в который Эля запустила все свои десять ярко-алых ноготков. Первой её увидела свекровь, подмигнув невестке и сладострастно изогнувшись, она медленно провела рукой по своей белоснежной, в голубых ручейках вен, тяжелой груди. Женька хрипло, с каким-то противным, чавкающим звуком вскрикнула, зажала сама себе рот рукой, и с вытаращен-

ными, немигающими глазами бросилась к выходу. Она смутно помнила, что вскочил Леня, что-то ей кричал и одновременно пытался натянуть джинсы, что-то сзади упало и разбилось, помнила смех и томный голос Элеоноры, пока, наконец, не вылетела на улицу и не остановилась прямо перед таксистом, который вез её сюда. Ей показалось, что прошло не меньше часа, однако её не было всего несколько минут.

– Ну, что, куда дальше? Муж-то, как? Едет? – она догадалась, что, по-видимому, не стала отпускать такси и успела сообщить, что приехала за мужем. Но она совершенно не помнила этого, не узнавала свои «больничные» пакеты на заднем сиденье, как и не узнавала самого водителя.

– Что с вами, – привидение увидели? – растянув губы в щербатой улыбке спросил таксист, – Такая веселая была, когда сюда ехали, – что, муж не ждал, поди!? – парень искренне радовался собственному остроумию.

Женька криво улыбнулась и выдавила: Да нет, он не едет, он... не может, – они сели в машину, – На Октябрьскую, пожалуйста, я скажу где...

30 октября 1997 года у Женьки начался первый в её жизни запой. Она ехала в такси после кошмарной сцены в мастерской к единственному человеку, которого могла бы сейчас выдержать рядом – Тусе. Деловитая, умная и смышленная Туся, не будет лезть к ней с расспросами и советами. Как раз то, что нужно Женьке сейчас. С ней можно говорить и молчать с одинаковым комфортом. Первый стакан водки Жень-

ка маханула ещё в чебуречной, вызвав живой интерес у некоторых посетителей. Затем она велела остановиться у магазина, где стопроцентно имелся вино-водочный отдел, и купила несколько бутылок вина и рябины на коньяке.

– Хорошее применение денег, полученных от Элеоноры – пронеслось у неё в голове. У таксиста настроение испортилось, когда она, звеня бутылками, плюхнулась на сиденье. Он хмуро молчал до самого Тусиного дома и даже не поблагодарил, когда она расплатилась, щедро округлив цифры на счетчике. Он нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, пока она выгружалась, опасливо следил взглядом за жирным пакетом с промасленными сверх всякой меры, и оттого еще более вкусными, горячими чебуреками и едва Женька захлопнула дверцу, рванул с места и уехал.

Наташа Морозова, она же Натуся, она же, в совсем усеченной и самой в отношении её, употребляемой форме, которое ей, пухленькой и маленькой блондинке со смешными завитками-кучеряшками на висках и затылке, очень шло – Туся, дома отсутствовала, так как была на работе. Но жила она со своей бабушкой, которая и впустила Женьку, так как хорошо её знала. Считалось, что бабушка очень больна, какой-то непонятной, загадочной болезнью, которая не позволяла ей уже много лет не то, чтобы работать, но даже поддерживать свою квартиру и саму себя хотя бы в относительной чистоте и порядке. Однако заболевание это совсем не мешало ей следить за новостями из области шоу-бизнеса, живо

интересоваться частной жизнью знаменитостей, а также их, не всегда касающимися творчества, сомнительными достижениями. Нина Ивановна обрадовалась, открыв дверь:

– Ой, Женечка, молодец, что зашла, Тусечка скоро вернется, проходи, – она запахнула черный шелковый халат, с белыми ромашками, надетый прямо на грязноватую ночную сорочку и вытерла руки оподозрительной расцветки фартук, – Представляешь, – Нина Ивановна захихикала, как семиклассница, – У Льва Лещенко – 22 сантиметра! – бабушка с вызовом смотрела на девушку, в предвкушении бурной ответной реакции. Женька непонимающе смотрела на неё:

– Что 22 сантиметра?! Вы о чём? – порозовевшие щёчки и хитрый взгляд без тени смущения выдавали бабулю с головой.

– Нина Ивановна, – укоризненно произнесла Женька, – Перестаньте вы читать этот мусор, фу!

Тусина бабушка, чуть потупившись, отвела рукой, с длинными, правильной формы, но с не слишком чистыми ногтями совершенно белые пряди волос, с прищуром глянула на Женьку и подмигнула ей, как верной сообщнице. Усадив нечаянную гостью к столу, на котором лежали старые газеты, захватанные грязными руками очки с треснутой оправой, тарелки с остатками еды, маникюрный набор с недостающими предметами, чайный грибок, темная от застаревшего налета чашка, томик Мопассана, что-то ещё, чему Женька затруднялась дать название, Нина Ивановна, как всегда, произнес-

ла: «Извини, тут немножко не убрано». Эту фразу она говорила и месяц, и год, и три назад, когда Женьке случалось бывать у них с Тусей. По навесным, когда-то белым шкафчикам деловито сновали взад и вперед орды тараканов. На полу не желательно было долго стоять: существовала большая вероятность устойчивого прилипания. Бедная газовая плита, со дня своего водворения в этой квартире, вряд ли была знакома хотя бы с самым примитивным моющим средством. Использованные спички после розжига, просто складировались тут же под конфорками, там же, где нашли свой приют всевозможные остатки готовящейся пищи, сгоревшего молока и прочая, прочая. «Почему Туська не наведет порядок, как же можно жить тут?!» – очередной раз подумала Женька. Время от времени Нина Ивановна зачем-то посыпала все это добро толстым слоем пищевой соды, на котором со временем формировался новый слой.

«Интересно, что они будут делать, когда этот слоеный пирог достигнет своей критической точки, то есть станет выше конфорок» – почему-то Женьке казалось это чрезвычайно важным.

– Нина Ивановна, а давайте я вам плиту отмою! – вдруг громко спросила Женька. Туськина бабушка замахала полными ручками и засмеялась, удивительно красивым грудным смехом:

– Что ты, детонька, что ты, я совсем недавно её мыла, не стоит, – тогда Женька, насчитавшая не меньше пяти «слоев»,

задумалась на секунду и выпалила:

– А знаете, у меня вино есть, хорошее, «Каберне» называется, давайте выпьем! – Женька проговорила это бодрым, радостным голосом и вдруг заплакала. Нина Ивановна растерялась, снова поправила свой халат, который упрямо расходился на груди, потом, как будто вспомнив что-то, просияла и сказала:

– Можно и выпить, только мне немножко, у меня же вегето-сосудистая дистония, ты знаешь, да? – Женька протяжно вздохнула, моментально почистила содой граненый стакан и чашку, липким ножом срезала капроновую пробку и разлила вино, одновременно кивая в том смысле, что, конечно знает про «ужасный» диагноз бабушки Нины. Женька выпила залпом пол-стакана вина и тихо сказала:

– А знаете, мне муж изменяет... А знаете с кем? – судя по тому, какое растерянное выражение снова приняло лицо Нины Ивановны, она прекрасно бы обошлась без этой информации. Женька вовремя спохватилась и, как можно беспечнее выпалила:

– Ой, что это я, расскажите лучше, что вы ещё интересного прочитали за последнее время, но только, чур, не про сантиметры, ладно? – Женька, пользуясь тем, что бабушка, с воодушевлением принялась искать газету, снова налила себе вина и даже успела выпить. Нина Ивановна, усевшись напротив Жени, выудила из-под вороха газет свои очки, вытерла их о грязный фартук и приготовилась читать вслух. Она это

занятие очень любила, но поскольку читала Нина Ивановна плохо, видела даже в толстых, всегда залапанных очках ещё хуже, то редкие слушатели уже через несколько минут не выдерживали и под самыми разными предлогами неизменно исчезали с публичных чтений, со скоростью, которой позавидовал бы самый шустрый таракан. Видя её намерения, Женя, чуть не поперхнувшись, успела выпалить:

– Да вы так, сами, Нина Ивановна, вы же прекрасно рассказываете. Нина Ивановна внимательно глянула на неё, сняла очки, в задумчивости пронесла их мимо футляра и опустив в грязную тарелку с засохшими остатками риса, торжественно произнесла:

«Алла Пугачёва и Филипп Киркоров думают о суррогатном материнстве» – озвучила она на память заголовков из очередной бульварной газетенки. Женька остолбенела на секунду и расхохоталась:

– Вы просто чудо, Нина Ивановна, вы это знаете? А у меня чебуреки есть, хотите? – Только они остыли, наверное.

Вернувшись с работы через пару часов Туся застала странную картину. В зале, возле громко работающего телевизора посапывала в кресле бабушка. А в маленькой комнате на Тусином диванчике, свернувшись калачиком, спала беспробудным пьяным сном её подруга Женька. На полу валялись пакеты с вещами, а на прикроватной тумбочке стояла почти опорожненная бутылка из-под вина. Оставшиеся напитки, бережно припрятанные их обладательницей в глу-

бине книжного шкафа, Туся обнаружит только спустя два дня, всё это время не понимая, каким образом, не выходящей никуда Женьке, никак не удастся протрезветь. После того, как Туся провела небольшое расследование и обнаружила несколько пустых бутылок в том же книжном шкафу, она вышла из себя:

– Ты соображаешь, что ты делаешь? Ты сама врач, ты думаешь своей головой? – Туся стояла посреди комнаты, размахивая перед Женькиным носом вещественным доказательством – пустой бутылкой, – Женя, ты пьёшь с утра, ты пьёшь в одиночку, ты должна остановиться, иначе это плохо кончится.

Женька глянула на Тусю, и в который раз с удивлением отметила, как не соответствует внешний облик её подруги, невообразимому застарелому бардаку в этой квартире. Туська, беленькая, чистенькая, с распушившимися кудельками светлых волос вокруг головы и прозрачными, словно промытыми нежно-голубыми глазами, в самом деле, смотрелась в этой обстановке дико. Но насколько это выглядело нелепым внешне, особенно для постороннего взгляда, настолько же органично и комфортно она себя здесь ощущала каждой клеточкой своего тела. Родители её разошлись, когда Тусе было пять лет, мать вышла замуж за болгарина и жила с тех пор на родине супруга. Воспитала её баба Нина, она выросла в этом доме и, наверняка, очень бы удивилась, если бы ей сказали, что с их квартирой что-то не так. Туся продолжала говорить:

– И вообще, твоя мама опять вчера звонила, а ты в отключке снова, Димка про тебя все время спрашивает, мне надоело врать, понимаешь, – Туся с остервенением гладила накрахмаленный белоснежный халат, который выглядел здесь так же неуместно, как и она сама, – Не стоит он таких жертв, понимаешь, не стоит, плюнь и живи дальше!

Женька, которая с огорчением разглядывая себя в зеркале, думала о том, что подходит этой цитадели хаоса и запустения гораздо лучше Туси, и проигрывает в этом смысле даже Туськиному медицинскому халату, тем не менее, была настроена благодушно:

– Послушай, выходить мне только в понедельник, отстань, а? Если я тебе мешаю, я уеду, сейчас вот только... найду этот коньяк... на рябине... И где он, интересно мне знать...

– Женечка, да не в этом дело... – Туся не договорила, потому что в комнату, с ярким журналом в руках, зашла Нина Ивановна:

– Девочки! Вы не представляете, с кем застучали Наташу Королёву на отдыхе! – бабушка сделала выразительную паузу...

– Ба, не сейчас, поставь чайник, у нас разговор серьёзный, ну, пожалуйста...

Туся закрыла дверь за бабой Ниной и повернулась к Женьке:

– В общем, так, подруга, я знаю, что Лёнчик твой мудака первостатейный, но ей-Богу, если ты сейчас не остановишь-

ся, я ему позвоню, чтоб положил тебя в своём отделении... Конечно, он урод моральный, но врач классный, я это точно знаю... Женя подняла глаза и внимательно посмотрела на Тусю.

– Интересно, – думала она, – Туська вообще меня слышала, про Лёню, про эту мерзкую, насквозь прогнившую, блядь Элю, развратившей и использующей для сексуальных утех родного сына?!

Но поскольку ультиматум от подруги был выдвинут наряду с опустошением Женькой её же алкогольного запаса, она миролюбиво, и подозрительно быстро, согласилась с доводами в пользу трезвости. Попивая с бабушкой Ниной и Тусей этим субботним вечером крепкий чай, и вполуха слушая историю о романтических приключениях Владимира Кузьмина и неизвестной сногшибательной блондинки, она уже знала, как поступит дальше.

Открывая дверь своей комнаты, Женька только что не пела вслух! Три весенних и три летних месяца она уже работала и жила здесь, и не уставала радоваться этому. Как же здорово открывать дверь своей первой квартиры своим собственным ключом! Правда, это всего лишь комната в коммуналке, в маленьком провинциальном городке Ставропольского края, но зато большая и светлая, и, главное – своя! Жене, как молодому специалисту после завершения ординатуры предложили и этот вариант в том числе, и она, не задумываясь, согласилась, так как здесь кроме полной ставки в городской поликлинике, новенькому доктору предоставлялось отдельное жильё, и не в общежитии, а в двухэтажном кирпичном доме, в самом центре города, до работы – 10 минут пешком! Женька ликовала! Соседи очень приятные и душевные люди, благодаря которым у неё в комнате остался письменный стол, чудесная резная этажерка, три разномастных стула и другие приятные вещи. Тахту, посуду, одежду и мелкие, но необходимые предметы обихода, взялся перевезти отец. В конце августа она едет за Димкой, который пойдёт здесь в первый класс. Школа тоже рядом. В этом городе, как она заметила сразу, основные муниципальные учреждения находились не только в одном районе, а даже на одной улице. На работе, вопреки её опасениям, все складывалось хорошо, в опре-

деленном смысле, здесь было даже проще, чем в ординатуре. Рабочий день стал, наконец, нормированным и упорядоченным, шел по годами отработанному, четкому алгоритму: регистратура, запись, талон, приём. Пациентов возле её стоматологического кабинета всегда было много, только успевай поворачиваться. Женька очень уставала, но была довольна, а местами так и вовсе счастлива. К ней относились уважительно, обращались: «Евгения Валерьевна», время от времени медсестра благоговейно переходила на шепот, а больные внимательно и серьёзно выслушивали её рекомендации. У неё были легкие, умелые руки, – работала Женя сосредоточенно, быстро и четко, с минимальным беспокойством для пациента, – молниеносно входила в корневой канал, чистила, пломбировала или виртуозно удаляла, то, что уже нельзя было спасти.

С тех пор, как в феврале 1998-го, они официально развелись, она Лёню не видела, а при нечаянном воспоминании, испытывала легкое неудовольствие и изрядную долю презрения. Она знала, что он сейчас в Москве, работает в частной наркологической клинике и вроде бы, снова собирается жениться. Туська, которая всегда была в курсе всех событий, хотела рассказать подробности, но Женька отмахнулась, – мол, не интересуюсь. Если не считать трехдневного запоя в квартире у Туси и её бабушки, Женька не выказывала более никаких чувств по поводу их с Лёней развода. Никто не видел её подавленной или расстроенной этим обстоятель-

ством. Осознание того, что их браку конец, принесло, скорей, облегчение. Она, как в известной песне тех лет «в прошлое закрыла дверь», изначально пресекая любые проявления сочувствия и жалости и не позволяя себе никаких сентенций на тему, – «почему? за что? и как он мог так поступить?» Да у неё, собственно, на это не было не только желаний, но и времени. Она заканчивала ординатору, переезжала, устраивалась на новом месте и на новой работе. К тому же у неё появились новые коллеги, новые друзья и новые соседи. Гостеприимство, доброжелательное и участливое отношение к новенькой, иногда принимало у них характер чрезмерной опеки, местами переходящей в навязчивость. Женька не решалась устанавливать границы с этими радушными людьми, боясь оскорбить их чувства. Соседи жили, хоть и несколько странной, но весьма дружной и сплочённой семейной коммуной, в четырехкомнатной квартире, с общей кухней и санузлом. Председательствовала у них баба Маня – женщина без определенных занятий и возраста: говорливая и бойкая, как сорока. Она жила вместе со своим мужем тихим и безобидным алкоголиком Пашей в самой большой комнате и очень этим гордилась. Это она совершила обход и в добровольно-принудительном порядке рекомендовала жильцам «уважить дохторшу и встретить по-человечески». Благодаря ей, Женьке достался деревянный письменный стол, который она не дала вынести бывшему жильцу, на том простом основании, что он ей был должен. «Сколько я тебя, подле-

ца, по утрам пивом отпаивала, а сколько пил на халяву, помнишь, Толь?» – обратилась она за поддержкой к недавнему вернувшемуся с первой чеченской компании, соседу Толику. Тот мрачно кивнул. Бывший владелец стола благообразно спорить не стал, хотя, насколько помнил, он регулярно вносил свою лепту в общий котел, да и, посылая бабу Маню за пивом, не только давал ей деньги, но и никогда не требовал сдачу. Но взглянув на Толика, по прозвищу «Чечен», тихо смотал удочки оставив прекрасный, двухтумбовый стол на прежнем месте. Сама баба Маня в первый же вечер, когда отмечали новоселье, подарила этажерку и два горшка с фиалками, Толик притащил откуда-то книжную полку и сам прибил её над столом, ну а дальше, как прокомментировала баба Маня, «так, по мелочи»: Катерина Егоровна, мать Толика вручила несколько тарелок с чашками и стул. Жившая в самой последней, дальней комнате полностью укомплектованная семья Винокуровых, – папа, мама и две дочки, ничего не подарила, но пришла на новоселье с небольшим тазиком капусты собственной закваски и двумя бутылками водки, которую глава семьи – Алексей Винокуров, совсем не по-доброму оглядев присутствующих, демонстративно установил возле себя. У него был повод выражать недовольство. Можно пальцы загибать: три месяца назад его жена счастливо разрешилась от бремени новеньким младенцем, а долгожданного расширения семья так и не получила – это раз, баба Маня живет припеваючи в огромной комнате с этим сво-

им алкашом-недоумком и наотрез отказалась переезжать в винокуровскую комнату в порядке культурного обмена – это два, пигалица-докторша, не успела приехать, как тут же отхватила большую прекрасную комнату, – это три, и вообще, почему он, Лёха Винокуров, газосварщик четвертого разряда, работающий уже шесть лет в родном строительном-монтажном управлении, должен вчетвером жить в крошечной комнате, когда все эти тунеядцы, алкоголики и проходимцы, хотят на его Лёхином, натруженном горбу въехать напрямик в рай, – это четыре, и пять и, если хотите, восемь.

Лёха сам ни за что ни пошёл бы на это новоселье, – ещё чего, сиди там с этими дармоедами, занимающими самые лучшие и большие комнаты, – но жена Майка сказала, – надо пойти, мало ли, с новой соседкой, доктором, ссориться не выгодно, да и с остальными тоже, неизвестно, сколько им ещё здесь торчать, да и не их вина, что Лёху профком всё завтраками кормит. Тем более, напомнила Майка, Сапрыкины только что ордер получили, а Серёга дольше Лёхи работает, на три года. Его жена, подумал, и чуть не сказал вслух Лёша, когда была в небольшом, но радостном утреннем подпитии, как сейчас, мыслила очень разумно. Новоселье, как и большинство других мероприятий, стихийно организуемых на общей кухне, по поводу и без, прошло по интенсивной и насыщенной программе. Сначала знакомство, – его проводила баба Маня под одобрителный, протестующий или дополняющий комментарий присутствующих. Вне зависимо-

сти от характеристики и реакции на неё, само собой нужно было выпить за здоровье аттестуемого. Затем выступал Толик с песнями под гитару собственного сочинения «Зачем мне, мама, воевать» и «Западло», потом все дружно будили Лёху, который заснул в уборной. Как только его, осоловевшего, проводили на место, и вставили в руку стакан, Клавдия Егоровна начала рассказывать о конце света, который по многим приметам, – а ей это совершенно точно известно, – уже недалек. Видимо, эта тема была у неё в числе любимых, так как Майка, едва она начала, закатила глаза, изображая невероятную скуку и посоветовала ей заткнуться, так как, в противном случае, её личный персональный конец света наступит прямо сейчас. Потом долго мирили обе стороны и утешали всхлипывающую Катерину Егоровну. Только враждующие стороны под напором дружественных соседей выпили мировую, – подал голос Толик-чечен, до этого с самым невозмутимым видом, перебирающий струны своей гитары, – в том смысле, что неплохо бы Лёхе научить свою жену разговаривать со старшими, иначе это придется сделать ему. Лёха, который вообще не понял о чем речь, так как был увлечен демонстрацией Женьке своего кариозного зуба, что время от времени его беспокоил и «который, надо вырвать к монахам», так как на длительное лечение у Лёхи, в отличие от этих, – он презрительно махнул вихрастой головой в сторону остальных, – времени нет. Всё ещё находясь под впечатлением от этих добрых, простых и честных людей, Женька и

не заметила больших изменений: просто секундой назад рабоче-крестьянский палец Лёхи, указывал ей на больной зуб, а сейчас его трудовая мозолистая рука одним рывком усадила на место вскочившую в негодование Майку и вместе с этим отшвырнула от себя стул, высвобождая место для установления справедливости. Даже расфокусированный взгляд пьяного стоматолога с удивлением отметил, с какой скоростью покрывается багрово-фиолетовым цветом могучая шея Лёхи Винокурова. Неизвестно чем бы всё это закончилось, если бы не баба Маня. В мгновение ока оценив ситуацию, она приняла меры: шикнула на Майку, услала Толика за самогонном в соседнюю квартиру, потом обежала стол, приобняла Лёху и довольно громко зашептала на ухо, Женька разобрала слова: «контуженный», «пацан зеленый» и «милиция». Вечер закончился вполне мирно – коллективным исполнением народных песен, но этого уже Женька совершенно не помнила.

Когда она приехала за сыном и встретила с Тусей, то узнала о смерти Элеоноры. Лёня был на похоронах вместе с новой женой-москвичкой. Вопреки ожиданиям, Женя не останавливала подругу, а наоборот почему-то ждала подробностей. Туська рассказывала всё, что ей было известно:

«Ты представь, Эля, даже помереть не могла без этих своих закидонов. Лёнчик рассказывает, что она позвонила ему в два часа ночи в Москву, и ни здарсьте, тебе ни до свидания, – мне, говорит, сынок, никогда не будет пятьдесят. При-

кинь!>? Нет, ну скажи, это нормально такое услышать среди ночи!>? Велела похоронить её в индийском сари, цвета слоновой кости, лежит такая, прям невеста». Женька ловила каждое слово: «Говорят передоз, а может специально траванулась... А жена Лёнькина, так себе, ничего особенного, но ребята говорят, богатая, жуть! Дочечка какого-то чиновника, типа нашей Алины...» Женья поймала себя на том, что постоянно возвращается мыслями к Элеоноре, вдруг у себя в голове она отчетливо услышала её насмешливый голос: «Жизнь без кайфа, не жизнь!» Женька вздрогнула, приказала себе не сходить с ума и стала думать о том, где и когда она могла слышать эту фразу. На ум ничего не приходило. Тогда она решила, как Скарлетт О’Хара, подумать об этом завтра и стала расспрашивать Тусю о её новом молодом человеке, с которым у неё, похоже, были все шансы дойти до ЗАГСа. На следующий день, перед отъездом, Женька снова заехала к бабушке, которая плохо себя чувствовала и опять собиралась лечь в больницу. Ничего конкретного врачи не говорили, но Галине Аркадьевне было и так всё понятно. Она снова заговорила с внучкой о прописке в её квартире. Женька нетерпеливо перебила бабушку:

– Ба, ну зачем это? Всё это долго, нудно, а у меня времени нет, да и смысл? – Женья поцеловала её в худую щёку, Галина Аркадьевна твёрдо ответила:

– Я хочу, чтобы ты прописалась у меня, ты что, действительно не понимаешь, насколько это важно для тебя? – По

своему обыкновению, Галина Аркадьевна, тяжело поднялась и медленно прошла по комнате, – В сложившихся обстоятельствах, я не могу её тебе ни подарить, ни завещать, папаша твой костями ляжет, до Гаагского суда дойдет, но оспорит и то, и другое. Они были у меня недавно, – женщина невесело усмехнулась своим мыслям, будто вспоминая что-то, не очень приятное, – Закидывали удочку, надо, мол, приватизировать квартиру, мама, на всякий случай. Женя, глядя на нее, думала о том, какая же бабГалия стала маленькая и худенькая, как будто она сейчас видела уменьшенную в несколько раз копию своей настоящей бабушки.

– Ты меня слышишь, Евгеша? – Галина Аркадьевна смотрела на неё и качала головой, – Худая стала, от куртки табачищем несёт за версту, ох, Женя, Женя. Провожая внучку, она взяла с неё обещание, что они займутся вопросом прописки, сразу, как только появится такая возможность. Как и следовало ожидать, такая возможность никак не появлялась, – Женьку захлестнула сначала повседневная жизнь обычной матери-одиночки: работа, сын-первоклассник, финансовые трудности, потом к этому добавились активно развивающиеся новые отношения, а затем она, как легкомысленно, его дала, также, очень скоро, и вовсе забыла о своём обещании.

Кадровый офицер, капитан российской армии Сергей Мистюков, в отличном расположении духа, зимним солнечным деньком, направлялся к городской поликлинике. Для ра-

дужного настроения, которое переполняло капитана, и даже вот-вот готово было выплеснуться наружу, было несколько причин. Во-первых, проклятый зуб, доставивший ему такие страдания, был, наконец, вылечен и не причинял более никакого дискомфорта. Во-вторых, симпатичная, молоденькая врач, – Шаповалова Евгения Валерьевна, избавившая его от жуткой зубной боли, настолько понравилась ему, что он опять взял талон на приём. Она в прошлый раз что-то сказала по поводу зубного камня, поэтому формальная причина для визита к стоматологу у него была. В-третьих, в нем теплилась надежда, что она согласится с ним встретиться за пределами медицинского учреждения. Видимо, доктор, и в самом деле, произвела на капитана сильное впечатление, если он добровольно решился на повторный визит в стоматологический кабинет и даже согласен был на процедуры, которых, точно так же, как и большинство нормальных людей, в обычной жизни старался избегать. Что-то было в этой молодой женщине, в её больших и выразительных, серых глазах, в её нежной улыбке и легких прикосновениях, что манило и притягивало. По крайней мере, Серегу Мистюкова точно. Выпавший ночью молодой декабрьский снежок напоминал белоснежный медицинский халат на тоненькой фигурке доктора Евгении, который во время её манипуляций, находился вместе с его обладательницей настолько близко от капитана, что он мог быкоснуться его губами, если бы не сидел, по большей части, с запрокинутой головой и открытым ртом.

Проходя в фойе поликлиники мимо большого зеркала, Сергей на несколько секунд задержался и придирчиво оглядел себя. Жаль, что он не в своей военной форме. В ней он всегда чувствовал себя гораздо уверенней и интересней. Но так тоже неплохо, если не считать, начинающей лысеть головы. Это обстоятельство не то, чтобы сильно огорчало Мистюкова, но вызывало некоторое беспокойство. В остальном же, как сказал бы его отец, до увольнения в запас – начальник штаба отдельного мотострелкового батальона, – порядок в танковых войсках. Сергей – тридцатилетний шатен, невысокий, но спортивного телосложения, у него правильные черты лица и особая выправка, по которой даже в гражданской одежде в нем легко распознать военного. Остановившись у кабинета, он ещё раз мысленно поздравил себя с тем, что так своевременно и удачно вышел в отпуск и приехал к родителям. А затем возблагодарил свой зуб, который своей нарастающей острой болью разрушил уют семейного вечера и тем самым способствовал встрече капитана с милейшей зубной феей. Когда мать отдала ему последний, оставшийся у неё анальгин, он понял, что встретился с неизбежным, а потому, с опухшей щекой и красными от бессонной ночи глазами, ранним утром отправился в поликлинику. Сергей Кириллович Мистюков, потомственный военный, служил в 20 километрах от Ставрополя. Он подал рапорт о переводе в эту воинскую часть одновременно с заявлением о разводе. И прибыл в распоряжение год назад из Новочеркасска, куда был

направлен сразу после окончания Ставропольского военного института связи. Главной причиной рапорта была Ольга, его бывшая жена, хотя, разумеется, в документе он указал иное: пожилые родители, единственный сын, мать после тяжелой операции на сердце. Конечно, возможность прохождения службы на родине, а также стремление начать с чистого листа, не боясь встретиться с сочувствующими взглядами коллег-офицеров и их жен, тоже имело большое значение. Но, главная причина – Ольга... До сих пор любое упоминание о его бывшей жене, немедленно отзывалось в нем глухой ненавистью, прорывавшейся наружу зубовным скрежетом, остановившимся взглядом и тяжелым дыханием. Он, двадцатипятилетний старлей, женился, когда Оле едва исполнилось восемнадцать. Увидел её в Доме офицеров, на танцах, и потерял голову. На второй день после её совершеннолетия подали заявление. Через год Ольга заскучала, она была моложе остальных женщин в военном городке и ей быстро приелись незатейливые будни офицерской жены. Она больше не хотела обмениваться рецептами капустного пирога и торта «Наполеон», ей надоели однообразные разговоры, касающиеся, в основном, мужей и их продвижения по военной карьерной лестнице. Когда переставали говорить о мужьях, начинали говорить о детях. Ольге это тоже быстро надоело, тем более что с детьми у них что-то не получалось. Через два года она стала обвинять Сергея в бесплодии и мужской несостоятельности, оба прошли обследование, все было нормально.

Им говорили: «Вы ещё очень молоды, нужно подождать, не отчаиваться, а работать в этом направлении и дальше». Работать ни в этом направлении, ни в каком другом Ольга не хотела. Вернее, может быть и хотела, и даже работала, но уже не с ним. Через три года семейной жизни Ольга начала погуливать. А затем откровенно блудить. Причем не особенно это и скрывала. Как и положено, муж узнал об этом последним. Говорили, что Ольга не гнушалась навещать даже в казарму к солдатам. Сергей не мог, не хотел верить, но пришлось, тем более что жена не сильно и отпиралась. От расправы взбешенного, «рогатого» мужа, которая неизвестно чем бы закончилась, её спасла милость Божья и инстинкт самосохранения, который включился за секунду до того, как Мистюков вытащил табельное оружие. Отброшенная ударом сапога к входной двери, Ольга с диким криком, мгновенно выкатилась из неё прямо к ногам Регины, жены сверхсрочника-абхаза Аржбы, возвращающейся из магазина. Регина запомнила только совершенно белое, не выражающее никаких эмоций лицо Сергея и истошный женский крик. Она что-то безостановочно говорила, не сводя с него глаз, помогая встать Оле и пятясь вместе с ней к выходу из подъезда. Жену он с тех пор больше не видел, развели их быстро и автономно.

3 апреля 1999 года Сергей и Евгения поженились. Веселое это мероприятие состоялось в родном городе жениха, в уютном загородном ресторанчике. Свадьба была небольшой, но

яркой и вкусной. Не считая, Катерины Егоровны и невнятного Паши, все остальные жильцы «нехорошей» квартиры, как в шутку называл её Мистюков – присутствовали. Женька настояла на этом. Со стороны невесты, кроме друзей-соседей были родители с братом и Туська. Галина Аркадьевна не могла приехать по состоянию здоровья. Со стороны жениха двое сослуживцев с их половинами и отец с матерью. Всего полтора десятка человек. На этой свадьбе самой пьяной оказалась невеста. К своему удивлению и последующему на утро стыду, Женька в этом смысле переплюнула даже Лёху с Толиком. Начало медового месяца у новобрачных ознаменовалось дежурством новоиспеченного супруга у брачного ложа, едва успевающего менять тазики своей жене, которая хоть и находилась почти в бессознательном состоянии, тем не менее, систематически их наполняла. Сергей умилялся, – бедная девочка, такая нежная и ранимая, – и снова несся в уборную, выплескивал содержимое, менял холодные компрессы, заваривал чай... Его интуиция либо крепко спала, либо отсутствовала вовсе. Даже слова его матери, которая на свадьбе с все возрастающей тревогой вглядывалась в невестку, не произвели на её сына ровным счетом ни малейшего впечатления:

«Сынок, та вона же пье...», – Валентина Федоровна, имеющая украинские корни, если сильно волновалась, часто переходила на родной язык.

Женька с сыном переехали в маленькую холостяцкую

квартирку Сергея. Подали документы на расширение. В остальном, жизнь Евгении не сильно поменялась. Она работала на прежнем месте, Дима ходил в ту же школу. Вскоре пришло страшное известие, что у Галины Аркадьевны рак мозга. Зинаида Евгеньевна рассказала Женьке, что бабушка никого не хочет видеть, что открывает только Надежде, которая у неё практически живет, и, наверное, уже прописалась. Здесь Женькина мать расплакалась:

– Всю жизнь она так со мной, как с врагиней! Как будто, подозревает в чем-то всегда, чужая тетка ей роднее единственной дочери... Женя подумала, что это действительно так в их семье, взаимная нелюбовь матерей и дочерей. Она тоже прямо сейчас, не сходя с места, может назвать сразу нескольких людей, которые, да, ей дороже родителей. Но вслух Женя сказала:

– Какая же Надежда чужая тетка? Они больше сорока лет друг друга знают! Ты можешь представить хоть одно событие в нашей семье, в котором не принимала бы участия Надежда Ивановна?! – Женька замолчала, словно ожидая ответа, и продолжила, – Лично я – нет! Поэтому, если бабушке спокойнее, когда рядом с ней её подруга, я мешать не стану. У Женьки после телефонного разговора с матерью остался неприятный осадок. Она хорошо понимала, чего хотят её родители: чтобы она поговорила с бабГалей, убедила её в искренних и светлых чувствах, которые отец с матерью испытывают по отношению к Галине Аркадьевне, чтобы та про-

гнала, наконец, вездесущую Надьку и распахнула двери своей дочери и зятю. Но как быть с тем, что Женька и сама не очень верит в то, что родители переживают за бабушку, а не за квартиру и она терпеть не могла, когда её пытались использовать, или начинали манипулировать, как сейчас. Кроме того, бабушке сложно что-то навязать, она все всегда решает сама. Женя решила увидеть все собственными глазами. – А там посмотрим, – мысленно сказала она себе. В любом случае, она не собирается ни уговаривать её, ни, тем более давить. Для этого она слишком уважала её. БабГая открыла дверь сама и так быстро, точно стояла за ней. Они расцеловались. Женька заметила, что она ещё больше осунулась и похудела, но в остальном, это была всё та же её бабушка, – мудрая, внимательная и любящая. Верная Надя, которая была здесь же, засутилась, и в раскорячку, тяжело переваливаясь на своих отечных ногах, пошла на кухню ставить чайник. Женька, глядя ей вслед, подумала о том, что Надежда Ивановна сильно постарела, с того времени, как они не виделись. «Сколько ей, – задумалась она, – Шестьдесят, шестьдесят пять? БабГале скоро восемьдесят, а Надежда лет на девять или десять моложе Святые угодники, – осенило вдруг Женю, так и Надюше-то под семьдесят уже! Когда же это успело случиться?». Женька привыкла, что Надежда Ивановна всегда активна, энергична и всегда готова помочь. Вспомнилась фраза – дружба – понятие круглосуточное.

– Надежда Ивановна, а как Костик? – спросила она.

– Хорошо, Женечка, что ему, – живет, как птичка Божия, – заулыбалась Надя, – увидел зернышко и счастлив. В церковь ходит, помогает там, а я не запрещаю, нужно же ему чем-то заниматься. Родители от него из своей Германии деньгами откупаются, а со мной ему тоже, небось, не очень-то весело. Женьке опять пришла на ум вычитанная где-то фраза, – даунята – славные ребята, да что со мной сегодня? – подумалось ей.

– А вы знаете, я ведь осознанно врачом захотела стать в классе пятом, наверное. Мечтала, вырасту, стану знаменитым доктором, вылечу Костика, и мы поженимся – все трое невесело посмеялись.

Галина Аркадьевна внимательно глядя на Женю, спросила:

– Ладно, знаменитый доктор, замуж ты вышла хоть и не за Костика, да второй раз. А где же супруг твой, я его и видела один раз всего, когда вы забежали ко мне спасаясь от дождя? – и, обращаясь к Надежде, пояснила, – Если бы не внезапно начавшийся дождь, испортивший им все свидание, так я б и по сю пору зятя не имела чести лицезреть.

– Капитан на объекте, подробнее даже не спрашивай, это страшная военная тайна, т-с-с-с, – Женька театрально приложила палец к губам, глядя на пожилых женщин смеющимися глазами, – Да ладно, шучу я, он заберет Димку с продленки и заедут сюда вечером. Разрезая торт, она продолжила:

– А про дождь, Надежда Ивановна, это правда, мы с Сережей в тот день оказались в Ставрополе из-за премьеры фильма «Мама», смотрели? С Нонной Мордюковой. Выходим из кинотеатра, а тут ливень, ну вот мы и прибежали сюда... Да мы и так собирались, конечно... – она поставила перед баб-Галейблюдце с тортом, и добавила:

– Жаль, что тебя на свадьбе не было... Галина Аркадьевна слушала внучку, любовалась её свежим, румяным лицом с яркими, словно промытыми майской грозой серыми глазами удовлетворенно кивала её словам и своим мыслям. Обе, не стовариваясь, оттягивали разговор о болезни, анализах и вытекающих из всего этого совсем нерадостных перспективах. Галина Аркадьевна, когда ушла Надежда, начала изда-лека и опять заговорила о прописке, Женя объяснила, что есть возможность получить двухкомнатную квартиру, а если она будет с Димкой прописана здесь, этого может и не случиться.

«И потом, ну куда твоя квартира денется? – повторяла опять Женя, – Дальше нашей семьи – никуда!»

Они долго сидели вдвоём, бабушка и внучка, – тихо разговаривали, чему-то смеялись и просто молчали. Женька обещала приезжать каждую неделю, а если будет нужно, то и чаще. Галина Аркадьевна с улыбкой кивала. Даже она, хоть и не знала точно, но видимо, интуитивно чувствовала, то, что этот вечер, который она в ясном сознании и с удовольствием провела вместе с любимой внучкой у них последний. Мо-

жет быть поэтому, так часто в этот день её взгляд задерживался на Жене, и она иногда теряла нить разговора. Поэтому они так много в этот день вспоминали дорогих сердцу, ушедших людей. И долго, уже все вместе, рассматривали семейный альбом, с подробными комментариями Галины Аркадьевны, с её грустными и забавными историями, связанными с той или иной фотографией, рассчитанные, в большей степени, на Сергея и правнука Димку. Обратно ехали молча. Говорить никому не хотелось. Даже Сергей, которого трудно было бы упрекнуть в сентиментальности, уже подъехав к дому, и глянув на заплаканную Женьку, проговорил: «Да, грустно все это...» Сын Дима, вроде бы не проявивший особой заинтересованности ни к бабушкиным рассказам, ни к фотоальбому, тоже притих и смотрел в окно.

Женька знала, что у бабушки вторая стадия рака, неоперабельная, болезнь запущена и прогрессирует, но и она не ожидала такого резкого и кардинального ухудшения её здоровья. Её стали мучить головные боли такой силы, что она начинала кричать. Во время этих приступов и сразу после них, никого не узнавала, обводила мутным взглядом комнату и звала Женю, даже, когда она находилась рядом. Женька правдами и неправдами доставала лекарства, это было дорого и тяжело, но то, что выписывали Галине Аркадьевне в городской поликлинике, либо помогало очень непродолжительное время, либо не действовало вовсе. Положение осложнялось тем, что бабушке, в основном, нужны были сильные обезболива-

ющие, практически наркотики, тех, что выписывали легально, было смехотворно мало. Дважды помощь оказывал Лёня. Действовал не прямо, а через Тусю. Женя догадывалась, но не подавала вида, – остродефицитные препараты, так же, как и деньги, – не пахнут. Женька каждый выходной моталась в город, а иногда и после работы, если звонила Надежда и общала об ухудшении состояния или о том, что Галина Аркадьевна зовет внучку. После тяжелой работы, после ещё одной смены у бабушки, где Женька готовила, стирала, убирала, словом, делала то, что бабГаля уже не могла, у неё вошло в привычку ехать не домой, а в соседний город на свою бывшую квартиру. Официальную причину для визита она конструировала ещё по дороге, это была либо Майка, с которой она неожиданно подружилась, и которая за бесплатно вылеченный зуб, теперь шила ей платье, либо выражение соболезнования по поводу безвременно ушедшего супруга бабы Мани – Паши, и мгновенная организация дополнительных поминок в связи с этим, либо что-то еще. Но чаще всего никакого повода не требовалось, тем более никому и в голову не пришло бы в этой квартире удивляться, что замужняя женщина, имеющая ребенка и проживающая, вообще-то, в соседнем городе, пришла ненадолго в гости к своим, пусть и бывшим, но добрым и отзывчивым соседям. Можно сказать, друзьям. Её радушно принимали, тем более что Женя никогда не являлась с пустыми руками. Довольно часто, понимая, что на автобус домой она не успевает, а иногда поступая так

сознательно, Женька звонила мужу и сообщала, что заночует у бабушки, так как не может её оставить в таком состоянии. Сама же после того, как Толик раз или два наведывался в соседнюю квартиру за алкогольным пополнением, уже поздно ночью отрубалась у бабы Мани на аккуратно заправленной кровати отошедшего в лучший мир дяди Паши. Тем временем, то ли медикаменты Лёнчика оказали своё положительное действие, то ли Женькины усилия дали результаты, но Галина Аркадьевна стала чувствовать себя значительно лучше. Первая ремиссия была долгой и обнадеживающей. Бабушка хоть и начала стремительно терять зрение и почти не разговаривала, но сохраняла некоторую активность и была стабильна. Прекратилась ежедневная непредсказуемая рвота и эпилептические припадки, блуждающее сознание пришло в относительную норму. Женька облегченно вздохнула и... забеременела. Сергей не находил себе места от радости. В последнее время он ощущал тревогу, жена была или на работе, или бегала с рецептами по аптекам и знакомым, или ухаживала за бабушкой и даже не раз оставалась там с ночевкой. Её муж переживал: мыслимое ли дело, пару раз после таких ночных дежурств, жена не в состоянии была выйти на работу! Из-за чего у неё даже были проблемы. Но теперь Сергей категорически запретил жене подобные вылазки, опасаясь каких-либо осложнений для неё самой и ребенка. Женька прекратила визиты в «нехорошую» квартиру, а к бабушке её раз в неделю возил муж. Тем более, что у Гали-

ны Аркадьевны и её дочери Зинаиды произошло очередное хрупкое примирение и Женькина мать часть забот о бабГале взяла на себя. Этот период жизни Евгении был одним из самых размеренных и тихих. Она спокойно работала, погрузилась в заботы о семье, занималась сыном, перед которым всегда чувствовала плохо осознаваемую, но постоянно напоминающую о себе тем или иным способом, вину. Дима рос замкнутым мальчиком, колючим и необщительным. Женька винила себя, что родился он, когда они были студентами, перебрасывали его – то бабушке, то прабабушке, ему не хватало материнской любви, а отцовской он и почувствовать не успел. Учился он ровно, быстро схватывал новый материал, но было видно, что ему скучно, что школа его тяготит. Читал быстро и хорошо, но только то, что задавали, ни больше, ни меньше. Сергей на досуге занимался авиамоделированием и пытался увлечь этим мальчишку, но Дима не только не проявил ни малейшего интереса к такому времяпрепровождению, но и откровенно зевал, когда Сергей с увлечением начинал рассказывать о той или иной модели самолета. Мистюков хмурился и соглашался с женой, что, «видимо авиация – это не его», но в душе презирал ребенка, а потому оставил в покое.

В августе поехали на море, в Анапу. Димка впервые в жизни увидел море и полюбил его сразу и навсегда. Женька, которая хорошо плавала, научила и сына. Она до этого ни разу не видела своего мальчика таким живым и радостным. Че-

тырнадцать дней пролетели ярко-фруктовым и жарко-прекрасным маленьким счастьем. Женька с удовольствием ощущала себя женой и матерью: в отношениях с сыном, ей казалось, растаял ледок, который она всегда ощущала, они много гуляли, купались, разговаривали. Она решила обязательно записать его на плавание, так как не помнила, чтобы Димку что-то также интересовало. А с Сергеем они вошли в фазу, когда ещё в самом разгаре новизна и свежесть чувств, когда открытие и дальнейшее узнавание в другом каких-то привычек и особенностей характера ещё не приелось, и не вызывает раздражения или досады. Доверие, открытость и раскрепощенность, которые уже возникли между ними, ещё не стали обыденностью, их пока не застил быт и разъедающая душу повседневная матрица.

8

Девочка была, чудо, как хороша! Прозрачно-голубые, с серым оттенком глаза с длинными черными ресницами и темная косица волос на затылке выгодно отличали её среди новорожденных. Капитан Сергей Мистюков едва не сошел с ума от гордости и счастья. Ещё бы! Олька, шалава, успела посеять в нем зерна сомнения в его способностях к продолжению рода, да и в мужской состоятельности, в целом. И семена эти к тридцатидному году, дали обильные всходы. Но есть все-таки Бог на свете! 5 января 2000 года, в самом начале тысячелетия, в самом начале нового года, появилась на свет их дочь Анна. Сергей, вглядываясь в личико малютки, изумленным шепотом спрашивал у жены:

– Ты видела её глаза? Это же обалдеть можно! Действительно, ярко-серые Женькины глаза и голубые Сергея, путем немислимой метаморфозы воплотились в очах их дочери глубоким, сложным цветом, которого не бывает у новорожденных. Женька, чей первый муж вырос в художественной мастерской, знала, что этот оттенок называется стальной синий. По поводу имени для ребенка, супруги никак не могли договориться. Сергей хотел назвать Миленой, в честь наступившего тысячелетия, Женя скривилась:

– Что за пошлость, знаешь, сколько их будет этих Милан и Милен! Пока я в роддоме лежала уже четверых девочек так

назвали! Затем муж предложил имя – Александра, Женька опять замахала руками:

– О, нет, нет, никаких мужских имен для девочки! Меня хватит за глаза одной, с дурацким, пацанским именем! Све-кровь, Валентина Фёдоровна, предложила назвать Анной. Женя подумала и согласилась. Анна – красиво, женственно и благородно – царское имя.

Жизнь, между тем, шла своим чередом. Сергею дали квартиру в пяти километрах от Ставрополя, Михайловске, который за год до рождения Анечки получил статус города. Таким образом, Женька снова вернулась туда, где жили её родители, и где до недавнего времени жила она сама. Трёхкомнатная квартира в новом доме казалась пределом мечтаний. Женя разрывалась между ребенком, благоустройством новой квартиры и слабеющей Галиной Аркадьевной, которая чувствовала себя, то лучше, то хуже, и в период обострения болезни непременно требовала к себе Евгешу. Возможно, это было самовнушение либо общее заблуждение, но, казалось, ей реально становилось лучше в присутствии внучки. Женя, как никто, всегда знала, что можно и нужно сказать, а когда лучше промолчать. Она по природе своей была задумана, как сестра милосердия. И несла исцеление и утешение. У неё были заботливые и добрые руки. Рассказывая Галине Аркадьевне о своих делах и планах, летая из кухни на балкон, оттуда в ванную, затем к бабуле – сменить постель, и снова на кухню, она успевала приготовить обед, включить

стиральную машинку, накормить и дочку и бабушку, разве- сить бельё, пропылесосить и сделать влажную уборку. Поми- мо этого, за 2–3 часа, Женя умудрялась помочь Галине Арка- дьевне вымыться, сделать рекомендуемый врачами массаж и обязательно читала ей вслух, так как бабушка почти ослепла. Застававшая её часто в этих перелетах Надежда Ивановна только ахала от удивления. Муж был смутно недоволен эти- ми поездками с грудным дитем к онкологической больной и не раз пространно высказывался в том смысле, что природа рака до конца не изучена, и неизвестно – заразен он или нет.

– Совсем не обязательно, – ворчал Сергей, – без конца мо- таться к умирающей старухе, да, в придачу, таскать ребенка. У неё дочь есть на пенсии, вот и пусть ухаживает.

Женя вопросительно поднимала глаза на мужа:

– Так она и ухаживает, когда я не могу или Надежда Ива- новна... Просто они не очень ладят, мать и бабушка, ты же знаешь... Ну а что до того, что это может быть опасно, ты зна- ешь, бабГаля не сталкивалась в своей жизни с онкологией, ни разу, а все-таки заболела... – она внимательно посмотре- ла на Сергея, – неужели действительно не понимает? И про- изнесла, четко и медленно, как не очень сообразительному ребенку:

– Бабушке с её диагнозом нервничать противопоказано. Я не могу спокойно жить, зная, что ей плохо. Это очень до- рогой и близкий мне человек. А если ты этого не понима- ешь, то и объяснять не стоит! Евгения, считая разговор окон-

ченным, демонстративно возвратилась к делам. Сергей ещё несколько минут назад полный яростных аргументов против бессмысленных, на его взгляд, поездок, и готовый в самой категорической форме запретить их жене, при виде её плотно сжатых бледных губ и опущенных глаз, растерянно умолкал. Женя злилась на себя из-за того, что её так легко вывести из себя. Еще больше начинала злиться, когда догадывалась о причине этого раздражения. Она ловила себя на мысли, что ждет, когда Сергей уедет. Объясняла это себе тем, что он своим присутствием мешает ей закончить ремонт в квартире. Это была правда, но не вся. Да, Сергей в хозяйственном отношении был, мягко говоря, не очень полезен. К тому же приходилось отвлекаться на готовку, (обед из трех блюд!), создание уютной, домашней атмосферы, когда муж приходит домой. Нельзя же, в самом деле, как ни в чем, ни бывало, продолжать заниматься обоями или помогать Димке с уроками, когда рядом измотанный и голодный супруг. Но остальная правда заключалась в том, что, когда её капитана не было дома, она чувствовала себя гораздо лучше. По крайней мере, свободнее и легче, точно. Галина Аркадьевна, если бы знала об этом, и была в прежнем здравии, могла бы кое-что порассказать ей о такой же ситуации с бывшей женой её второго мужа. Когда Мистюков был в отъезде, Женя спокойно занималась своими делами без оглядки на часы. Ездил к бабушке, подбирала комод в спальню или диван в гостиную, а также навещала друзей в «нехорошей» кварти-

ре. Лёхе с Майкой дали, наконец, «двушку», рядом, в соседнем доме, так что, по большому счёту, мало что изменилось. Ей было непонятно и самой, почему её так тянет к ним. В конце концов, не такие уж они были и друзья, и прожила она с ними совсем недолго, да и вообще, что у них общего!? У неё прекрасная семья: муж – офицер, двое детей, сама она врач-стоматолог, сейчас в декретном отпуске, – ну, что у неё может быть общего с Толиком-чеченом или Майкой? Иногда, мучаясь наутро от похмелья, ей казалось, она знает, что именно их объединяет. Но этот ответ ей не нравился. И она объясняла для себя эту, несколько странную привязанность тем, что в этой компании она могла быть самой собой. Ей не нужно здесь притворяться кем-то, кем она на самом деле не являлась. Не возникало необходимости что-то кому-то доказывать или подтверждать. Бывшим соседям Евгении было не особенно важно, кто из них талантливее, значительнее или успешнее. Можно быть самой собой и не переживать, что тебя подставят, обсмеют или занесут в неудачники. Женя поняла, ей так хорошо и легко с ними, потому, что не надо играть никакую роль, появляется возможность, наконец, снять маски и просто быть, а не казаться. Ни одна встреча не обходилась без спиртного. Пили много, часто до утра. Содержание разговоров и дискуссий, которые представлялись такими важными и значительными за столом, к утру либо полностью выветривалось из головы, либо оказывалось таким бредом, о котором и вспоминать не хотелось. В последнее время ей

мало становилось этих встреч, и когда Сергей был в отъезде, она несла спиртное домой и пила, с не меньшим удовольствием, в одиночестве. Ей пока удавалось балансировать на зыбком трамплине между социальной ответственностью, на фундаменте которой у неё было горячее желание построить крепкую, любящую семью и набирающим обороты заболеванием.

Дима учился в четвертом классе и был, по-прежнему, самостоятельным и отстраненным. Женьке хотелось бы знать, где он находится на самом деле, когда усердно слушает, глядя на неё прозрачными, абсолютно ничего не выражающими, глазами. Он напоминал её брата Ярика в детстве. Сейчас Ярославу было 23 года, он заканчивал политех и если не считать застенчивости и нехарактерной для его возраста привязанности к матери, в остальном это был обычный молодой человек. Женька успокаивалась тем, что гены есть гены, могло быть и хуже. Мать же, когда она, бывало, жаловалась ей, что не может достучаться до сына, не понимает его, не знает, чем он живет, что ему интересно, советовала ей не гневить бога, а радоваться, что у неё такой послушный и беспроблемный мальчик. Анечка была милой и ласковой девчушкой, к тому же прехорошенькой, и напоминала кудрявого ангела со старых рождественских открыток. Дети были совершенно непохожи, ни внешне, ни по своим внутренним качествам, но прекрасно ладили. Более или менее распознаваемое чувство удовлетворения приносил сыну компьютер,

приобретенный Женей за единовременное пособие по случаю рождения дочери. С мечтой о бассейне пришлось расстаться, так как в их городе его не было, и Женька опять чувствовала себя виноватой перед Димкой. Компьютером, с тех пор, как у него, одного из первых не только в классе, но и в школе, он появился, сын овладел также легко и незаметно, как и плаванием. Иногда заглядывая в комнату Димы, она заставляла такую картину: за письменным столом находился её старший ребенок, а возле него на ковре, мурлыча что-то вполголоса, располагалась Аннушка со своими игрушками, и у обоих детей был самый благодушный и умиротворенный вид.

Сергей, находясь в отъезде, тосковал по жене и дочке, а будучи дома иногда чувствовал себя неудобно, и даже не мог объяснить почему. Будто что-то стояло между ними и не давало наслаждаться семейной жизнью в полной мере. Какая-то недоговоренность, недосказанность, что-то вроде прозрачной стены, которую Сергей не то, что не мог, но и боялся разрушить. Неизвестно, что за ней и хватит ли сил и желания на расчистку завалов. Уж лучше так, чем вообще никак.

Как-то, 23 февраля, Женя приготовила праздничный ужин, муж сильно задерживался. Откупорив вино, решила попробовать. Опомнилась, когда услышала, что пришел Сергей, в бутылке оставалось меньше половины. Женя тихо подошла к мужу: то ли подстегиваемая своим извечным чув-

ством вины, то лирешившая по-особенному поздравить супруга, то ли доза спиртного оказалась для неё идеальной, но только в ту ночь сошлось всё: место и время, мужчина и женщина. Эта ночь стала точкой отсчета для легализации алкоголя в их семье по поводу и без. Жене больше не нужно было выдумывать несуществующие причины для того, чтобы выпить тогда, когда ей этого хотелось. А хотелось часто. Можно было не ехать к своим друзьям, к черту на куличики, только потому, что появлялось горячее желание душевно пообщаться и расслабиться. Достаточно было позвонить супругу, и томным голосом, поинтересоваться: «Может, посидим сегодня, я уложу детей пораньше?...» Видимо, в тот праздничный вечер, когда Женя откупорила бутылку вина, она выпустила из неё алкогольного джинна. А Сергей, приняв его дары в виде умопомрачительных и страстных ночей, оставил его в своем доме надолго.

Мать истошно кричала что-то по телефону. Женя спросонья не разобрала ни слова. Голова раскалывалась так, будто в каждый висок ей молотом забивали стальные конусы. Вчера обмывали майорские звезды начфина Кравцова. Интересно, Мистюков дождется этого когда-нибудь или так и будет до пенсии в капитанах бегать... Да, что она так орёт-то, господи ты, Боже мой, – проносилось галопом у Женьки в голове.

– Не кричи, пожалуйста, – выдавила Женя, – Что случилось, я не понимаю ничего...

– Надька, Надежда Ивановна, то есть, умерла сегодня ночью! – визгливым голосом, но уже членораздельно, проговорила мать. Я от бабушки звоню, ей плохо совсем, меня не узнаёт, гонит, тебя все ищет и Надю... Приезжай, дочь, я не знаю, что делать, если нужно с детьми, я могу забрать к себе пока... Ирине, дочке Надиной, я позвонила, они вылетают сегодня, – мать заплакала. Жене казалось, что она увязла в каком-то страшном, нелепом снеи если стараться, то она вот-вот проснется и опять все будет хорошо:

– Как это умерла?... Надежда? Почему? А как же Костик? С ним что будет? А бабГаля?...

– Да причем тут Костик? У него родители есть, пусть они думают, говорю же, вылетают сегодня! Ты понимаешь, вообще, что это значит! Твоя бабушка в таком состоянии, что

её нельзя оставлять одну в квартире, – Зинаида Евгеньевна всхлипнула и продолжила, – А Нади теперь нет под боком, что нам делать!?! Пока мать все это говорила, Женька немного собралась с мыслями и заговорила спокойно и четко:

– Я приеду сейчас, а ты постарайся успокоиться. Мужу на службу, так что Аня едет со мной. Посмотрим по обстоятельствам, если нужно будет, то заберешь её, а мужики какое-то время справятся и без меня.

Женя говорила и сама удивлялась своему хладнокровию. Это спокойствие не было ничем обоснованно и подкреплено, но интуиция подсказала самый верный в той ситуации метод: действовать пошагово, без суеты и паники. Маленькими шажочками. Закончив разговор с матерью, Жене после долгих препирательств с регистратурой удалось вызвать по телефону к Галине Аркадьевне её лечащего онколога и медсестру. После этого она снова разговаривала с матерью, затем дозванивалась в похоронное бюро. Она и не заметила, как ушел Сергей. Димка завтракал в одиночестве и никуда не спешил, ему в школу во вторую смену.

– Доедай, и живо за уроки, я еду к бабушке. Скорей всего задержусь, – Женя давала указания сыну, вызывала такси и одновременно собирала хныкающую, не желающую просыпаться Аню.

Глядя на мелькающие за окном в тумане, обнаженные и мокрые деревья, Женька никак не могла сосредоточиться на текущих делах и все думала о Костике, где он теперь будет

жить и, главное, с кем. Когда мама однаклассница и подруга, красавица и умница Ирина вышла замуж за такого же умного и красивого, да ещё и обеспеченного молодого человека, никому и в голову не могло прийти, что у таких блестящих молодых людей может родиться не ангелоподобный вундеркинд, говорящий сразу на трёх языках, а совсем наоборот. Но именно так и случилось. Сначала у них, так же, как и у Зинаиды с Валерием, вообще долго никто не рождался, но в отличие, от Женькиных родителей, – абсолютно сознательно. Сначала Ирина доучивалась, она шла на красный диплом, нельзя было отвлекаться, потом работа в солидной фирме. Только через шесть лет появился на свет чудесный розовощекий младенец, но, к сожалению, с лишней 21-й хромосомой, т.е. синдромом Дауна. Ирина и её многообещающий супруг, явно не ожидали такой подлости от Вселенной и были глубоко несчастны и раздавлены. Вся эта ситуация усугублялась тем, что Владлен Шефер, новоиспеченный отец и муж Ирины, русский немец, готовился отбыть с семьей на ПМЖ в Германию, где у него уже несколько лет благополучно проживали родители. У Владлена был небольшой автомобильный бизнес на родине, а в славном немецком городе Хамме, его отец уверенно разрабатывал почву для того, чтобы их семейный бизнес процветал не только на юге России, но и на родине Гете и Шиллера. И вдруг такая оказия, некондиционный ребенок. Как такое вообще могло произойти в их семье: не пьют, не курят, занимаются спортом, едят толь-

ко здоровую пищу!)?В своем «праведном» гневе они как-то упустили из виду, что для появления дополнительной хро-мосомы все это совершенно не имеет значения. Правильная и умная Ирина совместно с мужем Владленом, стоя уже одной ногой в благополучной и сытой Европе решают оставить не отвечающего высоким требованиям их семьи ребенка, как есть, в роддоме, т.е. отказаться от своего не вполне полноценного сыночка. Но здесь на авансцену вышла мать Ирины Надежда, всей своей полногрудой красотой, вкушающая радость от нового для неё статуса бабушки. Надежда Ивановна изначально задумывалась самим Провидением, как хлебосольная, добрая и многодетная мать большого дружного семейства. Но не случилось. В природе тоже бывает, что что-то идет не так. Свою единственную дочку Ирочку она почти боготворила и очень ею гордилась. Ещё бы: умная, красивая, серьёзная. Школу окончила с золотой медалью, университет с «красным» дипломом. И как у неё могла появиться такая дочь? Мать даже немного робела в её присутствии. Боялась сказать или сделать что-нибудь не так. Вдруг Ириша рассердится или ей будет стыдно за неё. Она же такая неуклюжая, толстая, малограмотная баба. И мужа дочка нашла себе под стать: красавец, с высшим экономическим образованием, бизнесмен. Такая великолепная пара, как с обложки журнала. Надя не всегда решалась даже говорить в присутствии зятя с дочкой. Только кивала головой и поддакивала: «Правильно говоришь, доченька», «Верно, верно, Ириноч-

ка». Но когда они удумали такое: родного дитя оставить, как щенка беспородного, Надежда Ивановна молчать перестала. Она высказала и своей великолепной Ирине, что она думает, о таких, с позволения сказать, матерях и своему хитроумному (Надя употребила здесь другое прилагательное) зятю, этому павлину надутому, фашисту проклятому, рассказала, чтобы она с ним сделала и куда б отправила вместе с его бизнесом и всем его немецким отродьем. Затем, немного отдышавшись, (давно не практиковалась в очередях, да и сами очереди, почти исчезли), оглядев невидящим взглядом притихших Иру с Владленом (дело происходило на скамье, возле приемного отделения родильного дома), добавила:

– Значит так, мои хорошие, оставите ребенка, я его заберу и усыновлю все равно, но только уже прилюдно! Ославлю так, что слышно будет в этой вашей расчудесной Германии! Ясно? Мне отдадут, не переживайте, мне всего-то 45 лет, и квартира у меня, и муж имеется, да и кому нужны инвалиды, – Надежда помолчала и уже спокойно закончила, – Или вы забираете своего дитя, как и положено любящим родителям, мы оформляем у нотариуса доверенность или что там нужно и катитесь в свою Германию на здоровье, – Мы с Володей будем растить... Костика, – назвала она внука первый раз именем, которое давно, кто знает, почему согрело её душу. Ничего, Бог даст, вырастим. И Бог дал. Целых 27 лет. Именно столько было сейчас Косте. Но только воспитывала его баба Надя одна. Володя её, всю жизнь работавший ав-

тослесарем, после развала Союза, вдруг оказался очень востребованным мастером по ремонту иномарок и круто пошел в гору. Первые несколько лет, было удивительно и ему самому, и тем более Наде, что не нужно больше жить от зарплаты до зарплаты. Володя стал приносить немалые деньги, причем каждый день. Они никак не могли привыкнуть к этому. Но к достатку, как и ко всему остальному человек привыкает быстро. С деньгами Владимир, который и раньше-то не был образцовым семьянином и уж точно никогда верным мужем, вдруг, в глазах противоположного пола обрел ещё большую значимость и вес. Уже несколько лет он жил на две семьи. В новой семье родился сын Володька, рыжий, горластый и жизнерадостный, как отец. Но он все не решался уйти от Нади, что-то его останавливало. Ему было удобно с ней, привычно и спокойно. Очень много значит, когда веришь человеку, чуть ли не больше, чем самому себе. А в Надюхе Володя был уверен. Всегда. Они поженились, когда он был, молодым, никому не известным слесарем, с третьей автобазы. Закомплексованный, сельский парнишка, но Наде был всегда нужен только он сам и ничего больше. Если бы он протянул руку и сказал: «У меня ничего нет и, видимо, никогда не будет. Ты пойдешь со мной?» И Надька бы пошла, не раздумывая. Он это знал. Но, с другой стороны, Лиду тоже можно понять. Молодая, красивая, три года ждет, когда же он определится, наконец. Даже такому ангельскому терпению, как у неё может прийти конец. В последнюю встречу, он это отлич-

но почувствовал. И пацан растёт без отца, считай. Неожиданная развязка этой ситуации пришла с рождением их внука с синдромом Дауна. Владимир хорошо понимал дочь, и не осуждал её в решении оставить больного ребенка, да и сами врачи это советовали. Жену он тоже поддерживал, не по-христиански это, взять и отказаться от своего ребенка. Но после того, как Костик стал жить с ними, он выдержал только первые несколько месяцев. Родной внук пугал его до нервной икоты, кроме того, Владимир никак не мог привыкнуть к постоянному крику. Даже когда на то не было никаких видимых причин, ребенок мог кричать безостановочно часами. У Надежды хватало терпения носить на руках и укачивать его полночи, у него нет. Но не только специфическая внешность и плач, настораживали Надиного мужа, но и другие, мягко говоря, особенности малыша. Например, Костику было абсолютно все равно, кто его брал на руки, свой или чужой человек. Он не проявлял никаких признаков узнавания, или тем более, радости, когда он или его жена подходили к кроватке. Головку стал держать лишь после трёх месяцев. Иногда, с опаской заглядывая в кроватку, потому что вдруг устанавливалась подозрительная тишина, он смотрел, как Костик непрерывно мотает головой со стороны в сторону. На это было невыносимо смотреть, но он почему – то все равно смотрел, и только через некоторое время, с трудом, прилагая невероятные волевые усилия, отходил от кроватки своего внука и долго потом, в машине, в смотровой яме, или

бессонной ночью, ему чудилось круглое личико с монгольским разрезом глаз и маятниковыми движениями головы с плоским затылком. Когда мальчику не было и пяти месяцев, Владимир объявил Надежде, что уходит. Не может больше. Он рассказал ей всё и про незаконную жену Лидию, и про сына Володьку. И признался, что, скорей всего, так и не решился бы уйти, если бы не Костик.

– Ты, пойми, не могу я больше, он мне всюду мерещится, – муж перешел на шепот, – на работе, в гараже, даже во сне, – Везде он, смотрит на меня, будто преследует. Самое удивительное и несуразное в этой всей истории было то, что рассказ Владимира о том, что у него уже не первый год имеется другая семья, прозвучал как-то так, между прочим. Как само собой разумеющееся. Гораздо больше переживаний он испытывал, когда речь заходила о малыше. Видимо, Надежда ожидала от мужа что-то подобное, так как не сильно и удивилась. По её невозмутимому виду было совершенно не ясно, знала она о существовании любовницы и ребенка с самого начала, или просто не хотела демонстрировать свои чувства. Ей только было не понятно, как можно не любить такого чудесного, солнечного ребенка. А тем более пугаться и бежать от него. Надя искренне силилась понять, но не могла. Владимир ушел в тот же день. Собрал вещи, отдал ключи от дома, обещал помогать. Затем сел в машину и уехал. Навстречу молодой жене, здоровому сыну и новой жизни. А Надежда осталась. И Костик остался с ней, на целых двадцать семь

лет. Но теперь её нет и совершенно не ясно, что будет дальше с Костиком.

Женя, глядя на строгое и торжественное лицо покойной Надежды Ивановны, думала о том, как непредсказуема и пугающе бесстрастна жизнь. Надя, которая не только сродуне лежала в больницах, но даже чихала в своей жизни крайне редко, в тот вечер, ухаживая затяжело больной Галиной Аркадьевной, почувствовав себя неважно, спустилась в свою квартиру, легла на диван и умерла. А Женина восьмидесятиоднолетняя бабушка, у которой уже третья стадия рака, в настоящий момент плачет у гроба своей верной подруги. Такие минуты, когда она находилась в относительно ясном сознании, когда её не мучили страшные головные боли или головокружения, во время которых она не могла самостоятельно передвигаться, становились все более редки. Галина Аркадьевна крепко ухватилась за Женю, рука её дрожала, она все время что-то бормотала и всхлипывала. Здесь же находился и Владимир. Он стоял, низко опустив седую голову. Рядом с ним стоял и широко улыбался всем присутствующим, прибывающий в счастливом неведении его внук Костик. Своим разумом шестилетнего ребенка он силился и не мог понять, почему баба Надя лежит, а вокруг много людей смотрят на неё. А она все не просыпается и не зовет его обедать. А он очень хочет кушать. Блуждая в своем солнечном мире Костику было не ясно, почему этот мужчина, который даже ростом ниже – его дедушка, и почему он так сильно держит

за руку и не отпускает. И почему нельзя разговаривать. И для кого все эти пирожки, если ему разрешили взять только один. Даже самая добрая из всех присутствующих, его подруга – Женя, сегодня заставила его надеть чистую рубашку, сказала, что к нему приезжает мама, чтоб вел себя хорошо, и совсем не заинтересованно глянула на новые иконки, которые подарили ему в церкви. А ещё ему сказали, что бабу Надю забрал боженька. Ну, это вряд ли! Костика даже позабавило, – вот же она лежит, баба Надя. Он решил немедленно сообщить об этом присутствующим, но ему не дали этого сделать, а зашикали и отвели на третий этаж к противной Марине. Костик нахмурился и смотрел исподлобья. Ему велели сидеть тихо и слушаться её. На этот раз обычно крикливая Марина говорила тихо, ласково, гладила его по голове и налила целую тарелку горячего супа. Потом дала несколько ярких журналов, ножницы сказала, что он может вырезать любые картинки.

После смерти Надежды Ивановны, самым трудным было пережить отъезд Костика за границу. За все то время, которое понадобилось Ирине, чтобы уладить формальности с документами, Костик ни разу сам не подошел к ней и не заговорил. А он был малый очень словоохотливый. Даже свою коллекцию иконок, которую он охотно демонстрировал кому угодно, от Ирины прятал.

«Как они будут жить вместе?» – наблюдая все это, переживала Женя. Детей у них с Владленом так больше и не бы-

ло. Ирина ни с кем не откровенничала, поэтому было неизвестно, это их сознательный выбор или трагическая усмешка судьбы. Костик в отношении матери немного оттаял, лишь, когда та заказала торжественную панихиду на сороковой день по его бабушке и своей матери усопшей Надежде. Ирину здорово удивило трогательное и доброе отношение служителей и некоторых прихожан к её сыну. Его приветствовали, с ним заговаривали, ему улыбались. И он в этом месте как-то неуловимо изменился: приосанился, взгляд стал осмысленным, движения более степенными. Он многих знал по именам, расспрашивал о здоровье, о детях и внуках. Видя, что вошедший нерешительно оглядывается по сторонам, подходил, говорил об иконах и о том, какому святому и о чем лучше молиться. В тот день из церкви они пришли вместе. Ирина по дороге рассказывала ему о том, какие прекрасные храмы есть в стране, в которой они будут жить все вместе: папа, мама, он и собака Грета. И какая чудесная комната его ждет! Костик молчал, сопел и недоверчиво улыбался.

Женька поняла, что никогда не забудет его крик в день отъезда. Её родители провожали Ирину и её сына в аэропорт. Костик причесанный, нарядный, сел к Женькиному отцу в машину, с ним рядом впорхнула изящная и красивая Ирина. Вдруг Костик повернулся к заднему стеклу и, увидев Женьку, сквозь слезы, приветливо машущую рукой, зашелся в истошном крике и попытался выйти из машины. Двери заблокированы, отец выехал со двора и последнее, что

видит Женя, это развернувшаяся к подруге и её великовозрастному ребенку Зинаида Евгеньевна, пытающаяся как-то успокоить Костю, обнимающая его Ирина, и он сам, перекрывающий все их голоса воплем отчаяния и безысходности. Так кричит, загнанный в ловушку или смертельно раненый зверь, интуитивно чувствуя свою погибель. Женька отвернулась, чтобы не видеть красного, заплаканного лица Костика. У подъезда стояла Марина, и, глядя вслед уезжающей «Волге», задумчиво произнесла:

– И чего орёт, спрашивается? Везут тебя в нормальную страну, радоваться только, а он надрывается, вот уж, действительно, – больной! – она обернулась к Женьке за поддержкой, и услышала:

– Ты что ль, здоровая? Что ты понимаешь, вообще, «больной» – передразнила она Марину, – Да он самый нормальный из нас, ясно тебе! – Женька побежала мимо соседки к подъезду.

– Ненормальная! Иди проспись! – услышала в спину, – Да пошли вы все... Ну чего встала, развесила уши – закричала она на дочку, – бегом домой.

Это был завершающий этап перед окончательным уходом Галины Аркадьевны. Долгий, тяжелый и изнурительный. Для всех. Для неё, потому что светлых промежутков уже или не было вовсе, или они были настолько крошечными, что испарялись практически незамеченными. Для Зинаиды, которая разрывалась между долгом, старыми обидами,

мужем и сыном. Для Жени, которая почти совсем переехала к бабушке, чтобы за нейухаживать. Для Сергея, которому невозможно было объяснить почему, его жена не находится дома, а смотрит за умирающей бабкой, которая орет дурным голосом от страшных головных болей, которая никого не узнаёт и помочь ей ничем нельзя. Для их детей, которые почти не видели матери и все жили порознь: Сергей с пасынком, которого недолюбливал в военном городке, Анечка с родителями Жени. Если муж уезжал, привозил и Димку к теще и тестю. Когда Зинаида подменяла Женю, Валерий Михайлович, который привозил жену, вторым рейсом отвозил дочку с внучкой к ним домой, и семья ненадолго воссоединялась.

Медикаменты, которые опять передал Лёня через Тусю заканчивались. Женя с ужасом думала, что будет потом. С помощью вездесущей и надёжной Туськи удалось отыскать хорошего покупателя на колье, свадебный подарок Элеоноры. На советы матери и той же подруги, что деньги нужны живым больше, чем мертвым, и на пожелание вспомнить, что у неё дети, в конце концов, Женя устало отмахнулась, – зато есть деньги на лекарства, как же вы не понимаете!

Потекли дни и ночи, Женя, бывало, теряла им счет и путала их. Мать подменяла её иногда, но недолго, так как Галина Аркадьевна еду от Зинаиды не принимала, кричала на весь дом, что она хочет её отравить, уколы ставить тоже не давала. Интуитивно распознав шприц, отведенный Зиной за

спину, начинала вопить: «Убийца! Убийца! Евгеша, на помощь! Где же ты!» Такая ситуация длилась уже полгода. Женя круглосуточно находилась в режиме ожидания и повышенной боевой готовности. Последние недели были особенно мучительны, Галина Аркадьевна кричала практически непрерывно. Лекарства приносили совсем незначительное облегчение. Иногда Жене казалось, что ещё немного, и она не выдержит. Но выходя в кухню, если бабушка ненадолго засыпала, натирая ей овощи на терке, или выбегая на минутку, чтобы покурить, она всё время невольно замирала и слушала, не проснулась ли бабГалина, не зовет ли её. То чего очень боишься, но точно знаешь, что это случится, все равно происходит неожиданно. Невозможно быть готовым к смерти близкого человека. Она всегда ни к месту, и всегда застаёт врасплох. Женя сидела на бабГалиной кухне и невнимательно слушала мужа, который только что приехал с объекта, а дома ни жены, ни детей, ни горячего ужина.

– Как всегда, то есть у нас это уже обычное дело! – выговаривал Сергей в трубку, – голодный и холодный дом, у меня уже интересуются, женат я, или это какая-то мистификация! А я уже и сам не знаю, вот ты мне ответь, может я уже разведен, а ты просто забыла в известность меня поставить, уведомить так сказать...

Женя нехотя отвечала: «Женат, конечно, женат, ну что я могу сделать...». Сергей уже кричал:

– Сиделку нанять! Сколько раз говорили об этом? Про-

сто нанять сиделку. И всё. Женька чувствовала, что тоже закипает: усталость, хроническое недосыпание, нервное перенапряжение, растущее беспокойство о детях, муже, умирающей бабушке, дали себя знать и Женя со слезами в голосе выпалила:

– Да не сможет ни одна сиделка с ней, пробовали уже! Да и денег едва на лекарства хватает, ты хоть раз поинтересовался, сколько элементарный трамадол или кодеин стоят? А это не самые дорогие препараты. Что ты от меня хочешь? Бросить её и ехать готовить тебе ужин? Мне, ты думаешь легко? Ане в этом месяце три года уже исполнилось, а я где была, да здесь старалась купировать очередной приступ! – Женя уже плакала навзрыд, – Сереженька, я понимаю, что это неправильно, но не могу я её бросить особенно сейчас, когда ей так плохо... – Женя посмотрела в сторону комнаты и скорей угадала, чем заметила какое-то движение там, – Я перезвоню, Сережа... В два прыжка она оказалась у кровати бабушки. Та сидела необыкновенно прямо в своей постели и, улыбаясь, ласково смотрела на внучку.

– Евгеша, я сейчас во сне видела Женечку. Твоего родного дедушку, ах как он улыбался и махал мне рукой. И только я собралась к нему, он растаял, как облако. И сразу же я увидела, что лечу в самолете, в таком же мы с Николаем в 1980-м году летели в Симферополь, даже кресла такие же. Мы в то лето отдыхали в Крыму. Так вот, лечу я в самолете, а рядом сидит генерал, да такой важный, и говорит мне: «Посмотри-

те, Галина Аркадьевна, какой чудный город внизу, это наш город. И мы соседи с вами...» Я глянула, а внизу совершенно одинаковые ровные домики, и на каждом имя и фотография жильца. А самолет так низко летит, что некоторые фотографии даже можно рассмотреть, и я все смотрю, смотрю так внимательно, и тут проснулась, – бабушка продолжала улыбаться и всматривалась куда-то сквозь Женьку, – Еремеев Иван Васильевич, – вдруг громко и отдельно произнесла Галина Аркадьевна.

– Это кто, знакомый твой? – спросила Женя, выжимая в миску губку для обтирания. БабГаля вздрогнула и непонимающе уставилась на внучку, как будто только сейчас её заметила.

– Так звали генерала, что летел со мной в самолете... Странно, откуда я это знаю, он же не представлялся. Евгеша, лекарство, моя голова... И тут же, без всякого перехода, закричала, повалилась набок, схватилась руками за голову. Женя уже набирала шприц правой рукой, а левой привычно обхватила бабГалю за плечи и легко ввела иглу. Галина Аркадьевна затихла только через час, продолжая удерживать внучку за руку. Женя попыталась встать, – хоть бабушка уже ничего не могла принимать, кроме пары-тройки ложек жидкой каши и слабенького, травяного чая, всё-таки нужно было что-нибудь приготовить. «И поесть к тому же самой, неизвестно, какая ночка её ожидает, хотя почему неизвестно, очень даже известно... обычная... среднеста-

тистическая...варфоломеевская ночь...» – мысли текли не спеша и вязли на каждом слове, как муха в густом сиропе, Женя опустила в сон, как в тотальный вакуум, ни звуков, ни действий, ни переживаний.

Она вскочила глубокой ночью, бабушка хрипела. Началась агония, и к рассвету Галина Аркадьевна скончалась. На дворе стоял хмурый, серый, больше дождливый, чем снежный, февраль 2003-го. Женя не любила этот месяц, уже и не зима, которая к этому времени изрядно поднадоела, но и до настоящей весны далеко. Хотя в этот раз погода точно соответствовала её внутреннему состоянию. Слез уже не было, Женя вообще ничего не чувствовала сейчас, осталась только безграничная, какая-то вселенская усталость и апатия. Ещё была смутная горечь от утраты, сама себе она казалась одинокой, покинутой и несчастной. Она знала, что ей будет очень не хватать бабГали, но сил на то, чтобы осознать и прочувствовать это по-настоящему, у неё уже не осталось. Она обратила внимание на свежую могилу недалеко от бабушкиной, сплошь заваленную живыми и искусственными цветами. Памятника ещё не было, но над венками Женя заметила цветной портрет нестарого мужчины в офицерском мундире и генеральскими звездами, прикрепленный на деревянном щите и надписью на нём большими печатными буквами: Еремеев Иван Васильевич 29.01.1943–16.02.2003.

– А я тебе говорю, ты молодец! Сколько можно за эти жалкие копейки пахать на государство? – Лёха встал и торжественно продолжил, – Итак, прошу внимание, дамы и господа! Предлагаю тост за нашу дорогую бизнес-леди Евгению Валерьевну! За успех и процветание её лучшего, я уверен, в нашем крае, а может и всей эрэф, частного стоматологического кабинета! Ура, товарищи! – Лёха по очереди чокнулся с бабой Маней, Толиком-чеченом и Женькой. Снова беременная жена Майка, с невинным и томным видом сидела в кресле, и делала вид, что не пила. Их младшая пятилетняя дочь Леночка, утомленная накалом многочасового застолья, спала прямо тут же, на общей кухне, примостившись возле матери в большом старом кресле испокон веку тут стоявшему, и неофициально принадлежавшем, как и другие предметы домашнего обихода, с невыясненным или тёмным прошлым, бабе Мане. Она и продолжила, стрельнув огненно-карим глазом в сторону Алексея:

– Лёша у нас, барин прямо, на два дома живёт, как тот Фигаро. Гляди лучше, вон дитё у тебя сверзится на пол щас, а командовать у себя в хате будешь, – баба Маня, не терпящая ничьего лидерства кроме собственного, демонстративно повернулась от Лёхи к Жене, – Но он прав в том, Женечка, – сменила она гнев на милость, что ты – умница! Мы все, и я,

в том числе, тебя поддерживаем и желаем везения, побольше благодарных пациентов и, конечно, здоровья! Все кроме Майки, звонко чокнувшись, выпили, а Лёхина жена отпивала маленьким глоточками какую-то бурду неопределенного цвета, замаскированную под сок. Женя обводила присутствующих слегка замутненным взглядом, излучающем, как ей казалось, любовь и благодарность, и думала о том, как же ей повезло, что она встретила таких добрых и понимающих людей в своей жизни.

Она давно мечтала о собственном кабинете. Через несколько месяцев, после того, как она вышла на работу после декретного отпуска, подвернулся и вариант. У стоматолога, Александра Яковлевича, которого она знала ещё во время учебы в ординатуре, была частная практика в Ставрополе. Будучи у него на приёме, – (сапожник без сапог, после второго ребенка Жене нужно было всерьёз заняться собственными зубами), он рассказал ей, что уезжает с семьёй в Израиль.

– Тебе ведь известно, Женя, что последние годья занимался и частной практикой, и научной работой, и преподаванием. Ни на семью, ни, тем более, на себя, времени совсем не оставалось. Сын в Иерусалиме уже несколько лет, внуку младшему десять, а я его видел один раз, когда ему полгода было. Да что там говорить, я и не заметил, что мне шестьдесят пятьуже стукнуло. Удовольствие от работы пропало, а для врача это гибельно, понимаешь?! Женя сначала отнес-

лась к этой информации недоверчиво:

– Александр Яковлевич, я вас, сколько знаю, лет восемь или десять, наверное, вы все собираетесь на историческую родину.

– Нет, нет, уезжаем. Я работаю до июня, воти оборудование буду продавать, – он глянул на неё поверх очков, – А то покупай, Жень, у меня кабинет. А что? У тебя дело пойдет, ты талантливая. Да и место хорошее, прикормленное, – доктор посмеялся своей шутке и осекся, глядя, как смотрит на него без тени улыбки его бывшая ученица.

– Купить не смогу, не потянем, а вот в аренду, если бы, но раз вы совсем уезжаете, то, конечно же, хотели бы все продать сразу.

– Ну почему, ежели хорошему человеку, – он подмигнул ей, надевая маску, – можно потолковать. Я бы тоже не хотел по частям кабинет растаскивать, привык к нему, тяжело будет. Подумай, Женя, с семьёй посоветуйся, а переезд на аренду не влияет, сейчас всё юридически можно оформить, ведь у меня брат здесь живёт.

Вот так и получилось, что с июля 2003 года, Женька начала вести стоматологическую практику в частном кабинете. Ещё не в своём, конечно, но у неё была надежда, что со временем, она сможет выкупить кабинет полностью. Родители были категорически против.

– Как можно, – возмущалась мать, – бросить муниципальную клинику, где все ясно и понятно, и зарплата, и аванс,

слава Богу, уже вовремя и не талонами, и не водкой, и полный соцпакет, и уйти в неизвестность?? Её активно поддерживал отец:

– В самом деле, да ты что? Тебе так повезло, что нашла такое хорошее место, у тебя ведь и стажа практической работы – кот наплакал! Тебя не знает никто, лечиться предпочитают у опытных врачей. Одумайся! Чем ты аренду будешь платить? Женя опять с раздражением отметила про себя, что начинает заводиться:

– Деньгами, папа, аренду я буду платить деньгами! И потом, аренда ведь не на всю жизнь, мама скоро вступит в права наследства, а в бабГалиной квартире, хоть и небольшая, но есть и моя часть. А на недостающую сумму я могу взять кредит в банке, я узнавала. Родители переглянулись и мать воскликнула:

– Ах какая умница! Всё уже за всех решила! Здорово-то как, вот бы нам так с отцом, правда, Валера? А что?! Мы тоже бизнесменами заделались бы с тобой запросто! Продавая квартиры, трудно что ли...

– Да в чем дело-то, – не понимала Евгения, – Это же хорошее вложение капитала. А поликлиника, да, конечно, спокойней, но эту лямку от зарплаты, до аванса, можно тянуть до пенсии...

Валерий Михайлович, глядя в окно, произнес:

– Ты вот что, решила идти в предприниматели, своё дело, но рассчитывай тогда уж исключительно на свои силы. Это

будет честно, по крайней мере... Да и с квартирой бабушкиной не все так просто. Она не приватизирована до конца, какие-то хвосты остались, платежки... Вот мать сейчас бегает, выясняет...

– Какие хвосты, какие платежки? Я лично за месяц до её смерти всю коммуналку оплатила, ничего не понимаю...

Она растерянно смотрела то на отца, то на мать, догадываясь и в то же время, не желая признавать очевидное. Мать ловко перевела разговор и с напускной оживленностью заговорила с Сергеем о его предстоящей длительной командировке в Астрахань, будто это хоть сколько-нибудь её интересовало. Вечер был испорчен. Женя чувствовала себя маленькой девочкой, которая в счастливом предвкушении лезет утром 1 января под ёлку, но вместо подарка обнаруживает там одинокую записку: «К сожалению, ты очень плохо себя вела». Возвращались домой в тишине. Говорить никому не хотелось. Сергей открыто не высказывался, но было и так ясно, что он полностью разделяет мнение родителей. У Жени опять проскочила мысль о том, что может она действительно ошибается. А может излишне торопится? Ведь даже Туся, когда Женя рассказывала ей о своих планах, с сомнением качала головой. Не могут же все эти люди ошибаться! Женя снова ощутила себя той самой маленькой девочкой, которая нацепив лифчик матери и засунув ножки в её туфли на каблуках, решила, что она взрослая и самостоятельная.

Вечером позвонил Александр Яковлевич и сообщил, что

первые 2–3 месяца он отдаёт кабинет ей в аренду по чисто символической цене. Чтобы она могла оглядеться, понять для себя, – её это или нет, и не переживать с самого начала о деньгах. Женя решила, что это добрый знак. Она тепло поблагодарила его и уже ни в малейшей степени не колеблясь, дала своё согласие.

Но это было только начало. Ещё нужно было взять такие серьёзные барьеры, как: получение лицензии, юридическая и пожарная инспекция, роспотребнадзор и многое другое. Но Женя почти не замечала трудностей, в возбужденно-радостном состоянии бегала с огромной папкой документов из одной инстанции в другую. И всё получалось! Пусть не так быстро и гладко, как хотелось бы, но получалось! Ей иногда казалось, что дела катятся, как по накатанной, сами собой. Что всё идет так, как и должно идти. Александр Яковлевич перед отъездом познакомил Женю с людьми, без которых осуществление ею своей профессиональной деятельности было бы довольно затруднительно. С теми людьми, с которыми он сам не один год сотрудничал: с техниками, с поставщиками стоматологического оборудования, коллегами, занимающимися частной практикой, средним медицинским персоналом. С кем-то из них сразу устанавливались ровные, деловые отношения, с кем-то, с замечательным ортодонтом Аликом, например, завязалась с первого дня многолетняя дружба, а вот медсестру Женьке пришлось искать на стороне, – неприступная и верная Александру Яковлевичу Марга-

рита Филипповна, наоборот отказалась работать с Евгенией. Счастливая Женька, узнав об её демонстративном уходе, пожалала плечами и рассмеялась.

К осени формальности с документами были окончены. Женя начала работать. Иногда без выходных. Поначалу очень волновалась, так как многие пациенты достались ей «по наследству» от Александра Яковлевича и ей казалось, что они её все время с ним сравнивают и делают выводы, разумеется, не в пользу молодой докторши. Неожиданно помог ей новый друг Алик, работающий на кафедре ортопедической стоматологии медицинского университета. Когда Евгения обратилась к нему за профессиональной консультацией по поводу одной немолодой дамы, Алик внимательно взглянул на смущенную, запинаящуюся Женьку и вдруг сказал:

– Послушай, не старайся быть хорошенькой для всех, не получится все равно... Надорвешься раньше времени и не захочешь ничего. Перестань соревноваться со Шварцем, ни к чему хорошему это не приведет. У Александра Яковлевича свой подход к работе, а у тебя свой. Не нужно копировать его стиль, лучше совершенствовать свой. Усекла? Женька, слабо улыбаясь, кивнула. Алик улыбнулся в ответ:

– Вот и умница! Отпусти себя и пари! Ведь стоматолог – это, по сути, творец! Он творит красоту, здоровье и радостные белозубые улыбки... Ясно тебе это, сероглазая ты моя, мать Тереза... Не надо низа кем гнаться, никому угождать. Нужно профессионально делать свою работу... Мы вечно всё

кого-то догоняем или перегоняем. . . А что в итоге, – он строго посмотрел на улыбающуюся и откровенно любующуюся им Женьку, – А в печальном итоге, мать, невроз, стенокардия, и прочие весьма сомнительные удовольствия.

– Сколько же Алику лет, – размышляла Женька, 35, 40? – Ну почему я не могу так же легко, красиво и непринужденно жить и работать? Или могу? – Женька опять заулыбалась, вспоминая энергичного смуглого ортодонта и его жизненную философию, – Могу, конечно, могу. Не только могу, но и буду. Непременно.

Евгения много работала, пришлось взять ещё медсестру, так как одна не выдерживала бешеного Женькиного графика с 8 до 20.00. Пациентов было много, к ней записывались за неделю, а то и за две. Женя, как универсальный солдат, в одном лице осуществляла и терапевтическое, и хирургическое и ортопедическое направление. Кроме этого была и гигиенистом, и пародонтологом. Но главное было не это, а то, что она не только видела проблему целиком, но и могла рассказать о причинах её возникновения. Она помнила наказ Козьмы Пруtkова, которого тайком брала из отцовской библиотеки и читала ещё в школьные годы, – зри в корень! Женя проводила обстоятельные консультации и никогда не жалела времени на это. Подробно говорила о том, какого результата можно ожидать, а чего лучше не делать вовсе и почему. При этом её личная материальная выгода не имела никакого значения, она работала на совесть и гордилась этим. Хотя,

конечно, и ежемесячный доход её вырос значительно. Даже при том, что она платила зарплату двум медсестрам, зубно-му технику, оплачивала аренду, а также регулярно выделяла деньги на стоматологические расходные материалы, её зарплата стала внушать уважение и ей самой. Женя стала задумываться о покупке второго кресла, для того, чтобы принять на работу ещё одного врача. Также, ей нужна была машина, так как работала она в Ставрополе, и часто допоздна, а жила в Михайловске, и возвращаться домой, особенно в зимнее время, было не всегда просто. Но опять же, где взять время на обучение вождению, когда она так занята? Такие мысли крутились в голове у Жени, когда она в девятом часу вечера ехала в полупустой маршрутке домой. Она смотрела в темное окно, где изредка пролетали тусклые огоньки, а также на своё бледное отражение с запавшими глазами. Женька остро чувствовала свою усталость.

«Нужно что-то решать с кабинетом, – думала она, – аренда съедает большую часть прибыли, надо поговорить с родителями. Завтра первое февраля, скоро годовщина бабГалиной смерти. Какой ужас, – похолодела она, – год, как её нет, целый год прошел, а я едва заметила!» Женька вышла из маршрутки и её обсыпала ледяная крошка, порывистый ветер усиливал неприятные ощущения. Свернув к дому, где ветер был тише, она продолжала размышлять о том, что дети одни почти все время, Сергей с утра до вечера или в части, или в командировках. Кстати, сегодня должен был вер-

нуться. Димка, возвращаясь с продленки, забирал по дороге Аню из детского садика. Часто дети сами ужинали, Дима умел пользоваться микроволновкой.

Что-то у неё с Сергеем неладное происходит, она это хорошо почувствовала на встрече Нового 2004 года. Они сидели и молча глазели в телевизор. Говорить было не о чем, но и молчание становилось напряженным. Уложив детей, Женя вернулась к мужу, пыталась завязать разговор, Сергей отвечал неохотно и односложно. Выяснять отношения в Новый год не хотелось, так они и сидели, пока не приехала Туська с её новым другом: нарядные, веселые и румяные. Праздничный вечер был спасен, Женька не помнила, когда так радовалась гостям. Её муж тоже не скрывал облегчения, что его уединение с женой подошло к концу, чересчур оживлённо поднимаясь навстречу Тусе и её избраннику. Хотя внешне, со стороны все выглядело отлично, Женя знала, что многие ей завидуют. Туська как-то приехав к ней и обойдя всю квартиру, оценивающим взглядом разглядывая свежий и дорогой ремонт, сказала:

– Счастливая ты, Женька! Сама бизнесменша, муж – красавец, офицер, и как тебя любит! Какие ремонты делает, и какие подарки дарит, – добавила Туся, кивнув на Женькину норковую шубу на вешалке. Женька звонко рассмеялась:

– Да ты что, Туська! Ремонт я сама делала, чуть ли не два года, кое-что Лешка Винокуров помогал, со старой квартиры, помнишь? Он же мастер на все руки. А Сережа этим не

занимается, да и некогда ему. Шубу тоже сама себе купила уже в этом году. Очень уж сильно мерзла в куртке, понимаешь? Туська задумчиво кивала.

Да, со стороны так и казалось, что все в порядке, но Женька знала, что все совсем не в порядке. Не может быть все в порядке у людей, которым нечего сказать друг другу за новогодним столом. Перед этим, в середине декабря Сергей, наконец, получил звание майора, шумно это отмечал несколько дней, ходил веселый, полупьяный, любвеобильный и задиристо-нахальный. Женя несколько раз отлавливала его у очередного сослуживца и уводила домой. В зависимости от степени опьянения, муж вел себя по-разному, то просто раскачиваясь, останавливался, и, обращаясь к Женьке говорил: «Мадам, я попросил бы вас...», то вдруг, подойдя к подъезду, начинал кричать, так, что прохожие шарахались в сторону: «Солдаты! Солдаты!» Правдами и неправдами Женя заводила его в квартиру, помогала раздеться, отпаивала травяным чаем и укладывала спать. Засыпая в таком состоянии, Сергей всегда произносил одно и то же: «Женька, Женька, ах ты ж сука, Женька!» Случалось, что муж отказывался от её напитка с чабрецом и ромашкой, и шумно возмущался:

– Что за отраву ты мне подсовываешь, а, баба Мора?! Ты где этому научилась? В своей вороньей слободке?

Но такие вспышки бывали нечасто, как правило, через несколько дней Сергей трезвел, мрачнел и все больше уходил в себя.

Войдя в квартиру, Евгения услышала запах жареного мяса, который своей непередаваемой остротой и ароматом защекотал ей ноздри. Одновременно три мысли пронеслись в голове Женьки: муж дома, в гостях была свекровь, и то, что ей ужасно хочется есть. На щелчок закрывающейся двери в коридор выбежала четырехлетняя Анечка, наскоро обняв мать, она снова умчалась в комнату. Женя заглянула к сыну, как всегда спросила у него о делах, как всегда услышала: «Нормально», – и вошла в зал, где муж сидел у телевизора, а рядом за журнальным столиком рисовала в альбоме дочка.

– Мама, смотри, какую принцессу мне баба Валя нарисовала! – Анечка восторженно протягивала ей альбом, убирая со лба исчерканной фломастерами ладошкой непослушные темно-каштановые волосы. Женя притянула к себе дочку, машинально приглаживая её великолепные кудри. Перекинулась с мужем ничего не значащими фразами. Сергей выглядел уставшим и задумчивым, не глядя на жену, сказал:

– Там ужин на плите, ещё не остыл, наверное... Я отбивные жарил, иди, поешь... Мать уехала, не дождалась тебя...

Жене почему-то захотелось сказать что-то резкое и обидное. Что-нибудь в том смысле, что вообще-то ужин у неё был (рисовая каша и сардельки), и поэтому нечего тут изображать ангела, спасающего детей от голодной смерти. И насчет свекрови, давно известно, как же! Так любит невестку, что прям, видеть не может. Прокрадывается в дом тайком, как вор, исключительно в отсутствие разлюбленной невестуш-

ки. Но ничего такого Женя не сказала. Вместо этого, Женя, чмокнув не ответившего ей на поцелуй мужа в щеку, произнесла тихо и ласково:

– Какой же ты молодец! Так вкусно пахнет, умираю от голода, я сейчас перекушу, затем в душ, потом уложу Аннушку и мы с тобой не спеша, вкусно и обстоятельно попьем чаю. Я таких конфет купила! Аня вскинула на мать серо-голубые глаза:

– А мне конфет?! И Димуле! Ну, пожалуйста! – Женя и Сергей одновременно улыбнулись. Взаимная привязанность брата и сестры находилась под угрозой от этого домашнего, уютного прозвища «Димуля», которое сын не выносил. Что только не предпринимал двенадцатилетний брат Анечки, чтобы отучить её от этого. Он просил, угрожал, объявлял бойкот, а пару раз, когда сестренка так обратилась к нему при его приятелях, он даже здорово ей наподдал, но все было напрасно. Аннушка делала вид, что все теперь поняла, согласно кивала головой, но через какое-то время можно было услышать, как она, открывая дверь к нему в комнату, елеиным голоском произносит: «Димуля, а я к тебе, ладно?» Сейчас Аня по очереди заглядывала в лица отца и матери, наверняка уже хорошо зная, какое впечатление производит её взгляд на людей. Родители давно заметили, что у их дочери цвет глаз часто меняется, и на это влияют множество причин: настроение, освещение, самочувствие малышки. Даже время года и суток имеют значение. Сейчас на них взирали

два горных озера с лазурно-голубой водой и почти невидимыми, но явственно ощущаемыми тревожными перламутровыми сполохами, до времени покоящимися на самом дне.

Женя заканчивала уборку на кухне, когда туда зашел Сергей и, глядя в упор на жену, без всякого предисловия медленно и резко заговорил:

– Тебя опять видели в Московском, где ты увлеченно покупала спиртные напитки в вино-водочном отделе в сопровождении троих нетрезвых друзей, – Сергей протестующе выставил руку, увидев, что Женька собирается что-то сказать. – Подожди, я договорю... Ты ведь понимаешь, что там живут мои родители?! Это село, Женя, все друг друга знают. Ту неблагополучную квартиру, в том числе, равно, как и её обитателей! – Сергей прикрыл дверь на кухню и закурил, – Каково моим родителям, когда им, не первый раз уже, между прочим, сообщают, что видели опять их невестку в пьяном виде в обществе известного всему селу алкаша и дебошира Лешки и его жены, которую, наверное, и родная мать не помнит трезвой? Женя растерянно улыбнулась и примирительно начала:

– Послушай, Сережа... – Сергей вскочил и в два прыжка оказался возле жены:

– Нет, дорогая, это ты послушай! Довольно я тебя слушал! Говорю в последний раз, ещё раз закатаешься к своим дружкам-подружкам, вылетишь из этой квартиры, поняла? Аньку у тебя заберу, ясно тебе это? – Сергей не замечал, что

говоря последние фразы, энергично встряхивает Женьку за плечи. – Чего тебя несёт туда, дубина ты стоеросовая? Отвечай!... Чего ты прёшься к колдырям этим, позорище?

– Отпусти меня, немедленно... – процедила сквозь зубы Женя. Сергей тяжело дышал и с какой-то мукой, искажившей его лицо, вглядывался в глаза жены, будто силился найти там ответ. Выходя из кухни, не глядя на Женьку и даже не оборачиваясь, глухо добавил:

– Я предупредил тебя, надеюсь, ты меня услышала. Больше говорить на эту тему не стану, – гулко хлопнувшая за выходящим Сергеем дверь прозвучала для Женьки мрачным аккордом, как бы поставившем точку не только в этом разговоре, но и на их совместной жизни в целом.

Женя лежала на кровати и смотрела, не отрываясь в потолок. Шел третий час ночи. Муж совершенно беззвучно лежал рядом. Женька не знала, спит он или нет. Она боялась пошевелиться и боялась этой абсолютной тишины. Она пыталась вспомнить тот момент, когда её жизнь стала разваливаться на части. И не могла... В какой-то момент ей стало казаться, что она жила с этой круглосуточной тревогой и липким страхом всегда. Просто сегодня это обозначилось явно, и перестало скрываться под маской будничных проблем, забот и волнений. В голове пульсировала назойливая мысль: «Со мной что-то не так! Со мной что-то не так!» Женя повернулась на левый бок и почти уткнулась носом в стоящую рядом с кроватью тумбочку. Она понимала, что Сер-

гей прав, какому мужику понравится, что его жена, как только он уезжает из дому, отправляется «по местам боевой славы», где шляется по сомнительным компаниям и регулярно пьёт. Женька уже неоднократно думала о том, почему так. Ну почему она не может жить, как другие люди? Спокойно, разумно и трезво... И от чего в любой компании она почти всегда быстрее всех напивается? И почему ей так неуютно и тягостно в этой квартире? Когда ей стало тяжело и неинтересно с её мужем? Почему её тянет куда-то, вон из этого красивого дома и что теперь с этим делать? На Женьку снова опустилась волна неприятного холодного страха... На этот раз она почти схватила ускользающую мысль-догадку за вихлястый хвостик. Она поняла: ей так страшно не оттого, что с ней грубо и резко говорил муж, и даже не оттого, что он грозился отобрать у неё дочь, и совсем не развод её пугал, а то, что они оба не сговариваясь, не договаривали и не обсуждали. То, о чем стыдливо умалчивали, бережно обходили и кокетливо не замечали. Женя выскользнула из кровати, бесшумной тенью проскользнула по коридору, включила на кухне свет, открыла форточку и закурила. Глядя на свое множественное отражение в стеклянной двери лоджии, Женька горько усмехнулась. Её муж считает, что вся проблема в том, что она, по его разумению, не ведет должным образом хозяйство, и при малейшей возможности сваливает из дому, чтобы от души повеселиться в гостях у таких же безответственных и аморальных товарищей, как она. Если бы

вся проблема была в этом! Если бы!

– Так, ладно, – вытряхивая пепельницу, про себя решила Женька. – Завтра же, вернее уже сегодня, – глянув на часы, поправила она себя, – нужно позвонить Туське и узнать подробнее о том отделении в психоневрологическом диспансере. После того, как она это решила, ей невыносимо захотелось спать, и одновременно она почувствовала, как сильно у неё замерзли босые ноги. Войдя в спальню, Евгения тяжело повалилась на кровать и мгновенно уснула.

Глядя вслед Туся, Женя медленно и неохотно возвращалась в палату. Она лежала в санаторном, или, как его ещё называли «учительском» отделении психбольницы вторую неделю. Уговорила её сюда лечь все та же вездесущая Туся, у которой были связи,наверное, и вкосмосе. Подруга несколько раз говорила с Женей о необходимости обратить внимание на собственное здоровье: почистить сосуды, наладить сон, укрепить расшатанную нервную систему.

– Как новенькая будешь! Вот увидишь! Мы с тобой уже четвертый десяток разменяли, а когда-нибудь по-настоящему занимались собой?! – Женькин угрюмый вид Туся приняла за согласие. – Вот именно! Все бегом, все некогда!

– Тусь, а как же кабинет, у меня только на этой неделе записано больше десятка людей! Ты понимаешь, что начнется? Туся нетерпеливо встряхнула светлыми кудряшками:

– Никуда не денется твой кабинет! Скажешь медсестре, чтоб звонила людям и перенесла их. Она у тебя зарплату получает больше, чем я в своей психушке. Вот и пусть работает...

– Да я потеряю людей, как ты не понимаешь, – Женя достала сигарету.

– Ты, если не начнешь лечение, потеряешь гораздо больше! Эти уйдут, другие придут, ничего страшного... – Туся

даже повысила голос, – У тебя невроз самый настоящий, руки трясутся, погляди! – У Женьки и в самом деле, подрагивала сигарета в напряженной руке, она рассыпала пепел на балкончике своего кабинета, где они курили с Тусей, которая примчалась с известием, что обо всем договорилась. – Ты как и кого в таком состоянии лечить собралась?! Ты, извини, конечно, и пьешь из-за того, что не справляешься. Да ты знаешь, если бы я сама там не работала, а до этого не проходила там лечения, я бы не имела права советовать... Ты же помнишь, что со мной было после смерти бабушки? Женя все так же хмуро кивнула. Туся с воодушевлением продолжала:

– Конечно, помнишь, ты сколько со мной возилась... А на работу, как настраивала? Помнишь? А сейчас моя очередь тебе помочь. Женя поглядела на неё и тоскливо, уставшим голосом сказала:

– Туська, он развестись со мной хочет и Анечку забрать... Я не... не смогу... Я не знаю, что делать... Туся забрала из её рук потухшую сигарету, вдавила в пепельницу и обняла Женьку за вздрагивающие плечи:

– Да сейчас прям! Раскатал губу! Кто ему отдаст ребенка, ты что? Тебя, по-моему, ещё не лишили родительских прав. Но подлечиться все же надо, Женечка... Пройдешь курс, и все наладится. У нас такая классная зав.отделением! Она меня буквально спасла! И тебе поможет! Я уверена. Женя кивнула головой:

– Ладно, я сегодня после четырех заеду туда, а сейчас давай чаю выпьем, у меня через двадцать минут пациент сложный. Туся обрадовалась:

– Ну, конечно! Эх, Женька, если бы мне ещё такого гинеколога, как эта Тамара Георгиевна! – встретив непонимающий взгляд подруги, Туся добавила:

– Ну, Тамара Георгиевна, зав.отделением, ты у неё будешь лежать. Я имею в виду, если бы хоть один гинеколог, к которым я обращалась, (а было их с десятков, не меньше!)был бы профессионалом в своём деле, то я бы уже троих родила! И с Мишкой не развелась бы... по причине бездетности... Женя хотела было сказать, что гинекологи тут совершенно не при чем, а просто кое-кому не следовало бы делать аборт на третьем курсе, вот и все, но зная, как для подруги болезненна эта тема, она промолчала. Они сдружились на третьем году обучения. Тогда же, вслед за Женькой, Туся пошла работать ассистентом в стоматологическую клинику. В ординатуре Туська, по большей части, тоже оказалась из-за Жени. Уже тогда было понятно, что хорошим стоматологом она вряд ли когда-нибудь станет. Лучше всех это понимала сама Туся. Врач-ассистент – это был её потолок. Она так и не начала работать дантистом самостоятельно. Туся пережила довольно затяжной чернополосный период в своей жизни. Он включал в себя и слишком долгожданный, а потому тяжелый и какой-то перегоревший брак с Михаилом. И вязкую депрессию, в течение которой она мучительно решала,

что лучше, уйти из профессии или из жизни? И обыденный, такой предсказуемый развод с мужем после невнятного диагноза – вторичное бесплодие. И, наконец, как апофеоз всех её злоключений – смерть любимой бабушки Нины, после которой она прямиком угодила в психоневрологический диспансер, где и нашла, как выяснилось несколько позже, своё призвание. Женька называла бывшего мужа своей подруги – «вечный Миша», так как он не только ходил с Туськой в один детский сад и школу, но и много лет являлся её ближайшим соседом. Их с пяти лет называли женихом и невестой, прочили долгую и безоблачную семейную жизнь с целым выводком счастливых детишек. Примерно так же думала и Туся, да и сам Михаил, по крайней мере, до определенного времени считал, или привык считать так же. Однако, как это часто случается, в действительности все произошло не совсем так. Когда Мишка, который был старше Туськи на два года, после окончания ею школы, сделал предложение руки и сердца, она его со смехом отвергла, так как о замужестве и слушать не хотела. Стремилась исполнить бабушкину мечту и поступить в медицинский. После этого, помрачневший, но не сдавшийся Миша предлагал ей вступить в брак ещё дважды, после окончания его избранницей второго и третьего курсов университета, соответственно. Так же поэтапно она ему отказывала. Все время обнаруживались какие-то препятствия. То полузаваленная сессия, то отъезд невесты на все лето в солнечную Болгарию в гости к своей матери, то

просто не ко времени. Тем не менее, все эти проволочки со свадьбой не помешали ей благополучно забеременеть от своего ненаглядного на третьем курсе, и так же благополучно, втихаря, от этого избавиться. И это при всем том, что в роли законного супруга Туська никого, кроме Мишки не видела. А выражаясь ещё более определенно, до тридцати лет кроме Михаила других мужчин у неё и не было. То есть то, что они обязательно поженятся, казалось вопросом решенным и не вызывающим сомнения. На поверку выяснилось, что они являлись живым примером того, насколько коварную и злую шутку может сыграть с людьми привычка и опасное заблуждение, что человек никуда не денется. Туська настолько была уверена в Михаиле, что ни на секунду не сомневалась в том, что он будет ждать её столько времени, сколько потребует-ся. То есть всегда. Она так свыклась с его близостью, досягаемостью и каждодневным присутствием, что не могла вообразить, что может быть как-то иначе. После третьего отказа, Мишка вдруг собрался и уехал работать вахтовым методом куда-то на север. Это был для Туси первый звоночек, который её не то, чтобы вверг в пучину отчаяния, а, скорее огорошил и удивил, что вот, оказывается, и так бывает. Через год Мишка вернулся, но замуж Туську уже не звал. Хотя она уже ждала, готовилась, и даже предпринимала некоторые мотивационные действия по созданию предпосылок и оживлению, так сказать, общей ситуации. Например, приглашала его на романтический ужин при свечах, заводила

целенаправленные разговоры, специально купила несколько пикантных вещей, т.е. недвусмысленно поощряла молодого человека к активным действиям. Но Мишка намеков не понимал, свечек не любил, глядя на Туську в провокационном боди переживал, что ей холодно и тесно, а во время целенаправленных завуалированных тестов-бесед откровенно зевал.

Второй звоночек оказался куда громче первого. И превратился совсем уж в набат, когда Михаил по истечении трудового отпуска взял и преспокойно улетел в свою Иркутскую область. Ей тогда стало очень понятно выражение «привычный мир рушится». Её мир точно обрушился. По крайней мере, в тот момент она так себя чувствовала. Точнее, она то как раз себя вообще никак не чувствовала, её мир летел в тартарары, а она стояла, наблюдала это и была не в силах что-либо изменить. Тот мир, в котором невысокий и улыбочивый Мишка, прячась за гаражами, курит и встречает её после школы. Тот самый мир, в котором он же, в седьмом классе, выскочив в одной рубашке, наваял долговязому хулигану Юрке, по прозвищу Комар, за то, что тот «шутейно», окунул пару раз Туську с головой в мокрый сугроб. По прошествии некоторого времени, она была уже не против, того, что тот мир, где единственный человек, которого бы она хотела видеть рядом с собой в качестве мужа, разворачивается и молча уходит после её очередного отказа, разбился в дребезги. Она мучительно вспоминала его напряженное лицо тогда, и

то, как он морщил лоб, как будто силился, но так и не мог вспомнить или понять что-то очень важное. В ту их встречу, после того, как Мишка сделал неловкую попытку опуститься на колени, Туся рассмеялась, поцеловала его, сообщила, что летит в Болгарию, и добавила, что только законченные неудачницы выходят замуж в двадцать лет, те, кому больше ничего не светит в жизни. – О, дура! – каждый раз вспоминая об этом, Туське хотелось дать себе хорошего пинка. Затем, она ещё совсем немного разрешила себе пострадать, а потом энергично встряхнула кудряшками и начала поднимать и отстраивать свой мир заново. Для этого ею была составлена программа обновленной жизни, состоящей из двух классических частей: минимум и максимум. *Программа-минимум* включала следующие направления: 1. Найти молодого человека с серьёзными намерениями (и побыстрее). 2. Выйти замуж (разумеется, счастливо). 3. Овладеть профессией, стать мастером (как Женька! Лучше можно, хуже – нельзя!) 4. Отправить бабушку в санаторий и за это время сделать капитальный ремонт (иначе тараканы скоро выживут и нас).

5. Родить близнецов-девочек (можно разнополых двойняшек, но обязательно двоих и сразу). 6. Когда приедет Мишка, демонстрировать отстраненно-холодную невозмутимость, как с малознакомым и не очень приятным человеком. *Программа-максимум* не была дифференцирована на аспекты и направления, и совсем не отличалась многообразием, а вся умещалась в один-единственный, но зато коло-

ритный и всеобъемлющий тезис: Быть счастливой! (немедленно, всегда и повсеместно).

Туся, отряхнув перышки, взялась за осуществление задуманного. Но составить программу было гораздо легче, чем её воплотить в жизнь. Трудности возникли уже на начальных пунктах. Молодых людей не то чтобы совсем не было, но как-то не очень уж было из чего выбирать. А из тех, что могли, условно говоря, стать её претендентами на серьезные отношения никакого желания двигаться в этом направлении у Туси не вызывали. Причем, она догадывалась, что желание это, было обоюдным. С мастерским овладением профессией тоже все было непросто. Туся великолепно ассистировала, но как только ей предлагалось работать самостоятельно, – из ловкой, сообразительной и очень толковой помощницы она в ту же секунду трансформировалась в испуганную и растерянную недотёпу. Женька всеми силами хотела ей помочь. Как-то вечером переделав в очередной раз Туськину работу и препоручив измученного человека врачу-куратору, они вышли на перекур.

– Слушай, Тусенция, – начала Женя, – я, кажется, поняла, в чем твоя проблема.

– Ух ты, может, расскажешь? – с фальшивым энтузиазмом парировала Туська.

– Послушай, всё в твоей голове, ясно?

– Честно говоря, не очень.

– Ну как тебе объяснить, на самом деле ты все знаешь,

то есть, ясно, что не все, но ставить композитную пломбу, например, безусловно, умеешь. Просто твой страх, находящийся у тебя в голове, твердит, что ты этого не сможешь. Но это фантом! Иллюзия! На самом деле ты можешь все не хуже того же Шварца! Понятно тебе, он блефует! – Женька победно и радостно смотрела на Туську, которая испуганно обернувшись на кабинет, вполголоса спросила:

– Кто блефует, Шварц?

– Да какой Шварц, дурында. Твой мозг тебя обманывает – глядя на округлившиеся Туськины глаза, Женья со вздохом пояснила, – Ты все прекрасно знаешь, вспомни, ты, чуть ли не единственная из всего курса с первого захода сдала анатомию на «отлично»! Это нашей-то мегере! Причем самостоятельно. И во многом так. Просто иногда твоя голова мешает тебе уверенно и спокойно выполнять какое-то дело. Не знаю почему, – Женька принялась активно жестикулировать, в надежде, что Туське так станет понятнее, – Может однажды что-то у тебя не получилось, тебя высмеяли, обругали, не знаю, и ты споткнулась об это и теперь не можешь себя настроить. Понимаешь, ты как расстроенный музыкальный инструмент...

– Женья, пошли домой... Пожалуйста... – обеспокоенно встала Туся.

– Подожди, я ведь самое главное не сказала. Так вот..., что я говорила?... Обязательно было перебивать? Ах, да... Если коротко: в головном мозге, да ты лучше меня это зна-

ешь, есть миндалевидное тело, оно отвечает за наши страхи, тревоги и прочие отрицательные эмоции. Важно то, что им можно управлять, понимаешь, а иначе оно будет управлять нами... Женька разошлась не на шутку. Она всерьёз решила помочь Тусе стать настоящим профи. Добровольно-принудительная психотерапия возобновлялась и на следующий день, и через неделю.

– Самое главное, Тусик, положительное подкрепление при выполнении работы, которая у тебя пока, слышишь, Туська, пока, не выходит. А где ж его взять, я тебя спрашиваю, если ты боишься самостоятельной работы, как черт лаdana и не можешь из-за этого накапливать положительные подкрепления? – Женька выразительно замолчала, в ожидании глядя на подружку.

– Ну, хорошо, и где же? – нехотя спросила Туся.

– Идти *осознанно* навстречу страху, понимаешь? Не казнить себя за неточности и промахи, разрешить себе ошибаться, ведь ты всё ещё учишься! Уяснить раз и навсегда, что твои неудачи в работе – это нормально, и это ещё не вся ты. Помнить, что ты это знаешь, и у тебя обязательно получится.

Женя много говорила с Туськой об этом и, хотя у той кое-что стало получаться, видно было, насколько глобальную работу проводит над собой эта девушка практически каждый раз, и чего ей это стоит. Возможно, по истечении нескольких лет она, в конце концов, стала бы пусть и не очень хорошим, но все же вполне дееспособным, но посредственным стома-

тологом, дополнив собою, и без того плотные ряды не мастеров, но ремесленников. Тем более, что под заботливым, и даже слегка навязчивым шефством Женьки, которая не покладая рук, во что бы то ни стало, вознамерилась отыскать божью искру в подруге и больше самой Туськи радовалась её скромным удачам, это было вполне осуществимо. Но тут снова приехал Михаил. Столкнувшись с ним возле подъезда, Туся напрочь забыла о программе вообще и шестом пункте, в частности. Они не виделись около двух лет, и Туська даже не сразу узнала его. На неё смотрел широкоплечий, серьёзный мужчина с обветренным лицом. И только, когда он улыбнулся, она поняла, что это он. Улыбка тут же стерла с него все чужое и наносное, исчезла серьёзность, улетучилась взрослость, перед ней стоял все тот же Мишка, с которым она прогуливала алгебру в девятом классе. Обнялись. Туся сама удивилась радости, с которой встретила его. Она заглядывала ему в лицо, тормозила, будто не веря, что это действительно он, беспрерывно смеялась («как дурочка» – комментарий бабушки Нины, подглядывающей за ними в окно) и всё повторяла: «Мишка, Мишка». Через несколько минут Туся пригласила его на ужин в отремонтированную (!) (все-таки некоторые пункты многострадальной программы пусть со скрипом, но выполнялись) квартиру. Мишка охотно согласился прийти этим же вечером. Вышел он оттуда поздно и будучи уже официально её женихом. Рассказала Туська об этом Женьке будничным тоном, как о само собой разумею-

щемся:

– Ты понимаешь, Жень, я ему прямо так и сказала: «Миша, давай, поженимся!» Ну, что ждать, чего искать, от добра добра не ищут! Знаешь, он никак не мог поверить, что у меня кроме него никого не было! – Туся счастливо рассмеялась, – Да я и представить никого кроме него не могла! Выходит, что я ему предложение сделала, а не он, но мне плевать! Свадьба в октябре – ты подружка невесты! Самая главная! – Туся закружила Женю по комнате, – Ты не представляешь, какая я счастливая!

– Да представляю я, какая ты счастливая, особенно, если мы обе сейчас грохнемся по твоей милости на пол! – Женя, смеясь, осторожно высвободилась из объятий подружки, – Тусенька, скажи, что он ответил, твой вечный Мишка? Он хоть рад? Туся в изнеможении плюхнулась на диван:

– Господи, какая бестолковая! Что же он мог ответить, если я тебе уже сказала, что свадьба в октябре? Ну, сказал, что да, наверное, это правильно, парни ведь не очень эмоциональны, верно? Ну а Миша, в общем-то, не слишком умеет выражать свои чувства, он всегда был довольно застенчив.

Видимо, подготовка к свадьбе, само мероприятие и начало семейной жизни, требовали от невесты полной отдачи сил и энергии. Почти интуитивно Туся ощутила, что находится на пределе своих возможностей. Ей было совершенно ясно, что она не может совмещать и требующую огромного напряжения стоматологическую деятельность и свой новый, хоть

и такой долгожданный, но тоже чудовищно энергозатратный статус невесты и жены. Туся, нисколько не колеблясь, совершила накануне их с Михаилом бракосочетания мудрый, хотя и весьма ожидаемый поступок настоящей женщины. Она выбрала мужа, написала заявление и ушла с постылойстоматологии, как выяснилось, навсегда. Мишка хотел увезти жену на север, но Туся не могла оставить бабушку, Нину Ивановну, которая все чаще стала терять связь с реальным миром, блуждала где-то в сумеречной зоне, и только любовь к чтению и неподдельный интерес к жизни знаменитостей были теми ниточками, удерживающими её в относительном балансе.

После свадьбы, Михаил устроился водителем грузового автотранспорта, или попросту говоря, стал дальнобойщиком. Он вырос в многодетной семье и был старшим из детей, у него ещё были два брата и сестра. Отец, по выражению их мамы, сбежал неизвестно куда, после рождения младшей девочки. Хотя Мишка, как и его братья, полагал, что матери, возможно, и известно, куда он сбежал, так как каждый раз на вопрос об отце, она сердито махала рукой и, не стесняясь в выражениях, говорила о том, где и в каком месте она бы хотела видеть их папочку. Очень часто при этом, в красках живописуя, чтобы она с ним сделала, попадись он ей сейчас на глаза. Дети охотно верили, так как прекрасно знали, насколько крепкая у их матери, Антонины Никитичны, рука. Туся с детства побаивалась этой грузной, крикливой и неопрятной

женщины. И, конечно же, никто не удивился, что поженившись, молодые стали жить в квартире Туси и её бабушки.

Туся с первой брачной ночи мечтала о ребенке. А в идеале – сразу бы двух! Оставаться дома с бабулей, пока Мишка колесит на своей фуре, было невыносимо. И в ожидании декрета, она устроилась медицинским статистиком в краевую больницу. Её абсолютно не смущало, что на эту должность, в основном, принимают средний медицинский персонал, а вовсе не дипломированного врача, да ещё и после ординатуры. Но для Туси, после бешеного ритма и нервотрепки стоматологии здесь был настоящий рай. Тишина, покой, и равноудаленность, как от вездесущего начальства, так и от суетливых, вечно недовольных больных. Но не все было так гладко. Желанная беременность все не наступала. Кроме того, Мишка откровенно тосковал по своей прошлой работе и по северу вообще. Небольшие выходные между рейсами заполнял пивом и спортивными каналами. Туся стала лихорадочно искать выход. Она почти явно слышала тревожный сигнал походного горна. Надо было что-то делать. И срочно. Туся не могла избавиться от мысли, что Михаил её немедленно бросит, как только поймет, что она никогда не сможет родить. Ведь он из многодетной семьи. Его мать, и так уже, встретив на днях Тусю криво улыбаясь, поинтересовалась, как у них дела. А может Туся просто себя накручивала? Начался этап хождения по врачам. Днем они сдавали бесчисленные анализы, а ночью снова и снова, проявляя недюжинную фанта-

зию и чудеса изобретательности, пытались зачать ребенка. Хотя бы одного. Результат был обратно пропорционален затраченным усилиям. Наконец, Мишка взбунтовался, заговорил о перерыве, о том, что чувствует себя быком-осеменителем и наотрез отказался участвовать в этих соревнованиях.

– К тому же, мне завтра в рейс... Я хочу отдохнуть... – сказал он уставшим голосом.

– Надолго? – спросила Туся, что-то подсчитывая в уме.

– Через неделю вернусь... Давай спать.... Туся резко села в кровати:

– То есть как неделю, у меня же, как раз овуляция, я тебе столько раз говорила, – она вздрогнула, когда Мишка также резко сел и злобно прошипел:

– Вот именно, ты мне столько раз толдычишь об этих овуляциях, о нарушениях цикла, о яйцеклетках, что мне кажется, я уже могу подрабатывать в гинекологии. – Михаил снова улегся, – Я не хочу ничего знать об этой твоей овуляции, понятно тебе? Ты даже календарь сексуальной активности написала, это маразм какой-то, неужели ты не видишь?!

– *Моих?* – буквально взвизгнула Туся, – *Моих* овуляциях!?! То есть это все касается меня и никого больше? Выходит, это я маразматичка, помешанная на том, чтобы забеременеть! Если тебе это не надо, так и скажи, зачем нам друг друга мучить? – Туся громко зарыдала. Миша испугался и прижал её голову к груди:

– Нет, нет, что ты, нам обоим это нужно и важно, я же

понимаю, я не то хотел сказать, – он гладил её по волосам и лихорадочно подбирал слова, – Ну ты же сама говорила, что нужно делать перерывы, чтобы к нужному дню собралось как можно больше этих, как их...

– Сперматозоидов, – всхлипнула, успокаиваясь понемногу Туся, – Учю тебя, учю, а все без толку.

– Да знаю я, называть не хотел, слово какое-то отвратительное... В тот раз они помирились, недолго поговорив, заснули умиротворенные и вполне счастливые. Через неделю, как раз к очередному Мишкиному приезду, Туся уже знала о своём диагнозе «вторичное бесплодие». Хотя, о чем-то подобном бедная Туся и сама догадывалась. Мише ничего пока не рассказывала, но, видимо, он что-то почувствовал, интуитивно ощутив флюиды напряжения, тревоги и безысходности, витавшие в этой квартире. Романтический и медицинский этапы их семейной жизни были окончены. Образовался третий – этап каких-то недомолвок, домыслов и предчувствий. Расставшись с иллюзией уйти когда-либо в декрет, Туся, внешне, казалась спокойной и вполне довольной. Она не только оставила мужа в покое, но как будто утратила вкус к семейной жизни. Иногда, зайдя в комнату и глядя на его торчащий из-за кресла бритый затылок, она не сразу понимала, кто это и что он тут делает. Она на том этапе жизни напоминала потерявшее курс судно. Больше того, утратив такую желанную цель, Туся поняла, что бороться, собственно говоря, уже не за что, а сам по себе Михаил был ей, оказы-

вається, не очень интересен. Так сказать, как личность и как отдельная человеческая единица, Туське он казался пресным и скучным. «Как я раньше этого не видела, Боже мой! С ним ведь абсолютно не о чем говорить» – размышляла она. Ей совсем не хотелось слушать про передние и задние мосты, про то, сколько он торчал в замесе, и как гальмовал на лысой резине. Поэтому, когда Михаил сообщил ей, что снова уезжает на север, она испытала что-то вроде облегчения. В то утро, когда он уезжал, Туся чрезмерно суетилась, безостановочно говорила, роняла какие-то вещи, повторяла несколько раз одно и то же. Всем было ясно, что это конец, но озвучить это смогла только, казалось бы, уже ни к чему не причастная Нина Ивановна. Она уже плохо ходила, но в то утро вышла из комнаты и сидела хмурая и непривычно молчаливая. Когда Мишка, надев куртку, остановился в дверях, Нина Ивановна тяжело встала и на своих больных ногах подошла к нему:

– Значит, уезжаешь, сынок, в добрый час! Счастливого пути! – Нина Ивановна закашлялась, вытерев салфеткой рот и глаза, она продолжила:

– Мы с тобой, скорее всего, не увидимся больше, но я хочу, чтобы ты знал, что я всегда тебя любила, потому что ты – отличный парень. Ты – настоящий, Миша! Я желаю тебе счастья! А на эту распотыку, – она не глядя, кивнула в сторону обалдевшей внучки, – Обиду не держи, её зерна от плевел жизнь научит отделять, – Нина Ивановна, горько улыбнулась, и закончила, – Или не научит... Нам этого знать не

дано... Они троекратно расцеловались и Миша уехал. На следующий день Туся подала на развод, а ещё через неделю умерла во сне Нина Ивановна.

Туся вытягивала себя из черной дыры, как Мюнхгаузен, чуть ли не за волосы. Из этой черной пропасти, под названием клиническая депрессия, в которую иной раз так хотелось свалиться, чтобы ни думать, ни чувствовать, ни ощущать. Кто-то из многочисленных и равнодушных друзей отвел её к психотерапевту Тамаре Георгиевне. Врач Тамара Георгиевна работала в психоневрологическом диспансере. Она рассказала страдающей Тусе о ней самой так, как будто её вырастила. Тамара Георгиевна объяснила ей, какую травму нанесла ей мать, оставив её в пятилетнем возрасте, и как Туся вытеснила это в подсознание, и к каким результатам это привело. Доктор поведала и о том, что в неумении Туськи выстраивать отношения, лично она, Тамара Георгиевна, не видит ничего удивительного, и чтобы добиться изменений, необходимо переписать жизненный сценарий. Мудрый врач рассказала, что брак с Михаилом был изначально обречен, так как Туся в нем видела кого угодно, старшего брата, отца, верного друга, но только не мужа. И много чего ещё узнала она от Тамары Георгиевны. Туся её почти боготворила. Она начала чувствовать, что душевные раны уже не так кровоточат, и постепенно затягиваются. После лечения, она не задумываясь, хотя и не без некоторого сожаления, бросила медицинскую статистику, одолела шестимесячную переквали-

фикацию и стала работать врачом-психотерапевтом в отделении Тамары Георгиевны. Очередной этап её жизни полностью соответствовал её новому мировоззрению и тому, что рекомендует современная психология и психотерапия: каждые пять лет что-то кардинально менять в своей жизни: работу, местожительство или супруга. Туся даже шла с опережением: она кардинально сменила направление своей профессиональной деятельности, рассталась с мужем, (и не реже одного раза в полгода меняла бойфрендов, в чем раньше никогда замечена не была), и стала полноправной и единственной хозяйкой большой «сталинской» квартиры в центре города.

Вернувшись в палату, Женька села на кровать. Мысли ворочались тяжело, но думать ни о чем и не хотелось. «Отчего мне так плохо, от таблеток? – пыталась рассуждать она – А может не стоило вчера пить, да какая теперь разница, главное, что плохо и все!» Она уходила домой на выходные, где её ждал накрытый стол, бутылка водки, и на удивление, радостно – приветливый Сергей. Женя не знала, то ли он действительно соскучился, то ли просто испугался того, что жена угодила в психушку после ночной ссоры с ним. Сергей поинтересовался, как продвигается лечение и что с ней, вообще. Женька нехотя ответила: «Да ничего такого со мной, обычный врачебный треп: перенапряжение, усталость, выгорание, ну и тому подобное. Отдыхайте, мол, гуляйте на свежем воздухе, ешьте больше овощей и фруктов, соблюдайте

режим дня, бла, бла, бла. Назначили, конечно, антидепрессанты, витамины, что-то ещё, не помню...» Женя ковыряла в тарелке и глянула на запотевшую бутылку: «Давай, что ли, за встречу – не выдержала она, – Чего греть-то». Женя с тоской рассматривала водочную этикетку, понимая, что никогда не сможет рассказать мужу, то, что услышала от Тамары Георгиевны. Уже во время первой беседы, просматривая результаты выполненных Женей тестов, зав.отделением вдруг спросила:

«Женя, как ты сама считаешь, у тебя есть проблемы с алкоголем?» Женька выпучила глаза и покраснела, она ждала чего угодно, но только не этого.

– Туська, сучка, дождешься же у меня, – пронеслось в голове, вслух же она, рассмеявшись каким-то деланным, ломающимся хохотком, сказала, – Нет, я не алкогольичка, если вы это имеете в виду. Тамара Георгиевна продолжала изучать бумаги и кивнула головой. Женька заерзала и продолжила: «Знаете, Туська фантазерка и перестраховщица, я...» Врач подняла голову и внимательно посмотрела на Женьку:

– Наталья здесь совершенно не причем, я не полагаюсь на чужое мнение. Это не профессионально. Но, хочу вас предупредить, чтобы терапия была успешной, вы должны быть со мной абсолютно честны.

Женя тогда даже не сразу поняла, о какой Наталье идет речь, ах да, Туська, она же Наташка Морозова. Она выскочила из кабинета зав.отделением пунцовая, – Да что она возо-

мнила о себе? Взять и повесить вот так запросто на человека ярлык! Сегодня же уйду домой! Но в тот раз она не ушла, Туська сумела её убедить, что необходимо продолжить лечение.

– Да какое лечение! – бушевала Женя, – Несколько таблеток, одна капельница и разговоры о честности перед собой!? Бред собачий это ваша психотерапия! Сказать тебе, где я все это видела?! Тем не менее, Женя ушла из диспансера только через неделю, и то, не по своей воле, а потому что была не в состоянии явиться туда в положенное время. Её очередные выходные, с радушным мужем и спиртным, незаметно, как это уже бывало не однажды, перетекли в запой.

Ещё не проснувшись окончательно, Женя ощутила сильную головную боль. Слышались ещё какие-то звуки помимо адского набата в голове. Жене удалось открыть правый глаз. О том, чтобы совершить ещё какие-то действия не могло быть и речи. Мда-а, такого жуткого похмелья даже ей, опытному бойцу, испытывать приходилось не часто. Шум, который доносился из прихожей, ей был очень знаком. Но идентифицировать удалось его только, когда он стал громче и напористее. В коридоре плакала её дочь Аня. Горько, жалобно и протяжно. Женя всполошилась, насколько это позволяло её состояние, и попыталась её окликнуть (прозвучало это, как невнятное и сиплое шипение, которое, тем не менее, ребенок уловил).

Девочка зашла в комнату, и у матери защемило сердце от жалости и удушающего чувства вины. Лохматая Аннушка в грязной майке и спущенных колготках, остановилась в дверях, растирая кулачком заплаканное и чумазое лицо. «Папа ушел...» – сообщила она матери и зарыдала с новой силой. Кое-как успокоив дочь, Женя повела её умываться, на ходу вспоминая, что было вчера и почему такой кавардак в доме. Сначала она узнала, что её выставили из диспансера как школьника-прогульщика с дурацкой пометкой «за нарушение больничного режима». Женька только фыркну-

ла и рассмеялась, что, вот мол, даже в психушке её не выдержали, куда уж дальше, и вечером они с мужем это дело сбрызнули. На следующий день, муж уехал, а Женька продолжила банкет, сначала сама, затем с Милкой, с которой познакомилась, когда лежала в отделении. Вечером заехал Алик-техник, привез заказанную ему Женей и уже оплаченную верхнюю акриловую челюсть. Его усадили за стол, и Женя радостно сообщила, что, к сожалению, этот пациент от неё ушел, но деньги, конечно же, остаются у него, так как работа выполнена и выполнена (она кинула быстрый профессиональный взгляд на изделие) превосходно. Алик, тревожно глядя на неё, поинтересовался, когда она выходит на работу. Женька подумала и сказала: «Завтра... наверное». Далее она уже помнила не так отчетливо. Всплывал неприятный телефонный разговор с юристом по поводу неоплаченной аренды кабинета, – это она в общих чертах припоминала. Женька в изнеможении села на край ванны и приложила ко лбу влажное полотенце, – ей кажется или на самом деле звонил вчера Александр Яковлевич? Это было бы крайне нежелательно... Как она не напрягалась, не могла достоверно вспомнить было это в реальности или нет. Что-то ещё очень тревожило... Что-то очень важное и очень неприятное для неё. Неожиданно и пронзительно остро воспоминание ярким, мощным разрядом на какую-то долю секунды вспыхнуло в голове. Женя вздрогнула всем телом и качнулась в сторону, будто действительно получила удар электрическим

током. Вечерний разговор с матерью и с которого она узнала, что бабГалина квартира продана. На вырученные деньги приобретена иномарка и однокомнатная квартира в почти неприличной близости от родителей для её брата Ярослава и его будущей жены. После мгновенной и болезненной вспышки, Женькина память теперь услужливо и последовательно разворачивала перед ней события вчерашнего дня. После того, как она закончила разговор с юристом (что она ему наплела?), она позвонила матери, и у них состоялся тот ещё разговор. Ситуация выглядела ещё отвратительнее из-за того, что Женя кричала, ругалась, в общем вела себя, насколько она это помнила, как законченная истеричка. А мать, наоборот, была выдержана и спокойна. И это ещё сильнее бесило Женьку. Зинаида Евгеньевна вела разговор подчеркнуто невозмутимым и увещательным тоном, каким говорят с душевнобольными или эмоционально нестабильными людьми. Так разговаривает доктор с экзальтированной барышней или капризным ребенком. Больше всего Женя злилась на себя, что повелась на это и лишний раз показала себя недееспособной, малоадекватной, потерявшей контроль над собственной жизнью, вечно конфликтующей со своими родственниками пьянчужкой. Своим корректным поведением и терпеливыми паузами, которые очень быстро заполнялись Жениной экспрессией, мать как будто обращалась мысленно к невидимым зрителям: «Вы и сами все видите, правда? Да, мне трудно, но Женя очень больна и несчастна, а я – мать,

и мой долг нести этот крест столько, сколько будет нужно». Женя даже вспомнила, с чего все началось. Она испытывала сложное чувство, включающее в себя: раздражение, стыд, возмущение и тревогу после разговора по поводу аренды. Юрист Александра Яковлевича разговаривал ледяным, официальным тоном, перечисляя даты, цифры и устанавливая сроки. Еще раз, сказав ей о необходимости соблюдения договоренностей, он, не попрощавшись, дал отбой. Просидев неподвижно с телефоном в руке несколько минут, она набрала номер матери. Рассказав вкратце, в облегченной форме о ситуации с арендой, Женя напрямую спросила, что планируется родителями в отношении бабушкиной квартиры. Мать ответила вопросом, который, по Женькиному мнению, вообще не имел отношения к текущему разговору. Мать спросила: «Ты опять пила?» Женя, начиная заводиться, но, все ещё сдерживаясь, опять спросила о квартире Галины Аркадьевны. Зинаида Евгеньевна вздохнула и просто, будто отвечая на вопрос, что сегодня на ужин, будничным тоном заявила:

– Мы продали бабушкину квартиру, Женя, – она снова протяжно вздохнула и спокойным, ровным голосом, как человек абсолютно уверенный не только в своей правоте, но и в том, что иного решения нет и быть не могло, продолжила, – Мы хотели тебе сказать, но ты была все время, то занята, то не в том состоянии, чтобы обсуждать с тобой эти вопросы, то неважно себя чувствовала, то вообще попала в дурдом. А Ярик так давно хотел эту машину, да и жениться вроде наду-

мал. У тебя же есть жильё, а к нам он как жену приведет, ты ведь знаешь, папа очень нездоров... А тут, как раз, в соседнем доме, квартирка продавалась, ну как не взять, мальчику уже двадцать семь лет, ему, конечно же, хочется отдельно от родителей жить, а то, сама подумай, с нашим папой, тем более, ни девушку привести, ни друзей... Зинаида Евгеньевна говорила тихим, уверенным голосом, в котором иногда проскальзывал элемент некоторой досады, что приходится объяснять такие очевидные вещи. Женя сначала подумала, что речь идет о чем-то другом, поэтому её мать успела сказать достаточно много, прежде, чем до Жени дошел смысл разговора. Она, все ещё отказываясь верить услышанному, надеясь, что все это злая шутка, желание её припугнуть или даже слуховые галлюцинации, что угодно, только не то, о чем так спокойно и деловито рассуждает сейчас эта женщина. Но в глубине души, холодея от ужаса, она понимала, что все так и есть: квартира продана, вырученные деньги потрачены, её любящие родственники не удосужились даже поставить её в известность об этом, аренду платить нечем, выкупить кабинет она тем более не может, и, следовательно, его, а значит и работу, она теряет. В затуманенном мозгу Жени красной сигнальной лампой билась одна-единственная мысль: «Все пропало!»

В какой-то момент она взорвала плавно текущий монолог Зинаиды Евгеньевны отчаянным криком:

– Мама, остановись, как это продали, зачем? – Жене не

хватало воздуха, поэтому она не говорила, а выталкивала слова и фразы, задыхаясь и с большим усилием, – Объясни, как это можно было так поступить... Я... явам говорила, я объясняла, мама, ну..., как же, разве я не заслужила... – Женя заплакала. Зинаида Евгеньевна, совершенно не меняя интонации, выждав паузу, почти ласково ответила дочери:

– Женя, мы много раз с папой говорили тебе, чтобы ты изменила свой образ жизни! О чем ты говоришь, дочка? Разве можно пьющему человеку доверить квартиру или даже часть её? Ты даже в психбольнице лечилась... А это очень серьезно... Ты даже сейчас нетрезвая, так ведь? И все твои проблемы от этого! В семье, на работе, все только от этого... – мать замолчала, а затем продолжила, – Возмись за ум, Женя, брось пить, у тебя прекрасный муж, дети, вспомни, что ты женщина, наконец! Мы с папой ... Зинаида Евгеньевна не закончила, так как Женька стала кричать в трубку:

– Вы с папой!? Вы с папой всю жизнь считали, что у вас только один ребенок – Ярослав! Вот что вы с папой! Вы с папой бессовестным образом обокрали меня, лишив наследства, на которое я имею полное право! Какая дура я была, что не послушала в своё время бабушку, которой прекрасно было известно, что за фрукт её доченька с зятем и которая предупреждала меня об этом!

– Евгения! – вставила торопливо мать, – Не говори того, о чем впоследствии можешь сильно пожалеть. Я..., – но Женя перебила её:

– Я жалею только о том, что прихожусь вам дочерью, – она отшвырнула от себя телефон и уже не сдерживаясь, расплакалась.

Все это Женя вспоминала, пытаясь хотя бы немного убрать на кухне и заодно размышляя, чем бы накормить дочь. Кроме этого, Женя соображала, где Димка, в школе или на тренировке, и какой сегодня день недели. Совершенно не преуспев ни в одном из этих начинаний, она опустилась на табуретку. Сил не было, кисти рук с набухшими венами, лежащие на коленях, мелко подрагивали. Было плохо, очень плохо, мучительно. «Неужели со вчерашнего ничего не осталось?» – подумала она. В последнее время она старалась оставлять себе на утро хотя бы немного спиртного, чтобы можно было хоть как-то начать день. Не обнаружив ничего, она, кое-как намазав дочке хлеб затвердевшим джемом и включив ей мультики, натянула куртку на пижаму и спустилась в магазин. Выходя оттуда, она ещё какое-то время чувствовала неприятный осадок из-за того, что пришлось снова брать в долг. Оказалось, что и вчера, после разговора с матерью, она побежала сюда. Удивительно, размышляла Женя, поднимаясь домой, как часто стали выпадать из памяти отдельные фрагменты её жизни и даже большие события. Она точно помнила, что вчера звонил Лёня, а вот о чем они говорили и вообще, что нужно было её бывшему мужу, оставалось неизвестным. Звонил ли ей Александр Яковлевич, владелец стоматологического кабинета, в котором она до недав-

него времени работала, и когда именно, и в каком она была состоянии, или это только плод её воспаленной фантазии, она тоже не могла бы с уверенностью сказать. Димка заканчивает пятый класс или шестой, ну да, ему 13 лет, конечно шестой, ха-ха, запомятовала, мамаша, блин, а как он учится, все ли у него хорошо, чем он интересуется, чем живет, сидит молча у компьютера, не мешает, со школы не дергают и ладно. Или вот муж Сергей – он просто ушел на службу или в командировке? А когда приедет? Может позвонить ему? – О нет, нет, – спохватилась она, – Плавали, знаем, сейчас начнется: «Ты чего там, квасишь опять? А кто у тебя?» – и так далее, сценарий известный, – поморщилась Женя. На кухне разрывался телефон, взглянув на дисплей, Женька схватила трубку: «Майка, зараза, как же я рада тебя слышать! Где вы пропали с Лехой? Я столько раз звонила вчера! Короче, ноги в руки и ко мне, правда, денег у меня не густо, ну ничего, сочиним что-нибудь, первый раз что ли...»

Когда ровно через два с половиной часа сильно нетрезвая Женя вполуха слушала эмоциональный рассказ Майки о том, что их с Лехой собираются лишить родительских прав, она и подумать не могла, что этим же вечером эта тема затронет и её. Да и как такое вообще можно было представить в отношении её детей?! Да никак! Женя смотрела на полыхающее то ли от ярости то ли от горячительных напитков лицо Майи, и с одной стороны, как и она, возмущалась «подлостью» соседей, родственников и «беспределом» чиновни-

ков из отдела по делам несовершеннолетних, а с другой, наблюдая, как Леха запивает водку бутылкой пива, и, переводя взгляд на зелено-фиолетовый бланш под левым глазом его жены, думала, что, возможно, все эти люди, о которых так живописала страдальца Майка, используя, в основном, ненормативную, трехэтажную лексику, вовсе не объединились в едином заговоре против чудесных, безмерно любящих своих крошек родителей. И не так уж они все и не правы, вознамерившись изъять детей от этой славной парочки. Но это, конечно, не про неё! О, нет! У неё-то все в порядке! Вот только с бабушкиной квартирой случился облом. Женька почувствовала, как снова закипает... Поэтому бесцеремонно перебив Майку словами: «Да успокойся, ты, никто у тебя девчонок не заберет! Сама подумай, ну кому нужны чужие дети!? Да это и не так-то просто... Вы только это... пейте чуть легче, и всё...», – Майка с Лехой на несколько секунд замолчали, уставившись на неё, а затем, переглянувшись, дружно расхохотались, – Ну, ты, мать, сказанула! – отсмеявшись первым, высказался Алексей, – Ну, блин, чума! Однако у Женьки совсем не было настроения поддерживать эту радостную волну, – Вы вообще слышали меня? – покрасневшись и гневно сверкая глазами, крикнула Женька, – До того момента, пока Майка не влезла со своей гребаной опекой, я вообще-то рассказала вам, как меня кинули с бабулиной хатой! И кто? Собственные родители! – Женя всхлипнула, потом зачем-то встала и продолжила, – Вы понимаете,

что все было всегда и в первую очередь для брата, мать, особенно, на него надыхаться не может всю жизнь. Выключи музыку – Славику мешает, переключи на другой канал, это Славику не интересно, никаких подруг в доме, они его дурному научат! Хочешь в этот институт, Славик, – пожалуйста! Не поступил на бюджет, сыночек?! Ерунда, иди на платное, и ни о чем не беспокойся! – Хочешь машину, наш золотой, – пожалуйста! Не сдал экзамен? Не тревожься, роднулечка, мы заплатим и учишь дальше! Они его и от армии откупили! Как можно, чтобы наш Славик далеко от мамки уехал. Не хочешь работать? Конечно, ты прав, экономистов теперь развелось, попробуй, найди хорошее место. – Хочешь в другом ВУЗе поучиться? Молодец! – На журналиста теперь? Ой, как здорово! – Пожалуйста, сыночек, ни о чем не тревожься, мамка с папкой все оплатят.

Женя оглядела притихших Лешку с Майкой и едко, как будто специально ещё больше растравляя себя, продолжила: «Теперь мой братец жениться хочет на какой-то фифе, или он думает, что хочет, на самом деле все за него решает мать. И женится он лишь тогда, когда мать одобрит невесту. Но, видимо, сам по себе, он не представляет особой ценности, поэтому ему нужно хорошее приданое: импортная тачка, квартира отдельная с евроремонтом. Видимо, девица не промах, и заявила ему, что нипочем с его родителями жить вместе не будет! Да я не против, ребята, ну любят своего младшенького, тетешкают, и на здоровье, если им так нра-

вится, но я, – тут Женя опять заплакала, – Вы понимаете, я так любила бабГалю, и она меня..., она предупреждала... – Женька с ожесточением вытерла глаза, – Да что такое, вы не подумайте, что я из-за квартиры только. Но хотя обидно все же... – Женька плакала уже всерьез, безуспешно пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями, но, тем не менее, продолжала, – Я же думала, что хотя бы часть какая-то мне все же полагается, ну как же так, я просто осталась без всего, понимаете... бизнес накрылся, кабинет за неуплату, скорей всего, отберут, своего жилья у меня нет, а здесь мне... все... противно...» Проговорив это Женька ошарашено замолчала. Она поняла, что сейчас озвучила то, что чувствовала уже давно, но не решалась признаваться в этом даже самой себе. Из-за того, что молчание затянулось, оно становилось невыносимым... Неожиданно трезвым голосом, Майка выкрикнула: «А ну их всех к чертям собачьим, давайте выпьем, Леха, чё застыл, освежи дамам!» – и тем самым здорово разрядила обстановку.

Затем Женя весьма смутно помнила, что было. Она точно могла сказать, что разговаривала по телефону со своей медсестрой, которая сообщала о своем уходе. Затем к разговору присоединились для чего-то Леха и Майка. Им было ужасно весело, это она тоже отлично помнила. А вот почему? Кажется, они все дружно увольняли её в весьманедвусмысленной резкой форме, при этом громко хохоча в трубку и подробно объясняя, куда ей следует отправиться после уволь-

нения в первую очередь. Каждый раз направление становилось все более вычурным, и все менее цензурным. Это продолжалось до тех пор, пока обескураженная женщина не догадалась повесить трубку. Затем какой-то временной провал и перед Женькой появляется лицо Валентины Федоровны, её свекрови. Женю удивил тот факт, что как она ни старалась, она не слышала, что та ей говорит. Женька видела только сухие и бескровные шевелящиеся губы, сжавшиеся вскоре в «куриную гузку» и, образуя вокруг себя сеть глубоких и не очень морщин, которые довольно рано появляются у людей резко похудевших, либо излишне строгих и неэмоциональных. Из-за этого выражение лица Валентины Фёдоровны всегда было скорбным и унылым, как будто она перманентно находилась в состоянии ожидаемого разочарования. Всем своим видом эта женщина как бы говорила: «Я так и знала!» Следующее окончание временного провала (сколько он длился: два часа? двое суток?) ознаменовался отсутствием Валентины Федоровны, а вместе с ней и детей, и присутствием мужа Сергея, хмуро и озабоченно кидающего в чемодан свои вещи. Его Женька хорошо слышала, даже напрягаться не нужно было. Сергей сказал всего несколько фраз, из которых она поняла, что жить с ней он больше не намерен, они разводятся, она может оставаться в квартире, если хочет, но должна помнить, что жилплощадь эта общая, и прописанных тут четверо. Продать или разменять её они смогут очень не скоро, квартира ведомственная, неприватизированная, к

тому же, кроме них, в ней прописаны двое несовершеннолетних. Женька слушала его настолько, насколько позволяло это делать её состояние, и, глядя на мужа, испытывала только два точно определяемых чувства: страх, что он отберет дочку (вот мамаша его уже была недавно, и дети исчезли), и сильное желание, чтобы он ушёл сейчас же и, по возможности, навсегда. Она боролась с желанием спросить за детей и вместе с тем, очень боялась это сделать. Боялась, что может услышать то, что слышать ей совсем не хочется. Или после чего необходимо будет встать и начать действовать. А к этому она была в настоящее время абсолютно не способна. Она ненавидела себя, проклинала, но мечтала, чтобы муж, наконец, закрыл свой идиотский чемодан («ну кто сейчас пользуется чемоданами!» – закатывала глаза Женья), и убрался из квартиры. – Она потом все сделает, потом, не сейчас, вот только немного отдохнет, ей станет лучше, и она сразу начнет действовать, – так думала Женька, проваливаясь в очередную временную бездну. Следующее, что она помнит, что на часах шесть тридцать утра, она допивает на кухне водку, и очень боится. Она не знает, что именно вызывает у неё такой панический ужас, но совершенно точно убеждена в том, что очень скоро с ней произойдет нечто чудовищное. Может быть, кто-то ворвется в квартиру, может её подкараулят у магазина, или спустятся с крыши и залезут через окно. Может все произойдет совсем по-другому. Это ей неизвестно. Но, правда в том, что за ней следят, её выслеживают, на неё

объявлена охота. – Как хорошо, – говорила она кому-то совсем недавно по телефону (ещё бы знать кому именно!), что дети, её любимые сын с дочкой, сейчас в надежном месте, а не с ней, где они, безусловно, подверглись бы страшной опасности. – Место такое надежное, чуть подумав, добавила она, – что даже ей, матери, о нем ничего неизвестно. Сейчас Женьке очень холодно, наспех проглоченная водка совсем не греет, её начинает трясти. Женя не знает, от холода это, от многодневного пьянства, от страха или это нервная дрожь от всего сразу. Затравленно пошарив глазами, она видит под столом брошенную куртку, наверное, ей уже было холодно или страшно, догадывается она. Хуже всего, с тоской и злобой, думает она, что выпивки больше нет. Кредит в магазине тоже закончился, хамка-продавщица, вчера (или позавчера? или на той неделе?) грубо и прилюдно отчитала её за просроченный долг и запретила являться без денег. «Вот сволочь», – бормочет Женька, натягивая грязную куртку, один рукав которой оказался в чем-то липком, но сил и желания искать что-то другое у неё абсолютно нет. Она вдруг случайно вспоминает, что отдала Лехе и Майке при последней встрече свою цепочку для продажи, а вот приходили они или нет вспомнить она уже не в состоянии. «Науке это неизвестно, – содрогаясь всем телом, шепчет Женя, обыскивая собственные карманы на предмет хотя бы мелочи, – Наука пока не в курсе дела – пугливо озираясь, говорит она, переходя к обыску сумки, пиджака и даже зимней куртки сына. Вдруг

Женька замирает у шкафа, понимая, что в комнате она не одна. Ей страшно настолько, что кажется вынести этот парализующий, ледяной ужас она дольше просто не сможет. Мгновенная смерть для неё была бы сейчас благом. Но она понимает, что так легко ей не отделаться. Противная, липкая струйка потабежит у неё между лопаток. Её дрожь унялась, но от этого лучше ей не стало. Женя как будто одеревенела. Вдруг что-то коснулось её волос, она услышала какой-то звук, опять этот звук, отвратительный, мерзкий, проникающий, во все органы тела сразу. Больше выносить этот кошмар она не может. Женька начинает кричать, отмахивается от чего-то невидимого, теряя равновесие, падает в открытый шкаф, инстинктивно хватаясь за вещи, срывает их, швыряет платья и свитера с зажмуренными глазами куда-то в глубь комнаты, туда, где стоит и все ближе приближается к ней чудовищное Нечто, явившееся, вне всякого сомнения, её уничтожить. Вместе с противным звуком, квартиру наполняет ужасный грохот и стук. Посреди этого гвалта, до смерти перепуганная, забившаяся в шкаф Женька, различает отдельные слова:

– Женя, открой, это я, Туся... – ещё целая череда звуков, опять стук, неразличимые в шкафу голоса переговаривающихся между собой людей, и опять:

– Же-ня! Открой дверь! – Ага, сейчас, разбежалась открывать! Как же! Ты смотри, как эта тварь, копирует голоса хорошо знакомых ей людей! – промелькнуло в её голове.

Женька, старалась как можно плотнее закрыть дверцу шкафа. Зарывшись поглубже в оставшуюся в шкафу одежду, она вдруг совершенно успокоилась. Во-первых, наконец-то, стало тихо, во-вторых, она надежно спряталась, а в-третьих, тут было темно, мягко и уютно. Женя даже хихикнула, почему она раньше не догадывалась о таком прекрасном убежище. Здесь было так хорошо, спокойно и надежно... Женька не знала, сколько времени она провела в шкафу. Вдруг яркий свет на мгновение ослепил её и одновременно с этим, где-то сверху, прямо над ней, мужской голос произнес:

– Ну, я же говорил, что она здесь... Доброе утро, красота неземная! – Леня, её бывший, первый муж стоял в квартиреё нынешнего, второго, тоже без пяти минут, бывшего мужа, с отеческой заботой глядел на неё сверху вниз и улыбался. Откуда-то сбоку донесся всхлипывающий, но до боли знакомый женский голос:

– Слава Богу, ты жива! – и тут же без всякого перехода, – Ну, ты ж и бессовестная, Женька! Что ж ты делаешь-то?! Ты знаешь, что тебя уже чуть ли не похоронили! – она побежала в коридор, кого-то благодарила и выпроваживала из квартиры. Женька ничего не могла понять. Как так-то? Откуда вдруг взялся Леня? И зачем он здесь? Как они вошли? Где Майка-зараза с её цепочкой или деньгами? А самое главное..., тут у Женьки непроизвольно округлились глаза:

– Вы никого тут не заметили, что-то здесь было только что, – тут она вспомнила, что давно не в ладах со вре-

менем, поэтому, откашлявшись, добавила – Или недавно, в общем, что-то или кто-то, был прямо за моей спиной, когда я... – глядя на Леню, который вдруг с отрешенным видом уставился в окно, и на снова всхлипнувшую Тусю, она догадалась, что продолжать не нужно. Выбравшись с помощью Лени со шкафа, даже её нетрезвый и закаленный взгляд поразила чудовищная картина бардака и разрушения. По всей комнате в беспорядке разбросаны вещи. Упавший цветочный горшок с растоптанной вокруг землей и фиалками беспомощно лежал, оскалившись треснувшим боком. Под ногами валялось белье, вперемешку с землей и умирающими растениями. Разбитое зеркало на одной из дверей шкафа, зрительно увеличивало и без того впечатляющий масштаб разгрома отдельно взятой комнаты. Наполовину сорванные занавески, грустно кивали в такт безвольно повисшему карнизу... Глянув на себя в треснутое отражение, Женька вздрогнула: набрякшие веки, одутловатое лицо, затравленный взгляд. Она так внимательно и недоверчиво озиралась вокруг, разглядывая свою окровавленную руку, вспоминая, что за побоище тут было, и с какими чудовищами она сражалась, что не сразу услышала, что говорит Лёня.

– Я говорю, собирайся, Женя, едем в наркологию. Я уже договорился, – видя её протестующие взмахи руками и неразборчивое, но явно, возражающее бормотание, он вместо ответа, взял её за плечи и еще раз подвел к уцелевшему зеркалу. Она совершенно не имела желания опять любовать-

ся собой и попыталась вырваться. Но не тут-то было, Леонид крепко удерживал её, затем несильно встряхнул и спросил: «Нравится тебе, то, что ты видишь сейчас? – не дождавшись ответа, он продолжил, – Конечно, нет. И никому не нравится, ни тебе, ни твоему мужу, ни нашему сыну, ни дочери твоей, никому, Женя, не нравится, то, что происходит с тобой!» Потом Лёня медленно, четко, глядя на неё в отражение, монотонным голосом добавил:

– Женя, тебе нужна помощь. Ты уже не справляешься сама, если не ради себя, то хотя бы ради детей, нужно лечиться. Иначе нельзя, ты посмотри сама до чего дошло... – Лёня развернул её к себе и посмотрел ей прямо в глаза, – Ты можешь сказать, где в настоящее время твои дети? – Женя, склонив голову, заплакала. Лёня, наконец, отпустил её, и, выдержав паузу, закончил, – Женя, ты хороший человек и отличный специалист, но ты больна, и в таком состоянии заниматься воспитанием своих детей ты, конечно же, не можешь. Я вот что предлагаю: ты пройдешь курс лечения в наркологии, Дима это время поживет со мной. У меня все равно здесь дела кой-какие, я тут задержусь на время, а потом вы переедете в Москву. У меня там квартирка, она мне сейчас без надобности, дочь жены от первого брака учится в Лондоне, мы с супругой живем в престижном районе, в огромной двухуровневой квартире, а свою двушку сдаю, но к вашему приезду освобожу, – Лёня остановился, с тихой улыбкой посмотрел на вздрагивающие плечи бывшей жены, и проникновен-

но добавил, – Хорошие стоматологи, Евгеша, везде нужны, и оплата труда достойная, не то, что в этой провинции. Димку устрою в лицей с углубленным изучением иностранных языков. Достойное образование ещё никому не помешало в жизни.... Леня переглянулся с Тусей, Женя ничего не отвечала. Она сидела на кровати и, закрыв руками лицо, горько и безутешно плакала. Вообще было не ясно, понимает она хоть что-нибудь из сказанного, и как к этому относится. Туся заговорила с ней, попытавшись отвести её руки, но Женька принялась рыдать ещё громче и изо всех сил замотала головой. Леня начал кому-то звонить и вышел из комнаты. Туся вздохнула и присев рядом с Женькой на кровать, стала говорить о том, что ей, конечно, будет её не хватать, да и не просто с детьми, взять да и сорваться с насиженного места, но Лёня, по сути, прав.

– Ну что тебя тут держит теперь, – говорила Туся, подбирая разбросанные вещи, – Ничего, – сама же и ответила Туська, – Да и Сережа, муженек твой, тот ещё засранец. Ходит и жалуется на каждом углу, какой же он несчастный, разрывается между службой и детьми, жена день и ночь только пьёт, да гуляет, а он страдалец, что только не делал, чтобы избавить её от этого пагубного пристрастия! А его родители и вовсе считают, что тебя нужно родительских прав лишить... Туся взглянула на Женьку, та все ещё не отрывала рук от лица, но плакала уже заметно тише, явно прислушиваясь к словам подруги. Тусю это воодушевило, и она про-

должила: «Самое гадкое, что он это и твоим родителям, и своим и всем друзьям болтает. Мне тоже звонил несколько раз, то искал тебя, то жаловался. Я ему говорю: «Послушай, ты ведь и сам всю дорогу бутылку на стол ставишь! Женьку из-за этого и из диспансера выперли, а он мне: «Я никого не принуждал!» Вот и докажи что-нибудь такому человеку». Туся опустила на корточки, и с усилием, отведя руки своей подруги, сказала с надрывом: «Ты гибнешь, Женька, и я не знаю, что делать, как помочь тебе. А помочь очень хочу! – она заглянула Жене в глаза и добавила: «Я прошу тебя, согласись на лечение, Жень! Ну ты же видишь, что не справляешься... Ты же чудесная, талантливая, красивая, а гибнешь, просто гибнешь, Женечка. Ну ты же хочешь видеть, как растут твои дети, сама хочешь жить и радоваться, а сейчас у тебя только одна радость – бутылка эта проклятая. Даже Сергей, уж на что противный, и тот всем говорит со смехом, что даже не ревновал никогда, она мне, говорит, только со стаканом может изменить, представляешь!? Женька, да ты слышишь хоть меня? Я помогу собраться, Ленчик тебя отвезет, а я тут уберу, все вымою. Нам же с Ленкой пришлось ломать замок. Ты не открывала два дня, да вдобавок, закрылась на внутренний, что было делать!? Позвонили Сергею, он где-то в Нефтекумском районе, ну пришлось в двух словах объяснить, что да почему. Он дал добро, только прозвонил тут соседу вашему, он нам и вскрыл квартиру. Ничего, ты не волнуйся, Сергей приедет вечером, поставит новый замок».

Туся замолчала, потому что Женька вдруг подняла голову, и у неё что-то случилось с лицом. Она смотрела на Тусю, и в то же время создавалось абсолютное ощущение её полного отсутствия. Лицо не выражало никаких эмоций, было бесстрастным и окаменевшим, как неумелая и грубая маска. Тусе стало страшно. Она встала и непроизвольно попятилась к двери.

– Сходи в магазин, – вдруг услышала Туся и замерла у порога, – Пожалуйста, – глухо повторила Женя, – Сходи в магазин и купи водки.

– Да ты что, – закричала онемевшая было Туська, – Ты что!! Это после всего, что я и Леня тебе сказали! После того, что ты наворотила только за две последние недели, после того, как ты потеряла работу и разрушила семью своим пьянством, после того, как твоих детей, как безродных котят разделили, и они живут, то у одних, то у других родственников, как какие-то беспризорники, пока их мать здесь допивается до белой горячки!!! После всего этого, единственное, что ты можешь, это попросить ещё водки!? На шум прибежал Леня, моментально, оценив ситуацию, он сказал:

– Хорошо, я сейчас куплю и принесу тебе бутылку, но после того, как ты немного выпьешь, мы едем в наркологию! Договорились? – Женя бодро кивнула и Леонид, обращаясь, главным образом, к Тусе, добавил: «Туся поможет тебе собраться, и... пожалуйста...э.. приведи себя в порядок, хоть немного, умойся что ли», – он неопределенно помахал в воз-

духе руками, просительно глядя на Тусю, и удалился. Туся молча начала складывать какие-то вещи на кровать. Женя, почувствовав некоторый прилив сил в предвкушении выпивки, стала ей даже помогать. Туська резко выпрямилась и сказала: «Слушай, я знаю, что нужно брать, Леня сам нарколог, работает в такой же больнице, только в Москве, он мне все рассказал, а ты пойдй лучше в душ, от тебя несет, страшное дело! – и с сомнением взглянув на Женю, на всякий случай уточнила, – Справишься?» Женя закивала и направилась в ванную, и уже оттуда её как будто прорвало:

– Да я все понимаю, Тусёнок, но мне очень нужно выпить, чтобы я хотя бы соображать что-то начала... – Туся услышала звук льющейся воды и голос подруги, который стал громче:

– Я ведь даже не во все въехала, что ты рассказала, а все почему, похмелье ужасное, выпить нужно очень, понимаешь!? А за Сергея я знаю, что он мудозвон, я это давно поняла. Заявляет мне: «Хочу развестись!» Черта с два! Это я хочу уже очень долго! – После этого целых пять минут было тихо, затем Туся услышала, – И все-таки, где ты Ленчика встретила, почему он здесь? Кстати, Тусюнчик, Леня пришел? А то я уже выхожу, не могу больше, сил нет... – спросила Женя, выходя из ванной в халате.

– Может и пришел, – ответил ей Лёнин голос из кухни, куда она немедленно и направилась. Лёня уже открыл бутылку и, сполоснув какую-то чашку, плеснул в неё немного вод-

ки. Зная, что Туська непременно откажется (и как они могли дружить почти семнадцать лет?), а Лёне она даже не стала и предлагать, она моментально выпила одна и стоя, и, уже присев к столу, закурив, поняла, что всё это время бывший муж ей что-то рассказывает:

– «...и ещё тогда понял, что дела идут неважно, мягко говоря, когда ты, по-моему, даже не поняла, с кем разговариваешь двадцать минут по телефону. В конце ты стала почему-то величать меня Александром Яковлевичем и обещала заплатить аренду не позже понедельника, – Лёня с тревогой посмотрел на Женьку, лицо которой стало после выпивки багровым, – Правда, не уточнила какого именно... Женья, не нужно больше, – засуетился Лёня, видя, что Женька наливает снова, – Мы же договаривались, у тебя давление, вероятно, зашкаливает, посмотри на свой цвет лица!» Женька также, как и в первый раз, быстро и молча выпила и только потом, слегка заплетающимся языком, произнесла:

– Тебя, блин, (тут Женька громко икнула), за.. заклинило, что ли на зеркалах сегодня? Не хочу я никуда смотреть, и это, поставь... бутылку обратно, сейчас же.. Ччто ты всаом деле..., как маленький, ну-ну, рассказывай, что дальше было, я... я...(сноваикота) внимательно слушаю. Леня, бросив ещё один тревожный взгляд на икающую Женьку, крикнул Тусе, чтобы та поторопилась и продолжил: «Ну и что-что, на чем я остановился? А, я же хотел сына увидеть, от тебя я внятного ответа так и не дождался, телефона родителей не знаю,

ну, слава Богу, Туся выручила. Она мне и рассказала, что, не дозвонившись тебе, приезжала сюда, но ты ей не открыла, она тогда позвонила твоему мужу, он и рассказал, про запои, про развод, про то, что Анечка сейчас с его родителями, а Димка у твоих...» Женька вскочила и закричала:

– Где мой сын? Кто посмел его отвезти к этим людям?. Туся, вошедшая в кухню с небольшой, упакованной багажной сумкой, ответила устало:

– Свекровь посмела. И хорошо сделала! Если хотя бы наполовину, правда, то, что они рассказали, то детям здесь нельзя было оставаться. Она, конечно, тут же сообщила обо всем твоей матери, и та забрала Диму, они тоже несколько раз приезжали и звонили, ты и им не открыла. Что они должны были думать, по-твоему? Они тогда же и решили, что Анечка будет пока с родителями Сергея в Московском, а Димка у них в Михайловске. Твой папа больной совсем, возит его в школу каждый день. Мать твоя мне звонила и умоляла помочь. А тут вот и Ленчик очень кстати приехал, и они согласились, чтобы Дима пожил с отцом. Ясно тебе, что происходит, когда ты в штопорходишь? Сколько людей вокруг теряют спокойствие, привычный уклад жизни и душевное равновесие? – выпалив всё это, Туська присела и глянула на Женьку, – Я собрала вещи, можете ехать, ты звонил? – перевела она взгляд на Леонида. Тот не глядя на неё, кивнул. Туся встала, убрала со стола чашку с бутылкой и натянуто бодрым голосом произнесла: «Жень, надо переодеть-

ся, идем, я помогу тебе». Женька подняла на неё тяжелый взгляд мутных, с набрякшими веками глаз и хрипло произнесла: «Сейчас же поставь всё обратно! Немедленно, слышишь!» Туся замерла и беспомощно выдавила: «Леня, я не знаю, что с ней делать». Женя грубо выхватила бутылку из рук оторопевшей подруги, взяла из раковины другую чашку и явно передразнивая бледную Туську, кривляясь, сказала: «Да, Лёничка, помоги нам, что же нам с ней делать? А Лёня, глупая ты курица, не сможет нам помочь, да Лёнчик? Он только, а-а-а, – вдруг закричала Женя, обеими руками вцепившись в бутылку мертвой хваткой, а ногой отбиваясь от Лёни, пытающегося забрать у неё водку, и, умудряясь, тем не менее, при этом, продолжать беседу, – Я говорю, он только мамочке своей иногда помогал, так ведь, Лёничка? Давай напомним бедной невинной овечке Тусеньке об этой веселой помощи, а?» Лёня, тяжело дыша, повысив голос, но беззлобно ответил: «Да замолчи ты уже и успокойся, наконец! Десять лет прошло с нашего развода, и матери на свете нет, хватит! – и, поворачиваясь, закусившей губу Тусе, командным голосом произнес, – Черт с ней, пусть так едет – в халате и с бутылкой, такси уже ждет, идем».

Женя, пробегая мимо сына, опять не удержалась, чмокнула его в макушку, и одновременно затормошила за плечи. Димка, пил чай с вкуснейшими сладкими крендельками, и очень старательно делал вид, что ему все равно. Что ему совершенно безразлично и даже немного плевать, на то, что его мать обалдела от счастья и почти сошла с ума. Все никак не нарадуется, что они, наконец, все вместе. «Женщины, – размышлял Димка, – Никакой логики, одни эмоции, чувства, мечты и бесконечный поток фонтанирующих нерациональных идей». На самом деле, он тоже был очень рад матери. Ему нравилось, что она такая свежая, веселая и красивая. В этой хлопчатобумажной, с вышивкой блузке и джинсах она выглядела потрясающе. Сейчас она была похожа на юную и трогательную лесную нимфу с огромными и выразительными серыми глазами. Аннушка сидела здесь же, и как обычно, рисовала. Женя переводила взгляд с одного ребенка на другого, и едва верила своему счастью. И для этого была очень уважительная причина. Только вчера между ней и Лёней завязался какой-то странный разговор, инициатором которого был её первый бывший муж (скоро официально будет и второй бывший муж). Суть разговора была очень простой: Лёня предложил ей отдать им с женой Димку... Да, вот так легко и обыденно это было произнесено, что Женька до сих пор

пребывала в некотором шоке. – Как же она не почувствовала этого раньше, ведь были звоночки, ещё перед отъездом Лёнчика в Москву, разумеется, были! – в десятый раз обращалась к себе Женя.

Сначала всё шло хорошо. Правда, Лёне, не очень понравилось, то, что бывшая жена не разрешила ему увезти сына в Москву без неё. Была середина декабря, Женька лежала в наркологии, а Лёня закончил свои дела в Ставрополе и хотел вернуться в Москву к Новому году. Вот тогда-то он, навестив Женьку, и сказал ей, что было бы отлично, если б она разрешила ему взять мальчишку с собой, а она бы с дочкой приехала через неделю или две, когда закончится курс её лечения. Женя отказалась наотрез от этого предложения. Более того, когда Леонид напомнил, что вообще-то он является родным отцом Дмитрия и ему для того, чтобы видеть сына и общаться с ним, разрешения кого бы то ни было, не нужны, и, оглядывая, недвусмысленно, лечебное учреждение, где они тогда находились, стены которого были украшены плакатами о вреде алкоголя, наркотиков и профилактике СПИДа, он даже намекнул, на её, в настоящее время, социально ограниченное и (будем говорить прямо, дорогая, весьма общественно неодобряемое) сложное положение, Женя сказала, что вообще откажется от этой затеи с переездом в Москву, если Леонид будет настаивать. Лёне в тот раз хватило ума оставить все дальнейшие поползновения в этом вопросе и, стараясь не выказывать своего недовольствия и

разочарования, перевести этот разговор в ничего не значащую безделицу, которая никоим образом не может омрачить их нормальные, человеческие отношения. – Да, – не раз повторял Лёня, – мы перестали быть мужем и женой, но мы же не перестали быть родителями. – Только по-настоящему, мудрые и цивилизованные люди и после развода умеют сохранять ровные и доброжелательные отношения, – говорил он, – Это быдло обливает друг друга грязью, и чуть что лупит по морде, тем самым нанося детям психические, (а часто, к сожалению, и не только психические) травмы, слава Богу, – своим проникновенным голосом вещал Леонид, заглядывая Женьке в глаза, – Слава Богу, мы к ним не относимся. Женя, решила, что не о чем волноваться, её даже несколько усыпил этот Лёнин спокойный и разумный подход в отношении их общего ребенка. – К тому же, – размышляла Женя, – Лёня никогда не отказывался от участия в воспитании Димки, правда участие это до последнего времени, в основном, было материальным, тем не менее, щедрым и регулярным. Женька вспомнила, что он и её бабушке помогал, когда было особенно тяжело, хотя вполне мог этого и не делать. И в этот раз! Сколько Лёня возился с ней, что ему больше нечем было заняться, как только устраивать бывших жен на лечение!? Гораздо больше Жене довелось понервничать со своим вторым мужем, который и слышать не хотел о том, чтобы Женя увозила Аню в Москву. Если в отношении Леонида и Димы, Женька никогда не была безоговорочно уверена в их взаим-

ной любви и привязанности, даже тогда, когда они жили все вместе, то по поводу Сергея и Анечки сомнений не возникало никогда и ни у кого. Эти двое обожали друг друга. Анютка, вне всякого сомнения, была папина дочка, и Сергей, став отцом в зрелом возрасте, когда почти утратил веру, в то, что это случится, конечно же, трогательно и нежно любил дочь. Поэтому и встал на дыбы, когда почти бывшая жена собралась увезти его маленькую принцессу. А его родители и вообще дали ей понять, что чуть ли не благодетельствовали её, отказавшись от намерения подать на невестку в суд о лишении её родительских прав. Прошло время, прежде чем Сергей захотел хотя бы выслушать её. Впоследствии, Женька сама поражалась, откуда взялась у неё эта способность к аргументированному и убедительному рассуждению? Каким образом у неё, у эмоциональной, а часто и просто взбалмошной, появились уверенные, логичные и спокойные доводы в защиту своей позиции? Женька помимо прочего, сказала, что никогда не будет препятствовать общению дочери и её отца. А тем более такого замечательного отца, каким является Сергей. – Это было бы очень глупо, – просто и искренне сказала ему Женька. Она рассказала, что хочет так же, как, возможно, и он, начать жизнь с чистого листа, что долго раздумывала, прежде чем решиться на это. В Москве больше возможностей, с этим никто спорить не будет, ей хочется попробовать, и узнать чего она стоит. – И потом, – сказала Женька, – она же не вывозит дочь за границу, да и в Москве она

вовсе не собирается оставаться навсегда. Её дом здесь и она это понимает, но, что если у неё получится в столице?! Ведь этот город далеко не всех принимает, и это тоже широко известно. Ну а если, она войдет в число «непринятых», максимум, чем она рискует, это вернуться обратно. Они сидели на веранде, у его родителей, куда она приехала, чтобы забрать Анечку. Сергей молча курил, по появляющимся временем от времени желвакам и напряженному, «в одну точку» взгляду, Женя поняла, что Сергей всё еще настроен против. Женя вдруг тихо, но с какими-то металлическими нотками в голосе сказала: «Давай не будем воевать, Сережа, не вставляй мне палки в колеса. Ты можешь, конечно, помешать мне уехать, ведь дочь я не оставлю. Но это будет плохо, очень плохо, её у меня никто не заберет, прости, но даже твои родители это поняли, в конце концов. Нет оснований. Дети все равно будут со мной, а ты решай, какой вариант тебя больше устроит: отпустить и жить дальше, при этом ты всегда, в любое время можешь видеть, слышать дочку, приезжать к ней и она к тебе, или по судебному решению, в строго лимитированное, обозначенное исполнительным листом время? Сергей с остервенением вышвырнул окурок и, наконец, заговорил: «Какая ты умница, как всегда все за всех решила, да? За меня, за детей!? Тебе втемяшится что-нибудь в башку, и все должны жить по твоей указке, так получается у нас? – Мистюков развернулся к ней и заговорил яростным шепотом: «Оснований нет, говоришь? Оснований, милая ты мо-

я, сколько угодно! Ещё не так давно ты сидела в нашей квартире, не просыхая несколько суток, не имея ни малейшего понятия, где находятся твои дети, и нисколько этим обстоятельством не смущаясь, – Сергей встал, и не глядя на Женю, продолжал, – Тебя разве интересовало, что ели сын и дочь, где спали? А сейчас ты тут разыгрываешь передо мной всю такую из себя мамашу, которая и минуты не проживет без своих деточек. Женя тоже поднялась, и с неявной полуулыбкой, всегда маскирующей у неё особенно высокий уровень тревоги, чувства вины и личного дискомфорта, медленно проговорила: «Я очень хорошо помню об этом и многом другом всегда. По сотне раз на дню вспоминаю, мне и снится этот кошмар очень часто. Поверь мне, больше, чем я сама себя казнию за это, вряд ли у кого-то получится, так что ты особенно-то не старайся. Чтобы ты не решил, отговаривать и просить не стану, только все-таки, подумай. Ради нашей дочери, может, сохраним нормальные отношения? Женя ничем не дала понять мужу, что ей известно о получении им звания подполковника и его переводе в Новочеркасск на штатную должность командира батальона. Но сейчас, наблюдая душевные муки Сергея, в какой-то момент она действительно чуть не поверила в то, что он откажется от этого более чем заманчивого предложения, и начнет эту утомительную и многоэтапную тяжбу по ограничению её в родительских правах и передаче ему дочери на воспитание. Но когда он, спустя какое-то время, совершенно с другой интонацией заго-

ворил о квартире, о деньгах и разделе имущества, она, с плохо скрываемым облегчением, поняла, что ребенок остаётся с ней. Женя не могла не отметить про себя своеобразную иронию, сопровождавшую закономерность продвижения Сергея Мистюкова по карьерной лестнице: каждый раз окончание его брака, так или иначе, совпадало с переездом в другой город и присвоением ему нового звания. Что здесь было причиной, а что следствием, поди разберись. Она и не собиралась разбираться, не имела для этого ни времени, ни желания. Женя порядком устала от своей неустроенности, хаоса, в который превратилась её жизнь и постоянного беспокойства в связи с этим. Она хотела уехать, чтобы не видеть больше этого города, этих людей и всей этой опостылевшей среды. На самом деле Женька бежала от себя, своих мыслей и беспощадного чувства вины. Но тогда она об этом ещё не знала. Как и того, что вряд ли по силам переезду и новой обстановке что-либо кардинально изменить в её жизни.

Как бы то ни было, на зимних каникулах Женя с детьми приехала в Москву, где Лёня их тепло встретил и привез на квартиру. Леонид для них приготовил целую развлекательную программу. Каждый день, с утра до вечера, был тщательно расписан и спланирован. Лёня очень старался, чтобы им, и особенно Димке, здесь понравилось. И, разумеется, преуспел в этом. Лёня был артистичен, обаятелен, знал множество интереснейших фактов о тех местах, в которые их водил. К тому же рассказывал с таким жаром и увлечением,

что к ним примыкали отдельные люди, и даже небольшие группы, принимая его за великолепно знающего свое дело экскурсовода. На четвертый или пятый день, Женя взмолилась: в понедельник у неё собеседование в центральной клинической больнице, Димке послезавтра в новую школу, а многое ещё не куплено. Аня, по всей вероятности, собирается заболеть, (этого только не хватало, вот вам и каток в «Сокольниках»!), половина сумок вообще не разобрана, а другая половина расплзлась по квартире. Ничего невозможно найти, нет-нет, как угодно, а она остаётся дома и попытается разобраться со всем этим. Бывший муж легко согласился с Женей, что, возможно, ей действительно лучше остаться с Аннушкой дома и заняться делами, а они с Димкой пойдут в аквапарк, так как он обещал сыну это ещё в самом начале их приезда. Дима, с раннего детства любивший воду, плавание и все что с этим связано просительно смотрел на мать. Видя, что Женя колеблется, Леонид добавил, что к школе они сами все купят, а ей лучше сейчас обратить внимание на здоровье Ани, которой скоро в детский сад. Да и остальных проблем огромное количество и ими нужно заниматься, а вечером Леня сам привезет Димку. Так и решили. Вечером Лёня позвонил и сказал, что Димка останется у него, так как к ним ехать очень далеко, да и не имеет смысла, так как завтра они купят все для учебы, а в понедельник он сам отвезет сына в гимназию, которая (ну надо же, какой приятный сюрприз!) находится в десяти минутах ходьбы от его дома. Женьке это

не понравилось. Очень не понравилось, о чем Леониду она и сообщила:

– Мы так не договаривались, Лёня, это не очень порядочно с твоей стороны! Без предупреждения... Мальчик идет в новую школу, в чужом огромном городе, а я даже не увижу его, не смогу проводить... И, потом, твоя жена? Каково это ей? Ты и так всю неделю пропадал у нас, а сейчас вдобавок привел совершенно незнакомого ей ребенка и сообщашь, что он тут будет ночевать... Леонид нетерпеливо ответил: «Ни незнакомого ребенка, а своего сына... Это во-первых, Женя. Во-вторых, неужели ты думаешь, что Виктория не знает о том, что вы приехали, или о том, что у меня есть сын от первого брака, или о том, куда я ездил всю неделю? У нас доверительные отношения, понимаешь? И мы поддерживаем во всем друг друга. Она замечательно приняла Диму. И в-третьих, что значит без предупреждения?! Ты что не знала где твой сын? Он находится со своим отцом, прости, но я не стану отчитываться тебе постоянно о каждом нашем шаге. Женя почувствовала что-то напугавшее её в этом разговоре, какую-то скрытую угрозу, которую она пока не могла себе объяснить. А может ей так показалось? С чего она вообще решила, что ей что-то угрожает? Он им так помогает, бесплатно предоставил квартиру, куда-то позвонил, и её пригласили на собеседование в центральную больницу, устроил Димку в отличную гимназию и помог с садиком для Ани, к тому же организовал великолепные московские ка-

никулы! Разве она могла бы это сделать без помощи Лёни, да ещё и за такое короткое время? Самое большее, на что она могла рассчитывать, – это съемное обшарпанное жильё где-нибудь на выселках, да ещё и за бешеные деньги, заштатная средняя школа там же, и работа для неё у черта на куличках в какой-нибудь городской поликлинике. Женьке почти удалось себя убедить, что она несправедлива к Лёне и, возможно, раздувает из мухи слона. И хотя полностью избавиться от неприятного осадка не получилось, Женя решила не накалять ситуацию и вполне миролюбиво проговорила: «Лёня, я только за то, чтобы вы общались с сыном, и я, правда, очень рада, что и твоя жена за это, но ты и меня пойми: в течение восьми лет ты не проявлял особенного рвения для восстановления и поддержки отношений с Димкой, а тут вдруг такая активность и участие!» Лёня тут же примиряюще добавил: «Я дурак молодой был, понимаешь? Не ценил, что имел, разбазаривал. Очень жалею сейчас, ты не представляешь как! Такой парень у нас... – Леня помолчал, а затем с жаром продолжил, – Я хочу быть в его жизни, хочу видеть, как он вырастет, помочь ему встать на ноги». После паузы Женя сказала: «Возможно, я ещё не совсем готова к таким стремительным изменениям. Боюсь, что и Димка тоже. Прошу тебя, дай нам время, не дави, и не старайся восполнить пропущенные годы вот так сразу, этостораживает, утомляет, и честно говоря, немного пугает. Не думай, пожалуйста, что я неблагодарная, не вижу, и не ценю то, что ты

для нас делаешь и как помогаешь. Просто дай возможность Диме осознать и принять тот факт, что вы снова есть в жизни друг друга и поверить, в то, что больше ты не исчезнешь». В конце разговора попрощались вполне дружелюбно, условившись, что Дима вернется сразу по окончании первого учебного дня. Закончив разговор, Женя опять с досадой подумала о том, что не надо было ей соглашаться на эту чертову гимназию с её несколькими иностранными языками, основами бизнеса, экологией и прочим. Мальчику далеко ездить, в одну сторону больше часа, и о чем она думала? О сыне и думала, – сама себе ответила Женька. Когда Лёня рассказал о качестве образования в этом учебном заведении, о том, что это, по сути, определенная и вполне надежная стартовая площадка для поступления в московский университет, да и остальные ВУЗы столицы, когда на сайте гимназии она увидела эти компьютерные и лингафонные классы, спортивные залы, бассейн, то удаленность гимназии от места их проживания, не слишком её волновала. И она полностью отдавала себе отчет, почему ей это казалось таким заманчивым и притягательным. Это был какой-то другой мир. Что-то совсем иное, не то к чему они привыкли. Конечно же, ей очень хотелось, чтобы, если уж не она, то её дети попали бы туда. В то место, которое не для всех, а лишь для избранных. Откуда можно не довольствоваться тем, что есть, а уже самому выбирать, куда и в каком направлении двигаться. Женька была уверена, что оттуда гораздо больше видно открытых дверей,

сиречь, возможностей. Но сейчас ей это вовсе не казалось таким уж однозначным. Как её старший ребенок будет всё успевать? – Но вообще-то, в Москве почти все так живут, – тут же постаралась успокоить она себя. Ещё и не столько тратят на дорогу. Но Женя понимала, что дело тут не только в расстоянии... Что-то ещё тревожило и мешало сосредоточиться... Ах, да, Лёня, интонация его голоса явно поменяла окраску. Женя вспомнила, как перед самой выпиской из наркологии, к ней пришла мать. Леонид, приехав к сыну, видимо сообщил её родителям о том, что она уезжает в Москву вместе с детьми и Зинаида Евгеньевна, стоя вместе с дочерью возле большого окна, пыталась убедить её это не делать. Женя находилась в стационаре уже 15 дней, она прошла очистительные процедуры и капельницы, беседы с психологом и врачом-наркологом, выполняла рекомендации специалистов и общалась с людьми, посещала группы и вела дневник реабилитации. Но все это она делала не потому что очень хотела или считала это необходимым для своего выздоровления, а потому что так сказали, так делали все. А сопротивляться или что-то доказывать не было ни сил, ни желания. Физически она стала чувствовать себя лучше, но душевное состояние практически не изменилось. От успокоительных и снотворных препаратов, которые она принимала, так как у неё отмечалось нарушение сна, общая тревожность и рассеянное внимание, Женя ощущала себя кем-то на подобии медузы. Кроме того, очень скоро, ей предстояло кодирование, и

это тоже вызывало опасения и беспокойство. Психолог кроме раздражения ничего вызывала: это была ухоженная, со вкусом одетая молодая женщина, которая даже сидя умудрялась смотреть на пациентов «сверху вниз». По крайней мере, у Женьки создавалось такое впечатление. Были ещё терапевтические группы и группа, которую проводил врач-наркологи по 12-шаговой программе «Анонимные Алкоголики». Оттуда Женя просто сбежала, ей показалось, что её заманивают сектанты. Какой ужас! И это в государственном учреждении! Ей даже захотелось написать об этом куда следует, проявить, так сказать бдительность, и рассказать, что происходит среди бела дня под самым носом у Минздрава. Но она этого не сделала, ведь тому, кто хочет быть одураченным помочь нельзя. Это она знала совершенно точно. И потом, она чувствовала такую вселенскую апатию, усталость и разбитость, что ей еле-еле хватало сил стоять рядом с матерью и слушать её. Тем более, она почти всегда знала, что скажет мать. Заранее. И в этот раз, Зинаида Евгеньевна не обошлась без всегдашнего спича о вреде пьянства в целом и женского, в особенности. Женька мысленно закатила глаза и стиснула зубы, – Сейчас скажет: «Ты же мать, ты же – женщина! Ты знаешь, что женский алкоголизм не излечим? Вот до чего ты докатилась: сначала психушка, теперь наркология, молодец, есть чем гордиться!» Женька столько раз это слышала, ей было так мучительно и тошно, от всего, что с ней происходит, что даже не показалось забавным, когда мать почти дослов-

но озвучила то, что вертелось у неё в голове. Женя закрыла глаза, просто не было сил больше держать их открытыми. Зинаида с промелькнувшей тревогой глянула на дочь, – Что с тобой? Женька, не открывая глаз, нехотя ответила, – Ничего, устала просто. Мать помолчала, но, не выдержав долго, едко спросила: «Интересно, отчего ты устала, ты ведь ничего не делаешь!?» Женя медленно открыла глаза, – От этого устаешь намного больше. Мать только сейчас заметила глубокие тени под глазами дочери, но вслух сказала: «Кто тебе виноват? Ты одна во всем виновата, так как выбрала этот путь». Женя не выдержала и поморщилась: «Хорошо, хорошо, я одна виновата, я не спорю, только ты это уже говорила раз двести, может, хватит? Ты же видишь, что ничего не меняется, значит это не работает! Приходило тебе в голову сказать или сделать что-то другое, а не то, что всем и так давно известно?!! Ты можешь, хоть когда-нибудь перестать быть человеком в футляре, а постараться быть просто человеком?» Женя поняла, что если она сейчас не уйдет, будет только хуже, – Я вернусь в палату, спасибо, что зашла». Мать взяла её за руку и быстро заговорила: «Женя, дочка, послушай, не надо тебе везти ребят в такую даль. Оставь их с нами, мы справимся. – Видя, что Женька нетерпеливо взмахнула руками, Зинаида сбивчиво, но горячо и искренне, продолжила, – Я понимаю, тебе сложно здесь начинать сначала, хочется перемен, чего-то нового, и мы не против, конечно, но, Женя, а дети при чем? Зачем ты их срываешь с насижен-

ного места? У Димы такой сложный возраст – 14 лет, к тому же у него и характер непростой, зачем ему менять школу, подумай, дочка?» Женя удивленно глядела на мать и думала, – Ну надо же, два раза дочкой назвала, что это с ней? Но вслух сказала: «Дети едут со мной, это не обсуждается, хватит с меня их отцов, – затем с усмешкой глядя на мать, не удержавшись, добавила, – Ну что, как там мой брат Ярослав? На свадьбу чего ж не позвали?! А, ну да, ну да, куда ж меня в ваше высококультурное, трезвое общество, ещё чего доброго опять оскандалюсь да напьюсь, и вам опять будет за меня стыдно... Хотя в общем-то, вам же не привыкать... Верно?»

Всю эту тираду Зинаида Евгеньевна выслушала молча, поджав губы и глядя в окно, за которым мягко падал снег, затем она, будто очнувшись, повернулась к дочери со словами: «Ты все ёрничаешь... – затем также неторопливо, как будто через силу хмуро добавила, – Какая там свадьба, Славик наивный и глупый ребенок просто по сравнению с этой разбитной девахой, алчная, меркантильная и одевается, как... – Проститутка! – громко выпалила Женя, радостно засмеявшись, будто ничего приятнее и веселее не слышала, – Ой, не могу, – отсмеявшись и вытирая салфеткой глаза, еле выговорила она, – И как вам только удаётся это? А ещё говорят, что в мире нет стабильности и постоянства. Ещё как есть! Вот папы нет здесь, а я как-будто его вижу и, главное, слышу. Ты ещё не начала говорить, а я уже знаю, что ты скажешь. И Ярик у вас такой же... Постоянный и неизменный... Все

правильно, от добра добра не ищут, так ведь, кажется? Лучше мамки не найти ему, хоть сто лет ищи!» Зинаида, разглядывая смеющуюся дочку, молча кивала в такт своим мыслям, словно говоря: «Ну-ну, я так и знала, ничему жизнь её не учит, что ж ладно, я не знаю, чем ещё могу помочь своей несчастной дочери. Простите, но я умываю руки..». Вслух же она произнесла, направляясь, в сопровождении Жени, к выходу: «И всё-таки подумай ещё раз на счет детей. В тебе сейчас говорит обида, тебе кажется, что тебя обманули, предали, – Дай мне закончить, пожалуйста! – увидев, что Женя собирается её перебить, быстро сказала она, – Ты, возможно, когда-нибудь поймешь, что это было сделано для твоего же блага, – Мать снова протестующее выставила ладонь, – Да, именно, для твоего блага, тебе сейчас в это поверить, ещё раз скажу, трудно и даже невозможно, но это так. А что касается детей, Женя ты ведь знаешь, мы с папой их любим, оставь их с нами, хотя бы на время, пока не устроишься, не дергай, посреди учебного года, в разгар зимы, к тому же, ты... ещё слишком нездорова, чтобы все это преодолеть даже одной, не говоря уже о детях. Это очень тяжело, дочка, особенно без поддержки. А Лёне, на твоём месте, я не стала бы доверять, скользкий он какой-то, и всегда таким был. Кроме того, известно, что в одну реку нельзя войти дважды. Зачем он вообще объявился, мы с папой были против этого, – мать обвела рукой вестибюль медицинского учреждения, в котором они находились, – Мы с папой считаем, что ни к чему

это все афишировать и предавать огласке, сама понимаешь, гордиться тутнечем, но Лёня сказал, что ты хочешь лечиться сама... – она пожалала плечами и вздохнула, – Хотя, как по мне, глупости это, и позородин, еслибытолькотызахотела взять себя в руки, проявить, хоть немного, силы воли, – Зинаида, не договорила, и, совсем, как когда-то Галина Аркадьевна, её мать, в сердцах махнула рукой.

Сейчас Женя все это в подробностях вспомнила и задумалась. Она сидела в чисто убранной, но неуютной, и, главное, не своей квартире, уставленной разнокалиберной мебелью. В маленькой комнате спала её пятилетняя дочь, с компрессом на шее. Здесь все ещё стоял несильный запах лекарств. Аннушка, разморенная и утомленная доморощенными методами лечения простуды, от втираний, припарок и горячего молока с медом, уснула сегодня рано, её темные волосы, блестящими кольцами, обрамляли лицо, причудливым веером распределялись по подушке и, большими кольцами, свисали вниз. Женя поправила дочери одеяло, прикоснулась губами ко лбу, и, убедившись, что нет температуры, подошла к окну. Вдоль улицы горели фонари, и в детской было светло, как днем. Опять повалил снег, по дороге клубилась поземка. Эта картина напомнила Жене, что и Новый год и всю праздничную неделю после, – она снова глянула на спящую дочь, – как и Анино пятилетие, она встретила в наркологическом диспансере. И отчасти, была этому даже рада. Она не могла бы поручиться, что будь иначе, она бы стояла

в теплой комнате, где спала её маленькая дочь в юго-западном районе города Москвы и не готовилась выйти на работу в столичную клинику, а её сын не шел бы на учёбу в престижную гимназию. Всё могло быть совсем по-другому. Гораздо хуже. Настолько хуже, что Женя боялась и не хотела об этом думать. Позже, она, неоднократно, вспоминала именно этот тихий, уютный и невероятно долгий вечер, полный размышлений и самоанализа. И она знала, почему именно этот вечер чаще всего ей вспоминался, когда она думала о своём московском периоде жизни. Он являлся своеобразной точкой отсчета, терминальным этапом её прошлой жизни и капитанским мостиком от дня вчерашнего в день будущий.

Назавтра, к вечеру, приехали Лёня с Димой, с многочисленными покупками, радостные и счастливые. Димка был во всем новом, с порога, взалёб, начал рассказывать матери о гимназии, бассейне и одноклассниках. Ужин прошел шумно и весело. Женя, выслушав их, в свою очередь, рассказала, что благополучно прошла собеседование и уже оформляется. Как только пройдет медосмотр, выходит на работу. После ужина, когда дети вышли из-за стола, Леонид объявил Жене, что им нужно поговорить. Женя моментально напряглась и засуетилась, про себя успев подумать – чего это я, как в дурацкой мелодраме, в самом деле. Вот тогда-то Лёня, отодвинув от себя чашку, и глядя на Женьку ясным и нежным взглядом, сказал, что по его глубокому убеждению Диме лучше жить с ним. Женька, как это часто с ней бывало

в чрезвычайных ситуациях, лучезарно улыбнулась, хотя, ситуация, мягко говоря, совершенно к этому не располагала и переспросила:

– Что, прости? – она продолжала улыбаться, как клиническая идиотка, – тут же промелькнуло в голове, – хотя явно чувствовала, как на голове зашевелились волосы.

– Жень, – мягко ответил Лёня, ты прекрасно слышала, – И если ты не начнешь, как обычно, идти на поводу своих чувств и импульсов, а включишь голову, то согласишься со мной.

– Как ты можешь такое вообще предлагать? – тихо спросила она его. – По-твоему, ребенок – это вещь, которая если не нужна или мешает, то забыл или выбросил, а если надо снова подобрал?

– Послушай, я уже говорил тебе, что сожалею, что так случилось. И потом, к нашему разрыву, ты тоже, мягко говоря, приложила руку. При этом Лёня накрыл своей рукой её руку, от чего задумавшаяся было Женька вздрогнула всем телом, поднялась из-за стола и, скрестив руки на груди, заняла на всякий случай, оборонительную позицию у холодильника. Затем она, не сводя при этом, глаз с Лёни и как бы рассуждая сама с собой, произнесла: «Так вот почему ты уговаривал меня сюда ехать, тебе нужен Димка, сын, наследник! А я думаю, ну надо же, Лёня, какой молодец, и квартиру нам предоставил, и гимназию с садиком, и, вроде бы даже к тому, чтобы меня пригласили на собеседование, приложил руку, а

ты, оказывается, вот, что задумал...» Лёня тоже встал, ибуд-то защищаясь от града Женькиных обвинений, поднял вверх руки и оправдывающимся голосом произнес: «Женя, Женя остановись, послушай, – Леонид сел и приглашающим жестом указал ей на стул рядом с собой, который Женька проигнорировала, – Все так да не так, я это делал, в большей степени, конечно, ради сына. Но вовсе не потому, что задался целью отобрать его у тебя, а с тем, чтобы хотя бы раз в жизни поступить так, как лучше не для меня, а для кого-то другого, моего сына, в частности. Понимаешь, ты меня?» «Отлично понимаю, Лёня. Великолепный план, браво! Осчастливить ребенка, забрав его от матери! – Женя саркастически захлопала в ладоши, – Я правильно вас поняла Леонид Игоревич? Ничего не перепутала? Но спешу вас разочаровать, ничего не выйдет, можете не сомневаться!» «Женя! – не дождавшись того, чтобы она села, Лёня тоже встал, – Пожалуйста, давай спокойно все обсудим, никто не собирается забирать у тебя ребенка! Считай, что я просто рассуждал... Или, если хочешь, советовался, – они наконец-то снова уселись друг напротив друга, – Я буду с тобой откровенен, мне уже под сорок, моя жена на восемь лет старше меня, её дочери Марианне, 26 лет. Она получила прекрасное образование, и сейчас живет и успешно строит карьеру в Англии. И как я понимаю, возвращаться не собирается. Вот чего-то такого я хочу и для нашего сына, понимаешь? Я не из вредности или желания испортить тебе жизнь, предлагаю этот вариант, а по-

тому что делать это удобнее, если мы с ним будем рядом». Пока Лёня говорил, Женя успела взять себя в руки, и уже спокойно и уверенно, как о чем-то давно решенном и хорошо известном, заявила: «Лёня, давай, не будем ходить вокруг да около: если все это ты затеял с тем, чтобы Димка жил с тобой, то так и скажи. Мы освободим квартиру в ближайшее время, перейдем в обычную школу, от нас не убудет. Работу если не в этой клинике, так в другой, я тоже могу найти самостоятельно. Но дети будут жить со мной. Если ты допускаешь другой вариант, то даже мысли эти оставь. Очень трогательно прозвучало сообщение о том, как ты решил позаботиться ещё о чём-то благополучии кроме своего собственного, но прости, мне в это слабо верится. Ты все и всегда делаешь исключительно в своих интересах, – Женя, видя нетерпеливо-возражающие жесты Лёни, спохватившись, добавила, – В этом нет твоей вины, Лёня, просто ты так устроен, вот и все. А вот грустная история о вашем с женой солидном возрасте, который с полным на то основанием, заставляет сомневаться в возможности да и желании иметь общего ребенка, вполне может быть правдоподобной. А тут, надо же, как нельзя более, кстати, родной сын, вполне себе взрослый и самостоятельный, ни тебе пеленок, распашонок, ни бессонных ночей, ни прочих радостей, так ведь?» Лёня отчаянно хотел что-то сказать и немедленно это сделал, как только возникла пауза: «О чем ты говоришь? Слушай, Женя, я не буду с тобой выяснять отношения, ни к чему это. Но и ты, прекрати, будь

добра, изображать меня этаким коварным злодеем, которому нечего больше делать, как только обводить вокруг пальца бывших жен. Да живите вы на здоровье, я же объясняю, что предложил это, только из-за того, что мне это кажется разумным. И только в том случае, если у нас не возникнет разногласий. Никто у тебя ребенка не отнимает, Женя, Господь с тобой, просто мальчику далеко ездить, у тебя сейчас новая работа, ты, возможно, не до конца представляешь даже, как это работать не в местечковой поликлинике, а в огромной столичной клинике. Дочка на руках маленькая совсем, – заметив, полыхающие недобрым светом глаза своей бывшей супруги, Лёня замолчал, потом, улыбнувшись, миролюбиво закончил: «Ну, ну, что ж, как скажешь, – Леонид поднялся, и уже выходя из кухни, спросил, обернувшись вполоборота, – Ты ведь позволишь Диме, по крайней мере, приходить к нам? В любое время... Я поговорю с ним, хорошо?» Женя медленно кивнула и осталась сидеть на прежнем месте. Она слышала, как через какое-то время Лёня одевался в прихожей, как что-то негромко говорил Димке, как открылась, а затем и закрылась за ним входная дверь, но она так и не нашла в себе ни силы, ни желания выйти и проводить его.

Леонид сразу услышал, когда Женя с дочкой вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице. Он стоял с букетом цветов и тортом на площадке второго этажа, рядом со своей квартирой, в которой уже год, как жила его бывшая жена с детьми. Слов было не разобрать, но он слышал, как Аня что-то настойчиво и пылко объясняет матери, которая ей тихо отвечает. Вначале показалась розовая шапка девочки, припорошенная январским снежком, за ней с покупками, медленно шла Женя. Аня, увидев Лёню, серьезно и внимательно посмотрела на него, обернулась на мать, и только потом, без тени смущения, вежливо поздоровалась.

– Не сразу узнала меня с бородой, – засмеялся Лёня, приветствуя их. – Что ж, положение обязывает, как никак, доктор наук теперь, профессор. А где вы гуляете, девочки? И обращаясь к Аннушке добавил: – А ты знаешь, что у мамы твоей сегодня день рождения? Вот я и приехал её поздравить.

– Знаю, у меня тоже день рождения в январе, я маме открытку нарисовала, она на холодильнике висит.

После веселой неразберихи во время раздевания в прихожей, Женя пошла с розами в ванную, и оттуда, взволнованно, громче обычного, сообщала текущую информацию: «Да, мы сегодня задержались, вообрази, Анютку предпоследнюю

забрала, воспитательница на меня так глянула. – Аня, живо переодеваться и мыть руки! – крикнула она дочери, – На работе поздравляли, даже небольшой банкет устроили, я не ожидала, хотя, сказать честно, приятно, ведь я и не говорила никому, это с нашего отделения девочки такие внимательные. Женя вышла из ванной с обрезанными цветами, стоящими в трехлитровой банке с водой. – Ой, ну никак вазу не куплю, хотязачем она мне? – Лёня, а почему ты один? – она зашла снова в комнату, – А Димка заезжал к тебе? Леонид отрицательно помотал головой, – Я звонил ему вчера, хотел, чтобы он заехал, но он сказал, что не может, соревнования опять какие-то вроде. Женя прошла и села напротив бывшего мужа, внимательно глядя на него, – Странно всё это, он определённо собирался к тебе. Прямо так и сказал, что, мол, наверное, задержусь, потому что нужно к отцу заехать. Они поговорили ещё немного, Лёня высказался в том смысле, что волноваться, скорей всего, не о чем, ну мало ли где мог парень задержаться. А может действительно соревнования? Женя с досадой махнула рукой, – Да какие там соревнования, бросил давно, не занимается. Она достала телефон, чтобы позвонить сыну, но тут он и сам открыл дверь и вошел в квартиру. Вопросительно переводя взгляд с отца на мать, нерешительно остановился на пороге. Подробный опрос ничего не дал. Димка возмущенно оправдывался, и, в конце концов, укрылся в своей комнате, многозначительно при этом, хлопнув дверью. У Жени окончательно испор-

тилось настроение, она жалела, что в присутствии бывшего мужа, говорила с сыном на повышенных тонах.

– Ты понимаешь, старалась объяснить она Леониду, – Я и сама терпеть не могу, когда меня вынуждают оправдываться, испытывать чувство вины. Не нужно было устраивать сейчас это показательное выступление, но ведь он стал врать, Лёня, вот что страшно. И я не знаю, как с этим быть, как с ним разговаривать, как достучаться до него. Женя отвернулась к окну, – Опять пошёл снег... Ты знаешь, мне все чаще кажется, что мы с ним вообще незнакомы. Он иногда становится такой далекий, такой чужой, что мне даже не верится, что это мой сын. Леонид снял пластиковую крышку с торта, затем вышел из кухни, вернулся обратно, и, подмигнув Женьке, водрузил на столе бутылку вина. Полностью игнорируя удивленный взгляд бывшей жены, как ни в чем ни бывало, ответил: «Возраст у него, Жень, понимаешь непростой... Ему пятнадцать, они все в этом возрасте такие. Люди делятся у них на две группы: уроды и лохи, ну или как-то так. Первых они ненавидят, вторых презирают. Не обращай внимания, перерастёт». Не найдя бокалов, Лёня постоял в задумчивости у кухонного шкафчика, затем, словно приняв непростое решение, поставил на стол пару стаканов. – Вот только не спрашивай, к какой группе находимся по его классификации мы с тобой, и думать не хочу. Точнее, боюсь... Женя смотрела, то на Лёню, то на бутылку, то на стакан, наполнявшийся Лёниной рукой тёмно-вишнёвой жидкостью, и

наконец, спросила: «Зачем, Лёня? Ты же сам говорил, что нельзя... Он перебил: «Говорил, конечно... тогда по-другому никак не получалось, ты вспомни только, – он поднял стакан и торжественно продолжил, – Год ведь прошел, Женя, и день рождения твой, и год, как вы сюда переехали, и кодировка твоя закончена, ты посмотри сколько всего и сразу! За тебя, дорогая, твоё здоровье!» Лёня немного выпил и ободряюще улыбнулся ей. Женя, внимательно и молча, смотрела на него, затем пригубила, прислушалась к своим ощущениям, по всей вероятности ощущения были довольно приятными, так как, чуть помедлив, Женя неспешно допила до конца. Лёня предостерегающе изрек: «Только, ты уж это, мать, пожалуйста, не балуйся, договорились? Женя, также молча, кивнула, и Лёня продолжил, – Ты молодец, ты не только устроилась в столице и, но и заняла надежную позицию в клинике. Я знаю, о чем говорю... беседовал тут на днях кое с кем... Ещё годик-другой и глядишь, зав. отделением станешь, а что? У тебя все данные для этого, все три «О»: ординатура, опыт, обаяние. Они рассмеялись и Лёня уточнил, – Ну вообще-то организаторские и управленческие способности, а не обаяние, но что же делать, если у тебя все на высоте». Женя ощутила почти забытое приятное чувство неги и спокойствия. Ей было уютно, тепло и очень хорошо. Только все ещё беспокоили мысли о сыне. Она вспомнила, как будучи летом проездом в Москве, Сергей заехал на несколько часов, чтобы навестить дочь, и перед уходом спросил всё

ли нормально у Димы. Поинтересовавшись, чем вызван такой вопрос, Женя услышала, что мальчишка ему показался очень уставшим и рассеянным. И сейчас, она рассказала Лёне об этом летнем эпизоде, и спросила у него, скорее как у врача, а не как у отца, – может быть, действительно есть повод для беспокойства? После чего Лёня немедленно вспылал: «Да почему он лезет к моему сыну, этот солдафон? Пусть волнуется о своих новорожденных, их у него целых двое сразу, если не ошибаюсь? Нормально все у нашего парня! Он просто много занимается, у него основных предметов только двенадцать или тринадцать, а плюс факультативы, спорт, бесконечные зачеты и экзамены. – Лёня подлил ещё немного вина в Женькин стакан, она обратила внимание, что своё вино он так и не допил, – Когда Серега Мистюков поступал в своё военное училище, – никак не мог успокоиться Лёня, – У него экзаменационная комиссия только поинтересовалась, сколько раз он с дерева падал головой вниз, слышали, что не менее трех раз, и сразу написали – «годен». Женя фыркнула, но все-таки, не удержавшись, спросила: «А если больше трех раз?» Лёня, немедленно, как будто ждал этого вопроса, ответил: «А тот, кто больше трех раз ударялся головой, в военное училище зачисляются вообще без экзаменов, только по итогам собеседования, и, как правило, очень быстро двигаются вверх по карьерной лестнице и дослуживаются до генеральских погон». Оба как-то невесело посмеялись. Женя, с грустной улыбкой, задумчиво произнесла: «Между

прочим, ты знаешь, Сергей действительно заканчивает сейчас военную академию, подполковник уже...» Лёня, усмехнувшись, развел ладони, дескать, ну что тут можно сказать, а затем внимательно посмотрев на неё, тихо спросил: «А как ты вообще эту новость восприняла, ну то, что они поженились с Туськой? Честно говоря, меня удивило, что он после этого, запросто так, приехал к тебе...» Женя знала, что разговор об этом обязательно пойдет, но все равно Лёнин вопрос застал её врасплох. – Да никак, Лёнь, ну вначале конечно испытала небольшой шок, но очень быстро пришла в себя, – Женя поднялась, – Я – покурить, – Лёня поднялся и вышел вместе с ней, – Так вот, – продолжила она на лоджии, кутаясь в старую неопределенного цвета куртку, специально висящую на вешалке для этой цели, – Ты знаешь, я думаю, что у них раньше все началось. Ну, раньше, чем Туська рассказывает. Не тогда, когда он вернулся в разгромленную мною квартиру, и они так искренне и самозабвенно поддерживали и утешали друг друга, что вдруг приняли обоюдное решение жить вместе. Нет, видимо какая-то искра пробежала между ними чутьраньше, хотя, по большому счету, Лёнь, разве это важно? Я была ему плохой женой, что там говорить, я и подругой-то была, уверена, так себе. Ты знаешь, сейчас я даже рада, что все так получилось. Сергей неплохой человек, и Туську ты отлично знаешь, лучшего друга сложно и вообразить, ну ответь мне, чем плохо, что двое нормальных людей поняли, что им очень хорошо вместе. – Женя, на-

конец, закурила, и выдохнула, – Я тоже самое и Туське сказала, когда она позвонила, и, рыдая, «набралась храбрости сказать, наконец, правду».

– Все происходит не зря, уверена. Потому и дети тут же случились у них замечательные, будто в награду. Ты бы видел этих двух крошек чудесных, мальчика и девочку, Сергей фото показывал, знаешь, как они их назвали? Ванька да Манька, ну разве не прелесть, скажи!? Лёня улыбаясь, смотрел на Женю, в растерянности качая головой, – Ну ты даёшь, Жека, я, выходит, тебя совсем не знаю... – Лёня замолчал и взял её за руку, когда она уже собиралась выходить с лоджии, но Женя, мягко убрала руку, – Пойдем, холодно тут, – Лёня, как ни в чем ни бывало, продолжил на кухне, – Но вообще ты права, Туська давно мечтала о детях, уже и думать, наверное, забыла, а тут такое чудо! – Ну, конечно, тут же отозвалась Женька, – А то, что ты говоришь, я его принимала тут... – Женя усмехнулась, – Он к дочери приехал, мы с ним так и договаривались, как и с тобой, кстати. Я не буду препятствовать общению отца и ребенка, особенно, когда они хотят этого. Ты знаешь, никогда не понимала и не пойму женщин, которые этому сопротивляются и всячески мешают, пытаюсь, таким образом, отомстить за свои какие-то обиды и неудавшийся брак. Зачем? Если мужчина адекватный, конечно. В результате, страдает ребенок. Женя только сейчас заметила, что Лёня находится очень близко к ней и пристально на неё смотрит. Ей стало не по себе. Они вместе поднялись из-за

стола. «Женя...» – только и успел сказать Лёня и двинулся к ней. Ей как-то разом стало все настолько ясно, предсказуемо и вместе с тем, скучно, что у неё изменился даже голос. Откуда-то взялась такая холодная уверенность в правильности своих действий и их неизменности, что Лёня это мгновенно понял, хотя сказала она ему всего несколько коротких фраз: «Нет, Лёня, нет! Ты действительно меня совсем не знаешь, и, похоже, не знал никогда... Я провожу тебя, детям пора ужинать».

Собираясь утром на работу, Женьку не покидало отличное настроение, с которым она проснулась. У неё было ощущение человека, который не только поступил так, как было нужно, но и сделал что-то хорошее. Женька не знала точно что, кроме того, конечно, что она не стала вместе с Лёнчиком обманывать друг друга и его жену, но это было для неё настолько само собой разумеющимся, что не вызывало ни тени сомнения, что дело было в чем-то другом. Когда она, готовя детям завтрак, открыла холодильник и увидела полбутылки вина, она поняла, в чем дело. Ни вчера после ухода, ни солоно хлебавши, Лёни, ни, тем более сегодня, у неё не возникло никаких не только желаний, но даже мыслей по поводу этой бутылки. Внутренне Женя ликовала! У неё получилось! Нет у неё никакой алкогольной проблемы! Боже, какие глупости, в самом деле... Жизнь шла своим чередом. Обиженный Лёня не давал о себе знать, общался только с Димой, да и с ним, в основном, по телефону. Женя много работала, горди-

лась тем, что впервые в жизни у нее не получается откладывать, и благодаря этому, накопить какую-то сумму. Женя решила освободить Лёнину квартиру и снять другое жильё, чтобы не быть обязанной бывшему мужу. Конечно, это пробьёт значительную брешь в их семейном бюджете, и вряд ли теперь получится копить, но так для всех будет удобнее и правильнее, думала Женя, тем более, когда отношения вновь стали довольно прохладными. Она уже сообщила об этом детям и подыскивала варианты, чтобы весной осуществить задуманное. В марте, в стоматологическом отделении больницы, в которой работала Женя, коллективу представили нового заведующего – Навицкого Виктора Владимировича. Это был сорокалетний, худощавый шатен с избегающими глазами и орлиным носом. В коллективе ходили упорные слухи, что с ним он угодил не просто так, а что для него это, своего рода, место отбывания наказания. На предыдущей работе он занимал должность главврача крупной стоматологической поликлиники, но был изобличен в махинациях, и даже круговой поруке, включающей, кроме него, нескольких врачей и зубных техников. Схема было проста до невероятности. Требовалось не особенно напрягаясь выполнять производственный план на 100 или 110%, а все остальные работы (более половины всего объема), спускать по левому наряду. У него были самые трудолюбивые врачи и зубные техники, работающие по левым нарядам в свои выходные и сверхурочно, а часто и в ночную смену, на государственном оборудовании

и с бесплатным материалом. И к тому же, самые надежные администраторы, находящиеся с ними в сговоре и хранящие обет молчания за скромные 15%. Сам Виктор Владимирович рассматривал своё понижение в должности и последующую за ней вынужденную ссылку, актом черной неблагодарности. Ещё более усугубляло ситуацию, то, что преследования возникли со стороны как раз того ведомства, многочисленные сотрудники которого регулярно пользовались услугами клиники, руководимой Навицким В. В., склоняя последнего как раз к нелегальной стороне взаимодействия, как наиболее качественной и менее затратной.

Несмотря на то, что все, а больше всех сам Виктор Владимирович, рассматривали его нынешнее пребывание временным, он довольно быстро и активно включился в работу. Со всеми штатными работникамизнакомился лично, подробно расспрашивая на предмет жалоб, замечаний и предложений. Вначале, когда Женька только увидела во время беседы своё личное дело на столе начальника и безуспешно пытаясь встретиться с его разбегающимся взглядом, она испытала неприятный, но вполне ощутимый холодок в районе желудка. И тут же мысленно отругала себя за это. С какой стати ей чего-то бояться? Что за ребячество? Но по завершению разговора, Женька хоть и согласилась вполне с мнением большинства, неизменно добавляющего в характеристику Навицкого, что это «хитрый жук» и «скользкий тип», но и самим начальником и содержанием беседы, в целом, оста-

лась довольна. Виктор Владимирович живо расспрашивал её о жизни, детях, интересовался дальнейшими планами, выяснял, чем он может помочь, такому ценному сотруднику, каковым является она, Евгения Валерьевна Шаповалова. В конце беседы он взял с неё обещание в случае необходимости обращаться непосредственно к нему лично, так и сказал, почти, как булгаковский Коровьев: «Без церемоний, уважаемая, Евгения Валерьевна, запросто, в любое время и по любому вопросу», а прощая до двери, нежно дотронулся, как бы невзначай, до Женькиной руки и ласково пожал. Рука у Виктора Владимировича оказалась на редкость, учитывая его худощавую конституцию, мягкой и теплой. Женька могла бы поспорить, что он регулярно пользуется хорошим кремом для рук, одновременно признаваясь самой себе, что такое, казалось бы, малозначительное событие с пожатием, не было ни приятным, ни случайным. После этого, зав.отделением, однозначно давая понять, что внимательно следит за рабочим процессом, неизменно хвалил Женю на планерках, сообщая о её профессиональной эффективности и ставя в пример, чем, как справедливо полагала она оказывал ей медвежью услугу, настраивая коллектив против неё. Точка кипения наступила на очередном совещании, где Виктор Владимирович спросил у её напарницы – Светланы, почему к недавно работающей, приезжей Шаповаловой сидит, ожидая приема, десять человек, а к ней, Мякишевой Светлане Ивановне, – в этот же кабинет, – здесь Навицкий повысил

голос, – работающей уже пять лет на этом месте – ни одного! Собрание зашумело, Светлана Ивановна выбежала из кабинета начальника в слезах, Женя почувствовала все тот же холодок в груди, и вдобавок начала покрываться красными пятнами. Она сидела, опустив голову, чувствуя себя безмерно виноватой перед всеми этими людьми, и испытывая единственное, но очень сильное желание немедленно провалиться сквозь землю. Женька не помнила, что говорили дальше, вроде бы зачитывали какие-то приказы, обсуждали график отпусков и вечную проблему с заменой оборудования. Из-за большого волнения она периодически выпадала из реальности и поняла, что в конце совещания, шеф обращается непосредственно к ней, только когда он дважды назвал её имя, попросив задержаться. Женя и сама хотела поговорить с ним, так как была уверена, что у него сложилась неверная картина по оценке некоторых производственных моментов. Не дожидаясь того, когда за последним выходящим сотрудником закроется дверь, Женя заговорила: «Виктор Владимирович, мне кажется, вы не вполне справедливы относительно Светланы Ивановны. Я действительно работаю с ней в одном кабинете и знаю, что это отличный специалист. Просто она – терапевт, и великолепно лечит, а я, так уж сложилось, начинала свой трудовой стаж в маленькой провинциальной клинике, там трудно, почти невозможно было оставаться в рамках узкой специализации. Мне невероятно повезло, что была возможность учиться у своих более опыт-

ных коллег, перенимать, так сказать, опыт», – Женька смешалась, и замолчала под переставшим быть ускользящим, взглядом своего начальника. Навицкий смотрел на неё пристально и очень серьезно, а затем, чеканя каждый слог, выговорил: «Эта ваша Светлана Ивановна, ограниченная и скудоумная тетеха, которая не видит, и самое главное, не хочет видеть хотя бы чуть-чуть дальше собственного носа! Она так и простоит у своего кресла до самой пенсии, еле-еле вытягивая план за счет медосмотров и социально незащищённых слоёв населения... Уверен, что вы это видите и понимаете не хуже меня». Женя чувствовала себя неуютно под его каким-то ошипывающим взглядом, но знала, что не простит себе, если не скажет о том, что её так беспокоит.

– Виктор Владимирович, думаю все же, у вас создалось не совсем верное представление о нашей работе, как к специалисту, к Мякишевой, сколько работаю, не было ни у кого претензий. А я просто немного больше выполняю стоматологических манипуляций и поэтому...

– И поэтому вы востребованный специалист, а она – нет! – отрезал заведующий. Я понял, понял, что вы имели в виду не это, – махнул он нетерпеливо в воздухе холеной рукой, – «Не много больше выполняю стоматологических манипуляций», – повторил он её слова, – То есть вы и ортопед, и хирург, и насколько я знаю, ортодонт прекрасный. Я интересовался, Евгения Валерьевна, в регистратуре говорят, что в полдевятого утра к вам талонов уже нет. Вот и все, понима-

ете, Евгения Валерьевна? И не нужно ничего выяснять и доказывать. Кто чего стоит узнать, на самом деле, очень просто. Достаточно поинтересоваться в очереди к какому они специалисту и почему именно к нему, когда рядом есть незанятые врачи. Или, например, поболтать с медицинскими регистраторами.. Или, как я часто делаю, использовать западный прием. Звоню клиентам, прошедшим у нас недавно лечение, представляюсь, конечно, и интересуюсь, как проходило лечение, имеются ли претензии или жалобы, сколько заплатили, намерены ли в будущем обращаться к этому специалисту, рекомендовать его, ну и так далее. Вы знаете, очень много выясняется таким вот образом.

– Я понимаю, – Женя заерзала и в буквальном смысле изнывала от охватившего её неожиданно внутреннего дискомфорта, – Вы знаете, мне лестно, что у вас сложилось такое мнение обо мне, но я вас очень прошу, не нужно противопоставлять меня коллективу. Вы понимаете, я недавно работаю и так...

– Я все понимаю и оставил вас не для того, чтобы мы обменивались любезностями или обсуждали достоинства Мякишевой, коих я, впрочем, по-прежнему, не наблюдаю. Нет, у меня к вам, Евгения Валерьевна, совершенно определенное деловое предложение. Я знаю, что у вас раньше был частный кабинет, но хочу вам сказать, что в мегаполисе, ни стоматологи, ни хорошие зубные техники не стремятся работать в частных клиниках. Им и так живется хорошо. Не надо

арендовать помещение, платить налоги, получать лицензию, платить за материалы. Выполняй потихоньку свой производственный план. Это свято. А в остальное время работай на себя. Улавливаете, к чему я клоню? Женя молча кивнула. – Евгения Валерьевна, мне хотелось бы, чтобы вы четко осознавали, что такие предложения я не раздаю направо и налево. (Ещё один молчаливый кивок от бледной, с застывшим взглядом Евгении Валерьевны).

– Ну, хорошо, – произнес Навицкий, не дождавшись более развернутого ответа, – Я вам предлагаю оставаться дополнительно во внерабочее время и получать 30% от сделанной работы. Заметьте, 30%! Тогда, как обычно – 20. Глядя на Женькино непонимающее лицо, он вздохнул, – Врач обычно записывает в наряд меньший объем работы и от этого наряда выплачивает в кассу поликлиники, обговоренный процент. Это считается платой за аренду помещения и использования стоматологического оборудования. Вам этого не нужно делать, потому что мы изначально договариваемся на взаимовыгодных условиях. Навицкий подошел ближе, взял её за руку, и проникновенно, снизив голос добавил, – Мне кажется, Евгения, деньги для вас никак не будут лишние, – он отпустил её руку, развернулся к книжному шкафу и, разглядывая, корешки медицинской литературы, совсем другим каким-то посторонним тоном сказал, – Ну, а при проверке, а ее, на моей памяти, никогда и не было, вы можете всегда оправдаться тем, что изменили конструкцию протеза или за-

менили материал по клиническим показаниям или по желанию больного. Понятно? Женьке стало ясно, что если она кивнет в третий раз, то это будет, по крайней мере, странно и довольно бестактно. Поэтому она тихо ответила: «Да, разумеется» и только затем кивнула. В кабинете повисла тишина, которую первой нарушила Женья:

– Я поняла, спасибо вам за доверие, но у меня прием начался 30 минут назад, Виктор Владимирович. Он развернулся всем своим поджарым корпусом к ней, хрустнув белоснежным крахмаленным халатом, – Да, да, широко улыбаясь, ответил Навицкий, – Конечно... Приступайте к работе. Я рад, что мы поняли друг друга. Детали обсудим позднее, удачного дня!

Если раньше Женьке казалось, что она работает в полную силу, то только потому, что она не была знакома с тем графиком, который с легкой руки нового заведующего и после весьма содержательной беседы с ним, прочно вошел в её жизнь. Она вставала в шесть утра, готовила детям завтрак, а также какой-нибудь незамысловатый ужин, поднимала дочь и сына, неслась с Аней в садик, затем отправлялась на работу, где занималась легальными и нелегальными больными до позднего вечера. Дочку часто забирала и сидела с ней до прихода Жени няня, соседская девушка. Сыну это поручить уже было трудно, так как он и сам частенько приходил не на много раньше матери. Женья очень уставала, так как ещё никогда не работала в таком ритме. Утешением для неё слу-

жило то, что она и получала за свою работу хорошие деньги. Было приятно осознавать, что не нужно больше считать копейки и высчитывать, сколько осталось дней до зарплаты. Хотя и тратить заработанные деньги особенно было некогда. Женя не заметила, когда наступило лето. Димке Лёня взял за бешеные деньги путёвку в Чехию, на два месяца, в спортивно-лингвистический лагерь, где вожатыми были носители языка, а Аня вместе с заехавшим за ней отцом, направилась в деревню, к родителям Сергея, где в это самое время находилась и Туся с малышами. После того, как дом опустел, Женя почувствовала себя в некоторой растерянности. С одной стороны, её перестали, хотя бы временно, мучить угрызения совести, что дети постоянно либо одни, либо с чужим человеком. А с другой, – её вовсе не прельщала мысль оставаться наедине с собой, даже на короткое время. В последнее время ей не всегда удавалось выкроить хотя бы один день в неделю, чтобы сделать выходной. Она понимала, что так нельзя, но часто не могла что-либо изменить, так как почти всегда это касалось не только её, но и заработка остальных людей. Они были повязаны, как члены какой-то мафиозной группировки. Но сейчас, когда дети разъехались, она была этому только рада. Навицкий, видимо расслышав её невнятную просьбу, больше не стал каким-то образом выделять её на общих собраниях, но, тем не менее, отношение к ней коллектива лучше от этого не стало. Светлана Ивановна, её напарница, демонстративно Женю игнорировала,

проходя мимо, шипела что-то неразборчивое и при первой же возможности ушла работать в другой кабинет. Поведение остальных коллег также не сильно отличалось душевностью и желанием сотрудничества. Это вызывало у неё легкое недоумение, не больше, так как сильно огорчаться, или долго расстраиваться по этому поводу времени и сил не было. С теми же, с кем она шла, так сказать, в одной упряжке, с кем была связана невидимыми, но прочными, как нейлоновый канат, деловыми отношениями, она почти не была знакома. Их объединяли исключительносуммы выплат, объем работ и количество пациентов. Может быть, поэтому так не нравились коммуникабельной и эмоциональной Женьке её одинокие вечера. Приходили в голову мысли, что она несчастная одиночка, у которой ни подруг, ни друзей, ни мужа. В один из таких вечеров, она открыла подаренный благодарным пациентом дорогой коньяк, зачем-то принесенный ею домой, налила в бокал, из подаренного тоже набора, и позвонила Лёне. Она знала, что они с женой отдыхали в Праге, и Леонид ездил к сыну в лагерь. Женька надеялась услышать захватывающую историю о великолепном отдыхе сына, и заодно рассказать ему о своём желании съехать. Но Лёня был явно не в духе, по поводу Димки отделался банальными фразами, а на счет квартиры вяло рекомендовал найти лучшее применение её деньгам. И после, сославшись на занятость и извинившись, положил трубку. Возможно, поэтому на следующий день она хоть и с тяжелым сердцем, но,

практически не раздумывая, согласилась обсудить с Виктором Владимировичем Навицким «кое-какие детали рабочего процесса» в уютном ресторанчике, недалеко от больницы. Время от времени Женя сталкивалась, так или иначе, с Навицким, который ей на ходу, то бодро кивал, то интригуяще подмигивал. Она не знала почему, но этот человек внушал ей почти физически ощущаемую неприязнь. Женя пыталась в этом разобраться, но у неё ничего путного не выходило. То, что объективно, должно было бы само по себе вызывать симпатию: приятная внешность, стройное телосложение, интеллигентность, достоинство, самоуважение, значимый статус, кроме отвращения не вызывало у Евгении ничего. Хищное лицо, с бегающими глазками, пижонство и злоупотребление служебным положением, – Вот как это называется, – думала Женька, напрочь отменяя то, что она сама в этих самых злоупотреблениях принимала весьма активное участие. Женя считала, или, говоря проще, договаривалась с собственным моральным кодексом чести, посредством размышления о том, что они (врачи и зубные техники), совершают благое дело, в отличие от шефа, который, как рэкетир, крышует и снимает пенки, но сам при этом ничего не делает. А они возвращают здоровье и красивую улыбку людям, избавляют их от необходимости длительного лечения, за меньшую сумму, да ещё и с гарантированно высоким результатом. Потому что по левым нарядам обслуживались, в основном, друзья, родственники, коллеги и знакомые сотрудников медицинского

учреждения. И лечили их, как правило, быстро, качественно, по умеренным ценам и уж конечно, без назначения лишних или несущественных, но дорогостоящих процедур. Поэтому, когда они вместе спускались на лифте, и Навицкий пригласил её на ужин, она, представив свою пустую и темную квартиру, почти сразу же, хотя и без особого воодушевления, согласилась. Они вышли из машины, и пока направлялись к ресторану, обсуждали преимущества езды на метро. Виктор Владимирович признался, что спускался в метрополитен последний раз около десяти лет назад. Усевшись на свои места (как Женя узнала позже, столик шефом был забронирован за несколько дней, хотя пригласил он её, как бы между делом, в лифте), Женя оглядела помещение, в котором оказалась. Видимо хозяин ресторана являлся битломаном, так как все стены уютного, довольно просторного зала были увешены черно-белыми фотографиями знаменитой ливерпульской четверки, сделанными в разное время, в многочисленных вариациях от портретов, до групповых снимков. Исторические сведения, касающиеся непосредственно этих молодых людей, также были забраны в рамки и расположены в якобы случайном, творческом беспорядке. Подсвеченные индивидуальным мягким светом, они располагались, то между внимательным и всегда серьезным взглядом Джона Леннона и обаятельной детски-наивной улыбкой Ринго Старра, то между безумными, выхваченными умницей-фотографом из многотысячной толпы зрителей, жуткими в сво-

ей отрешенности и неизбывной муке, глазами фанатов. Музыкальное сопровождение было, разумеется, представлено исключительно музыкой Битлз – вечной, юной и завораживающей. Жене показалось странным, что при всем этом ресторан назывался «Белый кролик», призывно и гордо мигающий в вечерней темноте неоновым изображением одноименного домашнего животного. Они сделали заказ, немного поговорили о текущих делах, в частности, о нашумевшем, получившем совсем нежелательную огласку случае в их больнице, когда у молодой женщины-пациентки вследствие реакции на обезболивающий препарат, возник чудовищный по своей силе аллергический приступ, чуть не закончившийся летальным исходом. Врачу, молодому специалисту, на приеме которого случился данный инцидент, пришлось оказывать медицинскую помощь вместе с его несчастной жертвой. – А все почему, – сдвинув брови и вращая глазами, задал риторический вопрос Навицкий, – А все потому, что мы жалеем, этих тупоголовых недоврачей, прикрываясь извращенной коллегиальностью и псевдопрофессиональной этикой! Он вдруг замолчал, посмотрел в упор на Женю, а потом снова расфокусированным взглядом стал блуждать по залу, продолжая говорить с того же самого места, на котором остановился. – Самый отстающий интерн знает, *что* в первую очередь должен спросить врач-стоматолог, намереваясь произвести манипуляцию с лекарственным препаратом, – Так ведь? – ему опять удалось собрать глаза «в куч-

ку» и остановить их бесконечный разбег на лице сидящей напротив него женщины. – Конечно же, если у врача имеется хоть капля мозгов, первым делом нужно спросить, есть ли у пациента аллергия на препараты группы амидов, или от чего там случился этот злосчастный отек Квинке у той бабы? Вы согласны со мной, Евгения? Разумеется, Евгения была согласна. – Так почему, спрашивается, все эти Мякишевы, Хатоненковы и иже с ними, все так же благополучно работают и даже получают наравне со мной и вами ежемесячно заработную плату? «Да уж, наравне с тобой, очень смешно, – мгновенно пронеслось у Женьки в голове, – Сравнил, тоже... Куда нам до тебя и твоих доходов», – но вслух она ничего не сказала, а всего лишь пригубила вино и посмотрела на тарелку с разноцветным, как в детской книжке, с преувеличенно яркими цветами, салатом, которую только что возле неё поставил официант. – Когда он это заказал? – удивилась Женя. Как будто отвечая на её мысленный вопрос, Навицкий, разъярясь что-то вполголоса метрдотелю, слегка подался вперед и объяснил: «Я позволил себе заказать для вас этот грузинский салат, кстати, он так и называется «Грузинский», попробуйте, здесь его готовят отлично». Женька была рассеяна, так как не совсем понимала, зачем она тут и чего следует ожидать, и твердо решила заплатить за себя сама. Время шло, ужин подходил к концу, но ситуация не прояснялась. Женя отказалась от десерта, и когда подали кофе, решила поторопить события, направив их так сказать, в

нужное русло. Из этой попытки, как впрочем, и из отважного решения заплатить за себя ничего путного не вышло. Виктор Владимирович бесстрастно и непринужденно сообщил, что всё уже уплачено, и беспокоиться не о чем, тем более что именно он являлся активной приглашающей стороной, не говоря уже о том, что он вполне может себе позволить угостить надежного и очень хорошенького, (на этом месте он положил свою руку на её вздрогнувшую лапку, и улыбнулся так, что у Женьки противно засосало под ложечкой) коллегу скромным ужином, чтобы обсудить некоторые вопросы рабочего и, – Виктор Владимирович здесь немного помедлил, – личного характера. Когда Женя заметила, что собственно никаких особых профессиональных вопросов они так и не обсудили, Навицкий, откинувшись на спинку кресла и постукивая одной рукой отполированными ногтями по столешнице, с едва заметной усмешкой, проговорил, что этих самых осточертевших профессиональных вопросов, ему вполне хватает на работе. И он не собирается тратить драгоценное время на их обсуждение, когда находится в обществе такой прелестной женщины, каковой, вне всякого сомнения, является она, Евгения Шаповалова. И совсем неслучайно, полагал Виктор Владимирович, она ещё и его сотрудник, чему лично он чрезвычайно рад. Только сейчас Жене стало все понятно, и хотя никакого облегчения от этого она не испытала, все же гораздо лучше, когда понимаешь с чем (или с кем) имеешь дело. Она внутренне собралась и успокоилась. И была гото-

ва, так как точно знала, как себя поведет и что скажет. Когда они, наконец, вышли, в машину Женька не села. Объяснив, что этот район ей прекрасно известен, а метро ещё работает и находится в десяти минутах ходьбы, будет гораздо удобнее и правильнее, – Женя сделала акцент именно на слове «правильнее», – если они расстанутся прямо сейчас. Разрез крыльев носа у шефа, как показалось Женьке под дрожащим и неверным светом иллюминации, после этого, стал ещё резче. Тем не менее, видимо что-то в её облике или интонации появилось такое, из-за чего он не стал настаивать, а, внимательно взглянув на неё, медленно кивнул, и, открыв дверцу машины рукой, на которой тускло мелькнуло обручальное кольцо, сел, завел мотор и уехал. Женя немного постояла, глядя ему вслед и испытывая одновременно два чувства: глубокого удовлетворения и всепоглощающего недовольства собой, в котором первое чувство очень быстро захлебнулось и исчезло без следа. «Дура несчастная, зачем ты поперлась с этим самодовольным индюком в кабак? Тебе что, шестнадцать лет? Ты не сообразила для чего мужик – начальник, да ещё и женатый зовет в ресторан?! – Женя из всей силы потеряла виски, не нужно было ей пить за ужином это дурацкое вино. «Ах, Шато-Икем...» – передразнила она мысленно шефа и тут же вспомнила как своей теплой и мягкой ладонью с холеными пальчиками, на одном из которых было обручальное кольцо, он накрыл её руку, и снова вздрогнула.

– Евгеша, – услышала она у себя в голове вдруг слова

Галины Аркадьевны, – Всё-таки ты – клиническая идиотка! Зачем идти на свидание с человеком, который тебе даже не нравится? А действительно зачем? – думала Женя, удаляясь все дальше от ресторана, – Наверное, действительно, есть психические отклонения, раз я сейчас иду по ночной московской улице и слышу голос покойной бабушки. После этого Женька рассмеялась, легко и беззаботно, как смеются только в детстве, и ускорила шаги, направляясь к метро.

Женя проснулась от шума дождя и с трудом встала. Она не сразу услышала будильник и теперь спешила, чтобы не опоздать на работу. За окном лил тот же дождь, только к утру, он ничуть не выдохся, а наоборот, стал яростнее и злее. В нем чувствовалась какая-то безысходность.

– Это потому что скоро осень – думала она, – И ещё я очень устала, – добавила Женя вслух. Наверное, действительно, стоит пересмотреть рабочий график, – вспомнила она свой поздний разговор с Тусей. Вставая под душ, она продолжала рассуждать о том, что скоро вернутся дети и нельзя продолжать жить в таком ритме, можно надорваться. Может быть действительно, оставить Анечку на Ставрополье, как предлагает мать? Сейчас первый класс начнется, кто с ней будет заниматься, на это нужно столько времени, а его как раз у неё и нет. Но представив лицо Зинаиды, с крепко сжатыми губами и непоколебимой уверенностью в верности слов и действий, исходящих от её мужа, а значит и от неё, Женя замотала головой, как будто старалась избавиться

от наваждения. Но на смену этому воспоминанию сразу же пришли другие: скорбное выражение на лице извечной мученицы Валентины Федоровны, другой бабушки, затем насмешливый излом губ Сергея и презрительное молчание её отца, – Женя мысленно ужаснулась и не понимала, неужели она всерьез собиралась рассматривать такой вариант? «Мои дети будут жить со мной! – громко, вслух сказала она».

– Вообще, умница, – злилась она на себя, – Давай, давай отдай Аньку родителям, сына – папочке Лёне, вот уж кто счастлив будет. Как здорово-то! Вот заживу, в свое удовольствие, – продолжала она, с остервенением натягивая колготки. «Твою ж мать!» – выругалась Женька, заметив, что от излишнего усердия или злости, порвала их. Других целых не было, пришлось снова влезать в старые, надоевшие до омерзения, универсальные джинсы. «Чуть ли не раз в жизни хотела прийти на работу, одетой, как женщина, а не как тинэйджер-переросток, и на тебе! – чуть не всхлипывала она, – Тем более у неё такая потрясающая новая юбка, которую она ещё ни разу не выгуляла. Глотая огненный кофе без сахара, Женька морщилась, как от физического или морального дискомфорта. И на самом деле, имело место и то, и другое. Женька снова после того, как без всяких последствий, незаметно допила ту, оставленную Лёней бутылку, частенько возвращалась домой с алкоголем. Сначала малыми дозами и осторожно, а затем, видя, что ничего не происходит, она нормально себя чувствует, работает по 12 часов в день и все

успевает, Женя стала набирать обороты. Таким образом, поощряемая этой безнаказанностью, она свои эксперименты не только продолжила, значительно сократив время между приемами, но и расширила их географически. У неё спиртное было дома, в женской сумке, запрятанная, но не очень далеко, бутылка коньяка на работе, обновлявшаяся в последнее время достаточно часто. На той неделе ей показалось, что мужчина, сидящий в кресле, задержал на ней взгляд чуть дольше, чем обычно. И взгляд этот был... подозрительный. Да, именно, по-другому не скажешь. Он смотрел на неё дольше, чем это было уместно или допустимо с точки зрения этикета, и с подозрением, как бы раздумывая, стоит или нет ей доверять, и не выйдет ли в случае чего ему, а, конкретнее, его здоровью это самое доверие боком. Но обычно такого не случалось, потому что Женя использовала средства, как традиционной, так и народной медицины. В её сумке-рюкзаке, всегда был не только коньяк, но и средства, препятствующие его обнаружению при употреблении. По крайней мере, посредством обоняния. Различные антиполицайи, жевательные конфеты, зерна кофе в отдельном мешочке, ароматическое масло, и самое главное, китайская мазь от простуды и заложенности носа, с огромным содержанием ментола и какой-то жуткой фармакологической смеси, перебивающей все остальные запахи мира. Достаточно было нанести пару мазков на лицо, вблизи ротовой полости и всё, запаха перега-ра, как не бывало. По крайней мере, так уверял её пожилой

и очень уважаемый зубной техник Карпухин. Имени-отчества его никто не знал, в больнице его знали и обращались исключительно по фамилии. Это выглядело примерно так: «Может Карпухин знает, у него спроси», «Ну, брат, извини, ты же не Карпухин», «Что позволено Карпухину – не позволено быку», ну и так далее. Видимо в тот раз, Женя не использовала волшебную мазь, рекомендованную самим великим и ужасным Карпухиным, и её пациент уловил-таки не слишком определенные, но до боли знакомые флюиды. Но все обошлось, она сделала свою работу отлично, ну или хорошо, чего не скажешь о другой ситуации, когда в самом начале рабочего дня, потянувшись к лотку для инструментов, увидела, что у неё трясутся руки. Противная такая мелкая дрожь. Она извинилась перед сидящей в кресле женщиной и, удалившись в комнату отдыха, в которой в этот час никого не было, немного выпила, чтобы успокоиться и привести себя в норму. Вообще, она часто использовала этот или похожие аргументы, чтобы оправдаться перед самой собой. Таким образом, она заглушала гнетущее чувство вины и тревожности, а также мятущуюся и неуёмную совесть. В тот раз ей это не очень-то удалось. Она решила не делать никаких серьёзных манипуляций, а сославшись на то, что временная пломба немного раскрошилась, быстро установила новую, и с тяжелым сердцем отправила недовольную клиентку домой. Вчера она тоже «решила успокоиться», «отдохнуть» и «расслабиться». А началось все очень хорошо, как говорится, ни-

чего не предвещало. Давно закончился официальный рабочий день, подходил к концу неофициальный, она, наконец, поставила женщине металлокерамику, которой долго занималась, и ей самой понравился результат. Оценить качество работы Женя пригласила Карпухина. Во-первых, это было справедливо, так как он их делал, а во-вторых, так у неё было принято, с тех самых пор, как она стала заниматься ортопедической деятельностью. Работать в сотрудничестве с техником. Зуботехническая лаборатория находилась в этой же больнице и Карпухин тут же пришел. Женя представила его клиентке и выдала небольшую оду, адресованную золотым рукам и толковой голове дантиста. Некоторое время они любовались на свою работу. Карпухин ещё раз обратил внимание Жени на преимущество выбранного им цвета протеза, – Как родные, гляди! Действительно, именно он тогда настоял на этом оттенке, каких-то нюансов, которые заметил Карпухин, она тогда не учла. Было уже довольно поздно. После того, как довольная пациентка ушла, Карпухин пригласил, в свою очередь, Женю в мастерскую, чтобы «сбрызнуть это дело». Они часок посидели, о многом поговорили. Евгения была польщена. Немногие рядовые ортопеды удаивались чести пить дорогущий коньяк с самим Карпухиным. «Ты, молодец, девочка, вот что я тебе скажу. Ты молодец, не потому что врач хороший, а это так, уж мне можешь поверить, я их тут видел-перевидел, – он налил по второму стаканчику, и один протянул Женьке, удерживая его двумя

пальцами смуглой, узловатой, в набухших венах руки, – Нет, ты молодец, так как правильно начинаешь... Ну, за тебя! Будем! – Карпухин легко и почти незаметно опрокинул в себя содержимое, и продолжил, – Ведь смотри, как происходит чаще всего: врач обвиняет техника в своих профессиональных неудачах, это сплошь и рядом, следом идёт нежелание признавать собственные ошибки... А уж хвалить какого-то сучьего потроха-техника, да ещё в присутствии клиента, это и вовсе считается зазорно. Смекаешь, что в итоге получается? Советоваться с техником – значит показывать профессиональную ограниченность; обращаться за советом – ниже собственного достоинства. А кто в итоге оказывается крайним в этой ситуации? Женя кивнула и добавила, – Да и, кроме того, взаимодействие ортопеда и техника в присутствии клиента во время оформления и сдачи заказа имеют и большое маркетинговое значение – тем самым персонал как бы демонстрирует свою ответственность перед пациентом и командный стиль работы, так ведь? Карпухин улыбнулся одними глазами, удивительно молодыми, живыми и яркими, совершенно не подходящими к его морщинистому, смуглому до черноты, будто задубевшему лицу и сказал, – Ну, я не знаю этих ваших маркетингов и стилей, я этому не обучался, но вот мне не понятно, что мешает врачу спуститься с заоблачных высот и начать обсуждать наиболее сложные заказы вместе с техником. Карпухин налил по третьей и сказал, что банкет подходит к концу, так как ему ещё пол-

ночи работать, срочный заказ, а ей ехать домой. Женя глянула на часы, был одиннадцатый час ночи, и грустно улыбаясь, заметила: «А может и не ехать уже, завтра к девяти все равно сюда опять, – затем хитро прищурившись и наклонив голову, спросила: «Ну, пожалуйста, скажите, как вас зовут, ну почему все время Карпухин, Карпухин, вот и пациентке даже неудобно было представлять вас, имени-отчества-то не знаю». Он опять улыбнулся своими чудесными, будто взятыми с его, двадцатилетнего лица глазами, и строго ответил: «Отстань, девочка, Карпухин и достаточно этого». Но Женьке этого было явно недостаточно: «Да в чем дело-то, не всегда же вы и не для всех Карпухин? Или мама ваша, когда только родила вас, посмотрела, всплеснула руками и говорит: «Мать честная, да это ж вылитый Карпухин!» Оба рассмеялись, и Карпухин сказал, – «Примерно так, хотя и тайны никакой нет, – хмыкнув в серо-седые усы, он выпрямился и произнес, – Чтобы ты не мучилась и отстала от меня, наконец, скажу, – Григорий Аристархович меня зовут, – и внимательно глянул из-под седых бровей хитрым глазом на Женьку, дескать, – Ну как тебе? Слыхала? – и продолжил, – Ну кто это выговорит, да и кому это нужно, так что давай, как раньше, – просто Карпухин и все, лады?» Женя с готовностью рявкнула: «Так точно, многоуважаемый Карпухин, и чуть помедлив, звонкодобавила, – Григорий Аристархович!» Он погрозил ей длинным, с набухшими суставами пальцем и вызвал такси. Запротестовавшей было Женьке, негромко

скомандовал: «Цыц! Не надо тебе сейчас одной шляться», – и положил ей на колени огромный, душистый апельсин, а поверх сумки пятьсот рублей. Расстались они практически друзьями. Только в конце у Женьки чуть испортилось настроение, потому что Карпухин, выходя с ней из лаборатории и махнув головой в направлении стола, где виднелась полупустая бутылка коньяка, негромко сказал: «И с этим, ты аккуратнее, девочка, я знаю, о чем говорю... Такие хребты ломала, зелье это паршивое, что нам и не снилось»...

Женька ехала в такси и размышляла о какой-то ерунде. Например, о том, почему Карпухин не любит своего имени и отчества. Ведь ясно же, что не любит, тут и к психологине Тамаре Георгиевне не ходи. Ну, Григорий, ну Аристархович, ну и что?! Нет, здесь что-то другое. Дело не в трудном произношении. Хорошо бы с Туськой проконсультироваться, – мелькнуло в голове у Жени. И течение её мыслей приняло совсем другое направление. Туся чуть больше года назад пополнила ряды безумных мамочек и с тех пор, – вздохнула Женя про себя, – человек для нормального общения испарился. Вместо него появилась тревожно-депрессивная мамаша на грани нервного истощения. Говорить она могла только о том, что входило в её сегодняшний круг интересов: дети (огромная тема, в которую помещалось все сознание и все мироустройство Туси в настоящее время, дети вообще, *и свои дети*, колоссальная разница, которой черствая и легкомысленная Женя часто не замечала!) кормление, (и внима-

ние! – отдельная, безумно важная тема – *ночное кормление!*), прививки (врачи у нас, сама знаешь, прости Господи, вам-то хорошо, вы в Москве) опрелости (Боже мой, Женя, это какой-то ужас, при том, что я беру самые лучшие подгузники, (обязательно следовало название фирмы, детально рассказывалось о всех преимуществах перед другими аналогичными, словом то, что Женька уже не слушала), а также узкоспециальные темы, выделенные в отдельный телефонный разговор, дабы подчеркнуть их сверхважность и значимость: «Ой, у нас зубки!» Эта тема часто варьировалась, например, превращаясь в «О-о, зубы!» и далее следовал подробный отчет о сорокоградусной температуре Маньки, душераздирающем часовом крике Ваньки, ночном вызове «скорой». Еще очень популярные в их телефонных разговорах темы: «Прикорм: достоинства и недостатки», «Кормить ли грудью после года?», «Что делать, если имеется твердое подозрение, что ребенок, (скорее всего Маня, везде лезет, такое шило, ты бы видела! (счастливый закадровый смех)) съел колесико от игрушечной машинки, («Это совсем не ерунда, Женя, спокойно могла проглотить, она довольно крупная девочка! Какие симптомы? Очень плохие, Женечка симптомы! Машинка есть, а колесика нет, и чему ты смеешься, хотелось бы знать?») и так до бесконечности.

Потом она опять вспомнила о словах Карпухина и нахмурилась, – Неужели с ней действительно что-то не так? Ну, почему? Она же так старалась, контролировала себя. Даже,

когда ей очень хотелось выпить, она сдерживалась и терпела. Размышляя таким образом, Женя зашла домой. Она возвращалась к этим мыслям, ковыряя в тарелке и уговаривая себя хоть что-нибудь проглотить, и с этой целью разрешив себе бокал или два крепленного, «для аппетита». И думала об этом позже, когда уже готовилась ко сну, и незаметно допила-таки бутылку, видимо для улучшения качества сна, тем более, пробка раскрошилась, зачем же хорошее вино будет выветриваться? Сон действительно не заставил себя ждать, Женя даже не слишком отчетливо помнила, когда он, собственно, наступил. И почему так внезапно, что она даже не успела перейти на свою кровать? А позабыв выключить телевизор, так и заснула в немыслимой позе на жестком кухонном диванчике? Да и сон был не качественным, а тяжелым и липким, хотя и без сновидений. А может она их просто не запомнила. Было ощущение, что она не заснула, а вырубилась на короткое время, потеряв сознание. Услышав повторный и ещё более настойчивый сигнал будильника через десять минут, она уже знала, что будет чувствовать себя паршиво целый день. Или до того времени, пока не опохмелится. Как назло, дома уже ничего не было, только на работе. Но туда ещё нужно доехать, а у неё сегодня человек двадцать, не меньше. Это только вторички, т.е. повторно, кого она сама назначила на сегодня. А ещё ведь «блатники» потянутся, да с острой болью, да кто с утра талончик ухватит, да кто в первый раз на ортопедическую консультацию... Женька по-

думала, что ещё немного, и она взвоят. А тут ещё этот дождь вторые сутки льёт, да эти чертовы колготки, порвавшиеся в самый неподходящий момент. Женька плюнула на кофе и невымытые со вчерашнего дня тарелки, схватила зонтик и сумку и выскочила из дома, захлопнув дверь.

– Счастливая, ты, Женька! – заглянув в кабинет в начале рабочего дня, восторженно огорошила её Кира, врач-стоматолог-терапевт, а также самый близкий ей человек на работе, если не считать Шурочку. Практически друг. Кира стала работать в этой больнице около полугода назад. Она успела тут поработать несколько месяцев сразу после интернатуры, до того, как ушла в декрет. Вышла она после шестилетнего отпуска по уходу за детьми, во время которого занималась двумя своими мальчишками, явившимися друг за другом с разницей в два с небольшим года. Кири́н муж до такой степени чувствовал себя избыточно и почти насильственно осчастливленным, что совершенно потерялся. Причем этот глагол в отношении него, употребляется совершенно не индифферентно. Ровно через три месяца после рождения младшего Андрюшки, не выдержав напора горластого, писающего и какающего потомства, Кири́н муж бежал. Куда именно она выяснять не стала, хотя слухи доходили, что вначале он укрылся на родительской даче, якобы для работы над кандидатской, а затем и вовсе растворился в тумане, в направлении славного города Харькова, откуда и был родом. Через год, впрочем, папаша опомнился и начал регулярно телефонировать на предмет воссоединения с любимой семьей и его размещения по прежнему адресу в московской кварти-

ре. Гордая, хотя и недалёковидная Кира яростно отвергала, как материальную помощь (не слишком, впрочем, настойчивую), так и любые другие поползновения незадачливого отца и его родни выйти на контакт с ней и детьми. Когда Андриюше исполнилось два с половиной года, Кира, испытывая большую радость и облегчение, вышла на работу. Но не тут-то было. На этой самой работе она, фигурально выражаясь, чуть не потерялась, как её муж. Ей казалось, что она забыла даже то, что знала ещё на втором курсе. Изменения, которые произошли в медицине вообще, и в стоматологии, в частности, пока она носила, рожала, кормила, стирала, вытирала и баюкала, казались ей неподъемными. – Господи, я отстала на сто лет, – убитым голосом, с расширившимися от страха глазами, шептала она Жене. – Не правда, ты сможешь, – беззаботно отвечала та. Она была, чуть ли не единственным человеком, протянувшим Кире руку. Женька сделала это, как делала многое в своей жизни, очень легко, как само собой разумеющееся, бескорыстно и просто. Почти бездумно и легкомысленно. Но в хорошем смысле, то есть, не придавая значения, что делает что-то значительное. Если бы ей сказали об этом, она, пожалуй, даже удивилась бы. Женька подсказывала, советовала, направляла, делилась всем, что умела и знала сама. Кира это увидела и оценила. Такое не забывается. Разумеется, они не могли не подружиться.

Сейчас у Киры от нетерпения и радости подсвечивалось лицо. Женька что-то записывала в рабочем ежедневнике. До-

ждавшись, когда она поднимет на неё глаза, Кира ещё раз быстро сказала: «Я говорю, счастливая ты!» Женька, давно привыкла к эмоциональным всплескам, которыми подруга щедро делилась с окружающими по самому незначительному поводу и, не отрываясь от своего занятия, произнесла: «Вот это да, точно! Как догадалась?» Кира предварительно убедившись, что в кабинете только Женя, подбежала к ней и горячо зашептала: «Ты знаешь, что тебя рекомендуют к награждению! – Кира даже зажмурилась на мгновение, – Представляешь, вручат тебе медаль «Отличник стоматологии», в приемной у шефа сказали». Женя подняла голову, – Кира, я тоже что-то слышала об этом, но, во-первых, ещё неизвестно, меня всего лишь рекомендуют, во-вторых, в СтАР¹ навряд ли одобряют мою кандидатуру: у меня с шефом довольно прохладные отношения, а его мнения спросят в первую очередь... И потом я работаю в Москве всего третий год. И, в-третьих, – Женька, улыбаясь, театрально вытаращила на подругу глаза и зашептала:

– Почему шепотом? Кира надула губы и отмахнулась.

– Да ну тебя, Женька! Вечно ты со своими, во-первых, во-вторых. Навицкий здесь не играет особой роли. Ходатайство подаёт отделение СтАР, а у них свои методы и критерии отбора.

Женя скрестила руки у подбородка и мечтательно глянула на собеседницу.

¹ СтАР – Стоматологическая ассоциация России.

– Кирюша, милая, ты думаешь, я ломаюсь и строю тут из себя неизвестно что?

Да я бы очень хотела эту награду, конечно. Ты не представляешь, как важно это для меня. И как много значит! Я просто стараюсь мыслить нейтрально, чтобы потом не разочаровываться, понимаешь?

Женя помолчала и совсем другим, веселым тоном, громко заговорила:

– А сегодня мы идем в кафе, надо сказать Шурочке и Володе об этом, и никаких мне отговорок, я угощаю. Получу я эту медальку или нет, не так уж и важно. Одно то, что меня рекомендуют, уже что-нибудь, да значит. И разделить эту приятную новость, я хочу именно с вами.

Шурочка была опытная медсестра и светлой души человек, по мнению абсолютного большинства работников стоматологического отделения. Более того, так считали не только в их отделении, но и вообще в клинике. Шурочку любили все: администрация, доктора и средний медицинский персонал. Её обожали пациенты, лифтеры и санитарки. Шурочка была незаменима, как воздух, хотя ещё с периода культа личности нас пытаются уверить в обратном. Незаменимых, дескать, у нас нет. Есть, и ещё как есть, товарищи. Шурочка по паспорту, к удивлению очень многих, была вообще-то Александра Фёдоровна, ей было сорок два года, но мало кто называл её по имени-отчеству, более того, мало кто им вообще интересовался. Язык не поворачивался обращаться к

этому изящному, белокурому созданию сдетски-наивно распахнутыми светло-голубыми глазами тяжеловесным и напористым, по-мужски основательным именем Александра, тем более с добавлением этого молотоподобного отчества – Фёдоровна. Есть категория людей, которым вообще не идут отчества, они от них отскакивают, как блохи сдохлого кота. К таким людям относилась как раз Шурочка. В своё время, Женька переманила её к себе из ЛОР-отделения (что уже было из области фантастики), используя для этого целую серию коварных хитросплетений, интриг и слабость человеческой природы в целом. Проще говоря, решающим фактором, способствующим достижению Женькой её цели, явилось обещание совсем нелишней для Шурочки и весьма, к слову, ощутимой, финансовой прибавки. Познакомились они, когда Женя привела в больницу свою дочь, у которой с ночи разболелось ухо. Аннушка держалась за ухо, рыдала и не давала врачу даже приблизиться. Вот тогда Евгения услышала, как ЛОР-врач, вздохнув, негромко сказал кому-то: «Позовите Шурочку!» Через долю секунды, как показалось Жене, Шурочка материализовалась из околосемного эфира, спустилась к малышке, заговорила на языке фей, успокоила, обволокла в сладкую невесомую пелерину и ворожила, пока доктор, тут же модифицировавшийся в сказочного Айболита, занимался больным ухом. Во время этого действия Женя остолбенело молчала и точно знала только одно: этот ангелоподобный человек должен работать у неё. В тот период

она как раз снова осталась без медсестры, с которой опять не задалась совместная деятельность. Женя пришла к выводу, что легче работать одной, нервотрёпки меньше, и смирилась с тем, что медсестры, которую не приводило бы в ступор открытие, что она здесь находится для того, чтобы работать, как биологической единицы в природе не существует. И вдруг она встретила Шурочку. Женя могла поклясться, что лично видела сияние над маленькой и аккуратной головкой Шурочки. Женя поняла, что это знак. И начала активный процесс по отъёму, заманиванию и внедрению Шурочки в стоматологическое отделение. Справедливости ради нужно отметить, что Женя хоть и мельком, но зато с прискорбием вкупе с угрызениями совести иногда все же думала об акте черной неблагодарности, совершаемом ею по отношению к ни в чем не повинному ЛОР-отделению. В таких случаях, в качестве успокоения, она вспоминала, что в кабинете отоларинголога Шурочка проработала четыре года. Отделений много, а Шурочек мало и на всех не хватает, поэтому, – рассуждала Женя, – вполне логичным и справедливым решением будет, то, которое придумала она. Шурочка не может вечно принадлежать отдельно взятому месту по умолчанию. Другие ведь тоже нуждаются. А зубоврачебное отделение, из-за специфики деятельности, пожалуй, больше чем какое-либо другое. Шурочка была уникальна, и в то же время, проста и открыта для каждого. Любой человек, пообщавшись несколько минут с Шурочкой отходил от неё в уве-

ренности, что не все безнадежно, и есть к чему стремиться, если в мире есть, и дышат с ним одним воздухом такие люди. Для каждого человека у неё находилось ласковое слово и тёплый взгляд. В каждом без исключения она видела таланты и достоинства. И с опережающей доброжелательностью и кроткой непосредственностью она сообщала миру и самому носителю об этом. Секрет Шурочки был прост, как все гениальное. Она выдвигала на главную ступень абстрактного пьедестала все то, что находила значимым и хорошим, во всем, – в людях и их действиях, в событиях и фактах, громко и короновала это, и решительно отменяла все негативное. Она его просто не замечала. Не видела и не слышала. Не акцентировала и не заостряла внимания. Шурочка исходила из того посыла, что люди априори не могут быть плохими. А когда её припирали к стенке, (да, да, бывало и такое) доказывая обратное, красноречиво аргументируя свои рассказы, изобилующие подлостью и несправедливостью рода человеческого в целом, и отдельных его представителей, в частности, то даже тогда Шурочка находила оправдание для действий этих, с позволения сказать, несчастных. Её выдающиеся человеческие качества признавала даже такая неявная, но вполне себе подколотная змея, как Светлана Ивановна. А также парочка бывших Женькиных медсестер, изгнанных в короткий промежуток времени, в порядке живой очереди за тунеядство и профнепригодность. Шурочка работала вместе с Женей уже год к взаимному удовольствию обоих.

Особенно довольна была Женя, так как после целой серии неудач с предыдущими медсестрами, Шурочка, как работник и помощник была просто незаменима. Возможно, дело бы тут и кончилось обоюдным удовлетворением профессиональных и человеческих качеств, если бы Шурочка не приобрела два абонеента в тренажерный зал. Для себя и своего мужа за большие деньги. Вернее, то, что считала Шурочка большими деньгами. Что-то в районе десяти тысяч, один! Зато туда входил и собственно, конечно, тренажерный зал, и бассейн, и танцы, и йога и ещё что-то невообразимое, и вроде бы даже, шоколадное обертывание вкупе с рисованием на горячем песке или наоборот. Это было неважно. Потому что этот самый Шурочкин муж (134 килограмма живого веса!), ради которого, в основном, и были приобретены эти абонементы, повел себя крайне нагло и возмутительно. Он сходил ровно два раза, причем второй раз чуть ли не под конвоем, а после него, задыхаясь, тяжело с посвистом дыша, и всячески имитируя собственную кончину, отказался наотрез. На растерянный Шурочкин вопрос, как же теперь быть со вторым абонементом и кто вернет деньги, он поджал губы и резонно заметил: «А я тебя просил?» Когда Шурочка на следующий день рассказала об этом Жене, сетуя на то, что этот злосчастный абонемент пробил чудовищную дыру в её скромной медсестринской зарплате, Женя, сосредоточенно расставляя инструменты, не задумываясь, с ходу ответила: «Так давай я его заберу у тебя, делов-то, я и сама хоте-

ла в бассейн или тренажерку. А тут вообще красота, целый комплекс, сам бог велел». Она тут же легко и ненавязчиво, факирским жестом, достала из сумочки купюры, и, улыбнувшись просиявшей Шурочке, добавила: «И, будь добра, пригласи следующего». Когда они вместе стали ходить на эти занятия, то по-настоящему подружились. Благодаря Шурочке Женя познакомилась с Володей-массажистом, который стал для неё не просто другом, а кем-то гораздо большим. Кем-то вроде наставника или духовника. Володе было двадцать пять лет, когда его нашла Шурочка на площади трех вокзалов, где провожала очередную чью-то родственницу, приехавшую «буквально на пару дней в Москву». Володя был пьян, грязен и болен. Один глаз у него заплыл, под другим красовался старый, желто-зеленый синяк. Видимо этому парню досталось. Одной рукой он поддерживал ушибленные ребра, а другой водил в разные стороны, как будто совершал магический обряд и сканировал пространство. Почему-то она остановилась возле него. Он криво улыбался, и не знал, куда деть свои большие, удивительно красивые руки. Каким-то образом ему удалось сохранить их чистыми и неповрежденными. Эти руки как будто проживали свою, отдельную, никак не связанную с ним жизнь. Белые, с фигурными длинными пальцами, они скользили, мелькали, рассыпались, объединялись, исчезали и возвращались. Это были чудесные руки, Шурочка от них не могла оторвать глаз. Он смотрел куда-то вверх Шурочкиной головы, но явно обращаясь к ней, вдруг

тихо сказал: «Христом Богом... помогите...». И замолчал, не двигаясь, и глядя мимо неё совершенно прозрачными глазами. Через мгновение он вновь засуетился руками, складывалось впечатление, что у него, по крайней мере, вдвое больше пальцев, чем у остальных людей. Не обращая внимания на рвань, в которую он был одет, и вонь от него исходившую, Шурочка сразу поняла, что Володе здесь не место и, значит, быть его здесь не должно. Не взирая на признанную ангелоподобность, Шурочка далеко ни возле каждого бомжа останавливалась и далеко не каждому могла и хотела помочь. У неё было какое-то своё внутреннее, и совершенно безошибочное чутьё на этот счет. Володя был Артист, в первоначальном, философском смысле этого слова и она это почувствовала. А ещё внешность Володя имел античного героя и был слепым от рождения. Ангел Шурочка, разговаривая с ним тогда, ликовала и расправляла занемевшие крылья. Попутно Шурочка выяснила, что Володя (как она и предполагала), бомж не настоящий. У него имеется не только место жительства, (в виде однокомнатной квартирки) но и диплом медицинского колледжа, который он с отличием закончил по специальности «лечебный массаж». И он даже три года работал по этой специальности в поликлинике. И кроме этого, имеется у него старая добрая мама, которая, конечно и знать не знает о том, как и где проводит время её сын. А не знает она об этом, потому что он не говорит и не скажет ни за что. Он лучше останется жить на этом вокзале, чем сообщит ей, что его уво-

лили с работы по его же собственной вине. Как узнала позже сама Шурочка, уволили его, чуть ли не по статье, по навету одной из пациенток. Ранее упоминалось, что Владимир был красив. Не просто хорош собой, а канонически прекрасен. К тому же, в его лице прослеживалась некая трагическая обреченность врубелевского демона, которая манила и завораживала. Преимущественно женский пол, конечно, но не только. Но это выяснилось гораздо позже. Плюс ко всему его работа, которая, мягко говоря, ну очень контактная. А также его руки, сильные и нежные, умелые руки с чувствительными длинными пальцами. В Японии говорят: «Слепой массажист на вес золота». Скорее всего, это было сказано про Володю. Или про таких, как он. Но их – таких, мало. Штучные мастера, эндемики, уникамы. Неизвестно, что здесь имеет большее значение: повышенная чувствительность рук или отточенное и доведённое до совершенства развитие компенсаторных механизмов? А может, как и в любой другой профессии играет единственную и абсолютную роль талант или его отсутствие? Как бы там ни было, до поры, до времени, он довольно успешно работал и даже немного прославился. То есть о нем заговорили в околополиклинических кругах и напропалую рекомендовали друзьям, подругам, коллегам и родственникам. И однажды чья-то племянница, или может жена, что называется «запала» на Володю. То есть вообще-то это было не однажды, а довольно часто, и потому сначала он не особенно волновался из-за такой ерунды. «Плавали –

знаем!» – возможно, даже усмехнулся про себя бывалый моряк Володя. До сих пор он отлично разруливал такие ситуации. Иногда достаточно было сказать, что он женат и верен своей половине. И это было до известной степени правдой, он до сих пор был женат, и у него имелся штамп в паспорте, свидетельствующий об этом, иное дело, что не жили они с Нонкой уже более двух лет. Кому-то прозрачно намекал на возможность отношений в будущем, как только затянутся его душевные раны. И здесь он тоже был предельно честен. Он вообще не любил неправду. К вранью относился брезгливо и сторонился его, будто опасаясь запачкаться. Если барышня проявляла избыточную настойчивость, под любым предлогом отправлял её к другому массажисту или по-тихому сливался. В какой-то момент его техника пошатнулась и дала сбой. Это было только начало. Владимир тогда не мог себе даже представить, чем это закончится. Очередная жертва (оказавшаяся в дальнейшем вовсе не жертвой, а наоборот преследователем и карателем) его сказочно-мистического образа проявила не только настойчивость, но и весьма хитроумную изобретательность. Ей не удалось запудрить мозги наивной байкой про душевную рану или сказками о верности жене, уже давно находящейся от него за тысячу с лишним километров. Ирина Антоновна знала гораздо больше, чем говорила. Тем более она бы не позволила взять и сплавить её кому-то другому, как не нужное и мешающее барахло. Извините... Ещё чего не хватало! Её нельзя просто

выкинуть, как завалившуюся тряпку, более того, Ирина Антоновна сама кого хочешь, может выкинуть. Она с юности, всегда принимала решения самостоятельно и, главным образом, в своих интересах. Так и в случае с Володей она решила, что он будет с ней, во что бы то ни стало, когда одеваясь после сеанса массажа, истомленная, мучаясь от приступов определенного вида голода, наблюдала, как он моет свои чудесные руки с выражением мятущейся безысходности, тоски и ожесточенности на лице. Как бы ей хотелось сейчас легко, как девчонке, вскочить, подойти к нему, обхватить руками это трагическое, прекрасное лицо и заглянуть в невидящие, родниковые глаза! Приложить его к своей груди (слава богу, у неё есть куда и на что приложить!) и долго гладить по темным, струящимся волосам, что-то тихо нашептывая и успокаивая. В самом низу живота у Ирины Антоновны стало так горячо и влажно, что у неё пересохло в горле. Оно стало сухим и шершавым, и трудно было не то что говорить, но и дышать. Вдобавок сбилось дыхание, – тахикардии мне ещё не хватало, – подумала она, наконец-то справившись с застежкой на юбке. Ирина Антоновна была начальником планово-экономического отдела на крупном предприятии уже десять лет. И организация эта, к слову, процветала. Вполне можно допустить, что немалая заслуга в этом была и Ирины Антоновны. Что-что, а планировать она умела. И просчитывать тоже, в том числе ходы, как свои, так и чужие. Она действовала, как опытный разведчик-диверсант, замаскировав

свои ловушки и сети под видом безобидных, милых, и ни к чему не обязывающих напоминаний о себе. То у неё случайно оказывались два билета на симфонический концерт в Дом музыки, (она знала, что Володя любит классику, и часто слушает её во время работы). То, совершенно неожиданно, конечно же, появлялась в том же месте, что и он, и великолепно разыгрывая изумление, убеждала его, что сейчас хлопнется в обморок, если немедленно не выпьет кофе вместе с ним. А также, более чем щедро оплаченные очередные сеансы массажа, дорогие сувениры, горячие, будто случайные прикосновения отдельными частями тела, кокетливое заигрывание и многое другое. Тем не менее, Владимир был неизменно любезен, но тверд и неприступен. Оснований для продолжения массажа, он не видел, считал это лишней тратой денег и даже не очень полезным для здоровья. На концерты предпочитал ходить один. Подарки и сувениры настойчиво возвращал, объясняя это тем, что в нем течет (помимо многих других) и армянская кровь, (что было чистой правдой) не допускающая возможности брать подарки от женщин. На откровенные касания не реагировал, считая это неизбежными издержками профессии. Тогда Ирина Антоновна привела в боевую готовность тяжелую артиллерию и без объявления, вероломно, пошла в наступление. Ирина Антоновна немного притомилась от своих же интриг, намеков и ухищрений. И от недогадливости красавца-массажиста. Ей до смерти надоело это подставное лицедейство. К тому же она не выносила

долгого топтанья на пустом месте, не такой она была человек. И она объяснилась с Владимиром сразу же по окончании заключительного сеанса массажа шейно-воротникового отдела позвоночника. Ирина Антоновна с обнаженной грудью подошла вплотную к нему и сказала все, что испытывала к нему. С первой секунды, как только увидела. Рассказала, что с того мгновения, как он впервые дотронулся до неё, перестала спать по ночам. Продолжая стоять и ловя его взгляд, буднично заметила, что у неё есть муж и взрослая дочь, но это все не имеет значения. Вообще, сказала она, ничего не имеет значения. Только он. И ещё она, если он хочет, а он не может не захотеть, когда так хочет она. Она замолчала, глядя на него, холодного и отстраненного, догадываясь, что происходит что-то ужасное. Вернее самое ужасное было в том, что не происходило ровным счетом ничего. Со стороны Владимира, разумеется. Он стоял, как истукан, глядя куда-то в сторону, и с почти осязаемым в воздухе нетерпением ждал, когда она закончит. Страшно испугавшись этого ледяного молчания и полного отсутствия хоть какой-нибудь реакции, Ирина Антоновна стала вести себя абсолютно неестественным для себя образом, чего в дальнейшем ему так и не простила. Рациональная и прагматичная, замужняя женщина, (а также бабушка двух внуков, о чем, разумеется, при разговоре с Володей она кокетливо умолчала, также, как и о своем возрасте, хотя ему и было это откровенно безразлично) 55-летняя Стакозова Ирина Антоновна, начальник пла-

ново-экономического отдела, стоя возле своего массажиста, вдруг залилась слезами, вздрагивая обнаженными плечами и уткнувшись лицом ему в грудь. При этом она безостановочно говорила. О том, что их встреча судьбоносна, что она станет его глазами подарит ему весь мир. Что она узнала, что такое настоящая жизнь, только сейчас, когда влюбилась, как школьница, (в этом месте не переставая говорить и регулярно всхлипывать, Ирина Антоновна довольно глупо хихикнула, о, как же она ненавидела себя потом за это!) Она уговаривала его немедленно лететь на Мадейру, клялась, что работать ему не придется вообще до конца жизни. И много чего ещё говорила она Володе в тот знаменательный день. Володя, молча и уверенно, подвел её к раковине, как будто из них двоих слепой была она. Пока Ирина Антоновна умывалась и одевалась, он заварил и налил чай и стоя рядом с ней в этом закутке, где был только один стул и тумбочка с чайником, заговорил. Он сказал, что очень жаль, что ему придется ранить её чувства, но что делать, ведь он её не любит. И что он не намерен за это извиняться, так как не чувствует за собой никакой вины. И он не будет говорить, как в дешевой мелодраме, что он ценит её признание и искренность, нет, так как предпочел бы обойтись без них. Все что он в данный момент испытывает можно назвать лишь сожалением по этому поводу. Он считает, что будет лучше, если она не будет искать с ним встреч, это ни к чему хорошему не приведет, а вот навредить её репутации и семье вполне может.

Ирина сидела боком, возле казенной, облезлой тумбочки и пила свежезаваренный огненный чай маленькими глоточками. Она никуда не спешила, так как знала, что больше пациентов у Владимира сегодня нет (вот что значит расчетливое мышление бухгалтера-стратега). Вообразить, что у молодого человека имеются собственные планы на этот вечер, ей даже не пришло в голову. Она о чем-то сосредоточенно размышляла. Если бы Володя смог прочитать сейчас её мысли, в лучшем случае, он испытал бы небольшой шок. До такой степени они были пропитаны ненавистью и жаждой отмщения. Причем немедленного и, желательно, мучительного. Такой почти мгновенный переход Ирины Антоновны от одного чувства к другому, являлся безукоризненной иллюстрацией к поговорке «от любви до ненависти – один шаг». Ирина Антоновна не спеша допив свой чай, молча оделась. Так же, не говоря ни слова, невозмутимо направилась к двери, и лишь взявшись за ручку, обернулась и медленно, сквозь зубы, произнесла: «Работать здесь ты не будешь, молись своему незрячему богу, чтобы закончилось только увольнением по статье. Ты меня понял?! Ты, никчемный, жалкий инвалид?!» Ирина Антоновна слов на ветер не бросала и немедленно приступила к активным действиям, устно и письменно заявляя о том, что специалист по лечебно-оздоровительному массажу (Ф.И.О.) поликлиники (№ такой-то), работающий в данном учреждении на 0,5 ставки, грубо приставал к ней во время сеанса, насильственно склоняя к действиям

интимного характера. В кабинете заведующего поликлиникой, она вежливо осведомилась: идти ли ей с этим заявлением в соответствующие органы, или сначала заглянуть в Минздрав? Заведующий, пожилой, усталый человек, поборол горячее желание, сказать куда, по его мнению, ей следует идти, и где, он уверен, ей самое место. Вместо этого, он предложил спокойно во всем разобраться. Разбирались они не очень долго, так как Ирина Антоновна поставила ультиматум: если Владимир остаётся работать, она пойдет в другие инстанции. А писать и ходить она умела. За свою трудовую жизнь пережила сотни комиссий и проверок. Заведующий разговаривал с Володей, что называется «по душам». И верил ему гораздо больше, чем энергичной начальнице планово-экономического отдела. Он, собственно, против Владимира ничего не имеет. Даже наоборот, Володя ему, в общем и целом, глубоко симпатичен. Но, он должен понять, что существуют жесткие рамки административного управления, да и не хочется, что называется, выносить сор из избы. К тому же он не представляет, как, по другому, закрыть рот склочной бабе. Руководитель с надеждой и отеческой заботой посмотрел на Володю. Но тот стоял, в отстраненно-невозмутимой позе, как будто все это никак его не касалось и не имело к нему, ни малейшего отношения. Конечно, все бы могло сложиться по-другому, если бы руководитель, например, проявил больше характера и настойчивости, и отправил бы Ирину Антоновну по всем известному адресу, как, собственно, и хотел в

самом начале. Ну, или хотя бы предоставил ей возможность действовать по своему усмотрению. И пусть бы она шла, куда намеревалась, а она, сдаётся, никуда бы не пошла больше со своим липовым заявлением. Или, например, сам Владимир проявил бы больше упорства и настойчивости, и стал бы требовать разбирательства по этому делу. Но нет, этого не случилось. Владимир, чей юношеский максимализм, видимо не до конца ещё испарился, усмехнулся, наблюдая душевные страдания администрации, да и накатав заявление по собственному, которое было, чуть ли не молниеносно, подписано. Как часто пишут в таких случаях, – к взаимному удовлетворению сторон. Шеф понятно, был доволен, – избавился от назойливой и конфликтной дамочки, а заодно и от сложного, не в меру принципиального работника. Ирина Антоновна удовлетворенно хмыкнула, в том смысле, что, лично у неё сомнений, за кем останется последнее слово, даже не возникало, – Более того, – могла бы она добавить, (и скорее всего, неоднократно так и делала), – Пусть благодарит, что легко отделался. И даже Владимир уволившись, испытал облегчение, ему было мерзко и совершенно невозможно, по разным причинам, оставаться далее в этом учреждении. У Володи, как это с ним бывало нередко, появилось брезгливое чувство, как будто его хотели запачкать, и им это чуть не удалось. Тем не менее, он воспринял всю эту грязную возню, затеянную Ириной Антоновной и последующий за ней уход с работы, как болезненное, но необходимое завершение оче-

редного этапа в своей жизни. Своего рода испытание и последующее за ним обновление. Владимир с ранней юности не был чужд различным экзистенциальным измышлениям и подвергал наиболее значимые свои действия обстоятельному ментальному анализу. Обо всем этом Владимир отчего-то (к большому своему удивлению, так как его трудно было заподозрить в излишней коммуникабельности и откровенности), рассказал Шурочке, стоя с ней на перешейке, соединяющем Ленинградский и Ярославский вокзалы. Когда в свое время и Женька услышала эту историю, она как раз этому совершенно не удивилась. Чем больше она узнавала Шурочку, тем больше поражала её эта невероятная женщина. В ней было что-то от истинно верующих, духовных людей. Хотя особой религиозностью Шурочка не отличалась, а являлась, скорее, живым примером того, что религиозность, набожность (особенно показная) и духовность совершенно не одно и то же. С ней хотелось говорить, до неё хотелось дотронуться. Ей хотелось внимать, а ещё больше рассказать о себе и своих трудностях. И получить совет, наказ или рекомендацию. Или просто, чтобы она была рядом, хотя бы недолго, уже было легче и как-то... светлее что ли. Не так безнадежнее... Феномен Шурочки многие толковали по-разному. Кто-то мнил ее, чуть ли не святой, так как её бескорыстность, и отчасти простодушие были очевидны. Кому-то она представлялась блаженной, слегка «двинутой», что не мешало и этой категории весьма активно обращаться к ней в разных

ситуациях. Но подавляющее большинство тех, кто был знаком с ней лично, считали Шурочку просто очень светлым, чистым и отзывчивым человеком. Она была неравнодушной, наверное, это было то, главное, что её отличало и что очень притягивало. Муж Шурочкин недавно ушел от неё банально, как в старом, глупом анекдоте, к секретарше. Может, не выдержал такой необъятной доброты и отзывчивости, а может, устал от того, что в доме у них постоянно кто-то ночует и живет с разной временной продолжительностью. От того, что нужно кого-то отвезти, или кого-то встретить, купить лекарство, записать на приём, посоветовать мастера, раздобыть деталь. Шурочка его не осуждала, она понимала, что ему с ней трудно. Нужно или полностью разделять взгляды другого, или отпустить и не вмешиваться. А это трудно. Упрекать мужа в том, что он просто другой человек? За то, что на многие вещи они смотрят по-разному? Ей бы это даже в голову не пришло. Когда он, терзаемый муками совести, прошептал, целуя её руки, о том, что уходит, Шурочка его обняла и нежно произнесла, что знает. Давно знала, но не хотела торопить и предлагать варианты. Предоставила это ему. Она его успокаивала, жалела, сочувствовала и... подружилась с его новой женой. Своим подругам и родственникам абсолютно серьезно говорила: «Вы не представляете, какая это душевная, замечательная женщина! Какой заботой и любовью она окружила Севу! Ему это сейчас просто необходимо, он, бедный, так намучился, так страдает... Что вы?! Мне до неё да-

леко!» Женя ещё раз повторила, что не удивлена, тем, что Володя заговорил именно с Шурочкой, что-то во всем её облике, есть целительное, умиротворяющее. Она об этом в самый первый день знакомства догадалась, когда наблюдала за ней и Аней. И чем больше она узнает её, тем больше подозревает, что у неё есть дар. Шурочка засмеялась, – Скажешь тоже, тогда он и у тебя есть, а иначе как бы тогда, в тот день ты поняла, что я непременно буду работать в стоматологии? А что касается Володи, так это он меня выбрал. Он же не просил милостыню, как другие, он вообще не разговаривал ни с кем тогда несколько дней. Да и поломанные ребра гематомы не очень-то способствуют беседе, – Шурочка задумалась и повторила: «Да, он меня выбрал... Я просто не могла взять и уйти, бросить его». Женя улыбнулась, – Шурочка, да тебя постоянно выбирают. Все. Я, например, тебя тоже выбрала, ещё тогда, и остальные тоже, – Женя взглянула на подругу и хмыкнула, – А меня, только бабульки и алкаши ужасно любят. Обе рассмеялись. Женя, отсмеявшись, пояснила: «Нет, ну правда, я не знаю, каким образом так складывается, но где бы я не жила, очень скоро находится души во мне не чающая старушка. И, разумеется, тут же становится моей подшефной. Ну и алкоголики, конечно... Эти вообще распознают меня в любом месте и состоянии за километр... Что поделаешь, нерушимые законы стаи, видимо...», – Женька невесело ухмыльнулась. Шурочка серьезно посмотрела на неё и медленно, убежденно ответила: «Да ты что, Женя! Ты да-

же не представляешь, что ты за человек! Ты чудесная, милая, славная! Только не очень счастливая, по-моему...» «Ты что, – встрепелулась Женя, – Всю жизнь мне только и говорят: «Счастливая ты, Женька!» – «Говорят!» – передразнив, заметила Шурочка, мало ли что говорят, ты-то сама как считаешь? – Не знаю, – честно ответила Женя, – И задумываться времени нет, просто живу и всё... Ладно, хватит болтовней заниматься, работы полно».

Разговор этот состоялся, когда Женя, немного переусердствовав в тренажерном зале, по совету Шурочки стала ходить на массаж к Володе. Стараниями все той же неутомимой, милосердной Шурочки, Владимир был принят на работу в их больницу. Правда, всего на 0,75 ставки, (видимо корпоративный обмен информацией между учреждениями здравоохранения работал безукоризненно), но после прохождения испытательного срока, начальство обещало рассмотреть его кандидатуру более основательно.

Так уж получалось в его жизни, что Володя не мог оставить равнодушным никого: его можно было любить, ненавидеть, можно было восхищаться или раздраженно сплевывать, но пройти мимо было невозможно. Не заметить его было нельзя. Женя не стала исключением и засыпала Шурочку вопросами. И та рассказала, то, что было можно. То, о чем просил её и сам, наученный горьким опытом Володя, стараясь таким образом защититься от окружающего мира. После увольнения, он направился в общество инвалидов,

стал ходить в группу поддержки. Там и «увидел» Дениса. И то, что раньше было лишь смутным, расплывчатым ощущением, интуитивным предчувствием, чем-то сюрреалистическим и неявным, обрело вполне конкретное и определенное значение. И заявило о себе во всю мощь Володиного горячего сердца, широкой души и молодого, здорового тела. Денис не был полностью незрячим, он был слабовидящий, инвалид второй группы. Ему было тридцать лет, и был он невысоким, жилистым и лысым. Их познакомили, они разговорились. Оказалось, что у них схожие вкусы в музыке, литературе и кино. Денис был женат, супруга тоже инвалид по зрению (она была на прошлой группе, – Марина, невысокая, темненькая). Ходят на группу они с женой по очереди, у них маленькая дочь. Володя и Денис стали почти неразлучны. Часто, не сговариваясь, шли в старый, небольшой парк. А куда ещё? Тем более и расположен он поблизости. Сидели рядом, касаясь плечами, локтями, бедрами... Оба часто замолкали, наслаждаясь обществом друг друга. Владимир, чувствуя неловкость из-за очередного затянувшегося молчания, проклинал своё косноязычие и робость. Но чаще всего говорить ничего и не требовалось. И так все было понятно. Не ясно было только, как же им быть дальше. И что делать. У Дениса жена и ребенок, у Володи больная мама. Мимоходом он ещё раз восхитился пронизательности Нонки, своей абсолютно здоровой жены. Дочь богатых родителей, умница и красавица, армянская принцесса Нонна, уезжая от него, ска-

зала: «Устала от одиночества с тобой. И от твоего плохо замаскированного разочарования, когда ты встречаешь в кровати меня. Ты будто находишься все время в режиме ожидания. Кого ты ждешь? Кого ищешь? Я больше не хочу это выяснять... Но уверена, что не меня. Увы... – откинув на гибкую, тонкую спину тяжелые, длинные волосы, она поцеловала его в губы и сказала по-армянски, на ухо, – Желаю тебе найти то, что ты ищешь, любимый». Языка он не знал, но фразу сразу понял: отголоски извечной восточной мудрости, которой природа так щедро одарила Нонку, видимо, дремали и в нем, хотя и совершенно бессознательно. Более того, о их существовании он даже не подозревал.

Роман с Денисом закончился, так и не успев превратиться во что-то цельное и определенное. Возвращаясь домой после очередного свидания с ним, он отчетливо услышал голос жены Дениса, Марины. Женщина ещё раз назвала его по имени, он замедлил шаг и обернулся. А дальше произошло что-то настолько стремительное и ужасное, что восстанавливался он затем несколько месяцев. Он услышал быстрые, приближающиеся к нему мужские шаги двух человек, а затем визгливый, и будто рваный, крик Денисовой жены: «Ребята-а!! Мочи пидара-а-а!» Владимира сбили с ног, но прежде чем упасть, его правый глаз вспыхнул неоновым, изумрудно-фиолетовым светом и обжег пронзительной болью. Он упал, со всего маху стукнувшись затылком о бордюр. И в тот же момент, когда почти одновременно ему нанесли два

удара: в живот и голову, вселенная сжалилась над ним, и он потерял сознание.

Женька шла по улице практически обнаженная. На ней было старое пальтишко, которое она давно не носила, причем явно уменьшенное до детского размера. Бельё на ней, которое никак не удавалось прикрыть, было несвежим и ветхим. Женя безуспешно пыталась запахнуть дурацкое пальто и шла, низко опустив голову. Люди смотрели на неё, кто с презрением, кто с жалостью, многие откровенно шарахались в сторону. Ей было очень стыдно, но она все шла и шла. Женя искала своих детей и не могла найти. Но она догадывалась где они, – конечно же у Лёни. Он их там прячет у себя. Ну ладно бы Димка, а то ведь и Аню прихватил, скотина, – думала Женя с остервенением. Дул противный ноябрьский ветер, наверное, было холодно, но Женька этого не ощущала, несмотря на то, что шла босиком. Как это часто бывает во сне, она вдруг мгновенно оказалась в доме бывшего мужа. Женя начала лихорадочно искать детей. На шум вышел Лёня со своей женой, у которой было лицо Элеоноры. Фальшивая Эля лучезарно улыбнулась и весело сказала: «Здесь нет твоих детей, милая, поищи-ка их лучше в *другом* месте». Она сделала ударение на слове «другом». «Каким другом?» – хотела было спросить Женя, но не успела, так как Лжеэлеонора растаяла в воздухе, а вместо неё появился Навицкий, в белом халате на голое тело и, указывая нама-

никюринным мизинцем Женьке в переносицу, нараспев выговорил: «Нет здесь никаких детей, неужели вам это до сих пор не ясно? – У вас вообще нет детей, – шеф приблизился к ней вплотную и, обдавая тошнотворным, с мятным налетом дыханием, горячо зашептал прямо в ухо, – А с чего вы вообще решили, что у вас есть дети? Они могли бы у вас быть, если бы вы только захотели, – он молниеносным движением больно схватил её за грудь, а затем, разжав пальцы, отстранился и ледяным тоном добавил, – Кто, кто вам сказал, что у вас есть дети? Эта блаженная идиотка Шурочка? Или слепой гомосек Вова? Bravo! Ничего удивительного, я так и знал, что этим кончится... А ведь я предупреждал вас, разъяснял...», – в кармане у Навицкого зазвонил телефон, но он не торопился брать трубку, он продолжал говорить, а телефон всё звенел и действовал Жене на нервы: «Да ответь же ты, мудило!» – злилась она, глядя на вибрирующий карман его халата, и голые, с редкой темной порослью, жилистые ноги. Женька старалась отмахнуться от въедливого звона и тут... проснулась. Не сразу поняла, что звонил её собственный телефон. Пока сообразила, звонки прекратились. «Господи, что за бред мне снился...» – бормотала Женька, нашаривая свои тапочки. Состояние было привычно-омерзительным, так же, как и настроение. И тут она вспомнила, про безобразный скандал с Димкой накануне вечером. «Господи, – чуть не простонала Женька, – Да, что со мной не так? Который день я зависаю опять?» Женя вспомнила, что сего-

дня понедельник, а продлить свой липовый больничный она не озаботилась, не до того было. Вчера пришел Димка, который отсутствовал несколько дней. Не отвечая на её вопрос, где он был, уничтожающим взглядом смерил с головы до ног пьяную мать и закрылся в комнате. Женька в ярости влетела за ним и, прекрасно зная, что ничего хорошего из этого не выйдет, с пол-оборота завелась: «Как ты себя ведешь? – закричала она, – Это что за отношение к матери?! Я задала тебе вопрос, будь любезен ответить! Я тысячу раз говорила, чтобы ты не шлялся допоздна или хотя бы предупреждал где ты, чтобы я не волновалась!!» Дима криво усмехнулся: «Да я звонил несколько раз, ты ни разу не ответила, – он презрительно хмыкнул, – Волновалась она, конечно, аж два раза!» Женька округлила глаза, не найдясь, что ответить: «Как ты разговариваешь? – начала она снова, – И сколько раз тебе говорить, что мне не нравится, когда в такое позднее время тебя нет дома!» «А мне не нравится, что моя мать – алкашечка! – немедленно парировал Димка, – Ясно тебе?! И Аньке не нравится, её хоть пожалей, мелкой шесть лет, она только в школу пошла, ей и так нелегко!» «Что ты сказал, кто я?» – севшим голосом прошептала Женя. «Не слышала? Могу повторить, ты – алкашка!» – в упор, с отвращением глядя на неё, заявил сын. Она могла поклясться, что смотрел он в ту минуту не только с отвращением, но и с ненавистью. Женя не знала, что именно она чувствовала, когда подскочила к Диме и ударила его по лицу. Пощечина вышла

несостоявшаяся, какая-то смазанная, как у человека, который никогда этого не делал раньше и вряд ли в состоянии когда-либо этому обучиться. Димке совсем не было больно, ему было невыносимо обидно. До слез, до предательски дрожащего подбородка. Более всего от того, что он инстинктивно дернул головой в сторону, от чего тут же покрылся красными пятнами, так как больше всего не хотел, чтобы кто-то, (а особенно мать) решил, что он испугался. От злости на себя за эту невольную, автоматическую реакцию, а ещё больше на неё, что стоит тут, на своих нетвердых ногах, смотрит на него чужими злыми глазами и в душе наверняка потешается над ним, Димка изо всей силы толкнул её, схватил рюкзак и выбежал из комнаты. Женя, чудом устояв на ногах, бросилась за ним. Открывая входную дверь, сын на ходу выпалил: «Ненавижу тебя... Жить буду у отца, не могу видеть, когда ты... такая». Женя вздрогнула от захлопнувшейся двери и, прислонившись к стене, медленно сползла на пол. В дверном проеме возникла Аннушка и грустно смотрела на мать: «Дима насовсем ушел, мама? – дочка разглядывала её своими чудесными, меняющими цвет в зависимости от разных причин глазами. В данный момент – это был глубокий синий, с фиолетовыми проблесками. – Вставай, мамочка, на полу холодно».

Все это Женя с омерзением сейчас вспомнила. Заглянув в детскую и не обнаружив детей, она поплелась в ванную. Аня уже месяц, как ходит в школу самостоятельно, после уроков

остаётся на продлёнку до семи вечера. Благо её школа прямо через дом на их улице, не то, что Димкина. – Ах да, – вспомнила она, – Ему сейчас тоже недалеко, он ведь у своего отца. Наверное, – подумав, добавила она про себя. Женя пыталась сообразить, что же теперь делать, мысли путались. Она думала о том, чем занимается и где находится сейчас её сын, о том сильно опоздала в школу её дочь или нет (девочка вставала и одевалась самостоятельно, но этот процесс все-таки желательно было контролировать), что делать с больничным и кто все-таки так настойчиво звонил с утра. Хотя это как раз понятно, как говорится, не бином Ньютона. Звонили с работы, так как сегодня понедельник, десять утра, а она сидит на краю ванной в растянутой футболке, и собирается с духом, чтобы умыться.

Женя открыла кран, посмотрела уныло на текущую воду несколько секунд и закрыла его. Было понятно, что ничего она не сможет делать, пока не выпьет. Так всегда было, – разъясняла она сама себе, – Надо выпить, чтобы начать соображать. Как хорошо, что теперь она всегда помнит, что утром будет худо. Конечно, её домашние заначки, (не считая того, что она покупала) за эти шесть дней истаяли, словно неожиданный и легкий снежок в разгаре марта, но то, что добрая четверть коньяка, верно ждала её под столом, об этом она позаботилась. Когда она её оттуда достала, издав при этом короткий, неразборчивый, но определенно удовлетворительный звук, она была уверена, что толстенькая стеклян-

ная шалунья ей даже подмигнула. За тот период (совсем не показавшийся ей коротким, а тем более легким), за который она, пыхтя и отдуваясь, доставала бутылку, искала стакан и наливала, Женя очень устала. Она присела к столу, борясь с накотившей тошнотой, возникшей от таких упражнений, скovyрнула с блюда подсохший кружок лимона и в несколько длинных глотков выпила. Тошнота понемногу отступала. Снова зазвенел где-то в недрах квартиры её мобильник. Женя недовольно покосилась в сторону, откуда доносились такие раздражающие и лишние в эту минуту трели. Она закурила, и поняла, что жизнь снова налаживается. Нет, безусловно, Шурочке необходимо позвонить, но только не сейчас, через некоторое время, обязательно...

...Такой расстроенной Женя Шурочку не помнила. И такой отстраненной тоже. Голос её был печален и безапелляционен.

– Женя, ты сказала, что выйдешь в понедельник, ты меня уверила в этом! И я сказала Навицкому, что ты будешь... Он и так что-то подозревает... Сказал, что нужно хорошенько проверить твой больничный...

– Шурочка, да пошел он к черту, врач не может заболеть что ли?

– У тебя за этот месяц третий больничный, Жень. Я за себя не говорю, но могут пострадать люди, к которым я обращалась... Понимаешь? И ещё, ты не предупредила, что... намерена болеть дальше. Так не делается, Женя. Это непра-

вильно.

– Шурка, но что же мне делать, я не могу выйти сегодня, и не выходить нельзя. Шурочка, ангел, ты столько раз выручала меня, я знаю и все помню... Шуреночек, ну помоги, будь добра. Последний раз, обещаю...

– Женя, ты знаешь, что у тебя большие проблемы? Да, тебе необходима помощь, но другого рода. Что касается работы, я всех, кого удалось, записала сегодня после обеда. Остальных на пятницу и субботу. У тебя есть несколько часов, приводи себя в божеский вид и дуй на работу. Это все, что я могла сделать для тебя, Женя. Больничный твой нужно сдать до конца этого рабочего дня. Иначе у нас всех гарантированно будут проблемы.

За окном быстро темнело. Ноябрь заканчивался и очень старался быть разнообразным. С утра он притворялся зимой, днем мог брызнуть небольшим дождиком, но зато со шквальным ветром. Затем, как бы извиняясь за эти шалости, посверкивал неярким солнышком, чтобы к вечеру пуститься в сумасшедший танец из холодного ливня вперемешку со снежком. Было промозгло, сыро и неуютно даже в хорошо освещенном, белоснежном кабинете. Жене снова хотелось пить. А ещё больше выпить. У неё была плоская бутылочка в рюкзаке, (купила по дороге на работу), но до сумки ещё нужно было добраться. Интересно, – думала лениво Женя, – Отчего последний пациент всегда самый нудный и тяжелый?! Вопрос был риторический, на самом деле,

её это совсем не интересовало. Просто нужно же было о чем-то думать кроме выпивки.

– Я закончила, подойдете через неделю, – сказала, она не оборачиваясь и записывая что-то в рабочий блокнот.

Мужчина грузно поднялся и, не говоря ни слова, вышел. Женя, бросив ручку, отправилась за ширму, где оставляла свои вещи. В тумбочке нашла свой пластиковый, далеко не одноразовый стакан. Выпила с жадностью, оперлась рукой о подоконник. Услышала, что дверь кабинета открылась. Это не могла быть Шурочка, её рабочий день закончен и она ушла на тренировку. Женя с ужасом сейчас представила себя в тренажерном зале. Вот это да, полгода отходила! Ходила, конечно, нерегулярно, через пень-колоду, но, тем не менее, старалась. Как ей удалось? Жаль, что сейчас все изменилось. Ведь именно во время этих походов она по-настоящему сдружилась с Шурочкой и Володей. Сейчас об этом не может быть и речи. Даже подумать страшно. Ей и просто стоять-то тяжело.

– Евгения Валерьевна! – она вздрогнула, услышав голос секретарши Навицкого и уронила пустой стаканчик, который гулко шлепнулся прямо у края ширмы, указывая тем самым на наличие означенной Евгении Валерьевны в радиусе своего приземления, – Зайдите, пожалуйста, к Виктору Владимировичу.

Ей показалось, что у шефа глаза стали бегать ещё выразительнее и чаще. На несколько секунд он замер, глядя на

неё изучающе, а затем без всякого предисловия и церемоний напрямую спросил:

«Вы принимали сегодня алкоголь?» – побуравив её глазами несколько секунд, его взгляд опять стал блуждать по кабинету. Женька почему-то не удивилась и тем более, не испугалась, а может, сработало тормозное и расслабляющее влияние допинга.

– Нет, – сказала она быстро, но не очень твердо, – Разумеется, нет, – предательски краснея, добавила она.

– В самом деле? – поднял одну бровь Навицкий? – А может быть мне пригласить нарколога? Как вы считаете, Евгения Валерьевна? Женя молчала.

– Ну ответьте, не молчите, как вы считаете, может позволить себе доктор, специалист центральной больницы города Москвы, отличник, если не ошибаюсь, стоматологии, являться со своих липовых больничных, прикрывающих его запой, в пьяном виде на работу!! – заведующий стал багровым и почти кричал:

– Вы считаете нормальным в таком состоянии пытаться кого-то лечить? А я считаю, что нет. Я давно получал сигналы, но не реагировал, считая это происками ваших завистников, а зря! Как в ее предутреннем бредовом сне, шеф подошел совсем близко, и она невольно глянула на его ноги. Вполне благопристойно. Серые с искрой, дорогие брюки, лаковые туфельки.

– Вы так и будете молчать? – будто через силу выдавил

он ей в лицо, тяжело переводя дыхание. Женя молча кивнула. Сказать действительно было нечего. К тому же ей совсем не хотелось открывать рот, когда этот человек находился так близко. Чувствуя близкие слезы, Женя пошла к выходу. Навицкий крикнул ей в спину: «Куда вы пошли? Я не закончил ещё с вами. Я отстраняю вас от работы, поговорим, когда вы будете в адекватном состоянии». Женя обернулась, – Я сама себя отстраняю, – она криво усмехнулась, изо всех сил пытаясь «держать лицо», – От этого учреждения и от вас. И говорить нам, простите, не о чем, да и не нужно. Никогда.

Только увидев на пороге квартиры Володю с Шурочкой, Женя не смогла удержаться от слез. Друзья пришли очень вовремя. Час назад от неё уехал бывший первый муж Лёня. Он был сух, краток и предельно честен. Лёня сообщил, что ждал всего этого и даже удивлен, что она так долго продержалась. Сказал, что его предложение остаётся без изменений: Дима переезжает окончательно к нему, только на этих условиях она может оставаться в этой квартире. Он опять готов помочь ей с работой, как только Женя пройдет здесь курс лечения. Конечно, она будет видеться с сыном, но все, что касается дальнейшего воспитания и образования Дмитрия, он, Лёня будет решать самостоятельно. – Кого ты воспитывать собрался? – перебила его Женя, – Ему шестнадцать лет. Лёня пропустил это замечание бывшей женой мимо ушей, и выразительно закончил: «И, да, предвосхищая твои стенания и обвинительные монологи, так было задумано. Изначально.

И только непроходимая дура вроде тебя, могла предполагать что-то другое. Неужели ты хоть на минуту подумала, что я стану возиться с тобой, жалкой алкоголичкой из милосердия? Или что ещё смехотворнее из-за своей, вспыхнувшей с новой силой беззаветной любви к тебе? Если это так, то ма-тушка, ты ещё безнадежнее, чем я думал!» Женька смотрела на этого ухмыляющегося, холеного, совершенно чужого ей мужчину, которого так любила когда-то и не испытывала ровным счетом ничего. Даже злости не было. – Лёня, я освобожу квартиру до конца недели, – спокойно отреагировала она. – А сейчас уходи, пожалуйста. Лёня вспыхнул, – Да ты понимаешь, что сын не хочет с тобой жить! Ну не в состоянии ребенок, выдерживать твоё пьянство! И никто не в состоянии. Он хочет жить со мной, так и сказал! Женя открыла входную дверь, – Я прошу тебя уйти, в воскресенье квартира будет свободна. А с Димкой я сама поговорю. Прощай. Лёня рывком захлопнул дверь, оставаясь в квартире, – Ты не смеешь меня выставлять отсюда! Я уйду, когда посчитаю нужным... И запомни, ни на одну, мало-мальски приличную работу тебе не устроиться, ты стоишь на наркологическом учете в Ставрополе, забыла? И мне несложно будет проинформировать об этом любого твоего работодателя. Лёня перешел на свистящий шепот, – Я не сделал этого до сих пор только потому, что думал, что у тебя хватит мозгов сообразить, что для Димки лучше. Я считал, что ты желаешь добра своему ребенку. И поймешь, что могу дать я сыну, а что ты!

Лёня рванул на себя дверь и почти выбежал из квартиры. Пока Женя говорила, Шурочка и Володя сидели, не произнося ни слова. Сидели рядышком, вплотную друг к другу. Женя, глядя на них, умилилась и даже ненадолго забыла о своих проблемах. – Ребята, какие же вы красивые и как подходите друг к другу! – не выдержала Женя. Это было действительно так. Несмотря на бросающуюся в глаза, явную непохожесть, смотрелись они очень гармонично. Крупная фигура Владимира, его чеканный профиль, резко выделявшийся на фоне окна, иссиня-черные длинные волосы, забранные в хвост, необъяснимым образом сочетались с нежной, бело-розовой Шурочкой, её светлыми волосами, изящным вздернутым носиком и хрупкостью всегообраза этой женщины в целом. – Ангел и Демон, Свет и Тень, – засмеялась Женя. – Ребята, да вас в кино снимать нужно. – Не нужно, – отрезал Володя, – Лучше скажи, что теперь ты будешь делать. Разошлись уже вечером. Зато многое успели обсудить и даже приняли несколько важных решений. К тому же Женя узнала, что Володя и Шурочка решили, что жить они будут вместе.

– А точнее, у меня, – сурово пояснил Володя.

– Просто так легче, – смущаясь и заливаясь розовой краской, как юная девушка, призналась Жене Шурочка. Женя растерянно переводила взгляд с одного на другую:

– Да, ладно, а как же, – она замялась, – Ну...

– Вот поэтому, мы и решили, съехаться, а то разговоры, ты сама знаешь какие – выручила её Шурочка. Володя сказал:

– Жень, я ведь тоже ушел из клиники. Вернее, со мной просто решили не продлевать договор. По каким-то там этическим соображениям, но мы-то знаем, почему на самом деле, верно? Но это даже к лучшему, я и сам хотел уйти, после всей грязи, о которой узнал. Мне дали возможность ознакомиться с парочкой-тройкой докладных от наших уважаемых коллег. Ты не представляешь даже, как меня только не называют, каким уродом и монстром являюсь я, по мнению некоторых коллег. Но особые способности такого рода пасквилях оказались у нашей милой Киры. Тебе досталось, тоже, в основном, из-за неё. Жень покачала головой:

– Нет, Володя, шарахнули меня по статье из клиники вполне заслуженно... Столько косяков... Ничего, ребята, прорвемся. Так произошло, что вы мне в Москве, да вообще и не только здесь – самые близкие люди. Тут заговорила, молчавшая все это время Шурочка:

– Жень, а я перешла опять в своё родное ЛОР-отделение. Вроде и привыкла уже в стоматологии, да что-то уже не то без тебя... А по поводу нашего решения с Володей, он знает, что я ни в чем не собираюсь ограничивать его, понимаешь, Жень. Он свободен, но так будет лучше для всех нас. Ну, то, что увидят, что у него есть женщина и так далее... А то его так и будут гнобить, – шепнула она Женьке, когда Володя отошел, чтобы ответить на звонок. А я не могу это вынести, понимаешь, я так хочу ему помочь! Все понимаю, разница в возрасте – шестнадцать лет, и его ориентация, и то, что он

мне всего лишь благодарен и рассчитывать не на что, но мне все равно, я...люблю его так, как никогда и никого, видимо это и есть безусловная любовь. Женя смотрела на Шурочку и напивалась до отказа разлитыми вокруг неё флюидами счастья и абсолютной душевной гармонии. Они часто говорили с Володей о жизни, любви, человеческих отношениях и она знала, что он практически боготворит Шурочку, но не предполагала, что события примут такой оборот.

– Мне ничего не нужно от Володи, абсолютно, – продолжала Шурочка, – Даже не обязательно, чтобы находился рядом, но пусть у него все будет хорошо. Я должна это знать. И этого хватит, веришь, Жень, мне – хватит. Глядя на её просветлённое лицо, Женя верила. «В самом деле, что ли ангел? Ей Богу, с ума сойти можно!» В комнату заглянул Володя:

– В этом доме будут поить гостей чаем или нет? Шура тебе уже сказала? Женя даже испугалась, – Что-то ещё сейчас обнаружится? Ты беременна от Володи? Отсмеявшись, Шурочка, с грустной улыбкой сказала:

– Нет, это невозможно, но не только из-за Володи, – она положила свою ладонь на его руку и глянула на него с такой колоссальной нежностью, что у Женьки зануло сердце. – Я десять лет назад похоронила сына. Алеше было тринадцать лет и у него было тяжелое заболевание почек. Я не смогу *физически* пройти через это снова... Повисло тяжелое молчание, – Извини, я не знала... – выдавила Женя. – Ничего, я стараюсь, об этом не распространяться...

Женя заметила, как у Володи менялся взгляд, когда он «смотрел» на Шурочку. Глаза будто теряли свою неподвижность и, казалось, оживали и даже слегка искрились. «Разве такое возможно у слепых?» – думала она. А может это просто игра света или её чересчур романтического воображения? И тут Шурочка самым будничным тоном произнесла: «Ты знаешь, мы с Володей решили, что ты вполне можешь пожить с детьми у меня, он не может оставить маму, ты же её видела?» Женька растерянно кивнула, – Да, когда я приходила на массаж. – Ну вот, – обрадовано заключила Шурочка, как будто дело было только в этом, – Вы, по-моему, даже подружились. – Ты не отказывайся, Женя, и не мотай головой, снимать в Москве квартиру, да ещё с детьми немислимое удовольствие. Особенно в твоей ситуации. А мне тоже очень нужен человек, которому я могу доверять, понимаешь? Так что это взаимовыгодное дело. Володя кивал и улыбался. Как выяснилось несколькими минутами позже, он и за работу для Жени договорился через какого-то своего родственника.

– У твоего родственника – собственный кабинет? – задала вопрос решившая больше ничему не удивляться, Женька.

– Э, родственник не родственник, какая разница, да!? – Володя, намеренно и очень умело вдруг заговорил с южным акцентом. – Армяне – все родственники. Очень близкий мне родственник, практически друг, хорошо знает человека, которого я не очень хорошо знаю, хоть он и мой родственник... – Володя запутался сам и, махнув рукой, рассмеялся, обни-

мая за плечи Шурочку. Глядя на них, Женя подумала, что у неё-то уж совершенно определено в Москве теперь есть родственники, причем очень близкие. Она даже не подозревала в тот вечер, насколько это соответствует истине. К тому же не в переносном, а в прямом значении слова.

– Слава Богу, что у меня есть такие друзья... – крутилось в голове у Жени, пока она укладывала дочку. Открылась входная дверь, Женя опрометью бросилась в прихожую. Димка снял куртку и, глядя матери в лицо, произнес: «К отцу больше не вернусь, он подонок. Нельзя так, – У Жени второй раз за этот день потекли слезы. – И это, мам... Из гимназии нужно забрать документы... Я не буду, да теперь и не могу там учиться. После того, что я сказал ему, и вообще... Женя обняла сына и молча плакала. – Господи, – думала она, да он за всю жизнь столько не говорил! Её мальчик, такой взрослый, и такой ещё маленький, такой серьезный и такой ранимый. Женя плакала и не могла остановиться, горько и искренне, как в детстве. Это больше походило на оплакивание. Она и вправду сейчас оплакивала этого долговязого, нескладного мальчишку, такого любимого и родного, который не задумываясь, со всем пылом своей юной чистой души встал на защиту матери. Плакала о том, чего не могла назвать словами. О любви к нему, о сожалении по поводу того, о чем хотела, да не могла или не знала, как говорить. Из детской пришла испуганная дочка, крепко обхватила руками мать и брата, и жалобно начала всхлипывать. Женя плакала и по этой де-

вочке, совсем малышке, которой пришлось обучиться раньше времени самостоятельности и взрослому рациональному подходу к жизни, идущим вразрез с настоящими мечтами и потребностями ребенка, которому через месяц исполнится только семь лет. Она плакала по себе и своей жизни, которая совсем не была похожа на тот волшебный фейерверк, который твердо был обещан ей в детстве, все ещё искрился калейдоскопом радужных надежд в юности, а затем все реже и тише доносились до Женьки его кратковременные праздничные вспышки.

– А я тебе говорю, что это вполне реально! Вот ты смеёшься, а я рассказывала о Туське, помнишь? Мы с ней с института дружим. Так вот она родила первый раз в 36 лет, между прочим, – глядя на Шурочку снизу вверх, говорила Женя. За окном шумел и упивался собственным буйством фонтанирующей энергии зеленый и душистый май. Женя с детьми жила уже полгода в квартире своей ближайшей подруги Шурочки, которая сейчас, накануне лета, пыталась отыскать свои какие-то вещи, в частности, совершенно умопомрачительные босоножки. Без них лето почти не имело смысла. Так она и заявила Жене. Услышав такое от равнодушной к материальным ценностям вообще, а уж к тряпкам и даже не новой обуви и подавно Шурочки, было настолько дико, что Женя немедленно включилась в поиски. Попутно они обсуждали возможность деторождения в недавно появившейся ячейке общества. Владимир и Шурочка поженились. Женя, как подружка невесты, и вообще друг им обоим, активно участвовала в принятии жизненно важных решений в этой семье. – Я помню, ты рассказывала о прелестной Тусе, это, если не ошибаюсь, та, что родила от твоего мужа? – Шурочка кряхтя, вытащила ещё одну коробку и протянула её Женьке, – Вот, ещё эту посмотрим и все! Женя, обхватив картонные стенки руками, выразительно уставилась на Шурочку, – Боже мой,

ну наконец-то, святоша Шурочка превращается в нормального человека! Добро пожаловать в реальный мир, – Женя, наклонив голову и изображая величайшее смирение, подала ей руку, – Вот это да! – смеялась Женя, – Ангел начал интересоваться шмотками, и даже не убоаясьехидно пройтись по бедной Туське. – Представь себе, многое, как выясняется, нам также весьма близко, – резонно заметила Шурочка, открывая коробку и доставая оттуда несколько свертков, альбом с фотографиями и какие-то письма. – И потом, ты забываешь, что Володю, мягко говоря, женщины не очень интересуют, – Шурочка, с огорчением стала укладывать вещи обратно, – Нет, здесь тоже их нет, где же они могут быть. Женя собирала с пола несколько выпавших из альбома фотографий, – Женщины – да, не интересуют, но ты – это совсем другое.

– Женя, не стоит издеваться над пожилой и не очень здоровой женщиной. Посмеялись и хватит! Ладно, гулять так, гулять, куплю себе новые, ведь не каждый день все-таки молодой и красивый супруг приглашает в Грецию, а, Женя? Шурочка обернулась и увидела, что подруга внимательно рассматривает какую-то фотографию. На ней молодой парень, в солдатской форме и русоголовая женщина с мягкой полуулыбкой одинаково напряженно вглядывались в объектив камеры.

– А, это мои родители, – заглянув Женке через плечо, тихо сказала Шурочка. Мама уже столько лет нет, а я все

никак не наведу порядок в нашем семейном архиве.

– А твой отец где сейчас? – глухо спросила Женя.

– А кто ж его знает? Я его и не видела ни разу, мы раньше жили в Тверской области, он служил там, – Да что с тобой, Женя?

– 1964 год, – прочитала Женя надпись на обороте, – Все правильно, а ты ведь 1965 года рождения... Ну да, ну да, – сосредоточенно о чем-то думая, рассеянно бормотала Женя-ка...

– Да что случилось-то? – Шурочка испуганно разглядывала подругу, – А то случилось, – подняла на неё глаза Женя-ка, – что парень на этой фотографии – мой отец...

Димка, хмурый и заспанный вошел утром в комнату и застал странную картину: заваленный фотографиями, письмами, какими-то свертками, диван и стол, уснувший в кресле Владимир и оживленных, громким шепотом переговаривающихся тетя Шуру и маму. Обе с сияющими глазами и явно взволнованы. Димка, молча прошел на кухню, заглянул под стол, понюхал чашку... – Странно все это – подумал он... Вернувшись в комнату и покосившись на безмятежно спящего Володю, он ничего не понимая, спросил:

«Вы что и спать не ложились?» И тут эти две взрослые женщины не сговариваясь, захихикали, как пятиклассницы в школьном коридоре. Мать, переступив через вытянутые ноги Владимира, шепнула сыну, что расскажет ему обо всем, но не сейчас, и отправилась на кухню готовить завтрак. Шу-

рочка, такая же радостно-возбужденная, как и мать, чмокнув его в щёку, спросила, как дела в колледже и, выслушав его невнятное бурчание, ласково пробежала рукой по его волосам и тоже упорхнула на кухню. Димка поплелся в ванную, откуда прекрасно слышал, как мать рассказывала тете Шуре о его успехах в колледже олимпийского резерва, куда он легко и незаметно поступил, когда ушёл из гимназии.

– Так он спортсмен! А почему именно прыжки в воду, а, Дим? – спросила Шурочка громко. Ещё одно нечленораздельное бормотание. Женя, у которой были «вкусные» руки, доставая из микроволновки рулетики с фирменной начинкой «из того, что есть в холодильнике», весело ответила за сына, – Ой, ты знаешь, он с семи лет «заболел» водой, долго на плавание ходил, и первый юношеский в тринадцать лет имел уже. А сейчас уже полгода кандидат в мастера спорта. – Ма, прекрати сейчас же! – раздраженно крикнул Димка уже из коридора. Женя нагнулась к Шурочке и зашептала, – Ужасно не любит, когда говорят о нем, вообще терпеть не может ничего, что так или иначе его касается. – Нашла чем хвастаться, – уже одетый Димка, заскочив на кухню, отпил протянутый Женей чай, в мгновение ока, без всяких жевательных движений проглотил два рулета, и, обращаясь к Шуре, сказал – Первый разряд идевятилетний пацан может заработать, да и кандидатов в мастера, сколько угодно среди пятнадцатилетних. Выскочив в прихожую, чтобы обуться, он крикнул уже оттуда: «А у меня все с опозданием и все

ни к месту... Лишний человек, одним словом...» Шурочка непонимающе уставилась на Женю. Та махнула рукой, – Не обращай внимания, ему семнадцать будет летом, они все такие в этом возрасте... Сын открыл входную дверь, – Ма,буду поздно, не наяривай мне двадцать раз, имей в виду, что у меня телефон разрядится все равно... До свиданья, тетя Шур... Они переглянулись и снова рассмеялись: «Теть Шур...» – прыснула в кулак Женька, – А ведь даже не знает, что ты действительно его тетка. – А сами-то мы давно узнали? – резонно заметила Шурочка. У Жени округлились глаза, – Боже мой! Который час? Анька спит что ли до сих пор? Вот это да, и Димка-паразит, не разбудил. Только, когда она влетела в детскую, стала будить спящую дочку, которая посмотрела на неё нежно-голубыми со сна глазами и напомнила матери о том, что наступила суббота, Женя поняла, насколько её выбило из колеи открытие, что они с Шуркой сестры.

– Это же с ума сойти, – у меня есть сестра! – продолжала она думать и на своей новой работе – в махоньком захо-лустном кабинетике, чуть ли не на территории автовокзала, принадлежащем неродственнику родственника Владимира, средних лет армянину созвучным, лаконичным и совершенно не подходящим ему именем Рафаэль. Рафик, как он сам предложил Жене к себе обращаться, был толст, лыс и чудовищно необразован. В самом широком смысле. Женя вначале удивлялась, каким образом он умудрился не только открыть кабинет (здесь, как раз все было понятно), но и про-

водить элементарные стоматологические манипуляции. Хотя и с этим довольно быстро она разобралась. Сам он не практиковал, ему это было не нужно. Он всегда мог найти таких запутавшихся, провинциальных дураков, как Женя и иже с ней. Слушая с каким акцентом он разговаривает, она сомневалась, что этот мужчина умеет читать и писать. У Рафика было три отличительных черты: зашкаливающая за все мыслимые и немыслимые пределы уверенность в своей личной исключительности, в частности, и представителей армянского народа вообще, не зависящая от времени года сильная потливость и бросающаяся в глаза неряшливость. Которая, к слову, проявлялась везде: в делах, в одежде, в еде, в вопросах личной гигиены. – Зато его не очень волнует, что за статья в моей трудовой книжке и на каком это учете я состояла. А может и до сих пор ещё состою, – мрачно огрызалась сама на себя Женька, – Так что заткнись и работай молча, – припечатывала она дополнительно, когда уж очень сильно её одолевала тревога по поводу четвертой отличительной характеристики Рафаэля, а именно его общенациональной мужской слабости к женскому полу. Его поползновения в отношении Жени носили, хотя ещё и не очень настойчивый, но вполне себе угадываемый характер. После того, как Владимир по собственной инициативе, (после Шурочкиных намеков), встретил пару раз Женьку с работы и о чем-то негромко говорил с Рафиком, это временно прекратилось. Володя, провожая Женьку до метро, был расстроен гораздо больше, чем

она. – Не думаю, что он отстанет надолго, вот же удружил я тебе с этим Рафиком! – выпалил он в сердцах. Женя, придерживав его за руку, развернула к себе, – Послушай, Володя, от всех Рафиков спасти все равно не получится, так что не расстраивайся. В конце концов, я уже большая девочка, сама разберусь. Володя усмехнулся, – Знаешь, что он сказал? «Нравится, она мне, брат, прямо сердце болит каждый день!» – Сердце болит, – задумчиво протянула тогда Женька, – Ты знаешь, это не удивительно, он ест очень много жирного, и курит, наверное, две пачки в день. Они невесело посмеялись. – Как ты, Жека? – спросил тихо Володя и оба прекрасно знали, о чем речь, – Держишься? Женя посмотрела в сторону на толпу исчезающих в дверях метро людей, – Держусь, Володь, но так тяжело, будто огромный груз несущу. Я не знаю, насколько меня хватит, честно, не знаю. Понимаешь, мне не то, что не интересно жить на трезвую голову, мне страшно, отвратительно и мерзко. Ты хорошее слово подобрал, хотя я его терпеть не могу – «держишься», именно держусь, Володечка, по-другому и не скажешь. Скриплю зубами, но держусь, закушу удила и держусь. Работаю, еду в метро, готовлю, стираю, разговариваю, помогаю Анютке с уроками и ... держусь. Понимаешь, я думаю, что самое ужасное в этой ситуации, то, что это – не мой выбор. Я держусь, потому что должна, потому что обещала, потому что иначе все будет ещё хуже, чем сейчас. Но это не то, чего я хочу, – Женька судорожно поправила волосы и закашлялась, – Во-

лодя, – она лихорадочно всматривалась ему в глаза, надеясь увидеть хоть какой-нибудь отклик на то, что её так мучило и терзало последнее время, – Скажи мне, я что, выродок? Последняя сволочь? Алкашка конченная? Что со мной не так, ответь мне!?! Ты так часто меня вырuchал, подсказывал и даже направлял. Володя, «глядя» в сторону, негромко произнес: «Женя, мы говорили с тобой и не один раз, ты не то, ни другое и не третье. Ты – больной человек. Понимаешь, ты никак не хочешь или не можешь это признать! Помнишь, как в глупой дразнилке «Больной на голову, а лечит ноги!»? Так вот, это про тебя. Ты готова на что угодно, ты лечишь нервы, желудок, сердце. Оправдываешься проблемами, усталостью, стрессами, чем угодно, а главной причины не видишь, или не хочешь видеть...»

Женя заканчивала работу и поджидала Карпухина, с которым продолжала сотрудничать и на новом месте. Он должен был подвезти образцы и самолично убедиться в верности Женькиных поправок. Случай был трудный, в кресле сидела женщина с нестандартной формой челюсти, которая, как и другие пациенты отыскала её по новому адресу. Многие звонили и записывались на прием именно по рекомендации её бывших пациентов. Женькин работодатель, за все время существования кабинета не видел такого наплыва желающих записаться на прием именно к Евгении Валерьевне. Хотя в кабинете и так стояло только одно кресло, второго стоматолога, равно, как медсестры и уборщицы, Рафик изна-

начально не только не планировал, но и считал это совершенно излишней расточительностью. Женя обожала трудные случаи. В такие моменты она была сосредоточена и необыкновенно работоспособна. Голова работала ясно и четко, движения рук были точными и безукоризненными. Сейчас она вспомнила, как разозлилась тогда на Володю. Опять он про алкоголизм! Да сколько можно, в конце концов. Она видела алкашей спящих в парке на лавочке... Или когда в пальто на голое тело... Или вот Райка, бедная... Она ему так и сказала: «Если надо, я месяц или два капли в рот не возьму, ну какой же я алкоголик?» Володя тогда покачал головой, – Ты не пьешь месяц, но какой ценой тебе это даётся?! Какими усилиями!? Ты ведь и сама говоришь об этом... Жень, я рассказывал тебе о Витьке, это мой товарищ, по интернату. Он крепко присел на стакан, ещё в юности. Как только ни старались, – все было напрасно! Он пропил все! А сейчас не пьет уже четыре года. Женился, родился сын, зрячий, между прочим, работает, организовал семейный бизнес. Давай я узнаю, он ходит куда-то... Женька тут же перебила: «О, нет, нет, ты опять за своё? Я говорила и ещё раз скажу! Никаких сект, никаких каких-то анонимных чего-то там, никаких молитвенных песнопений, никакой этой мути...». Володя замолчал и грустно добавил: «Значит, ты не готова, может твоё время ещё не пришло, хотя..., – он с сомнением покачал головой, – Ты сама должна захотеть, а самое главное признаться самой себе, что у тебя есть проблемы с алкоголем.

До тех пор никто помочь тебе не сможет». Сейчас Женька прокручивала в голове тот их разговор с Володей. Конечно, он прав, – думала она, убирая эжектор и выключая светильник, – И я знаю, что проблемы есть, да ещё какие! И надо быть полной дурой, чтобы отрицать это, но считать себя алкоголичкой, – извините, я действительно не готова.

Вернулась домой поздно, долго обсуждали с Карпухиным текущие заказы. Дома она застала одну Аню, которая исправно заканчивала приготовление уроков. Дочка, которая уже год, как освоила нехитрый способ разогрева еды в микроволновке, кинулась подогреть матери ужин.

«И в кого она такая? – с искренним удивлением думала Женька – Самостоятельная, чуткая, ответственная, послушная, – ума не приложу!» Она долго не могла заснуть. Димка опять не пришел ночевать. И телефон его снова был отключен. – Что-то неладное с парнем творится, – мелькали в голове тревожные мысли... Постоянные звонки эти, то угрюмое, то напряженное выражение лица сына, когда он смотрел на дисплей телефона... Это его однообразное «угуканье» в ответ на реплики невидимого собеседника. – Как достучаться до него, – в который раз думала Женя, – Он закрыт, не подпускает к себе никого, любые её попытки к сближению высмеивает, или резко обрывает. Именно в такие моменты у Димки появлялась эта снисходительная кривая улыбочка, как у его отца. Этот презрительный взгляд, частенько сопровождаемый язвительным тоном, у Леонида, так же, как и у

их сына появлялся тогда, когда он был непоколебимо уверен в абсолютной бесперспективности и даже смехотворности предпринимаемых с её стороны усилий. Она терпеть не могла это выражение. Особенно невыносимо было его видеть на лице своего ребенка. Этим, – Женька была уверена, – он как бы говорил: «Я, разумеется, с удовольствием побеседовал бы с тобой, но ведь этосовершенно бессмысленно! Надеюсь, ты и сама это отлично понимаешь, ведь иначе ты бы не стояла здесь с таким дурацким, пришибленным и жалким видом. Ах, ты хочешь мне помочь? Надо же, как интересно! А каким, собственно, образом? Скажи, будь любезна, чем кому-либо может помочь человек, который не в состоянии навести сколько-нибудь заметный порядок в своей собственной жизни?» Ну и так далее... Женька читала все это и многое другое на застывшем, холодном лице сына, как в открытой книге. Она спотыкалась об этот его взгляд, о его холодность и враждебность, как о предательски натянутую леску в темноте, сбивалась, путалась и выглядела, наверное, и в самом деле весьма жалко. Но она любила своего мальчика. Любила так, что начинало болеть сердце. Каждым нервом и клеточкой своего тела. Ей казалось, что он отталкивает её, потому что она не может, не умеет высказать это. Он не доверяет ей, потому что не чувствует её любви. Не видит её. От этого Женя приходила в ещё большее замешательство, чувство вины накрывало её с головой, она тоже отстранялась и молча страдала. До следующего раза.

– Ничего, – пыталась она успокоить бешеное сердцебие-
ние, – сейчас перейдет на второй курс, там каникулы, отпра-
влю его на Ставрополье вместе с Анюткой. Нужно оторвать
его от этих подозрительных друзей и сомнительных компа-
ний. Бабушка и дедушка скучают ужасно, все время зовут.
Женя вспомнила недавний разговор с матерью по телефону.
Отец стал часто болеть. Мать жаловалась, что он ударился в
вегетарианство. В настоящее время начал практиковать сы-
роедение. Раздражался и злился по малейшему поводу. Зи-
наида Евгеньевна рассказала Жене в несвойственной ей до-
верительной манере, что они могут не разговаривать целы-
ми днями. Таким образом, отец наказывал свою жену за то,
что та отказывалась по её собственному выражению «схо-
дить с ума, занимаясь на старости лет подобной чепухой».
Она очень хотела, чтобы приехали внуки. Димку, родители
Жени не видели уже два года. Зинаида Евгеньевна сказала
дочери, что разговаривала с Сергеем, и узнала, что он будет
в начале лета в Москве и охотно привезет обоих. Услышав за
бывшего мужа, Женя непроизвольно поморщилась, – Мам,
Димка совсем взрослый, что они сами не долетят? А вы их
встретите.

Думая об отце, Женька вспомнила рассказ благообретен-
ной сестры о его знакомстве и мимолетном, но головокружи-
тельном романе с матерью Шурочки. Оксана, мать Шуроч-
ки, была третьей из пяти сестер в их семье. Две старшие вы-
шли замуж, а у двух младших были женихи. Оксану никто

пока не сватал, отчасти из-за её замкнутого, уединённого образа жизни, а также в силу некоторой созерцательности характера, неторопливости и погруженности в себя. На Соминке, большом и отдалённом районе Твери, где они жили, её считали диковатой, странной и чуть ли не душевнобольной. Младшие сестры уже открыто говорили ей, что она стоит у них если не поперек горла, то поперек дороги точно. Причем, её сестры единодушно веровали в то, что подлая Ксюха делает это чуть ли не намеренно. То есть стоит перед ними, и тем самым загораживает путь, ведущий к их большой цели и святому предназначению, то бишь, замужеству. Под давлением сестер, к которым, в конце концов, примкнула и их робкая, всегда будто испуганная мать, Оксана стала выходить «в свет»: бывать на танцах, участвовать в молодежных посиделках, и изо всех сил делать вид, что ей очень весело и интересно. И что она такая же, как все. Хотя это, очень мягко говоря, вовсе действительности не соответствовало. Нужно заметить, что внешность у Оксаны была, хоть и маловыразительная, но вполне достойная. Только уж очень неявная. Как будто при её создании природе не хватило красок, а те, что были, давно выгорели. Смотришь – девица, как девица: руки и ноги на месте, волосы там, глаза и уши, все как надо, а отвернешься на секунду, и не вспомнишь ни за что. Волосы? Как будто светлые, нет-нет, скорее русые... Глаза? Серые? Или зеленые? Скорее всего, карие, хотя... Черт знает что такое, ведь только разговаривали... Фёдор увидел её первый

раз на какой-то очередной гулянке, когда она исправно обтирала подоконник и без всякого выражения разглядывалатанцующих. Федору было двадцать пять лет, и служил он в звании прапорщика в близлежащей воинской части. Вновь зазвучала музыка. Он подошел к ней. Не то, чтобы пригласить, в её согласии он не сомневался, а как бы четко обозначить свое присутствие в её жизни. С этого самого момента. Под грозным взглядом сестер, Оксана, залившись пунцовым румянцем, низко опустив голову, слабо кивнула и пошла танцевать с этим незнакомым, пугающим её до онемения, человеком в военной форме. Через неделю Федор пришел к её родителям. За ним шли сваты, друзья-однополчане, и несли ящик портвейна. На крыльце ухмылялся её пьяненький отец. Мать испуганно выглядывала из летней кухни. Это был один из тех редких вечеров, когда Федор был трезв. Но и в тот день весьма недолго. Назначили свадьбу. После брачной ночи, Оксану долго и мучительно рвало в уборной. Её пьяный вусмерть новоиспеченный муж, не снимая кителя, царапая её лицо и руки нашивками, грубо пытался овладеть ею, нещадно матерясь и обдавая супругу густым, невыносимым запахом перегара. Стараясь восстановить дыхание после очередного желудочного спазма, Оксана увидела в проеме двери перекошенное злобой, обезображенное лицо Фёдора. Он бил её долго, как будто получая удовольствие, методично нанося удары то правой, то левой рукой. Когда Оксана упала, он продолжил её бить ногами. Она не кричала, было

очень стыдно. За стенкой жила семья замполита с маленьким ребенком. Кроме того их домик был самый крайний и стоял ближе всех к казарме. Бойцов тревожить нельзя. К тому же она каким-то своим природным, женским естеством хорошо понимала, что это не только бесполезно, но и, возможно, спровоцирует новый, ещё более страшный приступ его ярости. Такие вспышки случались у мужа довольно часто. Фёдор регулярно пил, часто избивал жену, а когда изредка бывал трезв, ходил угрюмый и молчаливый. Каким-то образом безмолвная и робкая Оксана, окончившая в свое время медучилище, сумела устроиться на работу в медсанчасть. В военном городке ходили слухи, что пригласил её туда на работу лично комбат. Более того, когда Федора несколько раз соби-ралось выгонять из армии за систематическое пьянство и рукоприкладство, имевшее недюжинное терпение военное начальство, только благодаря своей жене он все же в самый последний момент оставался служить, хотя звания выше прапорщика так никогда и не получил. Известно было, что Оксана ходила к комбату и говорила с ним при закрытых дверях, после чего её очередной раз набедокуривший муж отде-львался строгим выговором с предупреждением, а то и про-сто легким испугом. Зная Оксану, а также короткого на рас-праву бешеного Федьку, даже самые ядовитые и болтливые сплетницы и предположить не могли ничего крамольного и предосудительного. Тем мучительнее была неизвестность.

– Чем таким могла зацепить руководство эта недалекая

курица, тихоня и мямля? – негодовали более достойные жены более достойных офицеров, – Ни кожи, ни рожи, ходит вечно носом в землю и глаза прячет, будто украла чего, святоша! – кипела праведным возмущением местная общственность. – А может и украла, – тот час весело отзывался другой голос, – Знаете, как говорят, в тихом омуте – черти водятся. А вид у неё – это вы правы, такой, что ну сейчас в монастырь. – Да какой монастырь! – вступала третья, – Что вы, в самом деле! Пришибленный у неё вид и забитый, только и всего! – Я бы посмотрела на твой вид, если бы тебя муж через день колошматил! – осаживала её четвертая. После этого беседа принимала часто совсем другое направление, но это уже, как говорится, совсем другая история.

Однажды в медсанчасть пришел, хромая, солдат-первогодок. Шурочка рассказывала Жене, что мама всегда так светло улыбалась, когда вспоминала об этом. – Такой чистенький, вежливый, домашний мальчик, я просто обомлела, а глаза, ярко-серые, будто промытые. Он портянку не так наматал и растер сильно. Очень стеснялся, краснел и все время извинялся, что с таким пустяком обратился. Такой хороший, славный мальчик, – рассказывала дочери Оксана. – Знаешь, я даже удивилась, когда выяснилось, что он всего на семь лет младше.

– Она, – в свою очередь говорила Жене Шура, – До самого конца считала его ребенком, которого надо оберегать, защищать и лелеять. – Бедная моя мамочка! Наверное, это самое

чудесное, самое прекрасное событие в её тяжелой, беспросветной жизни. Вот этот мимолетный роман. Ну и ещё, конечно, моё рождение. Ты знаешь, Женечка, – глядя куда-то вдаль, мечтательно говорила Шурочка, – Она меня так любила, что я заряжена этой любовью, наверное, до конца жизни. Более светлого и доброго человека я не встречала... – Тебе для этого достаточно подойти к зеркалу, – пошутила тогда Женька. – Что ты, – замотала головой Шура, – И близко нет, так, может лишь слабая, бледная тень. – Ты представляешь, что за жизнь у неё была с Фёдором!? А она его жалела, оправдывала. Говорила, что он не виноват, что душа его светлая... Только вот демоны одолели и застыл свет... Мама говорила, что потому и живет он в темноте, и сам больше всех от этого страдает и мучается. – Знаешь, Жень, – рассказывала Шура, – Я долго не понимала ничего... Злилась на неё, думала так же, как остальные, что мать слабая, безвольная, раз позволяет так с собой обращаться, стыдно вспоминать... Я требовала, чтобы она развелась с Фёдором, а однажды сгоряча выкрикнула ей в лицо, что он правильно делает, что так относится к ней, значит она этого заслуживает. Представляешь? Мама ничего тогда не ответила, только как-то поникла лицом и вышла из комнаты. Когда я поняла, что она не оставит Фёдора, я стала молиться, чтобы этот гад умер. Неумело, по-детски, но горячо и искренне. – И что? – со смутной нарастающей тревогой прошептала Женька. – И он умер. Мне тогда было десять лет, и мы жили в Вышнем

Волочке. Фёдора туда сплывили после одной грязной, надеждавшей шума истории... Впрочем, у него их было много... Шурочка с грустной улыбкой добавила: «Это я сейчас понимаю, что при таком образе жизни, который вел этот несчастный человек, он вряд ли бы мог окончить свой путь как-то иначе... А тогда мне, десятилетнему ребенку казалось, что это я его убила. И ежедневно я ожидала кары небесной. Я, наверное, тронулась бы умом, если бы не рассказала все матери. Она такие слова нашла, что я смогла, наконец, успокоиться. Сказала, что он на небесах, и там ему хорошо, а здесь было очень плохо. Потому он и вел себя так, а теперь он в покое и радости». Шура посмотрела на Женю долгим, взглядом, будто издали и продолжила: «Я ведь так и не знаю, догадывался ли он, что я не его дочь или нет, но только после его смерти я вдруг вспомнила, что меня он, никогда, ни разу в жизни пальцем не тронул. То ли чувствовал, что уж это будет перебор, и мать такого ему ни за что не простит, то ли считал ниже своего достоинства – растрчивать свой пыл и энергию на всякую мелюзгу вроде меня. Или права мама, которая искренне считала его великомучеником и одним из добрейших людей на земле. Не знаю... Но когда я стала подрастать и вставала между ним и мамой, пытаюсь её защитить, он, беззлобно, и как будто даже с интересом и удивлением некоторое время разглядывал меня, словно не понимая откуда я взялась, а затем молча уходил».

Оксана пережила Фёдора только на двенадцать лет. В два-

дцать два года Шурочка осталась сиротой. По её словам у матери был дар. Она исцеляла словом, прикосновением. К ней шли за советом даже в простых, обыденных делах, знали, что она почти никогда не ошибается. Оксана, как никто умела слушать, переживать, ощущать боль и страдание, находить именно те слова, которые минуя цензуру разума, чудодейственным бальзамом питали израненную душу. Многие это подсознательно чувствовали ещё при жизни Фёдора и тянулись к ней. Но были и такие, ктоне понимал, боялся и даже люто ненавидел. У Оксаны по разным причинам не было ни единого шанса дожить до глубокой старости в спокойствии и здравии. Здесь и несчастливый брак, и её вселенское сострадание и милосердие. И постоянное стремление всем на свете помочь. И осознание невозможности этого. Она просто надорвалась. Даже её большому сердцу это было не под силу. И оно не выдержало... В 48 лет Оксана умерла от разрыва сердца.

Женя с Шурой мечтали о том, как вместе поедут на Ставрополье. Представляли встречу Шурочки с отцом. Но пока все это были лишь наметки, робкие предположения. Во-первых, совершенно непонятно каким образом этот факт преподнести: они и сами-то иногда с трудом верили, что в многомиллионном городе, вот так взяли да и нашли друг друга родные сестры! – Чёрт знает что такое, – ворчала иногда Женька, – Действительно, сериал какой-то получается, причем сериал дешевый, пошлый и глупый! – Ну да, точно, се-

риал, – хохотала в ответ Шура, – А может даже индийское кино! Во-вторых, неизвестно, как примет эту новость мать Жени, вряд ли слишком обрадуется. В – третьих, и сам отец тоже под вопросом: человек он уже немолодой, не очень здоровый, да и характер тот ещё. Словом, пока решили вопрос этот отложить, так сказать до лучших времен.

Бессонная ночь подходила к концу, надо было вставать и собираться на работу. Димка так и не вернулся. Женя медленно поднялась, чувствуя разбитость во всем теле, усталость и огромное раздражение, направленное в адрес сына. В 6.45 раздался звонок. Женя почему-то даже не удивилась, как будто ждала звонка не всю ночь, а в это конкретное время. Она действительно ждала хотя бы чего-нибудь. Хоть какого-то действия или события: останавливающегося у них на площадке лифта, поворота ключа в двери, робких шагов в коридоре, чего угодно, но не этой ночной, застывшей беззвучности и тягостно-вынужденной остановки движения. Только отвечая на звонок, поняла в каком напряжении была она последние 7 или 8 часов. Лицо застыло наподобие маски. Казалось, она вся превратилась в слух. В трубке Женя услышала чужой мужской голос. Она никак вначале не могла сообразить, кто звонит и по какому вопросу, потому что в голове, перекрывая все звуки мира, ритмично и громогласно ухало: «Дима, Дима, Дима..» Звонившего, похоже, уже оставляло терпение:

– Женщина, вы меня слышите? Я вам третий раз повто-

ряю, ваш сын Соколовский Дмитрий Леонидович, 1991 года рождения, несовершеннолетний, в данное время находится у нас, в 51-ом отделении милиции, куда был доставлен в состоянии тяжелейшего наркотического опьянения, – Женя начала задыхаться, некоторые слова и даже целые фразы просто выпадали, не затрагивая сознание, – ...Освидетельствование... – вдруг прорывался снова телефонный голос, – ...Вам необходимо с его и своим паспортом явиться по адресу ...к девяти утра ...в кабинет номер...

Первую мысль, когда её мыслительные способности относительно восстановились, – немедленно позвонить Лёне, Женя с содроганием отбросила. Она перестала бесцельно носиться по квартире, а собрала необходимые документы, оделась и позвонила Рафику, что сегодня будет позже. Рафик горестно засопел и начал что-то говорить. Женя даже не пыталась вникнуть в сказанное: «Потом!» – коротко бросила она и положила телефон в сумку. Отправив Аню в школу, с горечью подумала, что через три недели дочь и сын должны были лететь в Ставрополь. Теперь, видимо, об этом не может быть и речи. – Что делать? – проносилось в голове сверлящей, назойливой мыслью, – Что же теперь делать? В милиции ей объяснили, что в результате совместного рейда или, говоря проще облавы, наркоконтроля и милиции, было задержано восемь человек, которые уже давно подозревались сотрудниками УВД Москвы в употреблении и распространении наркотических, сильнодействующих или психотроп-

ных веществ. Хозяев и гостей наркопритона, в числе которых был и означенный Дмитрий Соколовский, увезли в районный отдел – для составления протокола, после чего доставили в наркологическую больницу для освидетельствования, и, разумеется, постановки на учет. – Занавес! Аплодисменты! – усмехнулась про себя Женя. – Теперь сообщат в колледж, а в этом спортивном учреждении хорошо известно отношение администрации к наркозасветившимся... Выставят в два счёта и пикнуть не успеет... И снова у неё в голове понеслось по кругу: «Что же делать? Что же теперь делать?»

Женя старалась даже не поворачиваться в сторону Владимира, чтобы не видеть этого бесстрастного лица и этих незрячих глаз, проникающих, кажется, в самую душу. Единственный человек из всех, кто знал Женьку, наверное, лучше её самой. В чем, в чем, а в этом она была уверена. Более острого, незамутненного и зоркого взгляда она не помнила ни у кого. Владимиру невозможно было солгать. С ним не получалось хитрить и уворачиваться. По крайней мере, ей это ни разу не удалось. Всевидящее око какое-то, не раз думала она. Володя, между тем, продолжал:

– Подумаешь, из колледжавыперли... Чего ты раскисла? Меня откуда только не выгоняли... Ну поставили на учет, большое дело, как говорила моя бабушка. Как поставили, так и снимут... Какие его годы... – он замешкался, будто сомневаясь продолжать или нет, затем вздохнул и сказал:

– Меня да и Шурку во всей этой истории больше волнуешь ты.

– Я в порядке – быстро проговорила Женька, не поворачиваясь к Володе.

– Женя, – опять начал он, – Ты ничем не сможешь помочь ни сыну, ни дочери, ни тем более себе, если будешь пить. Вот и сегодня... – но он не успел договорить, Женька вскочила, будто под ноги ей плеснули кипятком и заговорила:

– И сегодня, и вчера, Володенька и всю ту неделю, когда это случилось, я только и думаю, о том, что виновата я одна. Во всем. А особенно в том, что произошло с моим сыном. Понимаешь, я и больше никто. И я это знаю, и ты, и Шура, и мои родители, и бывшие мужья, да все, в кого не ткни пальцем, уверены в том, что раз мой сын наркоман, в этом виновата я.

– Ты не можешь знать, что в голове у других людей. Так думаешь ты. И приписываешь эти мысли всем остальным. Твой сын попался один раз, ну оказался парень не в том месте, и не в то время, зачем ты моментально ставишь диагноз? Согласен, история довольно неприятная, но не конец же света! Женя устало манула рукой.

– Да не один раз, в том-то и дело... Были уже звоночки, да я все надеялась, что обойдется, он ведь так расстраивался из-за меня, так страдал, когда видел меня... нетрезвой, и я думала уж ему-то это точно не грозит... Почему я так была уверена в нем? Не подхватила вовремя своего мальчика... Не помогла ему... Но я не знала как... Он не подпускал меня к себе... Отталкивал. Какая же я идиотка! Володя безошибочно, в полной уверенности в её местоположении, взял её за руку:

– Женя, тебе нужна помощь. Ты сейчас опять уйдешь в запой. Я это вижу, я это знаю. И ты тоже. Только ведь не признаешься ни за что даже самой себе. Ты сможешь быть полезной сыну только в том случае, если останешься трезвой.

Но ты не разрешаешь помочь тебе. Почему, Женя? А если получится? Ведь ты даже не пыталась...

– Да в чем помочь, Володя? Вы и так с Шурой помогаете. А с остальным я справлюсь, – Женя, заметив, что Володя отрицательно машет головой и хочет что-то сказать, торопливо добавила:

– Хорошо, хорошо, ты знаешь, тебе я не могу врать, и никогда этого не делаю, заметь! Ну да, я выпивала эти дни, но ты же понимаешь, я бы просто с ума сошла без допинга! Милиция, наркология, отчисление из колледжа (ты бы слышал, как со мной завуч разговаривала, да она мне чуть в лицо папку с документами не швырнула!) Потом обоих детей отправить на Ставрополье. Аньку пришлось на неделю раньше каникул со школы забрать. Думаешь, легко мне было объяснить родителям с чего вдруг такая спешка? А мне надо было Димку вырвать из этой среды. Тут его дружки ему бы покоя не дали. Они и так звонили круглыми сутками, представляешь? Я у него телефон отобрала вообще. Будет нормально себя вести, купим потом. Володя,ждавший паузы, встал:

– Жень, я все понимаю, но я не об этом сейчас. Ты, либо сознательно отказываешься видеть реальную картину, либо действительно не понимаешь насколько все серьезно.

– Я знаю, Володенька, больше тебе скажу, я об этом только с тобой и могу говорить. И насколько это серьезно подзреваю уже давно. Обещаю тебе, что больше не откажусь от

помощи. Я понимаю, что она мне необходима. Вот только чуть успокоюсь, да на работе наведу порядок. Я совершенно забросила пациентов, без конца их – топереносила, а то вообще отправляла к другим врачам. Ну, кому это понравится?

Этот разговор происходил 1 июня 2007 года в маленькой квартирке Владимира с двумя смежными комнатами, где он жил со своей мамой и куда полгода назад привел свою жену Шурочку. Формальным поводом собраться явился Шурочкин день рождения. Но праздник был не очень веселым, так как накануне Володину маму увезли на скорой, после тяжелейшего сердечного приступа. Она находилась в отделении интенсивной терапии уже несколько дней и её состояние в течение этого времени классифицировалось, как стабильно тяжелое. Шура с Володей по очереди дежурили в больнице, но поскольку в незнакомой обстановке от Володи было гораздо меньше пользы, чем от Шурочки, то даже сегодня, в свой день рождения она все ещё находилась в больнице, а гостями и праздничным столом занимался Володя с Женей.

– Сколько наготовили! – обводя глазами стол, протянула Женька. – Много гостей будет?

– Да нет, семейная пара одна, очень хорошие люди, они тебе понравятся, да Веня, мой друг... Женька вопросительно глянула на Владимира, —

– Нет, нет, реально просто друг, – поспешил добавить он, – И, вдобавок, зрячий. Кореш мой, учились вместе, он с девушкой своей будет. Тут открылась входная дверь, и слы-

шались голоса.

– А вот и Шурочка пришла, – совсем другим, каким-то проникновенным инемного дрогнувшим голосом произнес Володя. И поспешил навстречу. Женя в замешательстве смотрела ему вслед. Неизвестно о чем конкретно думала она в тот момент. Скорее всего, она вряд ли анализировала свои мысли. Но ей совершенно точно потребовалось некоторое время, чтобы стряхнуть с себя наваждение от звука его голоса. От невероятной душевности и теплоты звучащей в нем. Пелена нежности, опустившаяся в тот момент, когда он произнес имя жены, ощущалась настолько материально, что казалось, её можно было потрогать. Или даже попробовать на вкус... Но, что касается всего остального – Женьке было скучно. Супружеская чета, не вызывала никакого интереса. Женька целенаправленно даже не удосужилась запомнить их имена. С какой стати? Наверняка такие же положительные, среднестатистические и маловыразительные, как и их носители. Что-то вроде Света и Толя, или Ира и Сережа, ну хоть ни Зая с Котей, и на том спасибо. Предприниматели, блин, средней руки. Кто это их так представил? Ах да, они сами. Чего они интересно предпринимают? Женька без конца выходила на крошечный, заваленный балкончик покурить и чуть ли не сознательно накручивала себя. – А этот друг Вениамин (ну и имечко, прости Господи, сокращенно, как «Веник?!»), – не унималась Женька, – Вот на каком стакане должны были находиться люди, давшее такое имя ре-

бенку?!), который, ах какая досада, буквально вчера расстался с девушкой. А была ли она, эта девушка вообще? Или это такая же фикция, как и брак слепого гомосексуалиста с... – Стоп, – одернула себя Женька, – Куда это меня вообще понесло? Какое мое свинячье дело, фу, так ведь неизвестно до чего можно докатиться. На самом деле, таким образом, Женька отвлекалась от самой главной и всепоглощающей мысли, преследующей её уже несколько часов, а именно о том, что ей ужасно хочется выпить. Собственно говоря, она и выпила, прежде чем отправиться в гости, но была абсолютно не готова к тому, что будут такие скучные гости, что вся эта канитель с ожиданием Шуры, гостей, больничными дежурствами так затянется, и, наконец, что по какой-то неведомой ей причине, день рождения Шурочки окажется полностью безалкогольным. Женька злилась все больше, потому что догадывалась, что крайний пункт в этом списке имеет для неё самое главное значение, а остальные так, видимость, фон, несущественные поправки. Кроме того, она задумалась, почему это сестра с мужем, равно как и их друзья, неожиданно стали абсолютными трезвенниками? Уж не из-за неё ли? Ну да, а то ведь она напьется, опозорит их. Без сомнения, это Володька накрутил Шурочку: «Ты же понимаешь, ей даже нюхать спиртное противопоказано, – Женька все больше распалась, – Наверняка ещё и гостей подготовили, – Да вы знаете, у Шуриной сестры, как выяснилось, большие проблемы с алкоголем, так что вы ведь не будете против, если мы по-

сидим, тихо, уютно, по-домашнему, и без спиртного, тем более мама в больнице, в тяжелом состоянии, бла, бла, бла...» Ситуацию усугубляло то, что в Женькином рюкзаке лежала заветная бутылочка, но, увы, сумка находилась в прихожей, и было бы довольно странно, если бы она сейчас вдруг попыталась её незаметно взять. Тем более что незаметно в такой маленькой квартире, скорее всего, не получилось бы, да и Володино Всевидящее око, хотя и объективно незрячее, обязательно что-то да заподозрило бы. «Вот дура, – ругала себя Женька, – Принесла бы рюкзак на балкон, там же сигареты! Шурка ни за что бы ни сунулась, так как не выносит табачного дыма». Женя с ностальгией вспоминала ставропольскую компанию друзей: Лёха, Майка, баба Маня, Толик. Где они сейчас? Даже с её бывшим мужем Сергеем и то было веселее, хотя пил он тяжело и неумело, но хоть не изображал Спасителя и не признавал безалкогольных застолий. Да разве те встречи могли хоть в какое-то сравнение идти с этими поминками? Вот сейчас бы пойти в комнату к этим занудам, грохнуть кулаком по столу, так, чтобы их дурацкий морс в графине подскочил и заорать: «Эй, ребята, что с вами? Аллё! Ваша мама ещё жива, вы сами тоже вполне живы и здоровы, более того – молоды, умны, талантливы и чертовски привлекательны. Так что же здесь происходит? Почему у меня такое чувство, будто я на торжественном вечере в доме престарелых? А, дорогие мои? По ком звонит колокол? Да, вот именно так и спросить: «По ком звонит колокол, а ребятушки??»

За спиной открылась дверь, и раздалось упреждающее покашливание:

– Извините, не помешаю? – плотный и широкоплечий Вениамин стоял в узком проеме балконной двери, которой из-за него практически не было видно. Женька расплылась в ослепительной улыбке: «Ах ты ж мой хороший, – промелькнуло у неё в голове, – Вот он мой спаситель, мой рыцарь, есть все-таки бог на свете, – вслух же она произнесла ележным голосом:

– Конечно, конечно, но только, будьте добры, захватите мой рюкзачок, во-он он у зеркала лежит в прихожей, у меня, знаете ли, сигареты кончились, – быстро проговорила Женька, судорожно ощупывая в кармане недавно открытую пачку «Chesterfield».

– Да у меня есть... – вскинулся парень, хлопнув себя по карману.

– Нет, нет, я только свои, благодарю...

Вышедшая за десертом на кухню Шурочка несколько минут любовалась через стекло на оживленно болтающую чудесную парочку: хрупкую, как подросток, гибкую девушку с короткой модельной стрижкой («Сестра моя!» – с гордостью, машинально отметила про себя Шура) и высокого, крупного парня, трогательно наклонившего голову к собеседнице. Шура не видела, да и не могла видеть блестящую фляжку, тускло поблескивающую в глубине боковой полки, рядом со стопкой журналов, уже наполовину опустошенную её так в

этот момент радостно улыбающейся сестрой.

– Хорошо, что Венчика пригласили, – с облегчением думала Шура, которая переживала, видя напряженное молчание Жени в течение этого вечера. Она постучала, розовым ноготком в стекло:

– Эй, мы вам случайно не мешаем? Идем, торт есть, – махнула Шурочка в направлении стола, где красовалось нечто шоколадно-кофейного цвета неправильной формы и разной высоты, – Это Володин фирменный, называется «Графские развалины» – громко рассказывала Шурочка, – На вид довольно устрашающе, но вполне съедобно, я точно знаю. Женя энергично и радостно закивала, Вениаминнеопределенно улыбнулся, но при этом смотрел исключительно на Женьку. Про себя Шура отметила, как блестят у Жени глаза. «Да он ей нравится, прямо зарумянилась вся, как девушка! – ликовала она про себя, – А может, что и сложится у них, кто знает. Столько времениодна, бедная... А то, что Венчик попал, это и к бабке не ходи, просто глаз с неё не сводит...»

Выходя, наконец, с балкона, Женя обернулась и подняла искрящиеся, с бесовской хитринкой глаза на молодого человека:

– Давай, убежим отсюда! – шепнула она, – Ну их к монахам, честное слово, долдонят одно и то же, про средний класс, да про цены на недвижимость, уши вянут...

– Не знаю, я, конечно, за, но вроде и неудобно – мямлил, так как совершенно потерялся под её взглядом и этим теп-

лым пряно-коньячным дыханием бедный Венька.

– Давай, Веми..ни..анмин! Прости... Ох, и имечко у тебя! Можно, я тебяВэн буду называть? Значит, решено? Прогуляемся, а заодно, ты мне расскажешь, почему ты совсем не пьешь. Как это возможно, в принципе? Я лично, – рассыпала мелодичные хрусталики своего заразительного смеха Женька, – этого не понимаю совершенно...

Вопреки Женькиным опасениям Шурочка не стала их уговаривать остаться, а наоборот обрадовалась, когда ребята сообщили им о своём намерении покинуть чуть раньше компанию. Женя доверчиво-невинно потупила взгляд, когда Шурочка, уловив густой и свежий алкогольный дух, исходящий от сестры, взяла её за руку и с тревогой заглянула в глаза. Её муж в это время о чем-то тихо разговаривал с Вениамином.

Спустя две недели после этого, Женя бежала по эскалатору метро, успев заскочить в вагон, и тяжело опуститься на сиденье, забившись в самый угол. «Господи, идиотка, проклятая дура! – метались в голове беспокойные мысли, – Что же теперь делать? Две недели пить безостановочно с мало-знакомым юнцом, живя при этом с ним в какой-то обшарпанной халупе то ли его дяди, то ли троюродного брата!!! Уму непостижимо! Когда это случилось со мной? Когда мне стало все равно с кем, где, как, и в каком состоянии??», – Женька посмотрела в темное окно, увидела свое лицо запавшими глазами, и брезгливо вздрогнув, отвернулась. Сей-

час она ехала на встречу с Рафиком, который после телефонного, десятиминутного, жалобно-обвинительного манифеста в её адрес все-таки согласился с ней встретиться. Её работодатель, увидев вошедшую, в явно мужской толстовке, с натянутым на самые глаза капюшоном, осунувшуюся, дико озирающуюся по сторонам Женьку, протяжно и выразительно присвистнул. Свист был не только высокохудожественным, но и многозначным. Рафику удалось вложить в него и удивление, и испуг, и затаённую глухую обиду, и уничижительное презрение и явную насмешку. После чего владелец небольшого полулегального стоматологического кабинета в юго-западном районе Москвы, глядя на своего бывшего (?) работника Шаповалову Евгению Валерьевну, в данный момент внимательнейшим образом изучающую носки своих кроссовок, Рафаэль Суменович Погосян грязно, длинно и непотребно выругался. Через какое-то время начали разговаривать. Женька твердила одно и то же: ей необходима жилплощадь, любая, но за приемлемую цену. Работать согласна без выходных и сверхурочно. – Рафик, обещаю тебе, ты не пожалеешь, что дал мне шанс, – Женька, подняла на него глаза, полные слез, – Я буду работать за двоих, увидишь, только не говори Володе, что я здесь работаю. Иначе, мне придется уйти... Я так подвела их... Мне просто не к кому больше обратиться в этом городе, понимаешь?

Рафик понимал. Причем очень хорошо. Он, молча и оценивающе, смотрел на Женьку, что-то прикидывая и обдумы-

вая. Отвечать не торопился. А зачем спешить? Время работает на него, так же, как будет работать эта глупая, к тому же сильно поддающая шлюшка. Ну, у него то, пить ей будет точно некогда. Уж об этом он позаботиться. А как нос воротила, ещё недавно: «Рафик, убери свои руки и не кури в приемной... Фу, ты когда-нибудь меняешь свой халат, Рафик... Рафик, нужно взять уборщицу...» И так далее до бесконечности. – Не-е-т, – глядя на Женьку в упор, думал он, – Сейчас все будет по-другому, моя дорогая. Будешь ты и уборщица, и врач, и прачка, и... все остальное, если я захочу... Он сделал шаг к Жене, и ответил сам себе уже вслух, запуская руки под её накинутую явно впопыхах, с чужого, широкого плеча толстовку: «А я захочу, я обязательно захочу...» – он вдавил Женьку в стену и, навалившись, шарил по её телу влажными, толстыми пальцами, громко сопя и обдавая удушливой смесью чеснока, пота и табака.

Женя давно проснулась, но лежала совершенно неподвижно, уставившись в потолок. Не хотелось ни двигаться, ни вставать, ни, вообще говоря, жить... К тому же она все ещё была под впечатлением своего невероятно реалистичного, почти осязаемого физически, липкого и тяжелого сновидения. В этом сне она грязная и почти обнаженная, идет куда-то вдоль мутной, почему-то вызывающей страх, реки. А на другом берегу стоит её давно покойная бабушка Галина Аркадьевна в черном платке и держит за руку какого-то мальчика. Причем Женька видит его худенькую фи-

гурку, одежду, его невероятно печальное, даже скорбное выражение лица, но не видит его ног. Через мгновение, обдав Женьку дождем колючего ледяного ужаса, на неё снисходит понимание, что этот мальчик её сын и у него, в самом деле, отсутствуют ноги ниже колена. Она пыталась звать его, но голоса не было. Она кричала, плакала и носилась по берегу мерзкой реки, как умалишенная. Но её бабушка лишь грустно ей кивала, а Димка парил в воздухе, не касаясь земли, и окончательно исчезнуть в невесомости ему не позволяла лишь смуглая, жилистая рука бабГали, крепко сжимавшая детскую ладошку.

«Отчего я не переплыла эту вонючую речку?» – эта мысль не давала ей покоя, как будто это имело какое-то значение. Женя задумалась о детях, о том, что кончается лето и надо что-то решать. Но решения не было. То есть варианты, конечно, были, но в каждом отыскивались те или иные недостатки. Женька, сцепив зубы, простонала, натянув на голову одеяло. Из соседней комнаты слышались голоса. Там жили две студентки. А может никакие и не студентки, черт их разберет, Женьке было все равно. У неё, милостью Рафика была хоть и меньшая комната, зато своя, отдельная. Она даже запиралась на ключ. Что Женька и делала всегда, когда находилась здесь. Надо было вставать и собираться на работу. Сегодня записаны человек тринадцать, не меньше. Она села на кровати и, не вставая, достала из прикроватной тумбочки банку пива. Опустошив сразу половину, опять вспом-

нила, что уже второй месяц не отправляла родителям деньги. Рафик стал платить гораздо меньше. Особенно после того, как она наотрез отказалась с ним спать, пригрозив, что иначе уйдет немедленно. Он вроде бы отстал, но мстил ей тем, что бесконечно что-то вычитал из её зарплаты и накладывал штрафы. К тому же каждый раз напоминал ей, как дорого он платит за то, что живет она в таких королевских условиях. – Надо что-то придумать, – думала она, выбрасывая пустую банку в пакет для мусора, и закуривая, – Родители в её проблемах не виноваты. У них находятся её дети. – А может бросить Москву эту и вернуться? – продолжала она размышлять, натягивая джинсы. Такие мысли все чаще приходили ей в голову, особенно, когда она узнала от бывшего мужа Сергея, что на квартиру, полученную им, когда они были женаты, и где она до сих пор с детьми прописана, он не претендует. Им с Туськой и детьми, слава Богу, есть где жить. Женя оглядела убогую обстановку: солдатская кровать, выкрашенная омерзительной светло-коричневой краской тумбочка рядом, два стула, подоконник, совмещающий функции стола и холодильника и облупившаяся вешалка на двери. Вот и все. Одежда её так и стояла нераспакованной и только несколько повседневных вещей, грустно висели на стульях, а кое-что из белья помещалось в указанной тумбочке, которая являлась также неким подобием бара и табачной лавки. Разумеется, ничего похожего, с их, с такой любовью обставленной ставропольской квартирой.

Но не таким представляла Женя себе возвращение на родину. Она сможет, она докажет, она одержит победу непременно. А иначе, зачем было городить этот московский огород? Для чего? С какой целью? Получается, что все зря? И правы те, кто её отговаривал и был уверен, что эта глупая затея и ничегошеньки у неё не получится? Родители, друзья, знакомые, бывшие коллеги и бывшие мужья, конечно, может и не скажут в лицо, но подумают обязательно, вот, мол, как была голым носом, так и приехала ни с чем, дурында. И чего ей дома не сиделось... Это ж надо было переться в столицу, чтобы вкалывать с утра до ночи на, во всех смыслах, нечистоплотного частника, при этом фактически находясь на положении бесправной лимиты. Для этого можно было никуда и не ехать. Такого добра и у себя в крае полно. В ванной, не глядя в зеркало, Женя плеснула себе в лицо несколько раз холодной водой, с отвращением вытерлась краешком несвежего полотенца, и мрачно кивнув на сухое приветствие толстой девахи, которая, в расходящимся на мощных ляжках коротком халатике наносила яркий макияж возле грязного окна на кухне, вышла из дома.

Женя обратила внимание, что темнеть стало раньше. А вечера становились уже заметно прохладнее. Поёжившись, она выбросила окурочек и вернулась на своё рабочее место. Сегодня в конце рабочего дня у неё большая уборка, а завтра надо прийти ещё раньше, чтобы подготовить большой стерильный стол. Медсестры (равно, как и уборщицы) у них

так и не было, и как она теперь понимала, уже не будет. Потом необходимо оформить закупочный акт, так как работать совершенно невозможно. Изношены почти все шаровидные боры, элеваторы, которые давно пора было менять, так как срок их использования вышел ещё несколько лет назад. Кроме того, заканчивались композитные и анестезирующие материалы. По завершении химической стерилизации инструментов, Женька включила бактерицидную лампу и готовила дезраствор для обработки раковин медицинских шкафов, зубоврачебного кресла и прочего инвентаря, когда на пороге возник Рафик и бросил ей отрывисто:

– Никуда не уходи, да...? К восьми подъедет мой племянник с женой, у неё что-то с э-э-десной, кажется, не понял я. Женя медленно разогнулась и посмотрела вслед удаляющейся необъятной фигуре в мятом халате, толстой рукой с короткими, будто обрубленными пальцами, почесывающей свой влажный, трехступенчатый загривок. С остервенением скинув в эмалированный таз резиновые перчатки, Женя обогнала Рафика и встала перед ним, тяжело дыша иладоную убирая со лба мешающую челку.

– Как это приедут к восьми? Сегодня? Я же простерилизовала инструмент уже, это, во-первых, – звенящим от сдерживаемой, распирающей её ярости, проговорила Женька, – Во-вторых, ты же знал, что на сегодня намечена уборка, её было необходимо выполнить. По СанПину уборку стоматологического кабинета, между прочим, нужно вообще дважды

за смену делать, но я физически не успеваю! Сегодня было пятнадцать человек, Рафик! Пятнадцать! Из них восемь – сложные. Резекция корневой верхушки, установка брекетов, глубокий кариес, замена коронок на передних зубах.. – Женька с ненавистью посмотрела на Рафика, с отсутствующим видом ковыряющего зубочисткой и махнула рукой, – Да кому я рассказываю, если бы ты ещё понимал, о чем я тебе говорю. Рафик прищурил круглый черный глаз и, повысив голос, характерным образом растягивая гласные, спросил:

– Все у тебя, да-а? Ну и хорошо, а то я очень испугался, что будет ещё и в-третьих.

– А в-третьих, уже почти восемь, и нужно дописать закупочный акт, завтра среда, помнишь? Иначе опять на неделю отложится. И, в-четвертых, мне нужны деньги, ты не выплатил мне за две недели предыдущего месяца...И... Рафик широко улыбнулся и развел толстыми руками:

– *Дарагаямая-а!* – с ужасающим акцентом, нараспев произнес он, – *Что случился? Скажи на мила-асть, а каму не нужны деньги? Может они мне не нужны, ты думаешь, а? Или во-он таму девушка на улице не нужны деньги, а? Всем нужны! А чтоб они были, нужна харащора потать, понимаешь, сестренка, да? Рапотать, а не пить каняк и водка, да-а? Вот иди и работай, а не учи мене, что нужна делать. Я это сам знаю, ясно тебе?*

Женька резко отвернулась и пошла к умывальнику. Предательские слезы душили её, закрывали обзор и вызывали

горловой спазм. «Чертов урод, жирная, вонючая свинья, – с быстротой молнии проносилось у неё в голове, – Грязный ублюдок! Ну, подожди, я тебе устрою!» Что именно она собиралась устроить Рафику, ей пока было неизвестно. Но через двадцать минут после усвоения спасительного допинга (ситуация вынудила Женьку прибегнуть к крайним мерам, т.е. опорожнить свою волшебную фляжку, рассчитанную до самого конца трудового дня, ну да ничего, спирт в медицине ещё никто не отменял, слава богу! Правда, мерзостный и жадный до умопомрачения Рафик, каждый раз злобно пыхтел и косился на неё, вовсе небезосновательно подозревая своего врача в нецелевом использовании C₂H₅OH) Женя в свежем халате, умытая, благоухающая секретной китайской мазью, с весьма условным названием «Антизапах», занималась молодой женщиной армянской национальности, с распухшей щекой. О недавнем инциденте напоминали только её покрасневшие глаза. Рафик уехал, оставив ей на столе мятую тысячу. Женька, когда он презрительно кивнул в сторону банкноты, вспыхнула, собираясь выдать достойную отповедь, но поняв всю бесполезность этого, а тем более представив, как он при своей невестке будет, закатывая глаза, расписывать на какие жертвы он, бедный, идет, оплачивая ленивым, неблагодарным, да к тому же пьющим работникам жильё и прочие блага, решила отказаться от этой затеи. «Почему я торчу вот уже три месяца, в этом гнусном кабинете? Из-за чего пашу за жалкие копейкина этого урода? – зада-

вала она снова одни и те же вопросы, и сама себе отвечала: «Потому что я, вот этими руками уничтожила собственную жизнь!» – она машинально глянула на свои руки, которые привычно тщательным образом мыла по завершению работы.

Женька посмотрела на дисплей телефона: 21.45. Оказалось, что у неё три пропущенных вызова, она вздохнула, отпивая из чашки разбавленный спирт, – Ну конечно, – Вениамин, кто же ещё... Как только она вспоминала всю историю этого короткого пьяного романа, её охватывало чудовищное в своей пронзительной и неприглядной реальности отчаяние. После того, как она сообразила, что наделала, первым делом сменила телефонный номер. Было невыносимо стыдно перед Шурочкой и Володей. И даже не из-за того, что она опять сорвалась и ушла в запой сразу после того, как обещала, что этого не случится. Нет, дело не в этом. Вернее, не только в этом. Как позже оказалось, Вениамин страдал алкогольной зависимостью, и до знакомства с Женькой не пил уже год. Посещал собрания анонимных алкоголиков, устроился на работу, и тут... его однокашник Володя по кличке Бочелли, (это прозвище Владимиру невероятно шло, не только из-за объединяющей их со знаменитым итальянским тенором слепоты, но и поразительного внешнего сходства) который и помог Венчику с его алкогольной проблемой, приглашает в гости на день рождения своей любимой жены. Женька очень веселилась, когда Веня ей об этом поведал. Открывая

баночку джин-тоника, требовала подробностей, расспрашивала, много ли у них женщин, как проходят их собрания, что они там делают, когда собираются. Вэн охотно делился, а в перерывах между его историями, они целовались и решали, как и где проведут остаток вечера. Впрочем, обоим было ясно, что подразумевается и следующая за ним ночь. Женя хорошо помнила этот летний вечер в старом парке. Вспоминала, как удивлялась и искренне не понимала, как можно целый год не пить. Не верила, что Вэн, не закодированный и не зашитый, добровольно и сознательно не пьет столько времени. Последнее, что связно вспоминалось, это то, как она объясняла ему, что он никакой не алкоголик, раз на такое способен. А если и были проблемы, то они исчезли! За год-то трезвости! Он свободен! Да, точно, первый совместный тост, у них так и звучал: «За свободу!» А дальше Женя вспоминала только отдельные куски. Пазл никак не складывался. Зачем они поехали в Выхино на квартиру к его родственнику, (который, то ли сидел, то ли был где-то далеко на заработках, в любом случае, речь шла, вроде бы о севере), она совершенно не помнила. Как и на чем они туда добирались, её память тоже не сохранила. Только несколько вспышек: какая-то скамейка, где они уселись, облитые пивом Женькины джинсы, растекающаяся зловонная лужа у них под ногами. Дикий обоюдный хохот. Обходящие их прохожие. Или это пассажиры были? Зато она помнила бабу-соседку, у которой хранился, видимо, ключ отоднушки брательника. И ста-

рушкаэтот самый ключ давать пьяному Венчику ни за что не хотела. Вениамин ругнулся, ободряюще Женьке подмигнул, и продолжал активно настаивать на выдаче ключа, для убедительности перемежая свои доводы крепким матерком. В матерных словах бабушка разбиралась не хуже Вениамина, а по силе тональности и богатому словарному запасу была далеко впереди. Но через какое-то время, молодость, количественное превосходство и мелодия, доносящая из комнаты и знаменующая начало сериала, все же победили. Ядвига Станиславовна (да, да, это небесное создание звали именно так), с ожесточением сунула в руку Венчика ключи, выразив при этом надежду, что эта лярва и шельма (Женька), к утру обчистит квартиру. Затем клятвенно пообещав сию минуту дозвониться Венчиковой матери и сообщить обо всем, оглушительно хлопнула дверью. Женька сидела тут же на лестнице и уже несколько минут не могла остановить истерический смех, услышав имя милой женщины. «Я-ядвига, – все ещё смеясь, уже всхлипывала Женька, утирая слезы. Ой, не могу, держи меня, а соседи, наверное, любя зовут её Ягой или Ягусей. А я ещё над твоим именем посмеивалась, ты уж извини». А потом они вошли в квартиру... И открыли алкогольный марафон, в котором не было ни дня, ни ночи, ни завтраков, ни романтических ужинов, ни постельного белья. Были лишь короткие перебежки в ближайший магазин и обратно. Да бессвязные, нескончаемые разговоры о каких-то событиях, фактах и людях, до которых обоим не было ни-

какого дела. И о которых через полчаса не оставалось ни малейшего воспоминания. Поскольку Женя заблаговременно сменила номер, Володя и Шурочка звонили её бойфренду. Один раз Женька взяла трубку, чтобы прервать то много-словное напряжение, которое звучало в голосе сестры. «Шура, со мной все в порядке. Не волнуйся, пожалуйста... Я не могу оставаться у тебя в квартире, я на днях заберу свои вещи и освобожу её... – услышав, что плачущим голосом Шура что-то торопится сказать, Женька, чтобы не зарыдать самой, резко оборвала её, – Не надо меня искать, не нужно звонить, пожалуйста, Шура, ... Я не могу, я не готова. Прости меня, я не достойна такой сестры, как ты. Мы обязательно встретимся, мы будем общаться, станем частью жизни друг друга, но не сейчас, родная моя. А когда я смогу... Я хочу открыто и честно смотреть вам в глаза, понимаешь? – Что за бред я несу? – мелькнуло в голове, – «Открыто и честно!» – передразнила она себя, – Тоже мне, Зоя Космодемьянская, – вслух же она сказала: «Володьке скажи, что он был прав. Во всем!» – крикнула и отключила телефон. «Не отвечай больше на этот номер, сколько раз говорить! А если они приедут сюда?» – набросилась она на Вэна. «Они с разных номеров звонят, откуда ж я знал... – обиделся тот, – А про эту хату вообще никто не знает, так что не приедут».

Пока она вспоминала это, допиласодержимое и направилась к умывальнику. Хорошо вымыла чашку, поглядела на оранжевую свинку с безумными глазами и придурковатой

улыбкой, на нейизображенную, кивнула, то ли ей, то ли своим мыслям, и двинулась к столу Рафика. Не глядя, достала из канцелярского стакана ключ и открыла третий ящик стола. Достала оттуда большой желтый конверт с пачкой купюр, отсчитала 25 тысяч и проделала те же манипуляции только в обратном порядке. На минуту задумалась, присела к столу, но утонув в огромном кресле своего босса, тут же встала и не найдя ручки, черкнула на обратной стороне какого-то бланка простым карандашом: «Рафик! Я уволилась. Расчет в сумме 25 тысяч получила самостоятельно. В качестве надбавки за переработку взяла чуточку медицинского спирта. Если совесть позволяет, конечно, обращайся в милицию. Срочной или неоконченной работы за мной не числится. Остальные пациенты легко найдут другого врача. Прощай! Зла на тебя не держу, наоборот, спасибо за бесценный опыт. Евгения. P.S. Ключи будут у Насти в цветочном». Оставив записку в центре стола, Женя подошла к стеклянному шкафчику и перелила спирт во фляжку. Открытая дверца шкафа, куда она вешала сейчас халат, напомнила ей, как месяц или больше назад, услышав в приемной голос, который спутать с чьим-то другим было невозможно, она спряталась в этом шкафу. Её сестра с мужем, не поверив Рафику, неоднократно убеждавшему их по телефону, что он в глаза Женьку не видел уже два месяца, приехали лично убедиться в её отсутствии. Сидя в темноте, на коробке со старыми бумагами и зарывшись лицом в чью-то синюю медицинскую форму, она беззвучно

плакала ещё долго после того, как они уехали.

19

Закладывая грязное постельное в биксы для стерилизации, Женька думала, что хуже всего в её новой работе это курьерские функции. Доставка биоматериалов в различные лаборатории этой необъятной больницы, затем получение результатов, обратный путь и все это в многократном исполнении. И везде бесконечные ожидания, регулярная, изматывающая путаница, с направлениями, врачами, анализами. И кругом скандальные, лежащие, угрюмые, жалующиеся больные. Да, – растирая ноющую поясницу, – окончательно пришла она к выводу, – Курьерские обязанности хуже всего. – Гораздо легче было изучить 1000 и 1 способ укладки больных на операционный стол, не говоря уже о таких пустяках, как текущая и заключительная дезинфекция. Выматывающая беготня с анализами была даже хуже транспортировки умерших из стационара в морг. А это, между прочим, тоже входило в круг её обязанностей. – И что такого, – управляя тележкой, нагруженной чистым постельным бельем, философствовала она, – Смерть так же естественна, как и жизнь. – Кроме того, что ни говори, а в трупах есть что-то умиротворяющее. Хоть и звучит это довольно кощунственно, но так оно и есть. Мертвые не напишут кляузу, не побегут жаловаться зав. отделению, не станут качать права и тыкать в нос удостоверением ветерана труда, отличника народного образования, воина-афганца, заслуженного деятеля

культуры или любой другой, по их мнению, безумно важной бумажкой. Как будто это имело значение! Или на что-либо могло повлиять. Особенно если у тебя абсцесс мягких тканей или гнойный мастит. А также усопшие не только не потеют, как говаривал, находясь в легком, эйфорическом подпитии, ЛёхаВинокуров, но и не считают многодетность, инвалидность, беременность, связи в Минздраве, наличие особого положения (хотя гораздо чаще иллюзию о наличии оно-го) чем-то выдающимся и невероятно значительным.

До конца смены Женьке оставалось застелить чистое бельё и вымыть две палаты. И можно домой! Хотя назвать так комнату в семейном общежитии, где она теперь жила язык не очень-то поворачивался. Но все же... Женя и сама не очень хорошо понимала, как это случилось. Как это произошло?! А именно то, что она уже несколько месяцев работает палатной санитаркой в очередной московской больнице в отделении гнойной хирургии с костной патологией.

Первым делом, когда она ушла от Рафика, то забрала свои вещи и оставила их в камере хранения на автовокзале. Она хорошо помнила, как Карпухин рассказывал, что есть столичные больницы, в которых администрация, нуждаясь в медицинских работниках, даже предоставляет жильё для сотрудников. Главное, – вспоминала Женя, – чтобы это лечебное учреждение находилось в юрисдикции города Москвы. Даже если жильё не предоставляется бесплатно, а оплачивается только, например, 50% стоимости, (Женька по этому

пункту не была до конца осведомлена), все равно это очень здорово, – думала она. Аренда жилья съедала бы львиную долю того, что она могла бы заработать. Так что на следующее утро Евгения отправила почти все экспроприированные у Рафика деньги матери, так как нужно было собрать детей к новому учебному году, а ещё нужнее было показать, что у неё все хорошо, и все под контролем. Она в порядке! И очень скоро её дети будут вместе с ней. Разумеется, Женька опять чувствовала себя виноватой оттого, что детей нет рядом. Но после утомительных и длинных телефонных переговоров, было решено, что Диме с Аней пока лучше находиться там. Родителям её ничего не было известно о ситуации с Димой. Женя могла с точностью до отдельных фраз и даже слов представить реакцию матери, если бы вдруг (сдуру) рассказала ей о Димкиной проблеме. Ничего не было проще, чем догадаться, кто, по версии Зинаиды Евгеньевны, виноват в том, что случилось с её внуком. Кто допустил это... И с кого сына берёт пример. Женька лишь сообщила матери, что Дмитрий неоднократно был замечен в дурной компании. И что от этого влияния его необходимо оградить. Что нужен контроль и дисциплина. Мол, возраст такой... сложный... Разговаривая об этом с матерью, Женька себя ненавидела, – Что же я за сволочная мамаша! Свалила детей на пожилых родителей и ещё даю указания, как именно их нужно воспитывать! Эти разговоры велись в период особой её уязвимости. Она как раз потеряла работу. Сорвалась в запой. Попут-

но ещё сбила с трезвой дороги молодого и глупого Венчика. Прекратила всякое общение с сестрой и её мужем, своим другом. Женька до краев была наполнена ненавистным, тягучим чувством вины и отвращения к собственной персоне. Поэтому она достаточно легко согласилась с матерью, что и Аню дергать не нужно. По крайней мере, пока все не наладится. Хотя Зинаиде Евгеньевне толком ничего не было известно, Женя чувствовала, что ей и не нужна вся информация. Наверяд ли её мать хоть когда-нибудь всерьез считала, что у её дочери что-либо получится. Женя не стала заострять на этом внимание, хотя незамеченной эта убежденность матери тоже не прошла. – Тем более, – резюмировала Зинаида Евгеньевна, – Если ты скоро приедешь. А Митя – сказала Зинаида Евгеньевна, – Просто вернется в свою школу, и дело с концом. Неизвестно о чем Женька думала в то время. И думала ли вообще. И на что рассчитывала. Возможно на то, что все само собой каким-либо чудесным образом рассосется и образуется. И все станет просто и ясно. Если бы её кто-то тогда спросил: почему она не вернулась домой, когда снова осталась без работы? Будучи высококлассным профессионалом, чего ради устроилась санитаркой? Зачем тыкалась по чужим углам, имея отличную квартиру в своём городе? Она бы ни на один вопрос ничего не смогла ответить. Просто из-за того, что не знала бы, что сказать. На самом деле не знала. Что-то ещё держало её здесь. Как преступника часто тянет на место его злодеяния или как токсичные, ядовитые отношения го-

дами удерживают людей друг с другом крепче стальных оков, так и Евгению неумолимо и жестко держал этот город. Отчего-то собрать вещи и купить билет на автобус «Москва-Ставрополь», как поступил бы любой другой нормальный человек, она не могла. Вместо того, чтобы сделать ручкой златоглавой и послав воздушный поцелуй несбывшимся грезам о покорении столицы, вздыхая не тяжело, но с облегчением, мчаться в направлении юга России, Женька решила на очередной московский штурм. Или авантюру. Это с какой точки зрения смотреть.

В отделе кадров юная прелестница с обворожительной улыбкой сообщила, что врачами-стоматологами их клиника укомплектована полностью. – И в обозримом будущем, – довольно развязным тоном закончила самоуверенная девица, насмешливым взглядом смерив Женьку с головы до ног, – Ситуация вряд ли изменится. Примерно тот же результат ожидал Женю ещё в двух медицинских учреждениях. В четвертом ей любезно ответили, что хотя на данное время необходимости в стоматологах они не испытывают, но через месяц-полтора ожидается уход в декрет, и тогда, возможно, и даже наверняка, её кандидатуру рассмотрят в первую очередь. А в настоящий момент испытывают они острую нехватку в санитарках и уборщицах.

– Предоставляется комната в общежитии, а как же, – сказали Женьке, – Мы заботимся о своих работниках, вне зависимости от их ранга и уровня квалификации. И Женя до-

вольно легко согласилась. И даже немного (не признаваясь, разумеется, себе) гордилась этим. – Будет возможность изучить медицинскую профессию, так сказать, изнутри, – думала она. – Так случилось, что я поступила в институт сразу, не пройдя все этапы профессии, как многие другие, – рассуждала она, – Хорошо, что я не ошиблась, и это оказалось моё призвание, а ведь могло бы быть и по-другому. – Вот теперь есть возможность заполнить кое-какие бреши в своем образовании, – невесело подтрунивала она над собой. Работа была с одной стороны очень тяжелая, а с другой – весьма беззаботная, в смысле ответственности и требований. Не слишком обремененная, проще говоря. Хотя физически и психологически было сложно. Особенно в первый месяц, например, Женьке нужно было с утра до вечера поднимать тяжести. К концу смены поясница, руки и ноги буквально отваливались. К тому же отчего-то Женька не была готова к тому, что будет напрямую и постоянно иметь дело с человеческой выделительной системой. Проще говоря, мочой и калом. Бывало частенько и с рвотными массажи. Ну и конечно, гноем. Всегда и повсеместно в этом отделении. Гной, проступающий сквозь марлевые повязки. Гной на простынях. На одежде многих больных тоже гнойные отметины... Нет, ну это, конечно, ею предполагалось как бы. Все-таки в названии самого отделения это словочленивое. Но все же не ожидала, что встречаться будет эта субстанция в таком количестве. Прямо скажем, зашкаливающим... И запах... Без со-

мнения, о, этот непередаваемый убийственный запах отделения гнойной хирургии... Невыветриваемый годами, устойчивый к любой дезинфекции, ставший её частью и важнейшим компонентом. Нарушающий все мыслимые химические законы, обладающий плотностью, весами остальными параметрами, включая цвет: вне сомнения бело-серый с переходом в грязно-желтый. Вначале Женя думала, что сойдет с ума именно от запаха. Но через короткое время адаптировалась, принялась, растворилась в нем и также, как остальные, кто не сбегал в ужасе в первые 48 часов, они с запахом стали частью друг друга.

Женька выходила из палаты, когда говорящая бабушка, с глубокой флегмоной кисти, здоровой рукой схватила её за халат, тараторя совсем уже неразборчиво и быстро. Говорящей бабушку называли, как нетрудно догадаться, за почти круглосуточный, неумолчный монолог, обращенный как к одушевленному, так (с неменьшим воодушевлением) и к предметам, на обывательский взгляд, для этой цели вовсе неподходящим. Например, обращаясь к тарелке с манной кашей, эта безымянная старушка, ласково именовала её «Маня» и затем глухим, невыразительным голосом рассказывала ей о проведенной в жуткой бессоннице ночи. То есть наличие живых слушателей для говорящей бабушки не являлось принципиальным. Женя энергично кивнула ей, аккуратно высвобождая халат, сунула вместо него ей в руку яблоко, которое взяла у неё же на тумбочке, и поспешила с

ведром и шваброй на выход.

Без всякого сомнения, облегчало эту тяжелую, по большей части, физическую работу, её разнообразие, вариативность и значительная доля непредсказуемости. Но Женьку все-таки больше всего привлекало, как упоминалось ранее, невысокая степень её ответственности. Практически нулевая. Хотя в самом начале работы, ей все же было довольно неприятно, что из врачей и медсестер, по имени её знало всего пару человек. Женьке, казалось, что где-то там, наверху, очень далеко, хотя на самом деле здесь же, в больнице, шумела она, настоящая жизнь. Там спасали жизни, бесконечно оперировали, лечили, принимали новых больных. Там движение не останавливалось даже ночью. Там постоянно что-то выясняли, устраивали, договаривались и обсуждали. Там кипели страсти, готовились большие разборки, нарезались кадровые перестановки, томились на медленном огне интриги. Там ежедневно варился и разливался щедрой ложкой этот насыщенный, огненный, пахучий, но далеко не всеми едоками легко усваиваемый бульон. Женьке, например, места возле этого котла точно не было. Она это как-то сразу почувствовала. Поначалу её это задевало. Даже очень. Оказалось, что она не была готова стать невидимкой. А именно так она себя почувствовала, когда устроилась сюда работать. Невидимой. Неизвестной. Никем. Словом, обслуживающий персонал. В лучшем случае, к ней обращались: «Девушка» и «Послушайте, как вас там...». В худшем..., как обращались

к ней в худшем случае, об этом, пожалуй, не стоит... Но обида и непонимание были, как уже говорилось, только в самом начале. Когда, например, спустя месяц с начала её работы, заведующий отделением, упрямо продолжал называть её Татьяной. Женя устала его поправлять и махнула рукой. А затем вообще пришла к выводу, что так даже лучше. Пусть они бегают, суетятся, чего-то доказывают, выясняют. Ей вообще нет до этого никакого дела. Ну, или почти никакого. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь. И вообще, чем больше ответственности, тем больше головной боли. А у Женьки сейчас красота – полное отсутствие таковой. У неё теперь в этом смысле абсолютный порядок. Пусть Главная вначале докажет, что это она плохо вымыла, а не только что опять натоптали. Или что Ерохин из шестой палаты не специально загадил только что поменянное ему чистое бельё.

– Честное слово, – грешным делом шумела Ефимовна, пожилая санитарка, напарница Женьки, – Этому старому маразматiku вместе с говорящей бабкой место в психушке, а не в хирургии! Женька была с ней вполне солидарна: на Ерохина, вообще не напасешься постельного. Меняют санитарки, дочка его, как приходит, так моет отца и опять же застилает чистое. Но этого явно недостаточно. Кишечник у Ерохина уж абсолютно точно имелся, в отличие от совести. Так как облегчаться он старался исключительно в чистое постельное бельё. Особенно удачным в его личном зачете становился день, когда получалось это сделать в только что застеленную

кровать. Желательно сразу же после долгого и нудного облачения его в чистую пижаму. Судя по количеству людей, яростно его поносящих, этот трюк удавался ему многократно. Причем работал кишечник исправно и без перебоев, куда лучше, во всяком случае, чем его голова. Даже после очистительной клизмы. Женька сама в этом имела возможность убедиться несколько раз. Было ощущение, что лично Ерохинский кишечник в состоянии работать по заказу. И, надо сказать, отлично с этим справлялся. Такое мнение было не только у всего персонала, но и у брезгливо зажимающих нос, соседей по палате. У его дочери, по всей вероятности, тоже, которая ни с кем не разговаривая и не поднимая головы, с красным от смущения лицом, быстро и умело подстилала клеенку, снимала испачканное, растворялась ненадолго, а через минуту появлялась с теплой водой и губкой. Женька иногда украдкой наблюдала за ней. Как сейчас, например, когда женщина вошла в палату к отцу с эмалированной миской.

– Тонкое, благородное, но отчаянно уставшее лицо, – думала она, – У неё лицо человека, который уже ничего хорошего не ожидает от жизни. По крайней мере, для себя. Ерохин визгливым голосом за что-то отчитывал дочь, не скупясь на матерные слова. Женщина ещё ниже опустила голову, иногда беспомощно выдыхая: «Прошу тебя... Ну, будет тебе, папа...». Женька хотела вмешаться, сделала даже шаг по направлению к палате, но раздумав и сокрушенно взды-

хая, направилась в подсобку. Женя вспомнила, что сегодня у Кирилловны, сестры-хозяйки, день рождения. Вернее, был он три дня назад, но поскольку она на эти дни брала «без содержания», а входящий в круг её общения, равно, как и в сферу её деятельности небольшой, но преданный коллектив жаждал самолично и, по возможности, в торжественной обстановке поздравить свою распорядительницу и управительницу хлопчатобумажным департаментом, то банкет, по всем признакам, должен был выйти отменным. Если в подсобке не слишком обращать внимание на малопривлекательные, железные стеллажи для разного инвентаря, а обойдя их повернуть сразу направо, то оказывается, что техническое помещение для младшего персонала отделения гнойной хирургии одной из столичных больниц, это довольно уютное, до определенной степени изолированное, звуконепроницаемое и хорошо оборудованное место. При необходимости или в случае возникновения экстремальной ситуации, в нем вполне можно было бы отсидеться от нескольких дней до месяца. Не испытывая при этом особых неудобств. Запас еды, воды (и прочих напитков) пополнялся неукоснительно и регулярно. Здесь всегда можно было найти в большом ассортименте и на любой вкус: чай, кофе, всевозможное печенье, фрукты, сладости, (так, например, количеству и разнообразию одного только хранящегося здесь шоколада позавидовал бынебольшой магазин), а также многое другое, в основном, преподносимое благодарными пациентами и их родственни-

ками. Небольшой, списанный холодильник «Орск», несмотря на свою древность, нес здесь круглосуточное, бессменное дежурство, с трудом втискивая ещё одну курицу, маринованное сало, банку домашних солений (– Ну что за люди, – фальшиво возмущалась Ефимовна, – Это ж надо додуматься притащить такое человеку с абсцессом брюшной полости!), а также многочисленные и разнокалиберные бутылки, коробочки, свертки, кульки и пакеты. Кроме этого тут стоял невероятно удобный, скинутый с барского плеча предыдущим главой отделения, отлично сюда вписавшийся между овальным столом и холодильником, черный, кожаный диван. В подсобке никого не было, что и требовалось Женьке. Она метнулась к старенькому «Орску», достала запрятанную за трехлитровую банку с огурцами наполовину опустошенную «Путинку», быстро налила в чашку, молниеносно выпила, тут же отпила из банки рассола, при этом больно клацнув стеклом по переднему зубу, снова плеснула водки, но уже выдохнула, установила на то же место бутылку, закрыла холодильник и уселась на диван, в своем любимом правом уголке. Сейчас уже можно не переживать, даже если кто-то и войдет, ничего страшного, ну присел человек на минутку, отдохнуть и глотнуть воды. Что тут такого?! Вот чем ещё хороша была эта работа, никто из тех, от кого зависело хоть что-то, особенного внимания на Женьку не обращал, и сильно не присматривался. А остальные какого-то серьезно беспокойства у неё не вызывали (но, тем не менее, особо

наглеть и светиться тоже не нужно). В подсобку открылась дверь, Женька быстро допила.

– Замечательное изобретение эти стеллажи! – сколько раз мысленно восклицала Женя, – Пока входящий их обходит, можно успеть выпить, сполоснуть чашку и как ни в чем, ни бывало, с самым невинным видом просматривать сообщения в телефоне. Главная медсестра частенько пыталась их тут застукать, время от времени делая обход, но пока она одолевала хитроумно расставленные, но замаскированные под видом вполне официальных и подотчетных материалов, ловушки времени (именно так, раз увидев их в деле, образно и точно назвала их Женька) все было в ажуре. Её встречала радостная, улыбающаяся, готовая к дальнейшим трудовым подвигам на ниве милосердия и порядка, самая образцовая бригада в мире. При этом овальный стол, минутой назад уставленный напитками и закусками, блестел девственной чистотой. Правда, улыбки у вверенной её заботам команды санитаров, были, чаще всего, довольно натянутые. Вот, например, на днях, Главная вот так же зашла, но пока добралась, спотыкаясь о ведра и укладки, ничего крамольного не обнаружила. Она нахмурилась, засунула руки в карманы, подозрительно оглядывая санитарную бригаду, размышляя про себя: «Спелись, голубчики... А у Ефимовны, этой языкастой, крикливой хохлушки, толстый мясистый нос покраснел, и фиолетовые жилки на нем стали гораздо заметнее и ярче. – Факт? – спросила она себя и немедленно от-

ветила, – Вне всякого сомнения. А эта новенькая, как её? Женя? Жанна? Уставилась в окно с таким видом, будто собирается прыгнуть. Говорят, она врач-стоматолог, неужели, правда? Вполне может быть, Кирилловна рассказывала, что больные с ней советуются по поводу назначений. Надо будет это прояснить обязательно. Ещё чего не хватало, пусть знает свое место. А разговаривает так, точно снизошла до тебя. А сама-то, господи! Чтоб путное из себя представляла, а то... Если ты нормальный врач, то не пойдешь в санитарки! – заключила она, – Значит морда в пуху, это ясно, – Главная медсестра обводила глазами присутствующих, – Ну, Петька, дубина стоеросовая, с приходом этой... тут прямо жить стал. Здесь как раз все понятно. Выпивали, конечно, но, что делать, не станешь же шмонать, хотя не помешало бы, думаю много любопытного нашлось бы».

– Так, мои дорогие, – произнесла она строгим голосом, – Вы уже все сделали? Что за сборище посреди рабочего дня? Петр! – садилась она на любимого конька, – Скажи мне, пожалуйста, ты у нас кто? Не дождавшись, как всегда ответа, говорила чуть ли не по слогам, – Ты у нас санитар по сопровождению! Так? Красный и толстый Петр неизменно и с готовностью кивал. – Так – удовлетворенно заключила Главная. – Вот иди и сопровождай! Тебя с ног сбились, ищут. А он тут ... сопровождает...неизвестно кого, – добавляла она, глядя на Женьку пронзительным, недобрим взглядом.

– Почему неизвестно, – хохотнула тогда стервоза Ефимов-

на. – Очень даже известно...

– Катерина Ефимовна! – повысила голос медсестра, – Займитесь, наконец, вашими прямыми обязанностями. Ефимовна, обиженно хмыкнула, проходя мимо Главной, на ходу цепляя ведро, удачно прислоненную швабру и другие невинные, но весьма действенные элементы полосы препятствий и довольно громко при этом высказываясь:

– О то можно подумать, шоты займешься моими прямыми обязанностями. Вот бы хоть раз глянуть, как ты будешь дерьмо отскабливать, да гнойные тряпки менять, командирша херова, – бурчала она, открывая двери.

– Катерина Ефимовна! – закипая, оборачивалась Главная.

– Нэ маю часу, ей-Богу! – вдруг срочно переходила на свой родной язык та, – Обязанности в мэнэ, прямые.

Ефимовна переехала в Москву к дочери, семь или восемь лет назад, по официальной версии, чтобы помогать с родившейся внучкой. Но поскольку скоро оказалось, что их с зятем формы и методы воспитания не только различны и диаметрально противоположны, но и находятся в остром конфликте, Ефимовне пришлось съехать. Она нашла эту работу, к которой прилагалось жилье, и была даже рада, что все разрешилось именно так. Задержись тёща в семье ещё какое-то время и неизвестно к чему бы это привело. Человеком Катерина была резким, прямолинейным, а местами, так и вовсе невоздержанным. Она была грубо, но крепко сшитой женщиной неопределенного, близко пенсионного возраста.

Причем было совершенно непонятно как близко до или как много после. Среднего роста, кряжистая, невероятно работоспособная и выносливая, она была циничной, часто злой на язык, одинокой, несчастной и крепко поддающей бабой. Что здесь следствие, а что причина выяснить довольно затруднительно. Да и стоит ли это делать? Она страшно тосковала по своей родине, по своему городку в Донецкой области, хотя никогда об этом прямо не говорила. И разговоры любые на эту тему пресекала, так как вернуться туда уже было невозможно: квартиру она там свою продала, чтобы дочь, с мужем и ребенком могли переехать из двухкомнатной в трехкомнатную. И только, когда Ефимовна начинала петь, было ясно, что здесь она оказалась каким-то нелепым и случайным образом. Не её это место. И эта московская земля не станет для неё никогда сколько-нибудь родной или просто близкой, проживи на ней Катерина Ефимовна хоть сто лет. И это особенно становилось понятным, когда она заводила: «Ой, ты Галю, Галю молодая...», «Ничь така мисячна, зоряна, ясная..», «Ой, у поли криниченька...». Петь Ефимовна умела и делала это с большим чувством и наслаждением. Женя слушала её с замиранием сердца и каждый раз удивлялась, как ей удастся даже в легкую и незатейливую, в общем-то, мелодию вложить столько надрывной тоски и экзистенциального смысла, так поведать о страданиях мятущейся души, что любой, застигнутый пением Катерины Ефимовны, неподготовленный человек останавливался, цепенел и терялся в про-

странстве и времени, находясь полностью во власти её чарующего, богатого сочными оттенками голоса. Так вырывалась на свободу и хоть ненадолго расправляла изломанные и онемевшие крылья, прибитая и загнанная в самый непроходимый угол душа.

С Женей они довольно быстро сблизились. В Женьке Ефимовна чувствовала ту же неприкаянность, потерянность и вечную отчужденность, что и в себе. Жене нравился независимый характер, прямолинейности отчаянное бесстрашие Катерины. Обе женщины ощущали какую-то неправильность, дурашливость их нынешней ситуации. Какую-то её временность и нереальность. Разница была лишь в том, что Ефимовна ничего уже особенно и не хотела менять в своей жизни. Вернее, то чего бы она хотела, было недостижимым. Или она думала, об этом, как о недостижимом. Например, ей бы хотелось оказаться в милой её сердцу Горловке, но не жилья, ни родных там уже не было. А самое главное там не было внучки Аленушки, пожалуй, единственное существо на всем белом свете, которое Ефимовна по своему, коряво, грубовато и неловко, но все-таки любила. Но к Аленушке прилагались её родители: дочь – не уважающая, ни себя, ни мать, предательница, да отец – бездельник и сволочь очкастая. Так и жила Ефимовна, раз или два в месяц покупала гостинцы, звонила дочери, которую презирала и ехала к любимой внучке. Или они встречались где-нибудь на нейтральной территории, если очкастый бездельник находился

дома. По этому поводу, Ефимовна неоднократно и довольно эмоционально высказывалась: «А шо делать, если он, падла, всегда дома! Жень, ну ты мне объясни, как это может быть осенью творческий отпуск, весной дополнительный, летом основной?! Вот здорово, правда? Я у него, мразоты, замечь, Жень, вежливо так, интересуюсь: «От чего это ты все отдыхаешь, а, Алексей Николаич? Или перетрудился за компьютером своим? Нормальный мужик, – говорю, – Тем более имеющий семью, работает, а не в экран целый день паялится!» А он мне: «Катерина Ефимовна, вы настолько темный человек, что я более не считаю нужным вам что-то объяснять. Это совершенно бесполезно». Ефимовна, сама себя накручивающая воспоминаниями, тяжело дышала, краснела лицом и заканчивала рассказ об очередном семейном эпизоде на повышенных тонах, – Это он мне, – поясняла она для туго соображающих или опоздавших зрителей, – Это я темная, ... – далее следовал кучерявый ряд абсолютно непечатных слов и выражений.

– Катерина Ефимовна, – намеренно противным, визгливым голосом изображала она зятя, – Я вот обратил внимание, что вы пришли с улицы и не вымыли руки! А между тем, берете этими руками продукты и более того (!!!) даёте их ребенку... Ах ты ж... – следовала ещё одна нестройная, но ядреная и забористая подборка ненормативной лексики. – Да что ж я бацильная, что меня и к родной внучке подпускать нельзя?! Я что же враг ей? А проститутка эта, доця моя,

все ему в рот заглядывает... Хотя бы раз за мать заступилась! Нет, куды там... Ну не устаю поражаться, зачем Господь таким блядям детей посылает! – с сердцем резюмировала она.

В отличие от Ефимовны, Женька, точно знала, что её положение временное и очень скоро все изменится. Только каким образом оно изменится и что для этого нужно, она затруднялась ответить даже самой себе. То есть варианты имелись, в общем-то, и в достаточном количестве, но только все они были какие-то неявные, туманные и расплывчатые.

Ефимовна что-то бормоча, положила какой-то сверток в холодильник, и обернулась к Жене:

– Я зараз только проверю мерзавца Ерохина, как бы не спаскудничал опять и идем. У Кирилловны уже собирается народ, ты как, управилась? Женя устало кивнула:

– Не ходи к нему, я была в палате, там дочка с ним. Ефимовна, услышав об этом, только что не подскочила на месте. Это была одна из самых чувствительных и ранящих для неё-тем. Катерина относилась к этому очень болезненно. Как к чему-то явно и злонамеренно несправедливому, имеющим отношение лично к ней, к Ефимовне. – Не, ну ты гляди! – её оглушающая и молниеносная реакция все ещё удивляла Женьку, – Свит перевернулся! Ей-Богу! Эта падла Ерохин относится к родной дочери, как к скотине, а она все одно ходит и кормит, и ухаживает... И слова поперек не скажет! И вот скажи, Жень, хйба ж це е Бог на свете? А я все для своей Гальки робила... Ты думаешь, легко мне было, одной-то,

дите поднимать, да на трех работах вкалывать?! И что? Где благодарность? На старости лет ни квартиры, ни семьи, ничего, даже до ридной внучечки треба продиратися через оту шлендру, Гальку мою, да этого пи... , прости Боже, душу мою грешную, зятя, будь он неладен! Женя смотрела на Ефимовну, словно в тумане, не понимая, где она и что с ней. «Что я тут делаю, зачем я здесь вообще?!!!» – проносились у неё в голове, неизвестно кому задаваемые вопросы, когда она смотрела на беззвучно шевелящиеся губы своей напарницы.

– Женя, да что с тобой? – вглядываясь ей в лицо, громко спрашивала Ефимовна, тряся её за плечо, – Шо сталося? С глузду зъихала, чи шо? – Я до ней, а вона, як в отключке! Где, бутылка, – я пытаю у тебе, у третий раз? Да не смотри, як засватанная, тоже мне, конспираторша хренова! – прикрикнула она. Проследив за растерянным взглядом Женьки, метнулась к холодильнику.

– А! Так вот она, – радостно перешла на шепот Катерина, выживая из-за банки с огурцами, легализованную таким образом «Путинку». Глянув на оставшееся содержимое бутылки, укоризненно посмотрела на Женьку и зацокала языком:

– Да хйба ж це можно, молоденькой жиночке, да одной...

Присоединились они к коллективу, хотя и с некоторым опозданием, зато в отличном настроении, вполне довольные собой и предоставленными жизнью обстоятельствами. По крайней мере, со стороны это выглядело именно так.

Второй раз «накрыло» Женьку, когда Ефимовна пела свою вечную, загадочно ненадоедающую «Галю». Причем все шло по нарастающей. Ближе к концу песни, Женьку уже стало довольно ощутимо потрясывать. У Ефимовны же, как обычно, во время пения настроение заметно повышалось. Она, ничего не замечая, самозабвенно пела, и в самом конце даже решила пошутить, изменив припев: «Ой, ты Галю, Галю молодэнька, чом ты не помэрла, як була малэнька...», — под общий хохоток, залихватски выводила Катерина. Женька вздрогнула, резко поднялась с места, и, наступая кому-то на ноги, многократно извиняясь, бросилась вон из-за стола.

В своей комнате, она первым делом вытащила только что купленную бутылку водки. Выпив залпом изрядное количество, поняла, что ничего не ощущает. Даже вкуса не чувствует. Пьёт, как воду. Женя с сомнением глянула на бутылку, понюхала. Водка, как водка. Это с ней что-то не так. Женя некоторое время сидела в тишине, проигнорировав очередной звонок Ефимовны. Она докуривала уже четвертую сигарету. Затем вытащила из-под страшно неудобной железной кровати с продавленным днищем, багажную сумку и начала закидывать в неё вещи. Собиралась она недолго, вещей было мало. Почти все отправила вместе с детьми. Теперь осталось выяснить, когда ближайший автобус на Ставрополь. Женька снова налила полстакана и выпила тремя длинными, тягуче-обжигающими глотками. Удовлетворенно хмыкнула тому, что к ней вернулась способность чувствовать. Подойдя к

окну, увидела, что пошел снег. Он падал тяжелыми, крупными хлопьями, будто устраиваясь в этом городе основательно и надолго. Женя взяла с подоконника свою замерзшую косметичку, (с окна сильно дуло) и поеживаясь, отошла к кровати. «Через несколько дней будет три года, как я приехала в Москву» – вдруг вспомнила она. «Три года я нахожусь в этом городе, пытаюсь как-то устроиться, организовать свою жизнь, и жизнь своих детей, улучшить, так сказать, её качество и у меня ничего не выходит! Ни-че-го! – Женя сняла с кровати дорожную сумку на пол, и как была, в шерстяных лосинах и толстовке, забралась под ватное одеяло. – О чем это говорит? – её мысли постепенно замедляли свой темп, – Это говорит о моей полной и абсолютной никчемности, а может о том, что приезд сюда изначально был глупейшей ошибкой. В любом случае – пора отсюда сваливать, и чем быстрее, тем лучше». Женя провалилась в забытье, как в спасительное убежище. Сном это вязкое, мутное, оглушенное алкоголем состояние назвать было трудно. Очнувшись часов в шесть утра, с тяжелой и больной головой, так и не согревшись, она допила водку в один прием и направилась к умывальнику. В единственной на весь коридор душевой, в это раннее утро никого не было. Женька с отвращением сняла всю одежду и, дрожа от холода, встала под горячий душ. Странное дело, вода была очень горячей, она это понимала, так как облезлая душевая наполнилась паром, кожа покраснела, но она ничего не чувствовала, её все ещё продолжало

трясти. Женька нещадно терла себя мочалкой, будто пытаюсь отмыть нечто грязное, наносное и фальшивое, вызывающее глубинную дрожь и вязкий морок. Что-то прилипшее и яростно сопротивляющееся ликвидации. То, что раньше проявлялось лишь время от времени случайными эпизодами. А теперь, в её нынешней жизни грубо, но прочно вписалось в её картину мира, в её структуру и направленность. Лишая попутно веры, цели и смысла. Её самости...

Вышла только, когда стало трудно дышать от горячего пара. Разворошив всю сумку в поисках чистой одежды, она с удовольствием натянула любимые джинсы, тонкий свитерок из розовой ангорской шерсти и, уложив волосы феном, позвонила Главной. Состоялся телефонный разговор, во время которого Евгения Шаповалова сообщила своей начальнице, что срочно увольняется, заявление, если угодно, оставит своей коллеге Терещенко Катерине, проживающей с ней в том же общежитии. Самолично приехать и его вручить, а тем более отрабатывать установленные законом две недели, увы, не имеет никакой возможности. – Семейные обстоятельства, – вежливо и терпеливо пояснила Женька, – Требуют моего немедленного возвращения на родину.

– А как же обходной лист? – повысила голос начальница. Вместо ответа, Женя хмыкнула, сердито разглядывая пустую бутылку.

– Ведра, швабры и тряпки всев наличии, уважаемая Мария Николаевна, да вы и сами это отлично знаете, – наконец

проговорила она. Главная тяжело выдохнув, злобно поинтересовалась:

– А как же трудовая книжка? Стаж полгода, ...наверное. Женька, уже не стесняясь, засмеялась:

– Дарю! Любому, кто желает, – она почувствовала, что её снова начинает трясти.

– Да мы тебя по статье, да... – начала Главная и осеклась, вспомнив про трудовую. Женя проговорила ещё более вежливо и спокойно:

– И по поводу моего расчета, не беспокойтесь, Мария Николаевна. Распоряжайтесь, пожалуйста, по своему усмотрению. – Не благодарите, не стоит, – вытирая слезы, опять рассмеялась и нажала отбой.

В такси, набрав Ефимовну, она выслушала от неё все, что та думает о таких профурсетках, кидалах и фитюльках, как она. «Ташосталось? Яка така вожжа под хвост тоби попала!?» – возмущенно кричала в трубку Ефимовна, привычно шмыгая носом. Терпеливо дождавшись паузы, Женя сообщила ей, где оставила заявление вместе с коробкой подарков для нее и Аленушки. В конце абсолютно искренне сказала, что ей будет очень не хватать Катерины её песен. После чего откинулась на заднем сиденье и выключила телефон.

Женя совершенно точно знала, что нужно ехать домой. Московский период её жизни окончен. И дело не в том, что ей так и не предложили место врача-стоматолога. И даже не в тревожных комментариях матери о странном поведении

Димы. И не в пугающих видениях, которых становилось все больше. Причем, как во сне, так и наяву. Дело было в ней самой. Она это чувствовала. Женька просто не могла оставаться дольше в этом городе, в этом положении, в этом состоянии. Она кончилась в Москве, как будто выключили систему питания. Полностью и бесповоротно. Вопрос ехать или не ехать, перед ней не стоял. Вопрос был ехать или остаться и умереть. Потихоньку сойти на нет... Закончиться, как старой батареейке... Истаять, раствориться, самоликвидироваться.

У девушки хорошее лицо. Да и парень, который с ней, тоже очень милый. Так решила Женька, глядя на своих новых знакомых. Юрик и Тоня увидели Женьку в околотовальной кафешке, спросив разрешения, уселись за её столик. Женька даже не могла вспомнить, кто начал разговор. Вроде Юрик попросил сигарету. Или Тоня спросила который час. Да это и не важно, разговор завязался моментально: легкий, ни к чему не обязывающий и какой-то... расслабляющий. Женьке казалось, что она сто лет была знакома с ними. Ещё удивлялась про себя, бывает же такое! Тут с родными людьми годами не получается выстроить более-менее сносные отношения, а здесь с чужими – и такое приятие, такое взаимопонимание и доверие, что лучше и быть не может. Они поравнялись с её столиком в тот момент, когда Женька, закончив разговор с Шурочкой и удерживая подступающие слезы, доставала из телефона сим-карту, намереваясь

её выкинуть. Каким-то неведомым образом, вовсе не склонная к болтовне Женька, как-то незаметно рассказала этим чужим людям почти всю свою московскую эпопею, заполняя паузы в своей истории щедрыми глотками джин-тоника. Благо, время у неё было. Её автобус отправлялся только через два с половиной часа. Давно уже Жене не было так легко и хорошо... Юрик – умный, ироничный и Тоня, ловящая каждое слово, внимательная и понимающая. Женька обращалась к ней, как к собственному внутреннему «Я». Казалось, все, о чем она рассказывает, Тоне хорошо известно, потому что все это она пережила сама. Ни ей, ни Юрику не надо было ничего объяснять. И это было удивительное чувство, почти забытое! Даже с Шурочкой и Володей было не так, какую-то часть себя она все равно не то, чтобы прятала, но лишний раз старалась не демонстрировать. Юра незаметно, и как-то логически обоснованно, будто по-другому и быть не могло, дважды приносил спиртное. Все было к месту, все было очень кстати. Ненавязчиво, деликатно и в своё время. Давненько Женя не смеялась так легко и беззаботно уморительным комментариям и недвусмысленным шуткам Юры. Давно так охотно не рассказывала малознакомой женщине некоторые весьма пикантные эпизоды своей биографии. «Бог мой, – думала Женька, – Такое ощущение, что мы не расставались с первого класса». Слова вплетались в предложения. Предложения составлялись в абзацы и фрагменты. И лилась очередная витиеватая история. Жене ка-

залось, что если она перестанет рассказывать, то захлебнется. Столько в ней накопилось всего. А Тоня и не перебивала, говорила мало и по существу. Была идеальным собеседником. Заинтересованным, внимательным, немногословным и сочувствующим. По всей вероятности, ребята никуда не спешили, – Живем тут рядом, – неопределенно махнул рукой Юрик. Женя чувствовала приятную усталость во всем теле, похожую на сладкую истому и в тоже время невероятную легкость. Не было и намека на преследующую её несколько дней противную дрожь. Настроение было прекрасным, когда Женя на три секунды закрыла глаза... И когда открыла тоже. Точнее, она просто по инерции продолжала внутренне улыбаться. Когда она не увидела ни только что приобретенных друзей, ни своего рюкзака, она все ещё находилась в благодушном состоянии легкой эйфории. Так как сначала ничего не поняла. Почему-то она оказалась в дальнем ряду кресел, в зале ожидания. Совместно с осознанием вернулась и нервная дрожь. Вздрагивая и тяжело дыша, Женька произвела личный досмотр. Результат был малоутешительным. Кроме рюкзака, исчезла золотая цепочка, часы и мобильный телефон. Зато, как бы в насмешку, цела и невредима быласимка, которую она, прощаясь с московской жизнью, хотела было выбросить. Да в кармашке джинсов лежал совершенно ненужный уже билет. Глянув на часы в здании автовокзала, Женька констатировала тот факт, что её автобус по маршруту «Москва – Ставрополь» ушел боль-

ше часа назад. Милосердные Тоня с Юрой оставили ей багажную сумку, значительно, правда, откорректировав её содержимое. Благодаря чему, Женька осталась без шубы, без спортивного костюма и пары-тройки других вещей. Но хуже всего было то, что исчез паспорт, карты и вся наличность. Даже та, которая была глубоко запрятана в большой сумке, в потайном кармане. Какое-то время одеревеневшая Женька сидела, неестественно выпрямившись, пытаясь осмыслить случившееся. Мутный взгляд её следил за воробьём, который бестолково летал возле длинного, в пол, грязного окна, регулярно бился о толстое стекло, явно намереваясь, таким вот мазохистским способом, во что бы то ни стало, выбраться наружу. После очередной неудачи, воробьишко переводил дух, на чудовищной по своим размерам и безвкусному исполнению люстре. Лихорадочно подрагивая своим крохотным тельцем, он чистил взъерошенные перышки, разминал судорожными взмахами крылышки, чтобы спустя несколько минут яростно атаковать всей своей тщедушной конструкцией стеклянного гиганта. Женя встрепенулась, точно сбрасывая наваждение, и с трудом поднялась. Она ещё раз убедилась, что с ней явно не все в порядке, так как в настоящий момент более всего сожалела о любимой фляжке, исчезнувшей вместе с рюкзаком. Как бы сейчас пригодилось её содержимое. В пуховике нашлась мелочь, значит можно посетить дамскую комнату. Приведя себя в относительный порядок, она тяжело вздохнула: как бы ни хотелось этого, избе-

жать похода в милицию вряд ли удастся. По дороге решила опять заглянуть туда, где они недавно так душевно сидели, и ещё раз осмотреться. В кафе почти никого не было. У окна, близко друг к другу, сидели двое мужчин-кавказцев, в одинаковых черных кожанках, и о чем-то тихо переговаривались между собой. Да у бара стояла миниатюрная женщина в голубом кашемировом пальто и в нежно-дымчатой песцовой шапочке. Заглядывать под «их» стол не было нужды, он, равно как и прилегающая к нему территория, великолепно просматривался от самых дверей. Все было чисто, даже полы были недавно вымыты. Оглядывая помещение, она то и дело сталкивалась взглядом с «буфетчицей», как мысленно окрестила Женя хозяйку заведения, в самом деле, являющей собой образ типичной представительницы советского общепита. С какой-то тоскливой безнадежностью заглянула в коробку для мусора, которую увидела в открытую дверь служебного помещения. Ещё раз посмотрела в спину женщины у бара, разговаривающей с хозяйкой. Далее, буквально в одно мгновение, произошло следующее: «Не может быть!» – пронеслось, обрушившись на неё горячей волной узнавания, у Жени в голове. «Девушка! Я вам уже объясняла, никаких сумок и документов мы здесь не находили!» – сочным, с менторскими нотками голосом диктора теле- и радиовещания, обратилась к Жене барменша. В тот же момент женщина у барной стойки повернулась и Женька, вскрикнув, и бросив на пол уцелевшую сумку, кинулась к ней.

Когда они с Шурочкой выходили из опорного милицейского пункта, Женя спросила: «Так как же ты меня нашла?» Шура остановилась и посмотрела на неё с грустной улыбкой:

– Ну ты и балда! Ты же сама мне звонила, помнишь? Умоляла простить тебя. И в том числе, незаметно ответила на мои вопросы, с какого вокзала ты едешь, и когда. Шура подняла голову и молча наблюдала за бешеной траекторией шарахающегося от окна к люстре и истошно чирикающего несчастного воробья.

– Я по голосу поняла, что ты... э... не в порядке. Ты путалась во времени, то хлюпала носом, то начинала смеяться, – Шура поморщилась, – Женя, Женечка, ну что же ты делаешь, сестренка? От тебя и сейчас так несет перегаром, что и мне сегодня за руль уже нельзя, я думаю, – она криво усмехнулась, – Вот мент на тебя и косился, и пытался скорее выпроводить. Женька судорожно вздохнула:

– Ты мой ангел, моя спасительница! Что бы я сейчас без тебя делала! Они поравнялись с очередью в кассу, и Шура, обняла её за плечи:

– Дело не в этом, а в том, что.., – Шурочка замолчала, подбирая слова, – У меня такое ощущение, будто я вижу, что ты тонешь. И ничего не могу сделать! Понимаешь? Ничего! Она закусил губу, – Я очень хочу, чтобы ты осталась, родная моя. У меня, ты знаешь прекрасно, кроме тебя и Володи нет никого на свете. Но я не знаю, лучше ли это для тебя. И твои дети... Ты нужна им, Женя, здоровая и счастливая!

Шура помотала головой, то ли отгоняя наввернувшиеся слезы, то ли тревожные мысли и подошла к окошку кассы. Женя докуривала вторую сигарету, когда Шура подошла к ней, весело размахивая билетом:

– Уф, все-таки продали! Но сегодня рейсов уже нет, ближайший завтра в шесть утра. Теперь слушай, с этой бумаженцией из милиции об утере документов, ты вполне спокойно можешь себя чувствовать всю дорогу. Главное, сразу по приезду, иди с этой справкой в отделение милиции, ясно? Затем в паспортный стол. Ну, там скажут, куда тебе идти, – Женя кивнула и хихикнула... Шура взяла её обеими руками за лицо и заглянула в глаза:

– Господи, какая же ты тощая стала, ужасно выглядишь! Может, удержишься все-таки хотя бы на недельку, придешь в себя? А? Я тебя хоть откормлю, а то дети испугаются... Женя в ужасе замотала головой и Шура торопливо успокоила её:

– Ладно, ладно, не пугайся. Но сейчас едем к нам, я отвезу тебя завтра. Доставлю в лучшем виде, не сомневайся. Если, конечно, ты обещаешь не дышать на меня так, как сегодня.

Выходя из осточертевшего здания автовокзала, Женька непроизвольно пригнулась от едва не спикировавшего ей на голову, чокнутого воробья. Он носился раненым истребителем по залу ожидания, в отчаянной и мучительной попытке найти выход. Женя открыла и удерживала тяжеленные входные двери:

– Ну же, лети, чертова птица! Шурка, где он? Шурочка задумчиво смотрела на люстру, – Не надрывайся ты, отпусти двери. Он не полетит... Женька, ругнувшись и закрыв дверь, встала рядом с сестрой и посмотрела вверх. Воробей сидел на люстре, противоестественно свесив голову набок, и тяжело дышал. Маленький клювик был слегка приоткрыт. Правым глазом он не мигая, смотрел в одну точку. Женьке казалось, что этой точкой была она.

– Почему же этот дурак не улетает, – отчего-то волнуясь, спросила Женька. Шура, вздохнув, немного погодя ответила:

– Он не может улететь, потому что не в состоянии найти выход. Даже глядя на открытую дверь в упор, он не верит, что за ней свобода. И ты можешь сколько угодно приглашать его к выходу, он не двинется с места, – Шура с грустью посмотрела на Женьку, – Путь к выходу каждый прокладывает самостоятельно...

Женька искоса глянула на сестру:

– Так он же сдохнет... Ещё несколько раз шархнет об это стекло и все. Шурочка ещё раз протяжно вздохнула:

– Скорей всего... А с другой стороны, чего он так рвется туда непонятно, вот сегодня ночью минус пятнадцать обещают. Замерзнет же, как пить дать. Усаживаясь в машину рядом с Шурой, Женька вдруг резко, с сожалением в голосе, проговорила:

– Замерзнет или нет, это ещё неизвестно, а там погибнет обязательно. Так что лучше бы ему поторопиться к выходу.

Шура, выезжая на оживленную трассу и добавляя скорость, шумно выдохнула:

– И не только ему, Женечка, – с горечью проговорила она, – Не только ему.

Зинаида Евгеньевна поджидала Женьку в больничном коридоре. Увидев дочь, она скорбно поджала губы, развернулась и направилась к выходу. Женя улыбнулась, качая головой, и неспешно пошла за матерью. Догнала она её только в удивительно зеленой и прохладной, даже в эту августовскую жару, части больничного сквера. Глядя вполоборота на профиль Зинаиды, Женька отметила, как сильно изменилась мать. «Постарела и осунулась, – мелькнуло в голове, – Когда же это произошло? И почему я раньше не замечала?» Зинаида резко остановилась и повернулась к дочери:

– Ты можешь объяснить, что делает чужая женщина в палате твоего умирающего отца? Женя обняла мать за плечи:

– Мам, это не чужая женщина, – я тебе уже рассказывала... Это Шура, моя... подруга, я ей стольким обязана и... Зинаида Евгеньевна с ожесточением сбросила руку дочери с плеча:

– Не морочь мне голову, ради Бога! Ты хочешь сказать, что московская подруга, узнав о диагнозе твоего отца, тут же бросает все и летит сюда? Помогает, дежурит возле него, да? Зинаида развернулась и пошла к больнице, отрывисто бросая на ходу:

– Я не вчера родилась, дочь, понятно тебе? И я знаю, почему, как только твой папа её увидел – назвал Оксаной! Надо

было мне, дура старой, ещё тогда её прогнать. Женька растерянно молчала, а Зинаида у самого входа в больницу твердо проговорила:

– Повидались и хватит... Давай-ка, забирай свою подруженьку или кто там она тебе будет, и уходите. – Я сегодня у отца побуду... Завтра Ярослав придет... И больше, чтоб я её не видела, – жестко проговорила она.

– Мам..., – Женя нерешительно пошла вслед за Зинаидой.

– А будешь настаивать, – перебила она дочь, – И тебя не подпущу к отцу близко, так и знай.

Вечером того же дня Шурочка и Володя сидели у Жени на кухне и обсуждали уходящий день.

– Так вот и сказала, представляешь, сама уходи, дескать, и подружку забирай, или кем она тебе приходится, – Женя говорила и одновременно старалась разрезать на порции вынутую из духовки курицу. Володя, накладывающий салат, замер с ложкой в руке:

– Погоди, то есть как? Она что обо всем знает? А кто ей рассказал? Женя поставила дымящееся блюдо на стол.

– То-то и оно, что никто, сама догадалась. Женя в задумчивости остановилась, а затем потянулась за батоном. Водрузив плетенку с нарезанным хлебом в центре стола, она добавила:

– Ну, сопоставила некоторые факты... Кое-что подсчитала... О чем-то вспомнила, понимаешь? В разговор вступила Шурочка:

– Например, о том, как в своё время, он хотел Женю называть Оксаной. Женя подхватила:

– Он Шуркину маму видимо сильно любил и всю жизнь помнил. А Шурочка наша очень похожа на свою мать, вот он, бедный, и прошептал, когда её увидел: «Оксана, Оксана!» На какое-то время за столом повисло молчание. Но не тягостное, не гнетущее, а спокойное и умиротворенное. Прервал его Владимир, «глядя» на Женю, он сказал:

– Знаете, в этой ситуации мне больше всех жаль твою маму... Вы задумайтесь только, всю жизнь любить человека, быть ему самозабвенно преданной, и вдруг узнать, что ты вовсе не единственная. И что твой обожаемый муж любил другую женщину. Он замер и немного прищурился, будто хотел «разглядеть» что-то более внимательно. Взгляд его темных, каких-то бесконечных глаз казался невозмутимым и спокойным, как лесное озеро в полуденный зной. В такие моменты Женька забывала, что он слепой. Шура беспокойно переводила взгляд с мужа на сестру:

– Жень, может зря мы приехали? А вдруг отцу хуже станет, от волнений, ну или там не знаю... Женя быстро произнесла:

– Хуже ему уже не станет, Шурочка, у него аденокарцинома. Четвертая стадия... и последняя. Женя с усилием потерла лоб и с горечью добавила:

– Боже мой, это у него-то рак желудка! У человека, который был помешан на здоровом образе жизни. Который трид-

цать лет подряд начинал день с собственноручно выжатого сока. У него целая система была: когда овощной, когда фруктовый, когда мусс, а когда смузи. Выходил в любую погоду на гимнастику. Каждое утро, всю жизнь. В детстве его зарядка мне представлялась каким-то изуверством над собой. Я никак не могла взять в толк, зачем человеку добровольно на это идти, – настолько сложным был комплекс. И как всю жизнь он выглядел! Ему никто не давал его возраст, ну до последнего времени – спохватилась Женя, – Подтянутый, спортивный, мускулистый. В жизни не выпил ни одной рюмки, не выкурил ни одной сигареты... И на тебе! Действительно, у Всевышнего, довольно своеобразное чувство юмора, – Женя вздохнула:

– Его мать, царство небесное, промучившись с мужем-алкоголиком, умерла от цирроза печени, являясь абсолютной трезвенницей. И вот теперь отец... – Женя, извинившись, вышла из-за стола. Вернувшись, она, будто разговор и не прерывался, убежденно произнесла:

– Мама справится. Она гораздо сильнее, чем кажется. И потом, он всегда был хорошим мужем. Он по-своему любил маму, очень уважительно к ней относился.

Женя повернулась к сестре и взяла её за руки, – Я очень рада, что вы с Володей приехали. И что вы с отцом увидели друг друга. Вы оба имели на это право. Сначала я, как мы и договаривались, хотела представить тебя в качестве профессиональной медсестры, а так оно, собственно, и есть, – обра-

щаясь к Володе, Женя пояснила:

– Я думала, что скажу, что вот, мол, это Александра – подруга-медик с большим опытом выхаживания таких больных. Но не вышло. Тут и папа со своим «Оксана, Оксана»... И Шурочка со слезами на глазах и дрожащим голосом. Словом, получилось так, как и должно было, – грустно улыбнулась Женя, – Все, что не делается, все к лучшему. В кухню заглянула Анечка. Ей шел девятый год и, глядя на неё, у многих всплывала в памяти избитая и заезженная фразочка из старых романов, насчет того, что со временем эта малютка обещала превратиться в настоящую красавицу. Фиалковые глаза, густо-каштановые волосы и золотистая кожа, мгновенно оживали, и будто подсвечивались, когда она улыбалась, обнаруживая чудесные ямочки на оливковых щечках и ровные белоснежные зубки. Шурочка зачарованно выдохнула, – Все-таки, я, как ни стараюсь, не могу привыкнуть, Женя, к неправдоподобной красоте твоей дочери, – наконец произнесла она, когда девочка, что-то шепнув матери, вышла. Это просто невероятно! Женя усмехнулась, – Сама удивляюсь, и даже не очень верю. Она не похожа ни на меня, ни на отца, вообще ни на кого. Хотя, признаться, бывают моменты, когда Аннушка сильно напоминает одну даму, которую я знала, – Женя замолчала, на безмолвный вопрос своих друзей, неопределенно, как бы про себя, обронила, – Великолепная Эля... Мда-а, что-то общее, безусловно, просматривается, но этого не может быть никак! Потому что это невозможно, –

глянув на Шуру с мужем, удивленно на неё взирающих, Женя, встрепенулась, – Забудьте! Ну её, в самом деле... Ни кночи будь помянута... Вы её не знали, и, слава Богу!

Шурочка с воодушевлением продолжала:

– Женька, серьёзно, у твоей дочери какая-то неестественно идеальная внешность. Неправдоподобная, понимаешь? Она преувеличенно красива! – не без пафоса закончила Шура. Володя мечтательно протянул:

– Вот именно в такие моменты особенно жалеешь, что слеп, аки крот.

Немного погодя, Шурочка спросила: «А где мой племянник? Мы четвертый день здесь, а виделись один раз, да и то мельком?» Где-то в прихожей, непривычно громко и резко зазвонил Женин телефон. Вздвогнув, она с натянутой улыбкой испуганно посмотрела на Шуру, – А вот, сейчас, я думаю, мы это и узнаем.

Женька не рассказывала им о том, что с тех пор, как она вернулась из Москвы, они с сыном ни разу нормально не поговорили. Дима категорически отказывался жить в квартире Сергея. И его невозможно было переубедить. Или доказать, что они имеют право тут находиться. Но Женя чувствовала, что это только прикрытие. На самом деле, сыну гораздо удобнее было жить у её родителей. Ни мать, ни отец, в жизни не имели дело с наркотиками. А тем более наркотическим опьянением. Понятия не имели, что это. Зинаида рассуждала примерно так:

– Запаха нет, походка нормальная. Внук – спортсмен и красавец. Ни разу с сигаретой не был замечен, в отличие от мамыши его, которая дымит, не переставая всю жизнь. И в придачу – скромный, воспитанный и умный. И какой аккуратный! Брючки со стрелками, рубашечки выглаженные, с отложным воротничком. Никаких тебе рваных джинсов. (Из которых, мать его, например, так и не вылезает, хотя ей уже и четвертый десяток. Постыдилась бы, сколько раз говорила, бесполезно!) И все сам делает! Самостоятельный! С родителями, ему, бедному только не повезло, да с учением. Где ни учился, ничего пока не закончил. Ну, вот, хвала небесам, с сентября идет в политехнический техникум. Бабушка Зина настояла. Если бы не она, наверное, так бы и носило его по свету, с такой-то матерью-шалашовкой. И неизвестно чем бы это дело закончилось, если бы они с отцом не настояли, чтоб детей оставила в покое. И что хватит их за собой таскать. Сам-то Дима не очень и хотел куда-то поступать. Положа руку на сердце, вообще никуда не хотел, – должна была признаться Зинаида хотя бы самой себе. Но она поднажала. Припугнула армией, дескать, не за горами. Но он, бедный, с этими мотаниями по всему свету, что-то совсем вкус к жизни потерял. Ничего не хотел. Документы они все-таки в техникум подали. Но лишь когда Зинаида Евгеньевна ясно дала понять, что лодырей в своем доме терпеть не будет. Он вполне мог бы и в институт поступить, с его-то мозгами, да спортивными заслугами. Прыгать с 7,5 – метровой вышки! У

Зинаиды Евгеньевны просто дух захватывало, – когда Дима показывал ей запись соревнований. Время останавливалось, когда она наблюдала этот свободный полет внука. Это далеко не каждый может. У ребенка целый чемодан медалей, грамот и вымпелов. Но мастера спорта он получил за свой 3-х метровый трамплин. Это было завораживающее зрелище! Сколько раз видела она эти акробатические фокусы, столько же раз забывала дышать! Спортсмены в любом ВУЗе нужны. Но сдавать экзамены в университет Дима отказался наотрез. А тем более готовится к ним. На техникум вяло согласился исключительно, потому что там был всего лишь конкурс аттестатов. И его документ о среднем образовании, хоть и не самый выдающийся, добытый – таки в результате серьезных усилий и немислимых перипетий, в купе с его спортивной характеристикой, успешно прошли все испытания. Было, конечно, что он здорово напугал её однажды. Пришел откуда-то вечером, белый, как стена, лег на кровать, глаза отчего-то стали черными, потом она с ужасом поняла, что это настолько расширился зрачок. Говорил что-то несусветное, разобрать было невозможно, на потолок смотрел, улыбался и облизывал губы все время. На следующий день, он, конечно, объяснил, что сильно устал на тренировке (какой тренировке?) и выпил таблетку, которую дал ему приятель. И вот такую реакцию дала неизвестная таблетка. Ну что же взять с него, ребенок ещё. И, главное, как на Ярика похож-то! Как братья родные... Ярик до сих пор ему ближе, чем родная мать.

Женя зашла в комнату и преувеличенно радостно сообщила: «Ну что, мои хорошие, сразу две новости, – Шурочка, мама извиняется за то, что так резко высказывалась, и говорит, что ты можешь прийти к отцу в любое время. Но только уже домой. Представляют, его срочно выписали. Видимо, дело совсем плохо. Шура только сейчас заметила, что сестра дрожит. – Нам лучше поторопиться», – ломающимся голосом добавила Женя. Все трое, не сговариваясь, начали одеваться. Женя подошла к Володе и обняла его, – Нет, Володенька, если хочешь помочь, останься с Аней! Пожалуйста, – заглядывая в его бездонные, опьяняющие космической пустотой глаза, сказала она. Мне будет гораздо спокойнее, если ты останешься здесь. И вторая новость – объявила Женя с притворной торжественностью, стараясь, чтобы все нарастающая дрожь, была не такой заметной, – Мой драгоценный сын, обкурился какой-то гадостью и валяется сейчас в доме моих родителей в самом непотребном виде. Женьку затрясло сильнее, но она продолжила, с застывшей улыбкой Гуимплена, – Сие поведал мой единоутробный брат Ярослав, по какой-то надобности, заскочивший к родителям, – обувая кроссовки, рассказывала она, – Поскольку со мной он уже давно не считает нужным не только созваниваться, но и вообще говорить, то об этом он, с описанием всех деталей, высказался маме, – отдуваясь, выпрямилась Женя, – В том смысле, что яблоко от яблони, как правило, находится довольно близко. И что от осинки, не родятся, как вы пони-

маете, апельсинки. И вообще, какого черта тут делает этот юный потомственный наркоман и алкоголик.

Женя закрыла лицо руками и тихо опустилась на пол, содрываясь в беззвучных рыданиях.

На улице, глотнув все ещё теплого, но уже дышащего ночной прохладой воздуха, Жене стало немного легче. Шурочка говорила какие-то хорошие и теплые слова. Укрепляющие веру, дарящие надежду. Но Женя не чувствовала и не слышала почти ничего. Разговаривать и видеть никого не хотелось. Ехали молча. – Слава Богу, что деликатной и чуткой Шуре ничего не требуется объяснять, – думала Женя. Шурочка все понимала без слов, и Женя ощущала глубоко внутри себя тепло, очень напоминающее благодарность. Хотя, чем ближе подходили они к дому родителей, тем сильнее овладевало ей другое чувство. До боли знакомое ей. Чувство вселенского отвращения к собственной персоне, граничащее с ненавистью. Женька представлялась себе отвратительным монстром, что-то вроде гнусной твари из её недавнего сновидения. А кто же она ещё?! Её отец умирает, сын тонет в наркотическом дурмане, а чем занята её голова? О чем она думает практически круглосуточно, не взирая на присутствие рядом близких людей: дочери и сестры с мужем? Конечно, о выпивке. Выпить хотелось так, что немели мышцы лица. Застывала в гранитной окаменелости шея, сводило челюсти и леденели руки. Ни о чем другом Женя думать была не в состоянии. Срочно нужно было выпить. Несмотря ни на что.

Бухнуть, тяпнуть, дорболызнуть, – зачем-то она лихорадочно подбирала синонимы, – махнуть, хлопнуть, дернуть, поддать (пропустить), врезать (вмазать), опрокинуть, – Я схожу с ума, – проносилось в голове безостановочно, – Клюкнать, отхлебнуть, накатить, – продолжала она с каким – то удовольствием мазохистского толка, – Хлобызднуть, шарахнуть, засандалить, кирнуть, раздавить, жахнуть, чекалдыкнуть... Переведя дух, Женя замедлила шаг, и хмуро смотрела на показавшийся дом в конце улицы. Он поблескивал свежавыкрашенным, веселенькой желтой краской боком, и радушно демонстрировал тяжелые гроздья иссиня-фиолетовой «изабеллы», переплетающиеся с мелкоцветковой вьющейся розой, будто одновременно приветствовал, угощал и чуть-чуть хвастался. Подойдя ближе, Женя взяла Шурочку за руку и больно стиснула. Калитка была открыта и даже немного распахнута. Неслыханный проступок с точки зрения, её отца, Валерия Михайловича. В голове у Жени тут же возник менторский отцовский голос: «Калитка должна быть закрыта всегда!» Во дворе под навесом потихоньку ржавела старенькая «Волга». За последний год отец ни разу не сел за руль. Им навстречу вышла Зинаида, ещё больше осунувшаяся и как будто уменьшившаяся в размерах. Она быстро подошла к Шуре, и растерянно, завозившись руками, неловко обняла её.

– Он зовет... вас... тебя постоянно, хирург сказал, ему не больше двух суток осталось, – Зинаида Евгеньевна всхлип-

нула и пошла в дом, увлекая Шуру за собой, на пороге обернулась на дочь, – Женя, ты обожди, я сейчас только провожу, тут вот ещё с Димой беда.

Через неделю Женя провожала Шуру и Владимира. Они стояли в аэропорту, ожидая регистрации. Женя держала обоих за руки:

– Спасибо, родные мои, за все! – Женька, в черном платке, с тенями вокруг глаз, какая-то измученная и потерянная, обняла их. – Я много раз это говорила, но честное слово, не представляю, как бы я обошлась без вас, – она тяжело вздохнула, – Просто не знаю, чтобы я делала... Тут и похороны, и с мамой худо совсем, и Дима в наркологии опять, – в этот момент очередь стала двигаться гораздо быстрее, так как заработала ещё одна стойка регистрации. Женя снова прерывисто вздохнула, и потянулась к Шуре, – Сестренка! – упавшим голосом проговорила она, – женщины снова обнялись. Володя тронул Женьку за плечо, обнимая, шепнул ей на ухо: «Номер того парня я оставил на комод, в вазочке, слышишь? – отстранившись, Володя поднял и закинул на спину большой рюкзак, и крепче сжал её руки, – Позвони, Женя, может не сейчас, а когда накроет, а это будет обязательно, и мы с тобой это знаем, так ведь? Просто обещай, хорошо? Женя улыбалась, комкая носовой платок, и мерно покачивала головой. Она кивала даже тогда, когда Шура и Володя скрылись из виду. Возвращаясь из аэропорта, она думала, какой же он неугомонный, муж её сестры. Это же надо, он и в Ставро-

поле нашел какую-то группу поддержки зависимых людей и взял у них телефон. И не просто взял телефон. Нет, он и сам посещал их собрания несколько раз. Женька удивленно хмыкнула, – Ну надо же, он с таким жаром описывал этих людей, так восхищался ими, будто это не жалкое сборище алкашей, а, ни больше, ни меньше, герои нашего времени. «Какой же я алкоголик, размышляла Женя, – я просто не очень счастливый человек, с расшатанной нервной системой. Легко ему рассуждать: «Какая вторая работа! В первую очередь думай о своём выздоровлении!» – Ну конечно, а работать, кто за меня будет? А сына лечить, дочку поднимать? На все, батенька, деньги нужны. Если бы могла, и на третью работу пошла бы. С армией вот ещё разобраться надо. Какая Димке армия, пропадет там совсем. И речи быть не может. Женя глянула на часы, ещё нужно заехать к матери, которая никак не оправится после смерти отца, а перед этим в аптеку, взять ей лекарства. – Завтра 23 августа, – констатировала Женя, у сына день рождения! И встретит семнадцатилетие её бедный, запутавшийся ребенок в наркологической клинике. В тревожном предчувствии и захлестнувшей её жалости к своему больному мальчику ныло сердце. А от ощущения своей невнятной вины и тоскливой беспомощности щипало глаза. – Это ещё хорошо, что кроме основной работы в городской поликлинике, – заходя в аптеку, размышляла она, – есть возможность подработки в однойчастной клинике. И что сейчас можно работать по записи, а не торчать в

кабинете весь день в ожидании пациентов. Ещёкакое-то время назад это невозможно было даже представить.

Собираясь от матери домой и, радуясь, что той стало немного лучше, Женя вышла в коридор. Зинаида Евгеньевна вышла следом за дочерью:

– Послезавтра отцу девять дней, – медленно сказала она, – Я прошу тебя, чтобы не было этого изменщика Сергея с этой его бессовестной мерзавкой Туськой. Женя слабо улыбнулась и подняла вверх брови, – Мам, ну что ты говоришь, какой он изменщик! Мы были уже разведены тогда... Меня это вообще не трогает, почему ты так остро это воспринимаешь? Зинаида Евгеньевна, тяжело вздыхая, и опираясь о дверной косяк, отчего-то перешла на свистящий шепот, – Да потому что ты беспринципная размазня! Как можно было такое допустить! Ты-то укатила в столицу, да и все тут, а я год не могла людям в глаза смотреть! Женя почувствовала, что начинает заводиться, – Да ты-то тут при чем? – внимательно глядя на мать, спросила она, – А остальным какое дело? Люди разводятся, снова женятся, для тебя это что, новость? Зинаида, положила руку на левую сторону груди, лицо исказила болезненная гримаса:

– Нет, ты просто какая-то ненормальная! – мать повысила голос, – Да кто же своего родного мужа чужой бабе отдаёт? Если бы ты меньше в рюмку заглядывала, этого бы не случилось! Позорище! – Зинаида всхлипнула, достала из кармана халата платок, – Вот погоди, они ещё одного родят и у тебя

наверняка квартиру оттяпают! Туська эта, хоть и сволочь, но не дура, в отличие от тебя! Женя устало махнула рукой, – Мам, я тебя прошу, хватит, никто у меня не заберет квартиру. Там, между прочим, его дочь несовершеннолетняя прописана, и мы с Димкой тоже, – Женя посмотрела на часы, – Аня скоро вернется из пришкольного лагеря, а ни меня, ни ужина дома нет.

– Ей не привыкать, небось, – тут же язвительно откликнулась мать, – Очень вы этому Сереже теперь нужны, – уже тише буркнула она, – Особенно ты с Димкой. Ты, как знаешь, но я, чтобы их не видела, так можешь и передать. Это же надо! – не успокаивалась Зинаида, – Не устыдился явиться на похороны! Да ещё и шалаву свою притащил! И чего им не жилось в этом Новочеркасске?! Совести нет у людей вообще! Счастье его, что при людях не хотела я бучу поднимать, а то бы точно узнал, где раки зимуют.

Женя уже ехала домой, а в голове все ещё звучали навязчивым и тягучим рефреном материнские слова: «Господи, какая же я несчастная! Муж умер на руках чужой женщины, какой-то пришлой дочери, откуда она взялась, зачем, почему? А ведь если бы не ты, ничего бы этого не было! Одни проблемы и беды от тебя! Чего ты забыла в той Москве? Ты ребенка своего загубила там, понимаешь? Вот и все! Сестру она встретила! – передразнила её визгливым, неприятным голосом мать, – Самозванку ты в дом притащила, но, тем не менее, как отец умер, она была рядом и во всем помогала.

Она, а не ты, которая всю дорогу была или в отключке, или в непотребном состоянии, и это моя родная дочь! – мать уже начала подвывать, – Да что ты понимаешь, ничего ровным счетом! Я хожу, от людей глаза прячу! Это ведь такой позор! Лучше бы ты заболела какой-то страшной болезнью, и то мне было бы легче! Хоть не так стыдно! А то на меня люди с такой жалостью смотрят, говорят: «Зина, Женька твоя уж больно много пьет!» – Зинаида опять начала плакать, – в последнее время это случалось все чаще и без всяких усилий с её стороны, непроизвольно, – А теперь муж в сырой земле, – она зарыдала в голос, – Ты не просыхаешь, Митенька, внук любимый, в нарколожке, видать, пошел по твоим стопам, разлюбезная доченька! Славик, единственное утешение, так и он решил доконать: снова закружился с девачьей какой-то разбитной, того и гляди женится на ком попало, и что? – вытерев глаза, задала риторический вопрос Зинаида Евгеньевна? – А ничего, – тут же сама она и ответила, – прибежит «Мама, выручай!» – а дело сделано. Вон сейчас какие девки пронырливые! Сама видишь. Мать замолчала и с сомнением посмотрела на дочь, – Хотя, что ты можешь видеть! Женя, изо всех сил удерживая готовый вырваться наружу гневный поток возражений и ответных реплик, примиряющее, сказала: «Мам, Ярику уже четвертый десяток, ну хватит его нянчить! Пусть женится, если хочет», – и тут же пожалела об этом. Зинаида взорвалась целым фейерверком обвинений и нападок, из которых самым мягким была пря-

маярекомандация Жене вспомнить, сколько ей лет, оценить личный уровень самосознания и заметить, что корреляционные связи между этими двумя явлениями отсутствуют полностью.

Женя помотала головой, чтобы сбросить наваждение и крик матери внутри неё постепенно затих. Она довольно туманно вспомнила бывшего мужа Сергея на похоронах отца, и Туську, его нынешнюю супругу. Освоиться в Новочеркасске так и не получилось. Особенно у Туси. Тоска её по родному городу, по старой, доброй бабушкиной квартире, по друзьям, родственникам и просто знакомым, росла по мере надвигающегося окончания декретного отпуска. Видя её терзания и отчасти искренне их разделяя, Сергей задумался и вздохнул. Поднатужился. Съездил в Москву, потом ещё раз. С кем-то встречался, куда-то писал... И вскорости добился-таки перевода на родину. Женя сначала их не узнала. Просто увидела, что к ней в довольно быстром темпе катятся две округлые фигуры. При более внимательном рассмотрении живые шарики оказались её бывшим мужем Сергеем и когда-то лучшей подругой Туськой. Женя, с удивлением отметила, что Сергей и Туся необыкновенно похожи. Раньше она не обращала на это внимания. После своего возвращения Женя их видела лишь однажды, и то поодиночке. И тогда их сходство не так бросалось в глаза. Оба сильно набрали вес. Носили за чем-то одинаковые рубашки и джинсы. У обоих была короткая стрижка. Принимая от них соболезнования, Женя поду-

мала, что они похожи так же, как их двойняшки. Даже учитывая строгую и грустную обстановку прощания с отцом, а также, то, что Женя была в крепком подпитии, нельзя было не заметить, что эти двое счастливы. Даже по одному взгляду на их переплетенные руки. Сергей, видимо, не замечая, машинально, гладил ладонь приникшей к нему Туси. Он делал это так привычно, по-домашнему, что Женя залюбовалась. Так автоматически потирают у себя затекшую шею. Или поправляют волосы. Или растирают ушибленное место. Он гладил её ладонь, так же естественно, как свою, – подумала тогда Женя. С ней он не был таким, – слегка царапнула её острым коготком бледная тень ревности, – Так ведь и она не была такой, как её подруга, – заботливой, уютной, милой, – парировала она сама себе.

Туся была целиком его женщина, а Сергей целиком её мужчина. Это было ясно практически сразу. Видимо, именно осознание этого и разозлило так мать Жени. Чужое счастье для многих оказывается не просто тяжелым, а неподъемным грузом. С ним бывает очень тяжело и неудобно продолжать, как ни в чем, ни бывало, шагать дальше по жизни. Его хочется непременно бросить и даже немного прикопать. А ещё лучше постараться не видеть его совсем. А если все-таки пришлось увидеть, то доказать себе и другим, что все это не то, чем кажется. И не какое это не счастье, а дешевое притворство. Фальшивка, одним словом. И даже если не совсем фальшивка, значит украдено. У того, кто больше заслу-

жил, и теперь страдает. Потому что утащили, надули, обвели вокруг пальца. И теперь нагло пользуются ворованным счастьем. Которое и не по чину, и не по размеру. А Женька не страдала, потому что ясно увидела, что это не её. Или не для неё. А ей чужого не надо. Женя это поняла и могла тихо, со стороны радоваться за них обоих. Она могла, а другие нет. Например, Зинаида точно не могла. И даже не собиралась. – Ещё чего не хватало, – сказала бы Женькина мать.

В конце октября из Москвы пришло известие, что у Шурочки с Володей будет ребенок. Женя, говоря с сестрой, поражалась той гамме чувств, которую та умудрялась передать за один непродолжительный междугородний разговор. Сорокатрехлетняя Шурочка то застенчиво хихикала, как юная прелестница, то называла себя старой дурой. То не верила, что у них это вообще получилось, то боялась, что не успеет вырастить ребенка. То рассказывала, как ей стыдно было в женской консультации, то с ликованием сообщала, чтоготовабежать по улицам и делиться этой радостью с целым миром. Больше всего Женьку приводило в восторг известие о том, что забеременела Шурочка, когдаони с мужем находились в Ставрополе. – А поездочка-то явно удалась, – шутила Женя, потирая руки. Шурочка по скайпу, посверкивала яркими глазами и тихо улыбалась: «Женечка, милая, хоть ты понимаешь, что все не случайно? Что все взаимосвязано!?! – она выдерживала многозначительную паузу, и тихим, каким-то сокровенным, убеждающе-вопросительным голо-

сом расспрашивала Женю, – Ты ведь не будешь смеяться, как Володька? И называть все это ерундой и бабскими пред-рассудками!? Женечка, милая, ты видишь, как все разумно в этом мире и предопределено! То, что ты поехала в Москву, устроилась именно туда, где работала я, и то, что мы, встретились и узнали правду. И что я отца успела застать, когда он был ещё жив и попрощаться с ним... И простить... И самой испросить прощения... Да много чего ещё, всего так сразу и не упомнишь...»

Женя не очень удивилась этой новости. Хотя она знала, что Шура с Володей не спят вместе, тем не менее, была уверенность, что раньше или позже это обязательно случится. Божье провидение и женская мудрость сделали свое дело. Плюс, видимо, мужское благородство. Володя знал, как сильно его жена хочет настоящей, а не фиктивной близости с ним. И как страстно, хотя и тайно, мечтает о ребенке. Вот и пошел навстречу своей любимой женщине. Причем любимой, в высоком смысле. В духовном, можно сказать. Женя, волею судьбы, наблюдавшая их, мягко говоря, не вполне традиционные отношения, справедливо полагала, что Шуре хочется, чтобы взгляд её мужа на неё был, хотя бы иногда, не таким уж духовным. И чтобы он, опять же, хотя бы изредка снимал её с пьедестала и захотел взять на руки и куда-нибудь с ней уйти. Например, в спальню.

С Володей Женя почти не общалась. Ей надоело, что он все время поучает её, учит, так сказать, её дуру, жизни.

По крайней мере, Женя так это воспринимала. «Ну, все я не так делаю, – жаловалась она Шурочке, – На работу не ходи, – всех денег не заработаешь. Хочу от этой мясорубки, которая называется российская армия, сына уберечь, опять не то, снова не тем занимаюсь... Не от того, видишь ли, парня спасаю! Займись, говорит, наконец, собственным выздоровлением. Шура, я его спрашиваю, – а кормить моих детей кто будет? Если я собой начну заниматься? А он мне: «Пока сама не станешь выздоравливать, ничего не будет». – Вот сестра, ответь мне, зачем он каркает? Разве я плохого чего хочу?!»

Незаметно вступил в свои права 2009 год. Женя с тревогой наблюдала, что Дима вполне серьезно ожидает призыва в армию. Он неплохо учился, редко прогуливал, и по истечении года должен был сняться с наркологического учета и закончить техникум. И быть зачисленным в ряды Вооруженных сил готовым специалистом по компьютерным системам и комплексам.

Редко Зинаида Евгеньевна и её дочь Женя проявляли такое единодушие, как в стремлении любыми путями воспрепятствовать осуществлению их внуком и сыном задуманного. Женя, как и раньше, работала на пределе сил и возможностей. У неё появилась ещё одна работа, третья. Благодаря Тусе, которая вышла из декретного отпуска, Женя теперь по вторникам и субботам, работала в стоматологическом кабинете психоневрологического диспансера. Ей к осени необ-

ходима была определенная сумма для того, чтобы раз и навсегда закрыть вопрос с Димкиным призывом. Ему об этом решении она пока не говорила, вполне справедливо опасаясь бурной негативной реакции. Алкогольные срывы происходили все с той же регулярностью. Женька старалась как-то управлять этим процессом, чтобы, по крайней мере, это не бросалось в глаза. Она в совершенстве овладела искусством маскировки и лицедейства. Нежелание разговаривать с кем-либо из-за сильного перегара выдавалось за усталость и отсутствие времени. Воспаленные глаза и покрасневшее лицо за скачки артериального давления. Повышенную жестикуляцию, местами хаотичную координацию движений и странные ужимки, за беспредел от руководства и возникновение непредвиденных затруднений. И даже, когда Женьке не удалось никого ввести в заблуждение (физически не хватало времени прийти в себя), глядя на нее, легко верилось, что в этой ситуации никто бы не устоял.

С Туськой восстановились понемногу старые дружеские отношения, которые, хоть и с легким креном, но, тем не менее, устояли перед испытанием временем, расстоянием и довольно запутанными треугольными отношениями. Правда, работала Женя в одном с ней учреждении всего дважды в неделю и в отдаленном здании, но они старались использовать даже малую возможность для общения. То есть старалась больше, конечно, Туся. Женя была рада её видеть, узнавать последние новости (Туська, как и раньше, была луч-

ше других осведомлена обо всем на свете), охотно соглашалась выпить кофе в буфете, поболтать о том, о сем, и ни о чем, живо интересовалась новыми успехами в познании окружающего мира их с Сергеем двойняшек, но, пожалуй, и только. Что-то ушло из их общения. Незаметно, но совершенно точно, ушло. Женя, по крайней мере, это хорошо чувствовала. Исчезла легкость и свобода общения. Понижилась его значимость и качество: если удалось встретиться, поболтать по душам – здорово, нет – тоже не страшно. Испарилась необходимость присутствия в жизни друг друга. То есть ускользнули основные составляющие настоящей дружбы. Но Туська как будто этого не замечала, оставаясь, как и прежде, жизнерадостной и открытой. Евгения же, тонкочувствующая, обладающая развитой интуицией, поняла все и сразу. Но восприняла эти перемены совершенно нормально, как логическое и неизбежное завершение очередного этапа в своей жизни.

Гарик с трудом разлепил веки и ощутил тошнотворный металлический привкус во рту. Он непроизвольно застонал, отвернулся к стене и прикрыл глаза. Просыпаться не хотелось. Было невыносимо страшно встречать ещё один день. Практически невозможно. Снова пытаться найти какое-то решение, о чем-то думать, что-то предпринимать... Опять лихорадочно соображать, что говорить (читай: врать) отцу. Нет, об этом не может быть и речи, по крайней мере, сейчас, на трезвую голову. Трезвой его голова была, весьма, конечно, относительно. После такого-то количества выпитого накануне. Вчера Гарику исполнилось 36 лет. Вот он с ребятами и отметил это знаменательное событие. С коллегами, проще говоря, такими же доблестными работниками стройки, как и он. Хотя день рождения его поводом был чисто условно. В том смысле, что пили они, в любом случае, каждый день, вне зависимости от наличия уважительной причины. Ну да, в последние месяцы Гарик работал на стройке. И даже, собственно говоря, здесь жил. А что ещё делать человеку, которого поперли из армии? И об этом ещё никто из близкого круга не знает. Да это бы и не сильно беспокоило Гарика, если бы в этот самый круг не входил отец. Сам Гарик был уверен, что его тупо подставили. А что же ещё? Даже не просыхающего вообще никогда зам. по тылу Михайлова

оставили служить, а его, Гарика, уволили. Что это, нормально? Где, разрешите поинтересоваться, справедливость? Толика Михайлова даже пугали судом чести, на что он, длинно сплевывая, с ленцой отвечал: «Здоровья не хватит! Пусть раньше выпьют с мое, сукины дети, – в этом месте Толян обычно громко рыгал, ихрипло гаркал, – Срать стоя будут!»

Так вот, капитан Михайлов преспокойно оставался в рядах Вооруженных сил, и можно было не сомневаться, что он, ничуть не меняя своей генеральной линии, благополучно дослужит и выйдет года через три на пенсию. Где будет вполне уютно себя чувствовать, благодаря ежемесячному финансовому подкреплению со стороны министерства обороны. Чего нельзя сказать о Гарике. Чего-чего, а как раз стабильности и уверенности в завтрашнем дне Гарик был лишен. Первый раз, когда его накрыл командир батальона в расположении пьяным в стельку, велели написать объяснительную. Второй раз заставили пройти освидетельствование. Третий раз, два месяца назад, Гарик умудрился в состоянии ярко выраженного алкогольного опьянения, попасть под светлы очи нагрянувшей внезапно комиссии. Устроили показательное служебное разбирательство. Красной нитью там шло «пьянство в служебное время». Чуть позже командир части вызвал его и заставил написать рапорт об увольнении. Командир, что называется, пошел ему навстречу. Даже, можно сказать, оказал услугу. Но Гарика совсем не хотелось благодарить, да этого никто и не ждал. Командир, хмуро глядя на него, заявил, что

это надо было ещё умудриться вылететь из армии за пьянку. Гарик лично считал, что его не только подставили, но что это результат его чудовищного невезения. Вот такое, полагал он, нелепое стечение обстоятельств. Кто-то пьёт, черт знает что, извините, вытворяет, и ничего. Как ни в чем, ни бывало, остаётся на своём месте. А некоторые, Гарик мог бы сразу, без запинки, назвать три-четыре фамилии, даже шли на повышение. А стоило ему несколько раз выпить (и не без повода), как на его фоне решили изобразить образцово-показательную воспитательную работу, проводимую в отдельно взятой части. Гарик был уверен в том, что явился тем самым злополучным козлом отпущения, принесение в жертву которого автоматически искупает все грехи. При этом Гарик абсолютно искренне упускал из виду, что в течение последнего времени ни одного дня уже не мог обходиться без спиртного. И что жена подала на развод ещё год назад именно в силу этого обстоятельства. А не потому что она законченная стерва, которая неизвестно, чего хочет, как полагал сам Гарик. Если быть до конца честным, (хотя в этом, как раз он точно замечен не был), с тех пор, как Мария забрала сына Владика и уехала, он чувствовал колоссальное облегчение. Исчезла необходимость постоянно врать и оправдываться. Не то, чтобы это было трудно, нет, в последнее время ложь, увиливание и чувство вины стали частью его личности. Просто без Маши и Владика стало ощутимо легче. Теперь, чтобы влить в себя банку «Ягуара» не нужно с озабоченным

лицом хватать пакет с мусором и спешить к дверям. Гарик даже не мог припомнить время, когда они с женой спокойно разговаривали о чем-то, не относящимся к его алкогольной тяге и способам её удовлетворения. Жизнь их превратилась в какой-то бесконечный диалог истца и ответчика. Она принимала решения, он соглашался. Мария спрашивала, он отвечал. Она выдвигала ультиматумы, Гарик давал обещания. Жена требовала, муж пытался соответствовать. Маша постоянно уличала во лжи, Гарик бесконечно оправдывался. Поэтому-то и неудивительно, что он вздохнул с облегчением, когда Машка, худая и дерганная, как трущобная кошка, швырнула ему в лицо свидетельство о браке, забрала ребенка и уехала. Отсутствие сына Гарик вряд ли даже заметил. С тех пор, как родился Владик, прошло без малого девять лет. За это время Гарик не раз старался не то, чтобы заставить себя любить ребенка, но хотя бы испытывать элементарную привязанность к нему. Одно время Гарик старательно приучал себя к Владу. Пытался интересоваться его делами, разговаривать по душам. Найти хоть какие-то точки соприкосновения. Из этой затеи ровным счетом ничего не вышло. Гарик его не понимал, а на определенном этапе уже и не стремился к этому. Находиться в обществе сына он мог не более пятнадцати минут. По истечении этого времени, он испытывал смятение, неловкость и раздражение, которые пытался скрыть при помощи застывшей улыбки, натужных формальных вопросов из цикла «как дела? что нового? уроки сде-

дал?» и машинальных кивков головы, как реакции на такие же безликие и короткие ответы «нормально, да так, угу». Так что данный этап его жизни можно было считать закрытым, и он не особенно волновал Гарика. А с исчезновением вместе с семьей из его жизни таких благ, как: домашняя еда, чистая одежда, уютная квартира, он легко мирился. Гарик был ещё в совсем недавнем прошлом человекомармейским, а значит приспособленным к временным трудностям. В том числе и бытового характера. К тому же, Гарик (полное имя – Коновалов Игорь Алексеевич) являлся человекомнеприхотливым и легко довольствовался малым. Единственное без чего он вообще не представлял своей жизни – это табак и выпивка. Он в этом был уверен. Как говорится, плавали, знаем. По крайней мере, в те несколько раз, когда Гарик, под давлением жены (теперь уже бывшей)или своего отца, пробовал завязать, у него ни черта не вышло. Как-то не пил целый месяц или около того, так как жена тыкала ему в нос, им же написанное в похмельном бессилии дурацкое заявление-клятву. Где он нагородил сопливых уверений в полнейшем своём раскаянии и клятвенно давал зарок не пить до конца своих дней. Отец никаких клятв не требовал. Просто Гарик очень хотел ему соответствовать. Быть похожим на отца. Всю жизнь к этому стремился. Детская мечта, чтобы папа мог им гордиться. Не получилось. Может он плохо старался. Он этого не знал. Но что он точно знал, так это то, что жить трезвым, лично для него, невыносимая пытка. На которую, тем более

добровольно, он, Гарик, больше не подпишется ни за что. Он и сейчас хорошо помнил те чудовищные в своей невыносимости и до зубовой ломоты уныло-предсказуемые трезвые дни.

– Нет-нет, премного благодарны, век не забудем доброты этой, – мог бы сказать Гарик. Но не говорил, потому что, во-первых, некому, во-вторых – зачем? А в – третьих, кому это надо? Да и вообще он не сильно беспокоился, ни по этому, ни по любому другому поводу. Такой уж это был человек. О том, что он больше не кадровый офицер, Гарик также не слишком долгопечалился. Первоначальное отчаяние, чувство безысходности и краха собственной жизни, уступило место равнодушию и смирению. Закончена долгоиграющая и бесконечная муштра. На смену жизни по уставу пришла долгожданная свобода. Но имелось весомое обстоятельство, которое причиняло бывшему капитану российской армии, а ныне разнорабочему конкретного строительного объекта немалое беспокойство. И эта причина была отец Гарика. Легчик-истребитель, полковник в отставке, Коновалов Алексей Игоревич. Ныне это успешный бизнесмен, занимающийся продажей и установкой медицинского оборудования. А если точнее генеральный директор ООО «СТАВМЕДТЕХ». Вот такой у Игорька был папа. И в настоящее время, Алексей Игоревич был уверен, что единственный сын, наследник, так сказать, продолжатель рода и славной военной династии Коноваловых достойно несет службу в одной из летных частей

близ города Ейска.

Гарик не вставая, притянул к себе жестяную банку из-под кофе, служившую хранилищем более или менее достойных внимания окурков. Сигарет не осталось. Спиртного, тем более. В этой прелестной компании на такое чудо можно было даже не рассчитывать. В бригаде, где узбеки закладывают наравне с русскими, на утро может остаться только перегар, головная боль, вонища и грязные тарелки, сналипшими кое-где изжеванными фильтрами от сигарет. Подкурив небольшой бычок, Гарик, зажмуривая от едкого дыма левый глаз, выудил из-под раскладушки свои кеды. Услышав за спиной какое-то неявное движение, он не оборачиваясь, добродушно произнес:

– Керик, падла, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не оставлял свои мерзкие туфли возле моей раскладушки, а? Гарик повернулся и глянул снизу вверх на рослого молодого узбека. Керим абсолютно по-детски, максимально округляя припухшие глаза, растерянно смотрел на него. Затем широко улыбнулся и миролюбиво сказал:

– Почему ругаешься, Гарык? Ты спишь у двери зачем? Там обувь стоит, понимаешь, да? Обувь! Керим для лучшего уразумения активно жестикулировал, изображая, по-видимому, обувь. Понял, да? Башмак, тапка, галош..., а ты кровать ставишь, нехорошо, – покачал головой Карик. Гарик знал, что теперь этот философствующий узбек замолчит нескоро. Слушать его не было никакой возможности. Он

вспомнил, что послезавтра будет расчет, а значит, есть шанс взять в долг у Таньки в магазине.

Керим подобрал отшвырнутые его соседом черные лаковые туфли. Ласково обтирая их краем футболки, он неодобрительно покосился в сторону Гарика. Увидел он, да и томельком, только его спину и непроизвольно втянул голову от пушечного выстрела захлопнувшейся за Гариком двери.

Гарик прошел строительный участок, на котором работал уже три месяца. Он не знал, что тут строится. И знать не хотел. Его это не интересовало. Или вроде бы ему говорили об этом в самом начале, но он не запомнил. Да не все ли равно. В любом случае он тут временно. Его воротило от одной только мысли, что уже через полтора часа нужно влезать в свой дыбом стоящий рабочий комбинезон и подтаскивать к бетономешалке тюки с цементом. Но еще отвратительнее было слушать хриплое карканье прораба и каким-то образом взаимодействовать с рабочими. Выносить на трезвую голову все это Гарик был не в состоянии. Для того, чтобы хоть как-то мириться со своим положением, ему было необходимо спиртное. Трезвым он не мог не то, что контактировать с людьми, но даже не способен был просто находиться в их обществе. Алкоголь был единственным другом. Преданным, безотказным, надежным. Он давал Гарикау то, в чем тот так нуждался. Уверенность. Веру в то, что он сильный, умный, талантливый. Что любая задача ему по плечу. Стоит только захотеть. А также, благодаря этой дружбе у него моменталь-

но обнаруживалась первоклассная способность к коммуникациям любого рода. Уже в предвкушении выпивки у Гарика разительно менялось не только настроение, но и весь его образ. От угрюмого и язвительно-насмешливого старика-завторника до позитивно-обаятельного и харизматичного красавца. Этакого супергероя с горящими очами и великолепным чувством юмора. У тех, кто видел его в такие моменты, создавалось твердое убеждение, что Гарик ещё и прирожденный оратор. Его манера разговаривать, вкуче с хорошо поставленным голосом и тактикой убеждения практически не давала осечки. Но таких просветленных моментов становилось все меньше. И случались они все реже. Гораздо чаще он находился в злобно-подвешенном состоянии неприсутствия. Не здесь и не сейчас. Нигде.

Вполне уютно расположившись позади кирпичного штабеля и с наслаждением отпивая из холодной бутылки, он снова вернулся мыслями к замкнутому кругу, в который угодил. Причем угодил по собственной глупости. Конечно, – размышлял Гарик, – нужно было сразу после увольнения из армии возвращаться домой. А не пристраиваться на эту стройку неизвестно для чего. Это все его извечное малодушие: «А что скажет отец?», «Я жалкое ничтожество и позор семьи!», «О, как посмеются соседи...», «И куда мне теперь?» И так далее, до бесконечности. И что вышло из этого хорошего? Ровным счетом ничего! Он просто загнал себя в угол бесконечным враньём и трусостью. Дошло до того, что ему

элементарно не на что было ехать. Все что он зарабатывал, приходилось относить в магазин. Продавщица Таня лишь на первый взгляд напоминала учащуюся ПТУ. Причем, очень зрелую учащуюся. Может даже слегка перезревшую. Практически лежалый товар. На самом деле, Татьяна обладала хорошей зрительной памятью, великолепной интуицией и железным характером. И, кроме того, что ещё больше шло наперекор её легкомысленному и даже несколько вульгарному образу, являлась абсолютной трезвенницей. Только попробуй, опоздай с выплатой! Тебя мигом отлучат от выдачи в кредитна неопределенный срок. И восстановить утраченное доверие будет, ой, как непросто. Так вот, как только Гарику удавалось погасить основной долг, ехать уже было не на что. И приходилось оставаться ещё на неопределенный период, чтобы заработать на билет. Но за это время, как правило, снова набегала кругленькая сумма в блокноте должников у Татьяны, и так без конца...

Стоял конец апреля. Птицы носились, как заполошные. Небо было ярко-голубым и казалось мягким и нежным, как детская фланелевая пеленка. Гарик увидел, как сквозь щебень пробивается тощий, но веселый и нахальный, мятно-зеленый росток. Грустный местный пес, по фамилии Сосискин, неторопливо подошел к мужчине, открывающему вторую бутылку пива, и осторожно понюхал его руку. Мужчина сидел на перевернутой кривой тачке, так что глаза человека и собаки оказались на одном уровне. Гарик отвернул-

ся первым. Было мучительно и почти невыносимо на таком крошечном расстоянии выдержать этот взгляд. В собачьих глазах было столько человеческой печали и безысходности, столько ведической мудрости и понимания, что Гарик, для того, чтобы избавиться от какого-то липкого наваждения, внезапно охрипшим, с фальшивой бравадой, голосом, произнес:

– Ну, что, брат Сосискин? У меня и нет для тебя ничего. Танька, зараза, два пива тольковыдала, да пачку сигарет. Гарик сплюнул, закурил и тихо, длинно выругался. Пес внимательно и учтиво слушал, едва заметно подрагивая хвостом. – Да, товарищ мой, Сосискин, так и заявила, – Без денег, – говорит, можешь даже не появляться. Гарик, стараясь избежать собачьего взгляда, обернулся, услышав звук подъехавшей машины. Поднимаясь, и запрятав бутылки под опрокинутой тачкой, он кивнул собаке:

– Давай, брат Сосискин! Спасибо тебе, я все понял... Пожелай мне удачи, сегодня же буду звонить отцу... Исказив в странной гримасе рот, что, по его мнению, должно было означать приветственную улыбку, Гарик направился к вышедшему из заляпанной «Нивы» тучному мужчине средних лет:

– Хелло, Петрович! – ликующим тоном гаркнул он изда- лека. Прораб молча смотрел на не вполне уверенно двигающуюся к нему фигуру Гарика и нехотя кивнул.

– Почему вчерашний участок не закончили, мы же дого-

варивались? – Петрович, закуривая, исподлобья рассматривал Гарика. Тот, в который раз удивился зоркости и проницательности своего начальника. До строительного объекта, было метров пятьдесят-шестьдесят. Никак не меньше. А до того участка, где они вчера остановились, и того больше. И как можно за шесть-семь минут настолько точно произвести рекогносцировку?!

– Петрович, такое дело, – Гарик замялся, неловко хмыкнул, – День рождения у меня вчера был, понимаешь, ну, посидели с ребятами чуток... Днюха, все-таки.

– Да у вас, что ни день, то новый праздник, – зарычал Петрович, – То день рыбака, то взятие Бастилии! То дни рождения всех по очереди...

– Да честное слово, ты ж паспорт видел... 28 апреля...

– Я вижу, Коновалов, что у тебя и сегодня праздник...

Прям с утраца...

– Никак нет, – начал, было, Гарик, но прораб одним резким жестом остановил его, не успевшую даже начаться, оправдательную речь.

– Хватит болтать. Через двадцать минут подъеду, чтоб все были на объекте. Идо обеда закончили то, что должны были сделать вчера. Совсем распустились, – Петрович смачно выругался, – И не уйдете, пока не выполните сегодняшнюю норму. Никаких денег не будет, пока не сдадите этот участок. Все. Работаем.

Гарик, прищурясь, смотрел на отъезжающую вишнёвую

«Ниву». Достал телефон. Отыскал в поисковом наборе требуемого абонента, нажал кнопку вызова. Гарик знал, что денег на счету давно нет, но не беспокоился об этом. Поэтому не удивился, когда, едва он влез в свой рабочий комбинезон, раздался звонок его телефона:

– Привет, мам! – на удивление спокойным голосом, проговорил он в трубку, – Спасибо, что перезвонила.

Вечером того же дня, Гарик, отлучавшийся на пару часов, в приподнято-радостном настроении, ввалился в бытовку. Керим, Рашид, Антоха и Санечек, маленький, вихлястый мужичок, которого почему-то Гарик на дух не переносил, были на месте. На столе находился пластиковый бочонок с дешевым пойлом «777». Такой же бочонок, но только пустой, валялся под столом. Все четверо недоумевающее уставились на Гарика, который радостно улыбаясь, водрузил на стол четыре поллитровки водки, упаковку пива, батон колбасы, сыр, тушенку, два каравай хлеба, молодую картошку, огурцы и помидоры.

– Ну что, братва, гуляем? – задал риторический вопрос Гарик. – Эй, Глазастик, убери на хрен, со стола эту бормотуху, – обратился он к Рашиду, смуглому и худощавому парню, с невероятно узкими даже для человека его национальности, глазами-щелочками. Санечек, быстро метнулся глазами по лицам, на стол, на Гарика и обратно. Одновременно, производя руками, ногами, шеей, какие-то бесконечные движения, шумно выдохнув, и как бы, сообщая общее мне-

ние, он, елеиным голосом произнес:

– Гари́к, банкет это прекрасно, хотя пока не ясно, по какому случаю. Но, видишь ли, ты довольно рано свалил с участка, а тут нарисовался Петрович. И, собственно, план опять не выполнен. Отсев поздно доставили. Прораб в ахере. Орет, как потерпевший, ну и мы, разумеется, в полной ж... Гари́к резко обернулся к нему и Санечек отпрянув, замолчал. Гари́к смерил его злобным взглядом и с усилием поборол большое искушение выдать достойную отповедь. Раньше, – пронеслось в голове, – он бы сказал этому мозгляку, куда ему идти и где высказываться, но только не сегодня. Сейчас этот верткий, мутный червяк, который вечно дергается, как припадочный, не был способен вывести его из равновесия.

– Ребята, проставляюсь! Сваливаю к херам отсюда. К себе на родину, на Ставрополье, – он похлопал себя по нагрудному карману, – Вот уже и билет купил. Уезжаю, значит... Первого, блин, мая ... Ну а кто считает, что повод этот малозначительный, – он выразительно посмотрел на Санёчка, – Того я, понятное дело, не задерживаю. Могу и выход указать даже.

Остались все. Сидели долго, хорошо, основательно. Последний раз такая душевная обстановка была, когда узбеки готовили плов на костре. Пили за Гари́ка, за его отъезд, за успех в его будущих начинаниях, за его щедрую и добрую ма-тушку, которая, не задавая лишних вопросов, сказала: «Приезжай, сынок, конечно», и тут же отправила деньги. Пили

за успешное окончание строительных работ. И за то, чтобы начальство обратно из свиней, для разнообразия, превратилось бы в людей. И для начала, к примеру, выплатило бы работягам их честно заработанные деньги. Ну и так далее, о чем уже и не вспомнить. Расходились около полуночи. А в это время в одном из московских родовых домов на свет появилась крошечная девочка по имени Богдана. Дочь Шурочки и Владимира.

Дорогу из Ейска в Ставрополь Гарик почти не запомнил. Ему было очень плохо. Раз или два просил водителя остановиться и, шатаясь, направлялся к ближайшим кустам. Возвращаясь на своё место, с зеленоватым цветом лица, прилагал усилия к тому, чтобы ни на кого не смотреть. Не замечать этих напряженно-вопросительных лиц.

Дома мать встретила его фразой: «Ой, батюшки! Да что с тобой!? В гробу краше лежат!» Его мать, Полина Васильевна, совершенно не изменилась с момента их последней встречи два года назад. Только показалась Гарику ещё миниатюрнее и тоньше, чем была раньше. Джинсовые шорты, майка-разлетайка на узких бретельках, и хорошо продуманный, невесомо-воздушный, кажущийся беспорядок на голове. Гарик, как бы плохо себя не чувствовал, глядя на неё, усмехнулся, – кому-кому, а себе его мать точно не изменяла. За тот период, что она находилась в браке с его отцом, Полина Васильевна работала только однажды. Накануне рождения Гарика отец пристроил жену в библиотекувоинской части. Она

проработала там неполных четыре месяца и ушла в длительный отпуск. Многолетний. Который закончился примерно в то же время, что и её брак. Через шестнадцать лет. Именно столько было Гарику, когда он узнал, что мать с отцом разведутся. Тогда он испытал такое же чувство, как в тринадцать лет, на физкультуре, когда он не успел отбить баскетбольный мяч, запущенный в него со всей дури, Лехой Костылём. Удар пришелся в область желудка. От острой боли Гарик согнулся пополам и не мог дышать. Известие о разводе произвело то же самое действие. Он почувствовал резкую боль в области солнечного сплетения и начал задыхаться. Было совершенно непонятно, что же теперь будет с ними со всеми. Как же после этого они будут жить. Ситуация усугублялась тем, что он никому не мог рассказать о своих переживаниях. Это было бы глупо. У многих его друзей предки были в разводе. И никто из них не видел в этом особой проблемы. – И что с того, – заявил его лучший друг и одноклассник Никита, когда он поделился с ним этой новостью, – Мои старики тоже разбежались, подумаешь трагедия... Забей, мой тебе совет. Так даже лучше. Все равно цапались бесконечно, пока жили вместе. А теперь, красота! Никто на мозги не какает. Ну почти... Сам увидишь. Они даже соревновались за мою любовь и расположение, ага...

Советы Никитоса «забить» не помогли. Гарик так и не смирился с тем, что они уже не семья. И что он теперь жил то с матерью, то с отцом. То в Михайловске, то в Ставропо-

ле. А на самом деле, не там, и не тут. На улице, если выражаться точнее. То есть не в смысле, что питался отбросами и ночевал под мостом. А настоящим, самим собой он был только с приятелями во дворе. Только здесь он мог дышать полной грудью и не боялся ненароком задохнуться. У него теперь вместо одной родной семьи появились целых две, но каких-то чужих и натянуто-притворных. Лично ему, Гарику, совершенно не нужных. Мать сначала познакомила его с Альбертом Вазгеновичем, словоохотливым, улыбчивым армянином, который жил у них по две-три недели, а потом настолько же исчезал. Затем в доме появился сурового вида Магомед, с преувеличенно рафинированной кавказской внешностью. Почти карикатурной, если бы не уравновешивающие его образ, строгость и монументальность. Он, молча, протягивал Гарику руку при встрече, но при этом смотрел на него так, будто искренне не понимал, что он тут делает. Был ещё один промежуточный мужичонка, имени которого, Гарик даже не старался запомнить. Этот транзитный пассажир, имеющий непосредственное отношение к грандиозным идеям матери по переоборудованию дома, (которые, откровенно говоря, так никогда и не были реализованы), исчез также стремительно и неожиданно, как и появился.

Что касается отца, то тут все было гораздо планомернее, целесообразнее и логичнее. Через два месяца после развода, к Алексею Игоревичу переехала его друг и незаменимый помощник в бизнесе – Людмила Ильинична. Эта женщина раз-

бывала до основания стереотипное мышление и обывательские штампы о секретаршах руководителей и бизнесменов. Людмила не была ни молода, ни хороша собой. Маленького роста, приземистая женщина с неопределенным цветом волос, кустистыми бровями и тяжелыми даже на вид, очками в грубой, металлической оправе. Но такое впечатление она производила до того момента пока не начинала говорить. Как только Людмила высказывалась по тому или иному поводу своим тихим, бархатистым голосом, никто уже не замечал её уродливых очков и невыразительной внешности. Без сомнения являлась она профессионалом высочайшего класса. Говорила просто и ясно. По любому вопросу имела собственное мнение. При необходимости спокойно и уверенно его отстаивала, апеллируя проверенными фактами. Была удивительно цельным человеком, с потрясающей выдержкой и сильным характером. Не только в профессиональной сфере, но и в быту вела себя с достоинством королевы. При ней невозможно было сплетничать или плести интрижки. Даже представить чисто теоретически это было сложно. К ней прислушивались, её уважали. И слегка побаивались, зная, как ценит шеф её мнение, и как доверяет Людмиле. Если у некоторых, не вполне осведомленных людей, первоначально и возникало удивление, как реакция на известие о том, что они стали парой, от него довольно быстро не оставалось и следа. Странное дело, порознь эти люди казались настолько разными, что вообразить между ними ка-

кие-либо отношения, кроме сугубо профессиональных, было очень трудно. Практически невозможно. Но все менялось, когда их видели вместе, в отрыве, так сказать, от рабочего процесса. Статный, высокий, с лицом американского киногероя, хронической выправкой кадрового офицера, и нежно-волевым прищуром карих глаз – отец Гарика, Коновалов Алексей Игоревич, и миниатюрная Людмила. Наперекор заслуженной репутации красавца, гусара и ловеласа, взгляды часто притягивала именно она. В ней была холодная уверенность сытой львицы, наблюдающей за игрой своих детенышей. Четко ощущалась внутренняя сила и душевный покой. Людмила давно могла бы начать свой бизнес и уйти в самостоятельное плавание. Но... она этого не сделала, и ни разу об этом не пожалела. Даже, когда ей исполнилось тридцать семь. И многие были уверены в том, что она по-прежнему всего лишь секретарша босса. А дело было в том, что Людмила Ильинична полюбила Алексея Игоревича в тот самый день, когда впервые увидела его. Как часто пишут в романах, это случилось в далеком 1988 году. И в то время 28-летняя Людмила являлась классным руководителем, а заодно и учителем математики пятнадцатилетнего сына Алексея Игоревича. Гарик, в свою очередь, в этом нежном возрасте, пока ещё неуверенно, но в достаточной степени осознанно испытывал на себе все прелести кривых дорожек, запретных веществ и неблагонадежных компаний. По этой причине, родителей юного оболтусасистематически вы-

зывали в школу. Когда Гарик перешел в девятый класс, матери находить на него управу, стало ещё труднее. О чем она регулярно и сообщала мужу. В какой-то момент, она попросту умыла руки. За сына взялся тридцатипятилетний действующий майор тогда ещё советской армии Коновалов. Он установил сыну жесткий распорядок и добился его восстановления в секции рукопашного боя. Отец строго контролировал тщательное выполнение домашнего задания. Уже одно это кого хочешь могло вывести из себя, как полагал Гарик. Но Алексей Игоревич на этом не остановился. К закипающей и сводящей с ума ярости Гарика, отец стал не только посещать родительские собрания, что ещё куда ни шло. Но и регулярно наведываться в школу. Причем не только по вызову этой бешеной новой классной, Людмилишны, но и сам по себе. По собственному, фигурально выражаясь, почину. Людмила Ильинична, впервые увидев родителя одного из самых трудных своих учеников, поняла все и сразу. Про себя. И про него. И про своё к нему отношение. Людмила хорошо знала себя: противостоять этому чувству, опираясь на логику и здравый смысл, апеллировать к разуму бесполезно. Что касается Алексея Игоревича, то, как и следовало ожидать, Людмила не произвела на него, мягко говоря, большого впечатления, как женщина. Но ему было интересно слушать её рассуждения, он отдавал должное её живой заинтересованности в результате и неформальному подходу в вопросах обучения и воспитания. После бесед с учительницей, он ловил себя

на том, что вспоминает её слова, богатый оттенками голос и продолжает мысленный диалог с ней. Как бы Гарик не сопротивлялся, но усилиями своего отца и Людмилы Ильиничны, он таки перешел в десятый класс. И даже с вполне приличными оценками. И угроза отчисления перестала висеть над ним, как дамоклов меч.

В то время Алексей Игоревич и представить не мог, кем впоследствии станет для него эта маленькая неброская женщина с умными глазами. Он давно уже расстался с иллюзиями по поводу своего брака с матерью Гарика. Но вовсе не собирался коренным образом менять свою жизнь. По большому счету его все устраивало. И мало беспокоил тот факт, что у жены одни интересы, а у него другие. Подумаешь, ничего удивительного. За семнадцать лет в браке и не такое бывает. Они с Полиной ещё неплохо держатся. Так даже удобнее. Никаких тебе лишних вопросов и прочей суеты. Отсутствие хлопот и претензий. Причем с обеих сторон. Каждый выполняет свою часть обязательств. Алексей, являясь главой семьи, зарабатывает деньги и осуществляет, так сказать генеральное руководство. Начинать ли ремонт в квартире, куда ехать отдыхать, покупать или нет новую стиральную машину. Полина же вела домашнее хозяйство и занималась, до определенного момента, – сыном. И выглядели при этом все члены семьи вполне довольными. Или так Алексею Игоревичу только казалось? По крайней мере, до 30 декабря 1988 года семья его представлялась чем-то незыблемым и благо-

надежным. В этот день его жена уехала к матери. И вечером Алексей вдруг решил устроить ей сюрприз и поехал к дому тёщи. Ох, сколько удивительных и чаще всего неприглядных открытий таят эти дурацкие затеи с сюрпризами! Так и хочется произнести короткий, душевно-проникновенный спич на эту, увы, злободневную тему. Что-то вроде: «Дамы и господа! Отчего вы не живете легко и незатейливо, аки прочие земные и небесные твари? Зачем вам непременно требуется время от времени усложнять и портить жизнь себе и окружающим вас людям? Ну что дурного, спрашивается, в том, чтобы иной раз взять, да и предупредить о своем намерении? От скольких бы это разочарований уберегло! От скольких конфликтов, драм, а то и просто трагедий избавило!»

Алексей Игоревич, как упоминалось, в прекрасном расположении духа, в канун Нового 1989 года, ехал по селу Шпаковское, будущему городу Михайловску, за своей законной женой Полиной Васильевной. Остановившись на светофоре, на улице Фрунзе и повернув голову вправо, в направлении гостиницы «Теремок», он вдруг увидел, как туда входит его супруга. В польских сапогах цвета спелой вишни и укороченной кокетливой дубленке. Это была она, Полина. В дверях этой маленькой гостиницы он оказался вовремя. Как раз, чтобы услышать, как дородная тетка за стойкой пробашила его жене: «Восьмой номер». Через несколько минут, когда Полина упорхнула по лестнице, он, сделав понятный во всем мире жест администратору, и разместив перед ней сим-

патичную купюру, отправился к восьмому номеру. На его стук дверь открыл улыбочивый армянин в черной шелковой рубашке и съехавшем набок галстукке. Какое-то время они безмолвно изучали друг друга. На заднем плане он смутно различил бледное, испуганное лицо жены. Так же молча, он спустился вниз и уехал. Развели их очень быстро. Ни имущественных, ни каких-либо других претензий, ни у одной из сторон не было. Никто не выяснял отношений. Ничего не требовал объяснить. Полина тихо собрала вещи и уехала к матери. Он не возражал. Все-таки они неплохо узнали друг друга за эти семнадцать лет. Однажды Алексей Игоревич зашел в школу. Почему-то захотелось увидеть Людмилу. И услышать её голос. Обнадеживающий и уверенный. А ещё волнуемый, терпкий и бархатный, как южная ночь. В дверях школы они появились вместе. И направились в одну сторону. Очень скоро Людмила Ильинична переехала к нему. Ровно в сорок пять лет, он вышел в отставку. Но ещё до этого в их доме все чаще слышалось «инвестиционно-привлекательный бизнес», «перспективная ниша», «узкоспециализированное медицинское оборудование». Он уже и не помнил, чья это была идея, его или Люды. И откуда, собственно, взялась эта мысль. Ведь они никакого отношения, ни к стоматологии, в частности, ни к медицине, вообще, не имели. Но факт остаётся фактом. За несколько лет Алексей и Людмила от арендаторов маленького склада на краю города превратились в большую организацию ООО «СТАВМЕДТЕХ»

с пятью филиалами на юге России. Их фирма не только поставляла стоматологическое оборудование. Она вводила его в эксплуатацию, осуществляла контроль технического состояния, а также производила текущее и периодическое обслуживание. В день своего пятидесятилетия, завершая тост, он неожиданно (даже для себя) объявил, что счастлив. И что он никогда не думал, что можно быть счастливым постоянно. Практически каждый день. Это было сказано в банкетном зале дорогого ресторана. Было много гостей. Друзья, бывшие сослуживцы, нынешние бизнес-партнеры. Алексей Игоревич, стройный и красивый, с великолепной шевелюрой и легким средиземноморским загаром был неотразим. К тому же он стоял с бокалом в руке и говорил тост. А Людмила сидела в простом трикотажном костюме, с отстраненной улыбкой и эффектом неприсутствия на маловыразительном лице, без всякого намека на косметику. И, тем не менее, все опять смотрели только на неё.

После того, Алексей Игоревич и Людмила в конце марта 1989 года, расписались, Гарик даже не мог толком сказать, где ему не нравится больше. В Шпаковке у матери, с её колоритными, но легкозаменяемыми друзьями, или в новой семье отца. Здесь, наоборот, ощущалась стабильность, надежность и взаимное уважение. Даже шестнадцатилетнему Гарику было ясно, что их союз, так же, как и их бизнес – долговременный проект. Но ему и там, и здесь было одинаково некомфортно. Он презирал мать за её способы устрой-

ства личной жизни. С её хахалями, как их называла бабушка, едва здоровался. Был нетерпим и груб. Но и в Ставрополе, дела обстояли не лучшим образом. От общения с Людмилой пытался ускользнуть. Совершенно терялся и не знал, как себя с ней вести. Она тоже, хоть внешне оставалась спокойной и ровной, чувствовала себя с Гариком напряженно. Родственники со стороны матери, некоторые его приятели и даже кое-кто из учителей, объяснили ему, какую травму нанесло ему присутствие в их квартире другой женщины. А ещё учительница называется! Уже одно то, что чужая баба выходит из спальни, в которой раньше находилась его мать, должно было нанести огромный, едва ли восполнимый, ущерб его здоровью. Видимо, не без помощи этих добрых людей, сразу после замужества, Людмила Ильинична уволилась. На самом деле изначально ничего такого катастрофического он не чувствовал. Просто ему было очень жаль, что они перестали быть семьей. Но со временем, Гарик почти убедил себя, что действительно является единственной жертвой во всей этой истории. Он и есть самая пострадавшая сторона. И даже приспособился извлекать из этой ситуации непосредственную выгоду для себя. Некоторые, что ли, льготы и преимущества. Причем, ничего особенного ему делать было не нужно. Умненькие взрослые сами, что надо домысливали и сами, что хотели, договаривали. Приезжая, например, к матери из Ставрополя, он, тяжело вздыхая, опускался в кресло и в изнеможении закрывал глаза. Или падал на кровать в сво-

ей комнате и отворачивался к стене. Или упавшим голосом, чуть слышно произносил, что много уроков и нет времени на ужин. Вариаций было множество. Мать и бабушка, с тревогой переглядываясь, не решались его тревожить. Первой, обычно, не выдерживала бабуля. Обращаясь к дочери, она громко начинала шептать:

– Совсем заездили парня! Ни стыда, ни совести! Да на нем лица нет... А та ж змея, своих бог не дал, так на нашем отыгрывается... Учительша! Знаем мы таких, прости Господи...

– Мама! – одергивала бабулю Полина, – Сынок, идём ужинать, бабушка картошечку с грибами поджарила, как ты любишь. «Сынок», с усилием вставал и как бы под давлением обстоятельств, плелся на кухню. Постепенно оживал и нахваливал еду. Прозрачно намекая, таким образом, что едва не голодал.

С отцом и Людмилишной вместо него прекрасно справлялся их комплекс вины. Здесь ему вообще не требовалось ничего изображать. Было вполне достаточно тяжелого красноречивого молчания. Даже Людмила слегка терялась, когда он при встрече с ней, низко опускал голову и закрывался в комнате.

На самом деле, находясь с этими людьми, Гарик всегда хотел только одного – вырваться на улицу. И ещё, чтоб перестали, наконец, грузить. Улица была его стихия. Только здесь ему было, в самом деле, хорошо. Двор, приятели и алкоголь. Вот такая цепочка. Довольно скоро выяснилось, что можно,

оказывается, иногда, и без улицы, и без приятелей. А вот без спиртного нельзя. Вообще. По крайней мере, ему точно. Дело в том, что Гарик всю жизнь себе активно не нравился. Очень многое в себе ему не нравилось, а если выразаться точнее практически все. Ему не нравился его средний рост. Были отвратительны собственное лицо и тело. Звук своего голоса казался настолько противным, что хотелось оглохнуть. Когда в четырнадцать лет, у Сашки Тихомирова, они распили литр вина, Гарик неожиданно пришел в великолепное расположение духа. Он вдруг примирился с собой. И даже больше, он себе понравился. Он собой гордился. Ещё бы, ведь Тихомирову очень быстро стало плохо, а ему нет. Ему было, наоборот, очень хорошо. Алкоголь вошел в него, как долгожданный гость. Как старый друг и мудрый наставник. Вошел и остался... Гарик сидел тогда на кухне у дворового приятеля и тихо смеялся. И понял, что жить, вообще, хорошо. И, наверное, все же стоит... Он нашел тогда личную стартовую кнопку запуска... Пульт управления собственной жизнью.

Каким-то чудом, он, имеющий к восемнадцати годам стойкую алкогольную зависимость, не только вполне сносно окончил школу (заслуга отцовской ветвистой системы поощрений и нанятой им команды репетиторов), но и поступил в Краснодарское авиационное военное училище летчиков. И даже его закончил. Служил в Ленинградской области, на Урале, на Дальнем Востоке. В тридцать четыре года, все ещё

бегая в капитанах, был переведен в город Ейск, на майорскую должность. Однако, надежд и чаяний командования не оправдал и за несколько месяцев до своего тридцатилетия в добровольно-принудительном порядке был изгнан из армии, практически, с волчьим билетом.

Женя стояла возле подъезда, где ей нужно было ожидать прибытия каких-то дальних родственников умершей соседки. Родственники были настолько дальние, что их следовало встретить и препроводить в квартиру на четвертом этаже, дабы они могли проститься с усопшей. Сами, видимо, они могли бы её и не отыскать. Собственно, Женя итак находилась на улице, вернее на лавочке у дома. И освежалась закамуфлированной банкой пива, в надежде на то, что она сойдет за лимонад в этот душный августовский полдень. Домой идти не хотелось, там была Аня. Женька представила, как дочка выразительно глянет на неё и молча отвернется, когда снова увидит бутылку. В последнее время, с ней бывало непросто. К тому же, в квартире ещё жарче, чем на улице. Вот её и попросила Маргарита Ивановна, одна из самых ярких активисток домового комитета, подежурить на улице, чтобы встретить родственников скончавшейся накануне тётъ Глаши. Женька охотно согласилась. Получалось, что она вроде несет ответственную миссию. А не расположилась здесь с известным напитком, чтобы прийти в себя после вчерашнего. И вовсе не из-за того, что она пока не в состоянии двигаться в обратном направлении по лестнице. И, разумеется, крепкое пиво, чьё горлышко то и дело выглядывало из сумки, здесь абсолютно не причём. Евгения пребывала в ста-

бильно-ровном настроении и для этого были все основания. Её сыну на днях исполнилось восемнадцать лет, и эта цифра, которая так страшила, перестала, наконец, её беспокоить. Вопрос с армией улажен раз и навсегда. Скоро Димка получит белый военник и об этом можно будет забыть. Они заплатили с матерью более чем внушительную сумму для того, чтобы Димке не пришлось надевать гимнастерку. Никогда. Оплатили, таким образом, личное спокойствие. Своё. Собственное. В передаче этих денег тому, кому надо, неоплаченную услугу оказал Женькин второй муж. Так как Женя понятия не имела к кому с таким вопросом обращаться. И с чего вообще начинать. И кто может гарантировать, что деньги попадут именно к тому человеку, от которого все это зависит? Сергей все устроил. Хотя изначально был категорически против самой этой идеи. Туське спасибо, она уговорила. Димка, к облегчению матери, воспринял такой поворот событий абсолютно нейтрально. Ей даже показалось, что он втайне обрадовался. От Ани она знала, что у сына есть девушка. И что он любит её, а она его. Там, – глубокомысленно, с серьёзным видом заявила девятилетняя Аннушка, – Все очень серьезно. У её сына – девушка!? В самом деле? Её сын, молчаливый, несговорчивый, угловатый ребенок, не знающий до сих пор, как разобраться со своими длиннющими руками и ногами, влюбился!? И тем не менее, Женю такой поворот событий только обрадовал.

У самой Жениобразовались аж трехдневные выходные,

чего давненько не бывало. Строго говоря, почти никогда. Только если она сама их не устраивала. Вынужденно. Но это другой случай. Ну чем не уважительная причина для маленькой радости, которая, к слову, булькала уже на самом донышке. Женя подумала, что нужно опять идти в магазин, но теперь в другой. Хоть он и находится чуть дальше, зато она его сегодня ещё не посещала. Ведь ещё и теть Глашу помянуть нужно. Кроме её имени она более ничего о ней не знала, и даже не помнила, как она выглядит. Даже если бы сейчас почившая вдруг уселась к ней на лавочку (свят, свят), Женька, как ни в чем ни бывало, могла бы завести с ней обычный светский разговор. Но это же не значит, что бедную женщину уже и поминать не нужно. Женя отчаянно томилась... От стремления быстро проскочить в магазин и чувством долга. Хотя кого Женька старалась перехитрить, было непонятно. Перевес и очень значительный был на стороне магазина. Причем с самого начала. И чувство долга здесь фигурирует больше для красного словца. Просто не хотелось выглядеть безответственной в глазах Маргариты Ивановны и остальных соседей. Тем не менее, родственники теть Глаши либо уже заблудились, либо сильно опаздывали. Женя, нахмурившись, прошла до конца дома и выглянула на магистральную улицу. За углом она чуть не столкнулась с молодым человеком. Он быстро шел, глядя себе под ноги. Среднего роста, в темных очках, он, буркнув извинение, прошел мимо. И вдруг замер и повернулся. И стал с интересом на-

блюдать за худенькой, коротко стриженной женщиной, в два глотка допившей пиво из молниеносно исчезнувшей в пакете бутылки. Молодой человек усмехнулся: то, с какой быстротой она это проделала, говорило об определенной сноровке. «Черт, возьми, – думал Гарик, направляясь к этой женщине, – На фига мне это надо!» Но что-то неудержимо толкало его и даже заставляло довольно глупо улыбаться. У Гарика заломило всю нижнюю челюсть. Он сейчас редко улыбался. И не вспомнить, когда это делал в последний раз... Хорошо, что у человека имеется мышечная память... Женщина, прищурившись, внимательно смотрела на него. Глаза у неё были очень красивого, серебристого оттенка, с черной обводкой вокруг зрачка. И ещё, поскольку, была она в шортах, Гарику запомнились её стройные ноги. Удивительного молочного оттенка. Без всякого намека на загар. Была она ладная и тоненькая, как девочка. И, несомненно, вызывала симпатию. У Гарика точно. Один её курносый нос с редкими веснушками чего стоил! Он стоял и улыбался, как дурачок. «Скажи хоть что-нибудь, дубина!» – приказал себе Гарик.

– Я..., то есть, мне показалось, что мы с вами знакомы, – наконец выдавил он.

– Это вряд ли, – сухо отрезала Женька, – Вас, похоже, что-то очень развеселило...

Через двадцать минут, Гарик бодрым, полустроевым, алкогольным шагом направлялся в магазин. Женька, плюнув на бессовестных неизвестных родственников, в этот момент

взлетала по лестнице. Спросив у Ани, не намеревается ли та идти гулять и, услышав положительный ответ, заперлась в ванной. Когда в домофон позвонил Гарик, Женя, свежая, как майская роза, и одетая в яркий длинный сарафан, распахнула дверь.

С отцом у Гарика связь прекратилась. Вернее прекратил её непосредственно Алексей Игоревич. В одностороннем, так сказать, порядке. Как только узнал, что сына вычистили из армии. Но самой решающей каплей, переполнившей ту самую чашу терпения, было известие о разводе. Оказывается Машка, позвонила свёкру, как только уехала. Знала, гадина, как побольнее ударить, – когда Гарик рассказывал об этом Женьке, у него от злобы сводило мышцы лица. Бывшая жена прекрасно была осведомлена, как Алексей Игоревич любит внука. И что значит для Гарика мнение отца, его авторитет и поддержка. И потому, не будь дура, сообщила, что уезжает навсегда. Сына Владика, понятное дело, увозит тоже насовсем. И бодайтесь, дескать, вы со своим акоголиком сами. А я в этом больше не участвую. И к сыну даже близко не подпущу. Хватит, наелась досыта. Ну, и все в таком духе. Кроме Маши, нашлись свидетели, которые охотно делились захватывающими историями об увольнении Гарика и последующей за ним эпопеи многоразового строительного трудоустройства. После этого отец заявил в присутствии Людмилы, что у него больше нет сына. Что покрывать его свинство, оплачивать долги и закрывать глаза на многие дру-

гие вещи, он более не желает. Гариксейчас живет во времянке у матери. Больше негде. Вот уже четыре месяца. Поменял за это время три работы. Женька знала, как это бывает. Работал, пока не давали зарплату. После этого уходил в запой. Разумеется, его увольняли. Или он сам увольнялся. Это было не важно. Гораздо важнее было погасить неудержимую тягу к изменению сознания. Любой ценой. За счет алкоголя или других химических веществ. Чтобы мир и ты сам в нем выглядел не таким уродливым. Чтобы не так сильно ненавидеть жизнь. Чтоб хоть ненадолго принять себя и быть в состоянии функционировать дальше.

Сейчас Гарик опять находился в активной фазе поиска работы. Денег не было. Его мать когда-то неожиданно для всех что-то такое закончила по коррекции бровей. И уже несколько лет работала в близлежащем салоне красоты. Но клиентов все равно было мало. Дамы предпочитали записываться к молодым, ярким и современным косметологам. Которые, так сказать, в тренде, и шагают в ногу со временем. И даже слегка его обгоняют. А к Полине Васильевне записывались леди степенные. А таковых в их маленьком городке, тем паче, бывшем селе, имелось крайне немного. Это меньшинство, конечно, уделяло достаточное внимание собственной внешности. Но совсем не хотело бежать наперегонки со временем. Оно стремились его, напротив, чуть-чуть приостановить. Мать Гарика, работала час-полтора в день, не больше. Вместе с незначительным заработком у неё имелась совсем

уж крошечная пенсия. С матерью они практически не разговаривали. Гарика это устраивало. Он потихоньку сбывал кое-что из бабулиных вещей. Успокаивал возникающую иногда совесть тем, что ей они больше не нужны. Недавно мать чего-то хватилась и устроила скандал. И с помощью своего относительно нового друга Марата сменила в доме замки. Затем, когда Гарика не было, унесла из временки, где он жил, почти всю мебель и оставшиеся после смерти бабушки вещи. На словах доходчиво объяснила, чтобы к ней в дом, пока она жива, не совался. Иначе отправится в свое любимое место. На улицу. Или куда пожелает. Но тут его не будет. Так и сказала. Гарик, молча, выслушал и кивнул. Ушел в свою временку и даже не хлопнул дверью. А зачем? У него было два литра крепленого вина. К тому же мать – добрая женщина, оставила ему, помимо некоторой мелочёвки, кровать и старенький телевизор. И он собирался прекрасно провести время в этом обществе. Тем более, ему, к этому времени, по большому счету, было все равно. Где и когда спать. Что есть. Где и с кем проводить время. В настоящее время значение имело только одно – имеется ли у него к моменту пробуждения в любое время суток, хотя бы четверть на опохмел. Или нет. Алкоголь стал не просто частью жизни. Он был её смыслом. И единственной целью. Гарик старался выходить из дома рано утром или поздно вечером. Так было меньше шансов нарваться на знакомых, которым он был должен. Должен Гарик был почти всем соседям. И не соседям тоже. Несколько раз

одалживался даже у клиенток матери, поджидая их у салона. Рассказывал грустную историю о том, что сильно болен. И о том, как он боится этим самым огорчить маму. И деньги ему нужны на лекарства. Исключительно. Целой группе людей, в которой присутствовали его крестные, отцовские сослуживцы и друзья семьи, говорил о том, что хочет восстановиться в армии. Мечтает об этом. Готовит для отца сюрприз. Но требуются деньги. Дорожные расходы, ну и разная там волокита, сами понимаете... Спасибо вам, через месяц верну! Непременно... Да, и вы же помните, – расставаясь, взволнованно шептал Гарик, – Отец ничего не должен знать... Пожалуйста, не говорите ему...

Может показаться странным, но люди одалживали ему деньги, входили в положение, сочувственно кивали. Хвалили за заботу и внимание к родителям. И долго трясли руку при расставании и советовали продолжать в том же духе. Даже те из них, кто не верил ему и знал наверняка, что не получит своих денег назад. Даже те, кто знал, что он врет. Может, так иногда было проще, вложить банкноту в дрожащую руку, и, качая головой, забыть. И бежать дальше. И так дел навалом... Даи своих проблем хватает. Только один раз полученные деньги совсем не принесли Гарику радости. Он в каком-то припадке отчаяния, будучи совершенно на мели и исходясь бессильной яростью от неистребимого желания выпить, зашел к своему бывшему однокласснику. Гарик знал, что Никита окончил аграрный университет в Ставрополе и

теперь жил и работал в Михайловске. Гарика неприятно поразило то, что ему были откровенно рады. Жена Никиты потащила его на кухню. Они как раз садились ужинать. Гарик в недоумении обводил взглядом стол. Никита, с хронически загорелым лицом, как у всех, кто по роду деятельности проводит большую часть времени на улице, что-то активно жестикулируя, рассказывал. И без конца смеялся. Ему вторила его жена, румяная и уютная, как пряничный домик. Гарик взгрустнул и беспокойно заерзал на стуле. Семейный ужин явно не входил в его планы. Он хотел всего лишь стрельнуть рублей двести. Желательно вообще в дверях. А не улыбаться и кивать, как дурак головой, любуясь их крошечным мещанским счастьем в отдельно взятой квартире. Отчего-то его это волновало больше, чем он хотел себе в этом признаться. К тому же, страшно хотелось выпить. Этим, упивающимся семейной идиллией болванам, даже не пришло в голову вынести к столу что-нибудь интереснее абрикосового компота. Вдобавок, к нему подошел их младший трехлетний Юрик, и, нахмурившись, громко спросил: «Ты купался?» Гарик почувствовал себя неважно. Во-первых, он растерялся, так как не ожидал прямого нападения. Во-вторых, малыш попал в точку, выражая сомнение в отношении чистоплотности Гарика. В-третьих, совершенно непонятно, как реагировать на такие выпады малолетнего ясновидящего. Ну, и в-четвертых, надо было сваливать из этой гостеприимной ячейки общества, коли уже вся неприглядность Гарикова положения,

очевидна даже щекастому трехлетнему карапузу. Гарик резко встал со стула. Растерянно глянул на упавшую цветастую подушечку. Точно такие же были заботливо разложены хозяйкой по всем остальным стульям (Гарик мог поспорить на целый литр крепленного, что Ирина, жена Никиты, шила их собственноручно. Как и все эти салфетки, прихватки и рукавички). Утирая на ходу вспотевший лоб, он покинул их чистенькую, нарядную кухню. Никита, все ещё посмеиваясь, вышел следом. Этого Гарик и добивался. Оставшись с Никитой вдвоём, он сбивчиво начал рассказывать о том, что собирается помириться с женой. Что хочет ехать за ней и сыном в Волгодонск. Но вот беда, после уплаты алиментов (которых, к слову говоря, он не платил, ни разу), не хватает на дорогу. Совсем немного. Рублей пятьсот-шестьсот. Он вернет сразу, как приедет. И они пригласят их с ответным визитом. Никита засуетился, – Конечно, сейчас, – побежал в спальню, затем на кухню к жене. Гарик стоял в коридоре, едва не падая. Пот лил с него градом. «Нужно выпить, срочно, – билось в голове, – Немедленно... Пожалуйста, что угодно... Думайте все, что хотите... Только немного денег... Больше ничего... И никогда не потревожу вас... Мне просто нужно выпить... Как можно скорее»... Гарик поблагодарил, засовывая деньги в карман штанов и собирался уходить, когда его остановила Ирина. Гарик уставился на неё, испугавшись, что сейчас она попросит вернуть деньги. Но Ира протянула ему коричневый пакет со словами: «Возьмите, пожалуйста. Здесь пи-

рожки, блинчики, немного сыра и котлеты. Вы ничего не ели за столом. Вам не здоровится? Так вы дома покушаете». Что-то горячей волной нахлынуло на Гарика. «А-атставить!!! – рывкнул кто-то внутри него голосом прапорщика Сидоркина, – Давай, ещё слезу тут пусти, мудозвон». Услышав, что следом за матерью, едет на трехколесном велосипеде щекастый экстрасенсЮрик, Гарик бессловесно, (не доверял своему голосу, боялся, что дрогнет) прижав рукук сердцу, энергично кивнул и мгновенно ретировался.

Осенью пришли новости из Москвы. Володя и Шурочка расстались. КЭтому времени их маленькой дочке исполнилось полгода. Так как сестры регулярно общались, Жене хорошо известна была предыстория этого свершившегося факта. К тому же, немалая часть трогательных, но сложных, запутанных и мучительно болезненных отношений Владимира с Шурой, протекала на её глазах. Как говорила Женьке сама Шурочка, это она настояла на уходе Володи из семьи. Её же муж объяснял это тем, что он, сам того не желая, вынудил Шуру так поступить. Шура рассказывала, что больше не хотела, да и не могла так жить. Мучитьсяи дальше, притворяясь рядовой, обычной семьей, для Шуры, по крайней мере, было уже невозможно. И для неё это было очевидно. Конечно же, и для Володи тоже. Но он, ни за что бы в этом не признался. Страдал бы молча, и все. – Какая же я была эгоистка, сейчас и представить невозможно! – говорила Шура. – Я же его, в буквальном смысле, женила на себе! Ещё и

искренне уверяла, (даже саму себя), что делаю это для него. Он должен был меня возненавидеть. А он не знал, как мне угодить, и что ещё для меня сделать. Если бы я однажды не услышала его телефонный разговор, я бы, наверное, так и продолжала верить, что он счастлив. Сделав паузу, Шура с трудом, будто нехотя, добавила: «Он любит этого человека уже давно. Они познакомились ещё до рождения малышки. Полагаю, что даже до её зачатия. Это я слепая была, а не он, понимаешь? А может я намеренно не хотела ни видеть, ни замечать. До какого-то момента так было удобнее. Я на что-то надеялась, видимо... Хотя, нет, опять неправда... В глубине души я все прекрасно осознавала... Даже тогда... Но, боже, Женя, я так любила его, что не могла отпустить... А ведь он предупредил меня сразу, что никогда не станет другим. Не верила, сестренка... Точнее не хотела верить... Господи! Я так рада, что хотя бы сейчас у меня открылись глаза. Я когда услышала, *какон* говорит с тем человеком по телефону, во мне все будто перевернулось! Я подумала, что же я делаю?! Это все равно, как если бы я отловила где-нибудь в прерии дикого мустанга и заперла бы его у себя в квартире. Да, хорошо кормила бы и ухаживала. Но никуда бы не выпускала. И никому бы не показывала. Любовалась и наслаждалась сама. Единолично. Да он бы через время просто умер. Женя, мне это стало вдруг так понятно, что я испугалась. Я ведь люблю его. А если любишь нужно отпустить... С добром и искренним пожеланием счастья. Что я и сделала».

У Жени и Гарика тем временем отношения развивались. И весьма активно. Хотя это было непросто. Многие их родственники, близкие и просто знакомые стремились этому воспрепятствовать. Можно даже сказать, что все, не считая, пожалуй, Шурочки. Лишь она сказала Жене, что принимать решение, в конечном итоге, придется только ей. И что это её жизнь, а значит и её ответственность. И надо доверять своим чувствам, а не тому, что говорят остальные. Хотя, конечно, может оказаться и так, что они будут правы. Но так считала Шура и больше никто. Володя, например, полагал, что это большая глупость. Так и заявил, причем, резко, без обиняков. И добавил, что больным людям надо думать, в первую очередь, о выздоровлении. Разговор тогда вышел неприятный, с тяжелым послевкусием и мутным осадком. Женька пообещала себе больше не звонить. Здорово обиделась.

Все остальные тоже, хоть и по разным причинам, но сходились во мнении, что это полное безумие. Например, сын, когда приходил Гарик, молча, и демонстративно уходил. Гарик это остро переживал. И переносил тяжелее, чем Женья. Так как хорошо помнил себя в этом возрасте. И своё презрение к матери и её «друзьям». При этом он чувствовал себя ещё более отвратительно, так как материнские приятели хотя бы не распивали с ней, как они с Женькой. Он понимал, какое отвращение вызывает у Димки. И заранее был с этим отношением согласен. Чтобы о нем парень не думал, сам о себе Гарик был ещё более худшего мнения. Но что

он мог сделать? Для себя, или для этой женщины, которая стала ему так близка? Для них всех? «Для начала бросить пить!» – тут же услужливо отвечало ему собственное подсознание. Как раз этого, при всем желании, Гарик не в состоянии был выполнить. И хорошо это понимал. В отличие от Жени, которая так и продолжала считать, что все под контролем. На это влияло ещё и то, что в количественном отношении перевес в алкогольном забеге был явно на стороне Гарика. Удерживающим инструментом для неё, конечно же, являлась работа. Хотя и этот фактор с каждым годом все больше терял силу. Но Женя верила в то, что является хозяйкой положения. И что делает то, что считает нужным. Что всегда сможет остановиться... Если на самом деле захочет... Она продолжала так считать даже тогда, когда потеряла две работы. Одну за другой. Сначала, как это часто бывало, попросту не могла выйти утром из дома. И на следующий день тоже. Больничный на этот раз сделать, почему-то не удалось. На редкость душевные люди в администрации медицинского учреждения, очень вежливо предложили ей написать заявление по собственному желанию. Ровно через неделю, в одностороннем порядке Женя уволилась и из психоневрологического диспансера. То есть просто не вышла на работу и дело с концом. Сначала из-за того, что опять же, по известной причине, не могла. Потом из-за того, что не хотела. И, в конце концов, необходимость в её присутствии, отпала сама собой. У Туси, по протекции которой, она туда устроилась, долго и

нудно требовали информацию о пропавшем враче. Туся догадывалась, что случилось с её протеже, но Женьку не выдала. Чего-то наплела про срочный отъезд икакие-то похороны. Или, наоборот, про Женькин тяжелый диагноз, о котором не говорят вслух. Что, собственно говоря, вовсе не было преувеличением или неправдой. В общем, верная Туська кое-как это дело замяла. Тем более, ей, что называется, не привыкать. Но всякое общение с Женей прекратила. Скорее всего, Женя этого даже не заметила. Она была влюблена и не скрывала этого. Женька вошла в новые отношения доверчиво, честно и радостно. С распахнутыми глазами и открытым сердцем. Со всем пылом нерастраченных чувств и копившейся в ней долгое время жажды любви и обладания. Без остатка и до конца. Без условий и оговорок. Без компромиссов и отступных путей. Она полюбила по-настоящему, сильно и искренне. Как и все, что делала в своей жизни.

Но, как уже говорилось, наслаждаться обществом друг друга у них не слишком получалось. Пока было тепло, старались, по возможности, не попадаться на глаза родственникам. Бродили по улицам, а если были деньги, шли в кафе или забегаловку, часто гуляли в парке. Часами сидели на лавочке, разговаривали, выпивали. Бывало, уезжали на целый день в Ставрополь, просто гуляли или заскакивали в кинотеатр, но редко могли потом что-нибудь сказать о фильме. Почти всегда их незримым, но очень значимыми бессменным спутником был алкоголь.

Поздняя осень все чаще загоняла их домой. Находится в квартире у Жени, было сложно. Зинаида Евгеньевна каким-то образом, узнавала об этом, (видимо, и Аня была солидарна с бабушкой, в том, что Гарик далеко не лучшая компания для её матери) и тут же приезжала. Женина мать была уверена, что Гарик проникает на эту территорию неспроста. А с единственной целью – напоить однажды её глупую дочь, чтобы она в этом состоянии взяла да и переписала квартиру на него. Каким образом это было возможно сделать с жилплощадью, где прописаны четверо людей, она не знала. И не собиралась заниматься выяснением этих обстоятельств. Из её долгого пути, один вывод следовал точно. В этой жизни возможно даже то, что и представить себе не хватит никакой фантазии. То есть все. Зинаида Евгеньевна смогла убедить в этом не только себя, но и других. Например, собственных внуков, Женькиного брата Ярослава. Хотя его-то как раз и убеждать не было необходимости. Ему бы и в голову не пришло сомневаться в том, в чем уверена его мама. Кроме того, Жениной матери удалось перетащить в свой лагерь бывшего зятя и его новую жену... Иещё с дюжину приятельниц, знакомых и соседей. Настойчиво и активно она делилась своей уверенностью в том, что такой опустившийся человек, как Гарик, если и не заберет квартиру, то обязательно придумает ещё что-нибудь. И стопроцентно обведет вокруг пальца эту идиотку, её дочь. Рано или поздно, – уверяла она, – Это случится. Этот мерзавец и алкаш её ограбит, искалечит, чем-

то заразит, устроит пожар или наводнение. Поэтому Зинаида Евгеньевна инесла практически круглосуточную вахту, соблюдая бдительность и осуществляя дозор. Она встала на защиту семьи. Больше-то некому. И была она в этом устрашающе неумолима, как сверхзвуковой тяжелый истребитель СУ-27. От скандалов и угроз Женина мать перешла к решительным действиям. Для начала, при полном содействии отца девочки, забрала к себе Аннушку. Ведь ребенку невозможно и даже опасно находиться в этой алкогольной среде, – объясняла Зинаида Евгеньевна своей приближенной группе. Затем, видимо для усиления линии фронта, не только объединилась с бывшим мужем Жени, – Сергеем, также прописанным в этой квартире, но даже временно примирилась с его женой. Туся, все ещё обиженная на Женю, и за подставу с работой, и, гораздо больше, за ту легкость, с которой та восприняла разрыв их дружбы, охотно согласилась с доводами Зинаиды Евгеньевны. Бывший муж снова заговорил о лишении материнских прав. А затем и о продаже квартиры. В квартиру несколько раз приходил участковый.

Примерно так же, как к Гарику в её семье, к Жене относились его родители. Подозрительно, настороженно и враждебно. Полина Васильевна выдвинула ультиматум: так как денег катастрофически не хватает, он, Гарик, либо находит работу и выделяет ей какую-то сумму на хозяйство, либо она берет квартирантов. В последнем случае, разумеется, жилплощадь, которую в настоящий момент занимает её сын (и да-

же устраивает там randеву с потерявшими всякий стыд женщинами), необходимо будет освободить. И даже установила временные рамки: месяц. Точка. Алексей Игоревич, отец Гарика, видимо окончательно утратил веру в сына. И даже не сильно вдавался в подробности этой истории. Он целиком и полностью разделял мнение бывшей жены на этот счет. Нужно было срочно что-то делать, принять какое-то решение. И Женя с Гариком его приняли... Они решили пожениться. Чтобы находиться вместе, так сказать, уже на законных основаниях. И чтобы от них отстали. Блестящую эту идею, скорее всего, подала Женька. По крайней мере, имеются все основания так думать. Вряд ли это сделал её избранник. Такое предложение от человека, у которого нет мелочи даже на проезд в автобусе, выглядело бы довольно странно. Даже для него. Поэтому, а также в целях экономии, Гарик ходил пешком очень много, наматывал, так сказать, километры. От этого его кроссовки совсем не были в восторге. Тем более, что они и без того были очень ветхие. К тому же единственные. Зимняя обувь жениха Гарика. Был ещё летний вариант – кеды, но у них подошва сказала остальным частям «Гудбай» ещё в июле. Вот, собственно, как обстояли дела, когда было принято это чудное и элегантное решение. Не собираясь терять время, Гарик с Женей подали заявление утром следующего дня. Бракосочетание назначили на 1 декабря 2009 года.

Решение, которое приняли эти двое, было захватыва-

ющим, непредсказуемым и сумасшедшим одновременно. И больше смахивало на авантюру. Но парадокс этой истории был даже не в том, что решили вступить в брак и начать выстраивать семейные отношения, два законченных алкоголика. И даже не в том, что у них обоих не было ни капли сомнения в правильности своего решения. А в том, что кроме них, во всем мире не было ни одного человека, который бы хоть на секунду поверил, что у них что-нибудь выйдет.

Женя проснулась от собственного крика. Она была уверена, что кричала во весь голос. И даже наверняка сорвала его. Все ещё тяжело дыша, она посмотрела на спящего Гарика. Какое счастье, что весь этот ужас остался там, где-то далеко, в бессознательном. В этом сне она шла по ночному огромному городу. Очень странному городу. В нем не было людей, и не было звуков. Абсолютно никаких. Было темно и очень страшно. Женька шла по длинному бетонному коридору и искала сестру. Мимо неё беззвучно проносились автомобили, но она их почти не замечала. Она знала, что вовсе не машин здесь стоит бояться. Ей нужно было найти Шурочку, пока не случилось беды. Она была уверена: что-то непоправимое должно случится. И касается это напрямую её сестры. И ещё она знала, что наверху течет река. Эта огромная толща давила на неё и мешала вздохнуть полной грудью. Женька задыхалась и старалась быстрее выйти наружу. Но дьявольский коридор не заканчивался. Она перешла на бег, но тут с ужасом заметила, что проход молниеносно сужается. Женя повернула обратно и уткнулась в глухую стену. Вот тогда она и стала кричать...

В эту секунду, в Москве, бардовая «Toyota Camry» Глеба въехала в тоннель, находящийся под рекой Яузой и Лефортовским парком. Володя, уйдя мыслями в переживания

о дочери, не расслышал, что сказал Глеб, повернулся к нему и легко коснулся его руки. Он и сейчас мог бы нарисовать его портрет... Если бы так не волновался о малышке. Он знал каждую черточку, каждый изгиб этого тела. Он знал, каким чудесным серебристо-радужным просверком мелькает в его каштановых волосах отраженный свет. Ему всегда доподлинно было известно, какого оттенка его кожа в настоящий момент. Он использовал для этого своё внутреннее зрение. Вот, например, в данную минуту, Глеб, нахмурясь, уверенно ведет машину. Его длинные, крупные, прекрасной лепки руки, чуть подрагивают. Он сосредоточенно вглядывается в черноту ночи. Подхлопчатобумажной белоснежной тканью, облегающей его правую руку, идет неустанное, завораживающее движение. Так на всевозможные импульсы реагируют мышцы предплечья. Мгновенно отзываются игрой и волнением. Поэтому создается ощущение в едва уловимом, но бесконечном движении. В этом парне было столько жизни, что она не всегда умещалась в его молодом, стройном теле. И просачивалась через край, щедро делясь своими живительными флюидами с окружающими людьми.

Но сейчас беспокойство Владимира нарастало. По телефону Шура сказала, что её с малышкой забрали в больницу. Но и там не удаётся сбить высокую температуру. Хуже всего, объяснили врачи, что если ситуация не изменится, могут произойти необратимые изменения мозга. Или даже... Волнение передалось и Глебу. Володя чувствовал это. Так всегда

было... И о, Господи, твоя воля, пусть так и будет...

«Что за...», – выругавшись, чуть слышно произнес Глеб, взглядываясь в лобовое стекло. Володя молниеносно развернулся, как будто мог что-то увидеть. Но он... увидел... В центре ярко освещенного дорожного полотна стояла молодая женщина с ребенком на руках. Его ребенком. Вернее, его дочкой Богданой, находящейся сейчас в Филатовской детской больнице между жизнью и смертью. Женщина с невероятно белым, искаженным злобой лицом, смотрела прямо на него. Она стояла босиком, широко расставив ноги, в одной ночной рубашке и, что есть силы, прижимала к себе его девочку. Малышку с чудесными темными кудрями и агатовыми глазами. Такими же, как у него. В розовой пижаме с белыми слонятами, которую он сам ей дарил на первую годовщину. В том, что это его дочь Володя был уверен так же, как и в том, что он находится в эту секунду в машине Глеба. Сейчас маленькая фигурка его девочки безжизненно покоилась на худых, с крупными венами, руках незнакомой женщины. Кудрявая головка Богданочки низко свисала, покачиваясь из стороны в сторону. Он точно знал, что никакое это ни внутреннее зрение. И что «видит» он это наяву. И ещё он понял... Это последнее, что он видит в своей жизни. И сделать больше ничего не получится. Никогда и ничего. И доли секунды не потребовалось ему, чтобы осознать это. Володя яростно и протяжно закричал. Как раненое, но не покорившееся животное. В этом крике было столько непримиримого

гнева и протестующей муки, столько нерастраченной любви и тяги к жизни, что непосредственно столкновения Володя даже не осознал. Последнее, что он успел ощутить, что их машину резко подбросило вверх. И ещё: гладкую и теплую щёчку его дочери, которой она на мгновение прижалась к нему.

– Значит, все будет хорошо, – улыбаясь, подумал он... Я *видел* свою дочь и обнял её, – зазвучало у него в голове... Ещё через секунду, все погрузилось во мрак, тишину и неподвижность.

Поставив чайник, Женя ещё раз набрала телефон Шуры. Насчитав одиннадцать длинных гудков, Женя положила телефон в карман. На кухню вышел Гарик. Рискую опоздать, Женя сказала ему, как волнуется за Шуру. А потом, взглянув на часы и махнув рукой, обстоятельно выложила детали сна. Они были до свадьбы знакомы четыре месяца и женаты полгода. И ни разу Гарик не думал о том, что её пугало, волновало или раздражало, как о бабушкиных сказках, ничтожной чепухе или женских капризах. Женя смотрела на его классический, чеканный профиль и точно знала, что он не думает в этот момент о чем-нибудь ином. Не надевает маску внимательного слушателя. Он действительно слышит её. И обдумывает сказанное. Женя любила его в такие минуты ещё сильнее. Именно такого: умного, красивого, трезвого. С теплым взглядом добрых глаз и светлым выражением лица. Одновременно встали из-за стола. Гарик сказал:

– Ты не сможешь, если будешь волноваться и нервничать. Уверен, она свяжется с тобой, как только у неё получится. Вспомни, кому еще можно позвонить?

– Да Володьке, конечно же! – проговорила Женя с досадой, убирая со стола чашки, – Думаешь, я ему не звонила? Уже три раза набирала, без толку. Его телефон отключен, – Женя растерянно посмотрела на мужа, – Они, понимаешь, не живут вместе уже... Но у них великолепные отношения... Он помогает, участвует во всём. Я переживаю, из-за того, что их дочка заболела сильно. После третьей АКДС...

– ???

– Прививка такая. Её несколько раз делают. После второй, в 4,5 месяца, у девочки возникла острая аллергическая реакция на коклюшную составляющую. И... – перехватив непонимающий взгляд мужа, Женя, отмахнулась, – Суть в том, что эту третью прививку отложили. Ну, чтобы ребенок подрос и окреп. И вот когда ей исполнился год и месяц, сделали. А нужно было, строго говоря, вообще её отменить. Есть небольшой процент детей, которым она противопоказана. Судя по всему, моя племянница, одна из них.

Женя и Гарик вышли из дома и остановились на углу. Гарик сейчас работал в ремонтной бригаде и шел на остановку. А у Жени оставалась небольшая подработка в частном стоматологическом кабинете. Денег было мало. Если выразиться менее лаконично, их практически не было. Небольшие сбережения, которые были у Жени и деньги, получен-

ные в кредит, в банке, ушли на откос Димки от армии. Поэтому оба, активно занимались вопросами своего более эффективного трудоустройства. Разумеется, когда для этого оставалось время и желание. Например, когда не мучило похмелье, или когда голова не была занята мыслями о выпивке. Когда в жизни Гарика или Жени люди, в купе с их тупыми действиями, не объединялись в едином порыве испортить им настроение на ближайшие 24 часа. Или когда мир не задавался единственной целью свести с ума возникающими из ниоткуда каждодневными проблемами.

Женя подошла к двери кабинета вместе с пациенткой. Слава Богу, хозяйки и одновременно её работодателя ещё не было на месте. За регистрационным столом находилась Катя, выполняющая объединенные функции администратора, медсестры и уборщицы. Ещё раз позвонить Шуру, Женя смогла только через два часа. Сестра ответила каким-то убитым и абсолютно чужим голосом. Женя перестала дышать и в этот момент отчетливо вспомнила ночной кошмар. Слезы полились у неё произвольно. Шура произносила фразы очень спокойным, металлическим голосом. Как будто читала по бумажке текст, который её совершенно не интересовал. Бездушно и отстраненно. И это было страшнее всего.

– Женя, – монотонно начала Шурочка, – Володя разбился на машине в Лефортовском тоннеле сегодня ночью. Автомобилем управлял его друг. Оба насмерть. Он ехал к дочери, я ему позвонила, так как Богданочке становилось все

хуже. Кроме лихорадки, возникли неврологические судороги, ножка, куда делали инъекцию, распухла и покраснела, – Шура замолчала, стараясь проглотить нарастающий комок в горле, – Он ехал к нам в больницу... Откуда-то из Подмосковья, и вот... разбился.

Женя, чтобы пробить эту ледяную стену, всхлипывая, твердила:

– Шурочка, сестренка, я приеду... Мы приедем... Держись, родная, поплачь, будет легче..., – А как малышка? – спохватилась она – Шурочка несколько секунд молчала, а потом будто вспомнив, чуть дрогнувшим голосом, ответила:

– Даночка в порядке... После того, как мне сообщили... Когда я узнала о Володе... Её температура на глазах начала падать и она спокойно заснула. А к утру и отек сошел. Осталось легкое покраснение и все. Доктор очень удивился, сказал, что в его практике впервые, чтобы такая сильная аллергическая реакция, так быстро заканчивалась. Да ещё и без видимых последствий. Практически бесследно. Как и не было ничего.

– Это Володя... – прошептала Женя.

– Что ты имеешь в виду?

– Я сон видела, Шура, сегодня ночью. Это Володя её спас, понимаешь? И Женя рассказала, что видела во сне. Повисло долгое молчание... Затем, словно вострепёнувшись, Шурочка проговорила:

– А ты знала, что Лефортовский тоннель известен под на-

званием «Тоннель смерти»? Из-за множества аварий и смертей... Действительно, так странно, зачем Глеб резко повернул направо? Он хороший водитель, да там и машин-то почти не было в это время. Я видела записи с камер наблюдения... Прекрасно оборудованная трасса. И с освещением никаких проблем. И машина оказалась в порядке... Что же могло произойти? Женя осторожно вставила:

– Шурочка, милая, скорее всего мы этого никогда не узнаем... Боже, да как же это?! Родная моя... Я прилечу, как только смогу... Не позже завтрашнего дня. Шура снова встрепенулась. Женя опять выдернула её из состояния оцепенения, в котором она пребывала. А только в этом состоянии она могла относительно безболезненно находиться. Это то, что не дало ей сойти с ума в течение последних часов. Она не спала больше двух суток. Сначала из-за дочки, потом... Гаишники, какой-то протокол... Затем морг, куда её не пустили... Потом какие-то обрывки воспоминаний... Володин рыжий замшевый пиджак, заляпанный кровью, барсетка, её подарок... Снова провал... Потом опять больница, только другая. Врач ей что-то говорит, но она не понимает ни слова. Слез у неё почему-то так и не было. Она просто сжалась, как после мощного удара, да так и застыла. Она видит, закрывая глаза, его солнечного цвета пиджак, в бардовых разводах крови. Шура замотала головой, нет, нет, очень больно, невыносимо, и из последних сил, выдавила:

– Женя, ты знаешь, как я хочу, чтобы ты была рядом. Но

его все равно будут хоронить в закрытом гробу. Так мне сказали. А мне известно, что у вас сейчас не лучшее положение, в финансовом отношении... Володя... Женя её перебила:

– Шурочка, Володя был моим другом. Самым лучшим. Он муж родной сестры. И отец моей племянницы. И потому это даже не обсуждается.

И после того, как Женя договорилась, Шура, наконец, заплакала. Надрывно и тяжело, с горьким всхлипыванием и сбившимся дыханием.

В небольшом городке ставропольского края и в огромном мегаполисе, при разделяющих их 1200 километрах, сидели две женщины и навзрыд плакали в телефоны. Две женщины, связанные родственными узами по отцовской линии. Но было между ними ещё что-то, связывающее их гораздо более крепко и надёжно, чем просто родственные отношения. Женя и Шура понимали, чувствовали и слышали друг друга намного лучше, чем остальных своих близких. Даже тех из них, с кем связывало помимо кровного родства территориальная близость и годы общения.

Вечером того же дня, каким-то непостижимым образом, Гарик раздобыл деньги и купил билеты. Ночью они вылетели в Москву.

Вернувшись из столицы, Женя узнала, что сын переехал к своей девушке Лизе. И что дело, определенным и решительным образом, идет к свадьбе. Женя заикнулась о сватовстве. Димка посмотрел на неё так, что она почувствовала себя ро-

весницей Клары Цеткин.

– Какое сватовство, мам? Ты о чем? И вообще, Лиза – детдомовская... Остановились на знакомстве за ужином.

После этого семейного мероприятия, в конце июня 2010 года, Жене и Гарику долго не удавалось заснуть. Женя, опять включая ночник в спальне, не могла успокоиться:

– Нет, ты видел её руки? А шею и спину? Живого места нет, вся в татуировках! Половина башки выбрита, это что такое? Гарик криво усмехнулся:

– Мода такая, старушка, успокойся... Женя от возмущения перешла на свистящий шепот. Их трехлетняя разница в возрасте ей и без того изрядно портила настроение:

– Спасибо, но я помню, что мне в январе исполнилось 39 лет. Я не об этом... Просто она такая... странная. Мне показалось, что они под кайфом. Оба. Ты же видел сам, господи, что же делать? Если сейчас это начнется опять... И как они будут жить?

– Хочется думать, что нормально они будут жить. В любом случае, что ты можешь сделать? Погрозить сыну и запретить ему водиться с этой девчонкой? А то она его плохому научит? Женя задумчиво протянула:

– Нет, конечно, но может поговорить с ним, объяснить... Ну зачем торопиться? Им только по девятнадцать лет, и... Гарик сжал её руку:

– И ты серьезно думаешь, что это будет иметь значение? Для твоего сына и этой девочки? Если, да, то о'кей, но я в

этом не участвую, имей в виду. Женя отвернулась:

– Разумеется, ведь это не твой сын... Гарик разжал ладонь и выпустил её пальцы.

– Ну да, – медленно произнес он, – Не мой сын... Не моя дочь... Не моя квартира... Все правильно, – невесело усмехнулся Гарик опять, – Я часто думаю, а эта нынешняя жизнь вообще моя или тоже нет? А если я вломился без спроса и занял чьё-то место? Может я придумал себе эту жизнь? А она и не моя вовсе? Женя обхватила его руками и прижала к себе:

– Да ты что?! Ты что себя накручиваешь? Я люблю тебя и счастлива, когда ты рядом. Ты не можешь этого не видеть, не чувствовать. И, потом, ну что ты говоришь? Как можно занять чьё-то место? Прости меня, родной, я ведь на самом деле, так не думаю.

Конечно же, она так не думала, но ей было страшно. Очень страшно. На Димкином лице появилось какое-то чужое выражение. Отрешенное, нездешнее. Как будто он знает что-то такое, о чем неизвестно другим. И вот с этой странной блуждающей полуулыбкой, не адресованной никому лично, он как бы раздумывает, – сказать или нет? Когда она разговаривала с сыном, была почти уверена, что он её не слышит. Дима смотрел на мать, отвечал, но не видел её. Как и остальных людей. Даже когда сын был рядом, он был не здесь.

Иногда он возвращался... Но Женя с горечью должна была констатировать, что это происходило исключительно под

влиянием Лизы. На неё он и смотрел как-то по-другому. Её он видел и слышал. Они вообще были очень похожи. Оба высокие, стройные, худощавые. Оба молчаливые и серьезные. У Лизы не осталось никого из родственников. До семи лет её воспитывала бабушка. А после её смерти девочку определили в интернат для детей, оставшихся без попечения родителей. Когда Лизе исполнилось восемнадцать лет, одновременно с аттестатом, она получила удостоверение швей-мотористки третьего разряда и ордер на квартиру. Правда квартира её бабушки, которая отошла государству, была двухкомнатная и находилась в центре, а въехала Лиза в старую полуторку на окраине, но в восемнадцать лет, кто на такие мелочи обращает внимание!? Собственное жильё! Своё персональное! Да здравствует свобода! Многие благополучные, которых Лиза ненавидела всю сознательную жизнь, далеко не всегда могли похвастаться отдельной квартирой в столь юном возрасте.

Расписались Дима с Лизой тайно и очень скромно. Подъехали к загсу в будний день на велосипедах. Через полчаса, в спортивных костюмах, хохоча и обнимаясь, вышли оттуда мужем и женой. Мать и бабушка Димы случайно узнали об этом только через месяц. Зинаида Евгеньевна смертельно обиделась на внука. Два человека, которых она любила безоглядно, не считая покойного мужа, – сын и внук, отвечали ей черной неблагодарностью. Сыну Ярославу шел тридцать четвертый год, имея два высших образования, он ни-

как не мог найти подходящую работу. Нигде долго не задерживался, его постоянно что-то не устраивало. С женщинами также, никаких долговременных отношений, боже упаси! Никаких обязательств. Без матери, с одной стороны, он и не мог обходиться, но, с другой, её присутствие все реже выносил. В бытовом отношении Ярослав был совершенно неприспособлен. Но почти каждое материнское слово, Женькиным братом воспринималось, как давление или насилие. И вызывало соответствующую реакцию. Причем, с обеих сторон. Они ссорились постоянно. Даже по телефону умудрялись выяснять отношения. Ярослав иногда недоумевал, из-за чего опять скандал на пустом месте? Почему даже звук материнского голоса вызывает незамедлительный протест и яростную агрессию? Даже ходил к психологу. Недавняя ссора очень ранила Зинаиду Евгеньевну. Ярик обвинил её во всех смертных грехах. И в своих, в том числе. – Что он такой, какой есть, – заявил любимый сын, – её прямая вина. А далее все и перечислил: беспомощный, слабовольный, неуверенный, малодушный, подозрительный, узколюбый и ленивый. – И все, повторил он, – исключительно благодаря ей. С тем, что называется, и съешьте.

– Ну, а Митенька, любимый внук, – выговаривала Зинаида Евгеньевна Жене, – Даже не удосужился сообщить, что женился. – Что ж, спасибо, видно, заслужила. Да я все понимаю, кому нужна глупая старуха. Тем более на празднике... – слышалось всхлипывание. Женя была тоже расстроена.

Нореакция матери вызвала серьезное беспокойство. Она пыталась её успокоить:

– Мам, да никакого праздника не было. Я ж рассказывала тебе. Они просто расписались и все. Ну, так решили, молодые, Бог им судья. Видимо, Дима не хотел лишний раз травмировать Лизу, напоминать ей, что она круглая сирота, понимаешь? Ко мне на свадебный ужин, например, я тебя приглашала, да ты отказалась. Ох, лучше бы она этого не говорила. Зинаида Евгеньевна буквально взорвалась:

– И не напоминай мне, и слышать не хочу. Постыдилась бы! Какой свадебный ужин? И с кем, главное? Ты кого в дом притащила?

– Мама... – Женя попыталась что-то сказать, но мать уже ничего не слышала:

– Это же надо! Поженились они! Тебе, что уже все равно с кем? Алкаш подзаборный, ни кола, ни двора! Пьянь и рвань! Замуж она вышла! Иди, мама, полюбуйся, какого я себе жениха отхватила! Я сколько раз тебе говорила, Женя, твоё пьянство добром не кончится!

Её дочь, кусая губы, нервно провела рукой по волосам. Жалость к матери улетучилась без следа. Нажав сигнал отбоя, она достала из холодильника бутылку водки.

Выйдя замуж, Лиза бросила свою швейную фабрику и устроилась в тату-салон. У неё довольно быстро появилась своя клиентура. Лиза работала самозабвенно и творчески. Забывая о времени и еде. Это явно было её занятие. К тому

же, что немаловажно, ещё и хорошо оплачиваемое.

А Димка просиживал штаны в какой-то незначительной фирме. Его должность витиевато называлась «Менеджер по связям с общественностью». На деле же, всю работу связями и общественностью, он раскидывал ещё до десяти утра. А потом, весь бесконечно тянувшийся рабочий день, сидел в Интернете. Шарился в сетях, трепался в чатах и осваивал новыелокации в «Мафии-2». Словом, делал то же самое, что и всегда за компьютером. Только не дома, а на работе. Зарплата соответствовала нагрузке и ответственности, она была... В общем, она была. Не очень впечатляющей, одним словом. И по выходным, Димка подрабатывал в бассейне. Выполнял обязанности инструктора по плаванию, под не слишком бдительным руководством тренера. Устроился он туда полулегально. В основном, занимался детьми, но не только. Выполнял то, что говорил старший тренер, который и помог Димке устроиться.

В августе стало известно, что у Лизы с Димой будет ребенок.

Благодаря Жене, у Гарика с отцом постепенно стали налаживаться отношения. Началось с того, что с Женькиной легкой руки, у Алексея Игоревича появились весьма не лишние в его бизнесе деловые связи. Простиравшиеся иногда до самой Москвы. Один – два телефонных звонка, пара-тройка легких, малообременительных, но информативных разговора. И вот уже несколько договоров на установку стомато-

логического оборудования у Алексея Игоревича в кармане. Отец Гарика заходил к Женьке на работу. Познакомился и с её работодателем. Бывал у невестки дома. Гарик с удивлением обнаружил, что его жена с отцом прекрасно ладят. О чем-то подолгу разговаривают. Ему показалось даже, что у них появились от него секреты. Вскоре Женя и Гарик были приглашены на ужин в ресторан. Вечер получился замечательным. Отец был необычно радушен, много говорил, шутил, интересовался работой сына, его делами, планами на жизнь. Людмила с Женей не вмешивались в мужской разговор. Им и без того было что обсудить. Женя восхищалась Людмилой, её уверенностью, самостоятельностью и зрелостью, не имеющей ничего общего с возрастом. Такая зрелость рождается из союза душевной целостности и личного опыта. Она вырастает на богато удобренной почве мудрости, саморазвития и четко обозначенных реальных целей. Выходя с Людмилой из дамской комнаты, Женька ей шепнула:

– Всегда мечтала иметь такую подругу, честное слово!

Людмила улыбнулась:

– Осторожней с мечтами, Женечка. У них имеется одно свойство, порой весьма неприятное... – Людмила очень серьезно глянула на Женю, – Видишь ли, они иногда сбываются. Пару секунд женщины молча разглядывали друг друга. После чего обе громко рассмеялись.

На завершающем этапе ужина, Алексей Игоревич, переглянувшись с Женей, обратился к сыну:

– Игорь, я разговаривал с твоей женой, кое-что обмозговал и прикинул... И, э... – отец Гарика сделал небольшую паузу, шумно вдохнул и закончил, – Мне, то есть нам, кажется, что тебе стоит попытаться восстановиться в армии.

??? – Гарик молча, в два приема, опустошил бокал вина. Женя осторожно коснулась его руки:

– Послушай, я знаю, что ты мечтаешь об этом, – сказала она, – Я знаю, как ты наблюдаешь за самолётами, когда думаешь, что никто не видит. Да у меня сердце замирает в этот момент, – Женя накрыла своей ладонью, предательски дрожащую руку мужа. Он мне иногда даже снится, этот твой взгляд, – Давай попробуем, ну чем мы рискуем? Твоей шабашкой на очередной стройке? – наклонившись к нему, спросила Женя. Не переживай, их на твой век хватит с лихвой, – Женя посмотрела на мужа, который не отводил глаз от узора на скатерти. – Это даже работой назвать трудно, – продолжила она, – Какое-то временное пособие. Алексей Игоревич, медленно прокручивая за тонкую ножку бокал, тихо добавил:

– Я, разумеется, помогу, чем смогу, – он вопросительно глянул на Людмилу, – Обещать, конечно, заранее ничего не буду... Но, должен сказать, кое-какие шагия уже предпринял. В общем, Игорь, – шансы, что тебя восстановят, пусть небольшие, но все же есть. Его сын, наконец, оторвался от скатерти и поднял голову. Внимательно глядя на всех сразу и каждого в отдельности, хрипло произнес:

– Спасибо... большое..., за доверие... и помощь, – он изрядно волновался и говорил как будто через силу, – Я, не знаю... Дело в том, что я не вполне уверен, но я попробую... Ради вас. На последней фразе он сделал ударение и его взгляд замкнулся на Жене. Вначале он смотрел на неё. Досконально, вдумчиво и серьёзно изучая её лицо. Словно запоминая его навсегда. А потом сквозь неё... Будто видел что-то за её спиной. И то, что он видел, пробуждало не то, чтобы страх, а беспомощность и растерянность. Оттого, наверное, что Гарик не знал, что это. Но явственно ощущал его приближение. И даже присутствие. В какой-то момент ему, как в детстве, нестерпимо захотелось прикрыть лицо руками. Но это бы не помогло. Он совершенно точно знал это. Он чувствовал не тревогу. И даже не ужас. То, что он чувствовал, было гораздо хуже. Это называлось бессилие.

Женя не могла отвести взгляд от Гарика. Сначала он вглядывался в неё настолько тщательно, будто хотел прочитать её мысли. А потом взгляд мужа стал рассеянным, отстранённым и чужим. Женя вдруг почувствовала неприятный холодок между лопатками. Взгляд мужа затуманился, а лицо осунулось. Жене показалось, что в эту минуту он старше её лет на десять. Уже через несколько секунд, Гарик, улыбался и шутил. Это было похоже на детскую игру «Отомри». Ещё через полчаса они веселой, яркой компанией уходили из ресторана. Дома Гарик и Женя, ни о чем таком даже не вспоминали. По крайней мере, вслух.

– У тебя странный голос, – задумчиво проговорила Женька, разговаривая с мужем по телефону. Сама она покосилась на бутылку вина, которую только что открыла, но не успела налить, так как позвонил Гарик из Армавира. Там он проходил медкомиссию в военном госпитале. Именно в этом городе предстояло ему нести службу в недалеком будущем. А Жене с дочкой переехать и устраиваться тут. Только в начале декабря Гарику пришел ответ из военкомата. Кроме медицинского осмотра, требовалось сдать нормативы по физической подготовке и собрать кучу документов. Все надлежащим образом заполнить и подать в указанные сроки. Ещё хорошо, что отец, Алексей Игоревич, лично знал не только главного врача, но и командира батальона, в чьё расположение поступал его сын – Игорь Алексеевич Коновалов.

Женьке было не по себе. С одной стороны, ей хотелось поддержать мужа. Она понимала, что ему совсем непросто. И что он там совсем один. Но с другой стороны, что-то мешало ей это делать по-настоящему, с любовью и теплотой. Женя догадалась: его голос. Они были женаты уже второй год. И за это время она хорошо изучила его манеру поведения. Такой голос с вальяжными и размеренными интонациями, с детализацией и застреванием на незначительных фактах и событиях, появлялся у него, когда он был слегка под шафе. Со-

всем чуть-чуть. Женьке это состояние было хорошо знакомо. Небольшая и легкая разминка перед стартом. Утренняя пробежка по берегу лесного озера накануне серьёзного марафона. Этакий аперитив в ожидании настоящей пирушки. Положив трубку, Женя задумалась. Неужели Гарик её обманывает? Не может быть! Слишком много поставлено на карту. Женя, налив себе вина, постаралась сопоставить отдельные факты. Гарик в Армавире уже вторую неделю. Он редко брал трубку, когда она звонила. Чаще перезванивал сам через какое-то время. И детально рассказывал жене о своей занятости и необходимости осуществления разнообразных медицинских процедур. Допивая вино, Женька почти решила ехать утром в Армавир. Вспомнив о, минимум, одиннадцати пациентах, записанных назавтра, и мрачное выражение лица своей начальницы, Женя от этой идеи отказалась. Она прекрасно знала это выражение. Ничего хорошего оно не сулило. По крайней мере, для Женьки точно. Рисковать было нельзя. Отношения и так были очень натянутые. А если говорить напрямую, отношения были ни к черту. Женя несколько раз её сильно подводила, элементарно, не выходя на работу. И очень даже просто. К тому же, была дважды застигнута за кражей спирта. То есть не совсем кражей, а использованием этого препарата не по назначению, а сугубо в личных целях, то бишь, употреблением в рабочее время. В первый раз, Женька здорово испугалась, так сказать, задним числом. Её даже слегка потряхивало. Боялась, что оста-

нется без работы. Но тогда пронесло, и она успокоилась. До такой степени, что ровно через три недели повторила этот финт с этиловым запашком. И опять была уличена. Но и на этот раз её не уволили. Женя была хороший работник, профессиональный и трудолюбивый, а её работодатель – Ирина Анатольевна, умная женщина. Кто же вышвыривает курицу, несущую драгоценные яйца, только из-за того, что она стала слегка прихрамывать? К тому же накануне Алексей Игоревич продал ей великолепную итальянскую стоматологическую установку с отличной скидкой. Без Женьки эта покупка вряд ли бы состоялась. Тем более по такой цене. Но Женя была ненадежна. И это тоже Ирина Анатольевна, не без сожаления, понимала. Как и то, что на голом энтузиазме и чувстве вины её лучший стоматолог – Евгения, с диагнозом «алкоголизм», долго не продержится. Ирина устроила ей показательный разнос при медсестре, и довольно чувствительно оштрафовала. И четко дала понять, что третьего раза, по крайней мере, пока она здесь хозяйка, не будет.

Гарик некоторое время смотрел на перламутрово-черный дисплей телефона, в котором криво отражалась его небритая физиономия. На душе было тошно и мутно. Его почти физически ломало от вранья, в котором опять тонула его жизнь. Он врал постоянно. Всегда, сколько помнил себя. Врал с самого детства. Часто для этого ему и особых причин не требовалось. По крайней мере, видимых и осознаваемых. Например, он хорошо помнил, как семилетним мальчишкой рас-

сказывал пацанам, что у него дома полным-полно вкуснейших шоколадных конфет. – Каких хочешь! Ну просто завались!

И очень правдоподобно живописал, какие они на вкус, и как называются. На просьбы детей вынести немного, неизменно отвечал: «Не могу... Мамка не разрешает». Никаких конфет, разумеется, и в помине не было. Но зачем он это делал, Гарик и сам не знал. Возможно, повышал таким образом собственную значимость, греясь в жиденьких лучах мимолетной славы. А может он самозабвенно врал просто так, фигурально выражаясь, из любви к искусству. Но только делал Гарик это регулярно: в школе, дома, в училище, на службе. С большей или меньшей степенью достоверности и виртуозности. Иногда это было необходимо, но чаще все-таки нет. И раньше это его не слишком беспокоило. Но что-то изменилось, когда он познакомился с Женькой. Её обманывать почему-то было сложно и неряжно. Да в этом, до самого последнего времени, и не было необходимости. Хотя Жене он не врал совсем не поэтому. Это было все равно, что водить за нос самого себя. Внушать себе чувства, которых не испытываешь. Или пытаться убедить себя в том, чего в реальности нет. При одной лишь мысли об этом Гарик испытывал жуткий дискомфорт. Но в Армавире случилось то, чего никогда не должно было произойти. Это была катастрофа. И даже гораздо хуже. Нет, сначала всё шло отлично. Он снял номер в привокзальной гостинице. Затем принял душ, разобрал сум-

ку и приготовил вещи, в которых намеревался идти утром по делам. Ещё раз тщательно проверил документы. Опять мысленно напомнил себе те инстанции, куда необходимо зайти. Позвонил Жене и отцу. Замечательно поговорили. В отличном расположении духа, Гарик спустился в кафе, чтобы перекусить. Через тридцать минут опомнился в каком-то баре, пьяным в стельку. На следующий день он не пошел ни в госпиталь, ни куда-то ещё. Весь день он тянул пиво у себя в номере, а вечером снова пошел в бар. Так продолжалось несколько дней. Ни отцу, ни, тем более, Жене, он ничего не сказал. Одна ложь накладывалась на другую. И росла изо дня в день, от звонка к звонку, как снежный ком. Она засасывала, как вязкая, с удушающим гнилостным запахом тряпина. Приступы удушья стали регулярным, чуть ли не самым обычным делом. Он избавлялся от них с помощью спиртного. Гарик ненавидел себя с каждым днем все больше. Чем яростнее ненавидел, тем сильнее задыхался и тем больше пил. Замкнутый круг. Спал, не раздеваясь, в кресле у телевизора. Лёжа приступы были сильнее. Гарик боялся задохнуться во сне. Хотя в то же время мечтал о смерти. Если бы архангел вдруг спустился с неба и предложил ему одно из двух: рассказать правду или умереть, он незамедлительно бы выбрал смерть. Даже на секунду бы не задумался. Деньги, которые у него были, таяли на глазах. Закрывая глаза, он представлял лицо отца. Отец, криво усмехаясь, молча, покачивал головой. «Ничего другого я и не ожидал», – как бы говорил он.

Ему на смену выплывали глаза его жены. Серебристо-серый грустный взгляд был направлен прямо на него. Эти глаза не упрекали и не обвиняли, но с болью и тревогой заглядывали ему прямо в сердце.

Ещё через несколько дней Жене позвонил отец Гарика. Сообщил, что необходимо увидеться. Договорились, что он подъедет вечером к ней на работу. При встрече, он едва кивнул, и указал головой в сторону бистро. Помешивая кофе, она смотрела на Алексея Игоревича и едва узнавала его. Сказать, что он расстроен, было бы неправильно. Это даже близко не передавало бы состояния, в котором находился этот человек. Он выглядел старым, больным и уставшим. Будто придавленным чем-то невидимым, но очень тяжелым. Что больше нет ни сил, ни желания держать. Женя, каменным изваянием выпрямилась за столиком, и медленно отодвинула чашку.

– Что с Гариком? – тихо спросила она. В этот же момент ей стало казаться, что спина утратила подвижность и медленно, но вполне ощутимо наливается расплавленным чугуном. Алексей Игоревич, глядя в окно, долго молчал. Декабрь выдался бесснежным и морозным. К вечеру, после дневной оттепели, неожиданно завьюжило. Ветки деревьев, линии электропередач, бездвижные машины, оказались в ледяном панцире. Одна такая ветка, закованная в сверкающий тысячами огнями ледяной плен, находилась у самого окна. Она грустно махала заледеневшей лапой им через стекло, как бы зара-

нее прощаясь с ними. А заодно с бестолковым, гневливым ветром, то и дело треплющем её и многочисленных сестер на холодной и колючей декабрьской улице.

– Мертвая красота, – пробормотал Алексей Игоревич, – Смерть иногда тоже желает быть нарядной и торжественной. Женя вцепилась обеими руками в край стола:

– Алексей Игоревич! – взмолилась она, пожалуйста, скажите, что с Гариком! Имя мужа она уже почти выкрикнула, – Он жив? – она испугалась, что если немедленно не услышит хоть что-нибудь, то может потерять сознание. Алексей Игоревич, вздрогнул и повернулся к ней:

– Господи, девочка, что ты себе надумала?! Разумеется, твой благоверный жив, хотя возможно и не совсем здоров. Ну, это уж, как водится. Всенепременно, – Алексей Игоревич горько усмехнулся. – В общем, Женя, дело обстоит следующим образом: Игорь никуда не ходил. Я так понимаю, что он, как только приехал в Армавир, отзвонился нам и ушел в запой. Где и прибывает по настоящее время, – Алексей Игоревич отвел взгляд, – Я думаю, ты понимаешь хотя бы теперь за кого ты вышла замуж? Мой сын – алкоголик, и это факт от которого никуда не деться. Господи, что мы только не предпринимали, чтобы вытащить его из этого болота. Реабилитационные центры, психотерапевты, наркологи... Мать возила его к колдунам. И по святым местам... Он жил в монастыре пару раз... Ничего... Ровным счетом... Но в этот раз действительно перебор, Женя.. Я умываю руки.

Отец Гарика, посмотрел на две чашки нетронутого кофе и положил на стол купюру:

– Я хочу сказать, что главное не в том, что он подвел меня, это не так уж и важно. И даже не в том, что я просил за него. И уж, конечно, не в той сумме, что я дал ему на первое время. И которую он сейчас благополучно пропивает. Дело не в этом. А в том, что для этого человека, которого я не хочу называть больше сыном, офицерская честь стала пустым звуком. Я поручился за него, дал слово офицера, – Алексей Игоревич судорожно глотнул, – А мне звонит командир батальона и спрашивает, где же мой сын. В госпитале его тоже ни разу не видели, – из-за стола грузно вышел очень уставший, пожилой человек.

– Мой тебе совет, девочка, беги от него пока это возможно. Пока ты сама не застряла в этом болоте. Двадцать лет я безуспешно стараюсь вытащить его. Уверяю тебя, что если будет стоять выбор, протянуть руку тебе или за бутылкой, он выберет последнее. Точнее он и выбирать-то не станет, это очевидно.

Женя собиралась тоже встать, но не могла. Ноги отказывались, к тому же очень хотелось курить. Она привычным движением поправила волосы и глухо ответила:

– Поздно бежать, Алексей Игоревич, да и некуда, – растерянно глянув на свекра, она добавила:

– Видите ли, я сама в этом болоте. По самые уши. Значит, вместе будем карабкаться. Другого пути нет. Вернее есть,

конечно, но туда успеем. Алексей Игоревич, внимательно глядя на неё, опять сел. Покачал головой и медленно сказал:

– Что ж, раз так... Я не думал, вернее, Людмила мне говорила что-то такое... – он долго молчал, глядя в темное окно. Наконец вздохнул и произнес:

– Что тут скажешь, Женя, я устал, понимаешь? Я не знаю, как вам помочь... И, честно говоря, уже не хочу. Я не могу больше видеть Игоря в этом состоянии... И все-таки подумай. Ты ведь погибнешь с ним. Возможно, лучшее, что ты можешь сделать, – это подать на развод. И чем быстрее, тем лучше.

Гарик ответил на звонок, когда она набрала его уже в третий раз. Поздно вечером. Голос был слабый и отрешенный, как у приговоренного к расстрелу. Женька, набрав в грудь воздуха, как перед стартом, задала вопрос:

– Это правда? – и тут же уточнила, – Правда, что ты никуда не ходил? И ничего не делал? Женя затаила дыхание, а Гарик, наоборот, шумно выдохнул:

– Правда... Женя, прости меня, я... Она перебила:

– Гарик, возвращайся... Будем что-то думать. Это не самое страшное... Мы все исправим... Господи, я сегодня так испугалась за тебя, – Женя заплакала.

– Зачем ты сидишь там, в чужом городе, как бездомный пес? У тебя есть семья. И она тебя любит и ждет. Гарик, я дочку от мамы забрала, слышишь? Как мы с тобой и собирались. Хватит ей там, нагостилась. Да и матери тяжело уже.

Ты знаешь, Анечка сразу по комнатам пробежала, тебя везде искала. Стоит расстроенная, а потом спрашивает: «А Гарик скоро приедет? С ним весело, он прикольный». – У тебя есть деньги? Выезжай завтра же утром, ты слышишь меня, Гарик? Почему ты молчишь?

В Армавире, в неприбранном, прокуренном номере вокзальной гостиницы, зарывшись лицом в одеяло, беззвучно рыдал 38-летний бывший майор вооруженных сил Российской Федерации – Коновалов Игорь.

Несмотря на тяжелый, но такой важный разговор с мужем, душевное состояние Жени улучшилось. Гарик вернется, и они что-нибудь придумают. Обязательно. Главное, они будут вместе. Позвонил Дима, его голос, казалось, был воплощением безрадостной и наполненной лишениями жизни. Он попросил Женю найти его фотографии 3х4.

– Нужно опять наслужебное удостоверение, у меня должны были остаться в нашем портфеле с документами. Женя заволновалась:

– У тебя все хорошо, сынок? А как Лиза? Выслушав неразборчивый ответ, Женя сказала:

– Я найду фотографии и завтра привезу.

– Не стоит, мам. Я сам заеду к тебе утром. Женя натужно засмеялась:

– А что такое? Лиза по-прежнему не желает видеть родственников мужа? Ну что ж поделаешь, любить нас она действительно не обязана. Дима вдруг резко прервал мать:

– Да она вообще *не может* любить, понимаешь? Ни-кого. Дима замолчал, и по его волнению чувствовалось, что он жалеет о своей нечаянной откровенности.

– Ладно, забудь, это я так, вырвалось. Найди фотки, ок? Я заеду до работы.

Женя в раздумье постояла с телефоном в руке. Она сразу же нашла фотографии, они были в Димкиной папке. У него, единственного в семье, был порядок с его бумагами. Женя долго вглядывалась в цветное фото сына. Серьезное, интеллигентное лицо подающего большие надежды аспиранта. Чудесные, и выразительные глаза. Женька подумала, что никогда не обращала особого внимания какой грустный взгляд у её сына. Наверное, поэтому так часто при взгляде на Диму, у неё мучительно щемило сердце. Порой такая бесконечная и необъяснимая жалость к сыну разливалась в груди, что Женя хотела прижать его к себе навсегда и не отпускать ни на шаг. Ну почему у него такой взгляд? – думала она, глядя рукой фотографию. Глубоко несчастного и одинокого человека.

– Бедный мой сыночек, – шептала Женя. В своей комнате громко вскрикнула во сне и что-то быстро проговорила дочка. Женя вздрогнула всем телом и уронила портфель с документами. Какие-то бумаги выпали. Ближе всего к ней лежал зеленый картонный прямоугольник. – Чья-то визитка, – переворачивая её лицевой стороной, догадалась Женя. «Анонимные Алкоголики.г. Ставрополь». И номер телефо-

на. А сверху, в углу, Володиной рукой было написано: «Же-ка, не будь душой, позвони!» И смешная рожица, показывающая язык бутылке. Утирая слезы, Женя даже вспомнила, что эту визитку он положил ей на комод перед отъездом из Ставрополя. «Это опять случится, Женя – услышала она голос Володи, – И ты, и я это знаем. Позвони им, они классные ребята, честное слово!» Женя, включая в спальне ночник, посмотрела на их с Гариком фотографию на тумбочке. Это фото было сделано в день регистрации брака, незнакомым человеком, по их просьбе. Больше обратиться было не кому. Поскольку у них даже свидетелей не было. Стояла поздняя осень, с утра шел вялотекущий и нудный дождь. Но они радостно и смущенно улыбались, глядя в объектив и тесно прижавшись друг к другу под зонтиком. Женя положила визитку на тумбочку, возле фотографии и, обращаясь к Гарику, торжественно сказала: «Ну вот мы и приплыли, мой дорогой...»

Спустя несколько месяцев, Женя много раз вспоминала и анализировала тот период. Без особого, впрочем, успеха. Все как-то так сразу навалилось. Яркими, болезненными вспышками мелькали в памяти отдельные фрагменты. Они никак не выстраивались, не упорядочивались и не приводили к логической развязке. В них не было логики. Вообще никакой. Сумбур и неразбериха, вот чем были заполнены те дни. Женя не сразу разобралась, что этим были наполнены не дни, а её голова.

Гарик приехал за три дня до Нового 2011 года. Разбитый

и безучастный ко всему. С серым цветом лица и потухшим взглядом. Больше всего пугало именно такое его состояние. У него был вид человека, который разочаровался абсолютно во всем. И окончательно понял всю бесполезность и смехотворность любых действий и усилий. Он довольно легко согласился с Женей, что нужно идти на группу АА. В основном, из-за того, что ему было все равно. И, главное, сложнее было бы объяснять, почему не хочет. А он не хочет, не может, и не видит смысла!

А потом случились новогодние праздники и дни рождения (её и Ани). Женя доказала, что сорок лет, не повод отказываться от веселья. Отмечали с размахом. Да так, что с разницей в три дня пришлось капаться обоим. Была приглашена безотказная медсестра Катя, дабы остановить этот нескончаемый поток больших и малых радостей, которые сами по себе, без обильных, часто круглосуточных возлияний, представляли невеликую ценность. В частности, конкретно для этой, отдельно взятой семьи.

В начале длинной третьей четверти учебного года, одиннадцатилетняя Аня неудачно прыгнула на уроке физкультуры и сломала ногу. А Гарик снова оказался без работы. И опять Женя видела безмерно уставшего от жизни человека с печатью отрешенности и неприкаянности на лице. Как-то вечером она позвонила по номеру, указанному на визитке. В тот же вечер они пошли на собрание группы анонимных алкоголиков. Вернее поехали в Ставрополь. В Михайловске

групп не было. Целый час с ошарашенным видом слушали людей. Ровным счетом ничего не поняли, но остались довольны. Главным образом, от того, что утром не мучились от похмелья, так как спать легли трезвыми. Им сказали, что ходить нужно каждый день. У Жени это не всегда получалось из-за работы. Гарик сосредоточенно и упрямо ходил ежедневно.

Как-то вечером застали Диму. Ребята были в Аниной комнате, и как в прежние времена очень уютно себя чувствовали, занимаясь каждый своим делом. Аня, у которой ещё не сняли гипс с ноги, рисовала, Димка был за компьютером. Нехотя объяснил матери, что пришел навестить сестру. Хотя Женья ни о чем не спрашивала. Прислонившись к дверному косяку, она с улыбкой смотрела на детей.

– О, мам, не шевелись, я сделаю твой набросок, в коридоре хорошее освещение, – сказала с кровати Аннушка. Женья махнула полотенцем в сторону дочери:

– Не сейчас, Аня... Сынок, поужинаешь с нами? – Женья заметно нервничала. После того, как они с Гариком стали жить вместе, сын не задерживался у неё больше пяти минут.

– И не только поужинает, но и позавтракает, – пообещала Аня, – Потому как будет ночевать здесь, Лизка его выгнала. Димка развернулся к ней и пообещал сломать вторую ногу, если она не замолчит. Затем глянул настороженным взглядом на мать. Опять неохотно, через силу проговорил:

– Все нормально, никто ни с кем не ссорился. Мелкая гре-

ла ухо во время телефонного разговора, и все неправильно поняла. Он снова грозно посмотрел на Аню:

– К завтрашнему дню, ухо, которым ты подслушивала, станет размером с лопух, – убедительно заверил он девочку. Аня, встревожено глянув на мать, инстинктивно поднесла руку к левому уху. Затем искусственно рассмеялась:

– Ну конечно, так я и поверила. Мне что, пять лет? Дима, не мигая, смотрел на неё в упор:

– А язык твой станет ярко фиолетовый, – мрачно продолжил он, – Это всегда бывает с мелкими трещотками, которые слышат звон, да не имеют понятия, где он. Небесно-голубая лазурь Аниных глаз перешла в свинцово-муаровый. Цвет грозового неба. Как и в природе, явление неизменно прекрасное и завораживающее, но не вполне безопасное. Запущенный девочкой тапок с грохотом стукнулся о дверь, за которую успел выскочить её брат.

Ночью в этой квартире безмятежно спала только младшая Аня. Димка ворочался в старом раскладном кресле уже третий час. Спать он не мог. Сигареты тоже не приносили облегчения. Хуже того, были противны. Но он курил, чтобы хоть чем-то занять руки и голову. Он чистый² уже шестнадцать недель. С тех пор, как узнал, что Лиза беременна. Так они решили. Вернее, так решила Лиза и довела до его сведения. Как что-то само собой разумеющееся. Он знал, что это ра-

² Чистый – (трезвый), зависимый человек, не употребляющий в настоящее время наркотические вещества.

зумно и правильно, и был согласен, с этим. Нохотелось, чтобы с ним советовались, чтоб к его мнению прислушивались. Дима наивно верил, что все решения, касающиеся их семьи, они будут принимать вместе. И, желательно, в ходе совместного обсуждения, а не готовых приказов, отдаваемых ультимативно, как бессловесному исполнителю. Но не это было самым трудным. И даже не то, что с тех пор, как они поженились, Лиза очень изменилась. А может, она и раньше была такой, а это он, влюбленный дурак, ничего не замечал? Обозленная, мелочно-придирчивая, всегда недовольная. Димка приходил к выводу, что она его не любит. И возможно, никогда не любила. Несомненно, дело именно в этом. Ведь с этой кодлой из своего тату-салона, она абсолютно другая. Димка несколько раз, проходя к ней на работу, заставал там этих чертовых волосатиков с козлиными бородками, тоннелями в ушах и маслянисто-похотливыми глазками. Он вспомнил, как Лиза звонко хохотала, слушая конопатого гнусавого типа с рыжими бакенбардами. В своейкожаной жилетке, одетой прямо на голое тело, он был недалеко от Лизы. Пожалуй, даже близко. Слишком близко. Впервые в жизни, Димка точно почувствовал, где находится его сердце. Так сильно оно колотилось. С ним его жена давнотак не смеялась. Он не ревновал, нет. Потому что точно знал, что Лиза ничего не будет делать исподтишка. Это противно её натуре и идет вразрез с её принципами. Но Димка снова почувствовал это муторное, до отвращения знакомое чувство собственной ненуж-

ности и отверженности. Он всегда лишний... Всегда мешает... Изгой и отщепенец. Дима окончательно понял это, когда смотрел в тот вечер на Лизу. На её дивные ноги, причудливо изогнутую линию бедра, запрокинутое, смеющееся лицо, обращенное к чужому мужчине... – Не мо-я, не мо-я, – бешено выстукивало Димкино сердце. Этот тип с дурацкими бакенами, хрипло рассказывая что-то, склонился над Лизой, упираясь кулаком в подлокотник её рабочего кресла. Димка видел его рыжие волосы, курчавившиеся на шее и подмышками. А потом Лиза заметила Диму... И все её краски потухли. И улыбка стекла с лица. Будто нерадивый ученик провел по классной доске грязной меловой тряпкой. – Ну и прекрасно, – решил для себя Дима. Все оказалось на своих местах. И стало легко и просто. Его уже было не очень-то и просто удивить. Тем более, накануне, жена ему выкрикнула прямо в лицо: «Мне не нужен ни ты, ни твой ребенок!» И что теперь делать? А можно ли вообще с этим что-нибудь сделать? У Димки не было ответа. Вернее, был, но он пока никак не мог додумать его до конца. Всегда что-то мешало. Но не Лиза, нет. Лиза больше не являлась проблемой. Да и их семейные взаимоотношения тоже. Самой большой проблемой в его жизни был он сам. Так всегда было. И так всегда будет, пока он не додумает то, что требуется до конца... Четыре месяца он воздерживался от любой дури. Потому что так решила Лиза. А он не мог, да и не хотел спорить. Она была сильная, а он нет. Она так и сказала:

«Это не для тебя, под кайфом ты делаешься ещё слабее. Стафф³ честно показывает, кто ты есть на самом деле, а тебя даже от мульки⁴ развозит. Противно». Так вот главное заключалось в том, что он был полностью согласен с этим. Поэтому даже обижаться на неё не мог. Он до сих пор удивлялся, как такая девушка, как Лиза могла его выбрать. Лично он бы себя не выбрал. Ни за что. У него не было ни малейших иллюзий насчет собственной персоны. Он от них избавился ещё в детстве. Вернее, ему помогли. И таких помощников хватало. Просто Лиза стала ещё одним доказательством его никчемности. В чередѣ предыдущих других. Вот и все. Онаещѣ неплохо продержалась. По сравнению с остальными. И если бы не её беременность, возможно, так шло бы и дальше. Но узнав о ребенке, Лиза вдруг испугалась, что не сможет быть хорошей матерью. А будет во всем напоминать свою: в трезвом состоянии раздражительную и злобную мегеру, ав подпитии, вульгарно-омерзительную дрянь. Этот страх, агрессию и неуверенность Лиза, разумеется, обрушивала на Диму. Так как считала его непосредственным виновником создавшегося положения. – На что мы жить будем? – кричала Лиза, – Ты подумал? У меня только все наладилось, – стонала она, – Что же делать теперь? – Даже если ты останешься жить на своей нищѣбродской, тупой работе или

³ Стафф(сленг)– любой наркотик.

⁴ Мулька(сленг)– кустарный наркотик, основным содержанием которого являются компоненты эфедрина.

в шесть раз чаще прыгать в свой кафельный прямоугольник, заполненный водой, мы лучше жить не станем! Дима поморщился. Отношение Лизы к его работе было давно известно, но в последнее время насмешки участились. И стали принимать более изощренную форму.

Дима устал. Он уже не искал способы примирения. И больше не мечтал о том времени, когда у них было все хорошо. И любви своей жены он уже тоже не искал. Невозможно отыскать то, чего не существует. Очень непросто найти черную кошку в темном помещении, особенно если её там нет. Его жена, *в принципе*, не в состоянии была любить. И вины её в том нет. Это чувство ей было незнакомо. При всем желании, она не могла делиться тем, чего не имела сама. А у Димы уже не хватало на это жизненных ресурсов. Подобно забытому на даче растению в кадке, любовь высохла и умерла. Ведь отношения – это движение навстречу. В одностороннем порядке дойти трудно. Не каждому по силам. Димка быстро выдохся и опустил руки.

На его состояние больше обратил внимание Гарик. Они тоже плохо спали в ту ночь. Женя лишь заметила, что Дима похудел и сильно нервничает. Гарик с сомнением покачал головой:

– Парню двадцать лет, Женя... Я не знаю, конечно, но в этом возрасте, после ссоры с женой, не идут к родителям. Что хочешь мне говори, но это странно... Женя привстала на локте:

– А куда ему идти, ты видишь, какая она? Живут почти год, а мы ни разу у них не были...

– Да причем тут она, вообще, Женя?! Не о Лизе речь... Он какой-то потерянный... И... безразличный что ли, понимаешь, о чем я? Неживой какой-то, будто ему восемьдесят, а не двадцать... Женя села на кровати:

– Ты думаешь? А я так радовалась, что он женился, наркоту оставил... К нам пришел, хотя раньше, если ты был здесь, он этого не делал. Женя пыталась разглядеть в темноте лицо Гарика:

– Я понимаю, у тебя взгляд свежий, незамыленный, в отличие от моего. Но Дима всегда был замкнутым и необщительным ребенком. И проблемы с адаптацией у него были тоже всегда. Димка и в лагере не остался до конца смены ни разу. Не получалось. То заболит немедленно по приезду какой-то страшной ангиной. То как-то раз, я справку по эпидокружению забыла, и он пролежал в изоляторе три дня. И его там всего обсыпало. Чесался, как сумасшедший. Меня попросили немедленно забрать его. А потом выяснилось, что это была крапивница на нервной почве. И дома все тут же прошло. Из спортивного лагеря вообще убежал с приятелем. Когда спрашивала почему, отвечал только: «Там ужасно».

Гарик долго молчал, затем произнес:

– Трудно ему будет в жизни. Слишком хрупкий он для нашего грубого реального мира.

– Ему уже очень трудно, разве ты не видишь? – тихо отве-

тила Женя, – И всегда было трудно... Бедный мой ребенок. Знаешь, мне всегда было его так жалко, что и передать нельзя. Не знаю даже почему... Просто жалко и все. Без видимой причины. Иногда прямо до слез. С Аней не так. Дочь не вызывает такую щемящую жалость. Хотя, казалось бы, девочка же. Вроде должно быть наоборот.

Вскоре об этом событии и ночном разговоре забыли. А может и не совсем забыли, а просто их немного потеснили другие обстоятельства, более эмоционально насыщенные и яркие. Например, вторник 1 февраля 2011 года. В четыре утра позвонил Димка и каким-то ошалевшим от волнения голосом крикнул, что у него родился сын. Женя спросонья не могла ничего понять. По всем расчетам, в том числе и медицинским, ребенок должен был появиться на свет где-то в начале апреля. Как же так?

– Семимесячный, – радостно орал в трубку Димка. Ничего страшного, – заверил он мать, – Сейчас ещё и не таких выхаживают. Он пока в кувезе находится, в отделении для недоношенных, потому что вес у него килограмм шестьсот пятьдесят грамм. Представляешь?!

Димка все это произносил очень торжественно, явно гордясь сыном:

– Мам, не переживай! Альберт – мужик!

– Кто? – давась от волнения и смеха, переспросила Женя, – Как вы его назвали?

– Моего сына зовут Альберт, – повторил Дима, – Это я его

так назвал, Лиза сказала, что ей все равно...

– Как это все равно?! – возмутилась Женька, – Как это возможно, она мать или кто? Голос у Димки тут же стал чужим:

– Не знаю я, как это возможно, – устало выдохнул сын, – Просто так есть, и все.

Вечером собрались небольшим, но уютным кругом: Женя с Гариком, Алексей Игоревич с Людмилой, Туся с Сергеем, Зинаида Евгеньевна Дима с Аннушкой. Как правило, несанкционированные и стихийные мероприятия бывают самые веселые, душевные и запоминающиеся. Специально никого не приглашали. Ничего отмечать не собирались, пока Лиза с малышом в роддоме. Но тут приехала радостно-восторженная Зинаида Евгеньевна. Затем позвонил отец Гарика и сообщил, что они с Людмилой прикупили кое-что для новорожденного. И если Женя не против, хотели бы завезти, тем более, что они недалеко от её дома. «Кое-что» еле уместилось в четыре огромных пакета. А узнавшая одна из первых об этой новости Туся,сейчас же объявила, что пусть Женька с Гариком, как хотят, но вечером они непременно будут. Так и собралась разношерстная, оживленная компания, с цветами, шампанским и подарками.

Вспоминая тот день, Женька сожалела лишь об одном. О тех словах, что сказала тогда Гарикю. Он в тот вечер, как обычно, собирался на группу. Женя, которая в запарке бегала от раковины к столу, а от плиты к холодильнику, удив-

ленно на него глянула:

– Ты куда? Да ладно, какая группа... Ведь такое событие! Гарик, сегодня день рождения нашего внука! Я понимаю, у нас нет с тобой общих детей, но это первый малыш, который родился в нашей семье с тех пор, как мы вместе, – Женя подошла, обняла Гарика и заглянула ему в глаза, – Не оставляй меня одну сегодня, прошу тебя...

Женя хорошо запомнила и тот день, и проведенный с друзьями и родственниками чудесный вечер. Но одиннадцать дней их с Гариком запоя, последовавших непосредственно за этим, сохранились в Женькиной памяти лишь бессвязными, мучительно-отвратными вспышками.

Наиболее мерзким было то, что она во избежание увольнения, преподнесла на работе чудовищную легенду о смерти брата Ярослава. Придуманную ею лично от начала и до конца. Женька в этот момент находилась в каком-то оглушенном состоянии, в условиях дичайшего алкогольного плена, распластанная в тисках зависимости и безысходности. С одной стороны, ей необходимо было выходить на работу, так как подаренные Ириной Анатольевной три дня мгновенно истекли. И невозможность осуществления этого по причине своего заболевания. Вот тогда и пришла ей в голову эта дикая мысль. Женя выслушивала сочувственные, но весьма заезженные фразы. Они начинались с сокрушенного прицокивания: «такой молодой...», «как же так...», и «еще жить бы да жить...». И ещё люди осторожно старались выяснить, что

же все-таки произошло: «...а что же он, болел?» А заканчивалось все неизменным пожеланием царствия небесного. Женьку интересовал только отсроченный выход на работу и больше ничего. Из-за этого отвечала она печальным голосом, но короткими и весьма туманными фразами. На что-то большее её уже не хватало. Женя не знала, что приходящая уборщица у неё на работе знакома с её матерью. И сердобольная эта женщина, взяла да и позвонила Зинаиде Евгеньевне. Исключительно из добрых побуждений, чтобы выразить соболезнование по поводу безвременно ушедшего сына Ярослава. Который, между нами говоря, в это самое время, в полнейшем здравии и благополучии, как физическом, так и душевном, отдыхал с новой пассией в Черногории.

Если Гарик, ещё мог сохранять хотя бы какую-то видимость активности, то Женя вела уже полурастительное существование. Она в этот период напоминала героиню советского документального фильма «Женский алкоголизм: болезнь или распущенность». Женя ещё больше похудела, так как ничего не ела. Организм ничего уже не принимал. Даже алкоголь. Женька плохо ориентировалась во времени и пространстве, у неё непрерывно дрожали руки, и она с трудом разговаривала. За Аней, как мог, присматривал Гарик. Он готовил еду и даже помогал иногда с уроками. Зинаида Евгеньевна после инцидента с фиктивной смертью всякое общение с дочерью прекратила. Женина мать пришла, безоговорочно, хоть и к грустному, но логическому, в общем-то, вы-

воду, который заключался в абсолютной неменяемости её дочери. И полной её несостоятельности, как матери. На этом основании она потребовала, чтобы Аня снова жила у неё. В чем ей было негромко, но категорически отказано. Женя по состоянию здоровья в переговорах не участвовала. Зинаида Евгеньевна, исполненная праведным гневом, стояла в дверях, намереваясь войти. Снег с её шарфа быстро таял и уже в виде жидкой консистенции истекал на половик. Гарик, бледный и нетрезвый, в квартиру тещу не пускал. Стоял намертво. За его спиной полыхнули иссиня-черные глаза её внучки. Женщина, увидев девочку, неожиданно заголосила так, что Гарик и Аня одновременно вздрогнули:

– Ой, Господи, дите, ты мое бедное, разнесчастное! – Зинаида Евгеньевна шмыгнула носом и сделала ещё одну безуспешную попытку войти. – Аннушка, внученька, собирайся, поедем до бабы. Гарик, удерживая дверь, процедил сквозь зубы:

– Зинаида Евгеньевна, прекратите немедленно, Аня останется здесь, с матерью. Зинаида Евгеньевна на минутку ослабила хватку и совершенно другим, насмешливым тоном проговорила:

– Да что ты говоришь! Это где же здесь? Там где моя чокнутая дочь с сожителемне просыхают уже неделю? И с какой же матерью это бедное дитеостанется? – интонация Зинаиды Евгеньевны ничего хорошего не обещала. – С матерью, которая хоронит живых родственников? – она неожиданно

рванулась за дверь и крикнула: «Анечка, детка, одевайся! Я тебя жду». Гарик вверенную позицию удержал, ценой знатного дверного толчка в бедро:

– Перестаньте, Зинаида Евгеньевна, я вам сказал, девочка никуда не идет!

И ещё, насчет сожителя, – Гарик потер ушибленное место, не выпуская из поля зрения, дверь, – Вам прекрасно известно, что мы в законном браке, для чего вы устраиваете этот спектакль? Да ещё перед ребенком?! Отдышавшись, его теща с презрением выдохнула:

– Послушай, ты! Мне на тебя наплевать сто раз, кто ты и что ты, ясно? Но моя дочь уже пропила мозги настолько, что объявляет умершим родного брата! Только, чтобы не останавливать своё пьянство... Этодаже для неё чересчур... Доходит, нет? – Зинаида Евгеньевна, с удивлением, посмотрела на внучку, которая и не думала одеваться, – Но и это бы ладно, хотите спиваться, ваше дело, но тут моя внучка! Она здесь причем? – Зинаида Евгеньевна уже дышала со свистом. Аня подняла на неё глаза и тихо сказала:

– Я здесь останусь, бабушка, – развернулась и ушла к себе.

Зинаида Евгеньевна, медленно отступая, покачала головой:

– И ребенка застращали, сволочи! Ладно, я на вас управу найду! Поворачиваясь к лестнице, она громко объявила:

– Я в суд буду обращаться, понятно тебе? И на этот раз добьюсь лишения её родительских прав, – дыхание стало хрип-

лым и прерывистым, но Зинаида Евгеньевна не останавливалась. Где-то на уровне первого этажа, все ещё доносилось её зычное и выразительное:

– Алкаши чертовы! Житья от вас, проклятых, нет! Да чтоб вы повыздыхали по всему свету, окаянные.

Гарик вздохнул и закрылся надва оборота. Глядя на дверь в упор несколько секунд, подумал и накинул цепочку.

Женя с Гариком начали приходить в себя, когда Лизу с малышом уже выписали. Димка разглядывал красное морщинистое личико и пытался осознать свои чувства. Наиболее четко прослеживался страх. Ребенок был такой крохотный, что даже не мог нормально плакать. Он часто кряхтел с зажмуренными глазами и намертво стиснутыми пальчиками. Иногда пищал и судорожно тряс кулачками, с побелевшими малюсенькими ноготочками. Дима смотрел на него и не мог представить, что имеется безопасный способ, чтобы взять такую кроху на руки. Димка и подойти-то вначале боялся. Мешал все тот же страх, а вдруг он не дышит? Кстати говоря, страх вовсе не беспочвенный. Дыхание у малыша было неровное, слишком частое и поверхностное. Глядя на него, Дима и сам начинал задыхаться. Лиза выглядела измученной, но от сочувствия приходила в ярость. Дима её раздражал одним своим видом. В квартире становилось тесно. Если он заходил в комнату, Лиза демонстративно выходила. Он за все хватался, чтобы быть нужным, но чаще всего получалось медленно и скверно. Лиза, наблюдая за

его деятельностью, презрительно молчала. Димка ругал себя за инициативу. А больше всего за отпуск. Какой же он дурак! Еще гордился собой, что так удачно подгадал. Пошел в отпуск, аккуратно, в день их выписки. Для того, чтобы была возможность помочь этот месяц жене. – Идиот малахольный, – грыз себя Димка, – Кому я тут нужен со своей дурацкой помощью. Первый за долгое время скандал разразился, когда Лиза перестала кормить грудью. В доме появилась искусственная смесь, хотя молоко у неё было. Димка возмутился, когда увидел, пропитанную грудным молоком тканевую прокладку.

– Ты же сказала, что нет молока... – растерянно проговорил он. Лиза раздраженно ответила:

– Не берет он грудь, что я могу сделать? Насильно его кормить?! – Лиза начала кричать, – Что ты понимаешь в этом? Соску берет, а грудь нет, ясно тебе?

– Медсестра же говорила сцеживаться... – он не успел договорить. – Да пошел ты вместе с этой медсестрой! – взвизгнула Лиза, – Вот и сцеживайся, если хочешь, с этой короной... – она матерно выругалась. – Ты хоть знаешь, как это больно! – Лиза с ожесточением швырнула марлей об стену. Молочные ручейки живо брызнули и побежали вдоль голубой стены, по зеркалу, по Димкиной щеке. Лиза, оттолкнув его, убежала в комнату. Он почувствовал, исходящий от неё запах влажной кожи, теплого молока и чего-то едва ощутимого, но желанного и манящего.

Его коллега Гриша, которому Димка, в минуту откровенности, рассказал о семейных трудностях, заверил его, что это временно.

– Ничего, старик! Это послеродовая депрессия, так бывает, – Гриша закурил и добавил, – Это пройдет... Моя знаешь, как после вторых родов бесилась, о, словами не передать! А потом ничего, успокоилась вроде. Диме стало немного легче. Гришке можно было верить, как – никак двое пацанов у человека.

Гарик опять начал посещать собрания анонимных алкоголиков. Все время звал Женю с собой.

– Ты пойми, – говорил он, – Ничего не получится, если я один буду в сообществе. Только оба, поддерживая друг друга, мы начнем выздоравливать. Но Женя, потеряв очередную работу, впала в уныние. Ничего не хотела. К внуку приходили всего дважды. Атмосфера в том доме была напряженная. Им были слишком явно не рады, чтобы не замечать этого. Оставаться дольше не имело смысла. Женя с Гариком поднялись, чтобы уходить. Дима вышел их проводить. Он исхудал и был странно возбужден. Извинялся за Лизу, объясняя, что малышу пока опасны контакты с внешним миром. Женя провела рукой по ввалившейся щеке сына:

– Что с тобой, сынок? Ты болен? – слабым голосом задала вопрос Женя. Димка засуетился, произвел одновременно кучу движений. Замотал головой, шеей и руками. Затем, не глядя на мать, исказив рот нервной, страшной гримасой,

означающей, видимо, улыбку, произнес:

– А что с нами со всеми, мам? Ты разве не знаешь? – он вдруг повернулся и глянул на неё щемлящим и грустным взглядом умирающей собаки. Тем самым взглядом с той фотографии и продолжил:

– Мы пропащие... Все мы: я, ты, он, Димка махнул в сторону курившего недалеко Гарика. И Лиза тоже... И если не случится чуда, то и Аня, конечно... У неё нет другого выхода. Вернее, может и есть, но в нашей семье, она его просто не увидит. Димка неожиданно засмеялся и Женя вздрогнула. Сын помолчал и закончил:

– Мы все обречены... И все мы это знаем. Только вы молчите и делаете вид, что все в порядке и стараетесь улыбаться в нужных местах. А я уже нет... Не могу больше... И не хочу... Противно... Женя взяла его за руку:

– Да что ты, сынок! Что-то поздновато для юношеского максимализма, – натужно пошутила Женя. – Все наладится, увидишь... – сделав паузу, выдавила она из себя. Дима, непроизвольно качнувшись всем телом сразу в обе стороны, глянул на неё, улыбнулся и кивнул:

– Конечно, мам... Слушай, нам Альберта купать, а мне еще череду заварить нужно, – Дима поцеловал мать в лоб сухими губами, – Пока, Гарик! – крикнул он, и направился к дому, не оглядываясь, без конца поправляя челку, одергивая куртку и вздрагивая плечами.

В ту же ночь Жене приснился сон. Она стоит на берегу то

ли озера, то ли моря, неизвестно, так как линия горизонта расплывается в тумане. Очень холодно. Она кутается и прячет лицо от сильного ветра. Вдруг справа от неё послышался всплеск. Женя видит, как Дима, заходит в ледяную воду. Она пытается кричать ему, но голоса нет. Женя бежит за ним из-за него, но он не слышит, хотя находится очень близко. Кое-где вода покрыта льдом. Но он сосредоточенно идет дальше, кромсает лед, проваливаясь в воду. Вдруг он оборачивается и смотрит прямо на неё. На его лице радостная улыбка:

– Мама, – громко и страшно шепчет он, – Ты видишь, я могу, – он опять легко и беззаботно смеется, – Я думал, что не сумею, но ты видишь, мам? Он что-то говорит ещё, но Женя не может разобрать больше ни слова. Она вглядывается в его смеющееся лицо и холодеет от ужаса. Дима смотрит на неё плотно закрытыми глазами, а в его открытом рту нет ни одного зуба.

Дима оперся на стол в кухне и попытался успокоиться. Это давалось нелегко, так как обвинительный монолог Лизы по его адресу не прекращался. Сейчас Димка уже не знал, хочет ли он, чтобы она замолчала. Ведь тогда нужно будет, что-то отвечать, чем-то заполнять паузу. А он давно не хотел уже ничего говорить. Не хотел этих скандалов, разборок, объяснений и унижительных, вымученных примирений. Лиза, качивая ребенка, влетела на кухню:

– Что ты молчишь? Почему ты, как нашкодивший кот, сделаешь человеку гадость, а затем убегаешь?

– Послушай, – Димка намеренно не смотрел на жену, – Я всего лишь спросил, почему ты не гуляла с ребенком. Вот и все. Лиза подошла ближе и, еле сдерживая, охватывающую её ярость, зашептала:

– Нет, не все! Ты не всего лишь спросил... Ты меня обвинил, что я не гуляла с ним, – малыш заплакал, и Лиза, качая его, продолжила:

– Ты думаешь, если просиживаешь штаны насвоей ничемной работе, значит, можешь указывать остальным, что им нужно делать?! Димка потер виски и уставшим голосом ответил:

– Ребенок и так почти месяц был дома, неужели тебе его не жалко? Вчера, не гуляли, а такой день был солнечный...

– Хорошо, – она лихорадочно начала собирать ребенка, – Я пойду, конечно, раз муж сказал. Димка зашел в комнату, – Ну зачем ты? И куда, семь вечера уже... Он тронул её за плечо, Лиза вырвалась с каким-то театральным надрывным криком, – Не трогай меня! – развернулась и с ненавистью заглянула ему в глаза, – Никогда меня не трогай, слышишь? Ты, не способный ни на что гребаный недоносок, жертва пьяного зачатия! Я с радостью уйду, понял? С большим удовольствием, чтобы только не видеть этой жалкой физиономии! – она укутала шарфом бутылку со смесью и положила её в коляску. Дима чувствовал себя второразрядным актером в какой-то дешевой, бульварной пьеске.

– Лиза..., – растерянно проговорил он. Открыв входную дверь, Лиза подкатила коляску к лифту:

– Не приближайся ко мне! Чтобы я только сейчас не отдала, лишь бы не видеть тебя больше! – снова заплакал ребенок, – Господи, да замолчи же ты!

Димкино лицо вытянулось и побелело, он стоял и молчал. Он абсолютно не знал, что полагается делать в такой ситуации. – Как все глупо, – думал он, – Боже мой, зачем это? Как же это тупо и мерзко... Жалобно и громко плакал в спальне Альбертик, ему шел второй месяц, и что-то, а кричать он уже научился. Лиза вернулась за ним в комнату. Уложив его в коляску, она накрыла малыша пледом, оделась, и не глядя на Диму, вышла из дома. Негромко и глухо щелкнул дверной замок, будто подавая сигнал. – Вот и ладно... – тихо отве-

тил ему Димка. Он достал из заднего кармана начатую пачку циклодола и закинул в рот четыре таблетки. Открыл холодильник, взял бутылку водки и попытался запить. Не вышло, он закашлялся, облил футболку и еле справился с приступом тошноты. Димка чертыхнулся, налил водку в стакан, подобрал две размокшие таблетки и выпил залпом. Открыл кран и долго пил воду. – Чертова синька! – прошептал он, отдышавшись, – Как её вообще люди пьют? Вот мать его, например, жить без этого дерьма не может... При взгляде на бутылку, Димка с отвращением поморщился. Затем выпил оставшиеся таблетки и вышел на балкон. Первым делом он, как всегда, глянул на торчащий сверху арматурный крюк. Он почему-то всегда его успокаивал. Каким образом и для чего его оставили, было совершенно непонятно. Димка часто размышлял над этим. Что это? Огрехи нерадивых строителей или крюк имеет какое-то функциональное предназначение? Точно по центру он выступал из бетонной плиты на хорошие десять сантиметров и был даже побелен, как и она. Вроде бы так и надо. Будто такая инсталляция является абсолютно нормальной, и вовсе не считается чем-то предосудительным. Димка подмигнул ему, какзаговорщику и вынул сигареты. Вот ещё одна гадость из «нормальной» жизни, которую он не в состоянии был понять. Но сейчас было нужно, так положено. Димка был уверен, что это обязательный ритуал, при несоблюдении которого может произойти все, что угодно. После двух затяжек, он потушил сигарету и надел

чистую футболку. Потом снова налил водку и достал коробку с лекарствами. Зачем ему это Димка и сам точно не знал. Содержимое домашней аптечки было ему прекрасно известно. Тем не менее, он насобирал в пригоршню какой-то лекарственной чепухи и уже без содрогания запил все это добро водкой. После этого, в голове у Димки кто-то зычно командовал: «Пора!» Его шатнуло, он схватился за раковину, улыбнулся и погрозил кому-то пальцем. «Поторопись, милый...» – нежно шепнул ему на ухо бархатный женский голос. Димка, засунул голову под умывальник и открыл кран. После этого, он действовал быстро и четко. Тщательно причесав волосы, достал с антресолей синее казенное одеяло и завесил балконное окно. Затем из глубины кладовки достал поломанный утюг, который Лиза сказала выбросить ещё месяц назад и отрезал шнур. Немного повозился с ним, закрепляя в крюке. Зато петля с самого начала вышла отличная. В меру подвижная ис надежным узлом. Не зря так долго тренировался. Под ней он установил казарменный табурет, выкрашенный белой масляной краской с изогнутой прорезью в центре. Он нравился ему за прочность и основательность. «Фундаментальная вещь, – с уважением похвалил он его, – А многовато у нас армейских предметов», – хмыкнул он, разглядывая криво висящее солдатское одеяло с небольшими, аккуратными дырками по бокам. Димка почувствовал, как его руки становятся ватными. Но хуже было то, что в глазах несколько раз становилось темно. Это было даже немного за-

бавно, как будто в голове у него кто-то баловался и иногда выключал свет. Потом Дима сел за компьютерный стол, вырвал лист из блокнота и написал большими печатными буквами «Прости меня, сынок, но другого выхода нет. Дальше будет только хуже. Всем, но в первую очередь, тебе. А я бы этого очень не хотел. Лиза! Я не верю, что в тебе совсем нет любви. Умоляю, позаботься о сыне. Дмитрий». Димку снова качнуло, в глазах сделалось темно. Он испугался, что потеряет сознание, – Вот бы хохмабыла, – подумал он, с жадностью опустошая стакан с водой. Во рту страшно пересохло. Было ощущение, что его язык увеличился в несколько раз. Хорошо, что не нужно ни с кем разговаривать, едва успел подумать он, как зазвонил телефон. «Мать, – с глухим раздражением промелькнуло в голове, – Ого, четыре пропущенных, а услышал сейчастьолько крайний вызов». Дима отключил телефон и бросил на кровать. Затем быстро вскочил на табурет, при этом чуть не упал. На лоб выступила испарина, от мысли, что он не успеет. И вот сейчас услышит в двери поворот ключа. Нет, хватит на сегодня дешевых мелодрам. Он накинул на шею петлю и стал дышать часто-часто. Будто впрок. Сквозь дырки в одеяле было видно, что на улице окончательно стемнело. И стало гораздо холоднее. Но Диме было очень жарко. Во рту снова пересохло. И в глазах потемнело. На этот раз свет зажегся не сразу. Мелкие пакостники в его голове, видимо, не на шутку разошлись. Димка хлопнул себя по щеке. Ему показалось, что некто коснулся её мягки-

ми, теплыми губами, а затем нежным голосом шепнул: «Давай, малыш! Сделай шаг! Это, как твои любимые прыжки в воду. И даже лучше, вот увидишь». На какую-то долю секунды, он почувствовал под ногами трамплин. Казалось, что старый верный табурет дрожит от нетерпения и пружинит. А вот он будто замер в ожидании и ждет толчка. Всё Димкино тело превратилось в струну. Он стоял на краю табурета, наклонив голову. Сердце билось в груди такими мощными толчками, что он удивился, почему до сих пор у него целые рёбра. Неожиданно стало очень тихо. В мире исчезли все звуки. Руки взметнулись над головой. Всё напряжение, вся мощь ушли в правую толчковую ногу. Левая приподнялась. Во всех этих действиях совершенно не принимал участия разум. Димка резко оттолкнулся и прыгнул. От падения табурета раздался страшный грохот. В ту же секунду в голове у Димки что-то разорвалось тысячами алых брызг. Он явственно увидел внутренний рельеф собственного черепа. Словно в кинотеатре в лунном просвете зажглись огромные буквы. Мерцающая надпись была выполнена в готическом стиле и бежала кровавыми ручейками с призрачного экрана куда-то вниз. Возможно, прямо в изувеченную шнуром гортань и дальше, вдоль судорожно подергивающегося тела. «Game over» – мигнула надпись снова. После этого раздался мерзкий щелчок и свет погас. Теперь уже окончательно.

Телефон зазвонил резко и непривычно громко. Женя поднесла его к уху, но ничего не успела сказать.

– Димка-а-а, Ди-и-и-ма-а-а, – завывал в трубке незнакомый и страшный Лизин голос. Где-то в отдалении плакал ребенок. У Жени потемнело в глазах. На плечи гранитной тяжестью опустилось безысходное и неумолимое, как смерть, ощущение горя. Она заметалась и непроизвольно вскрикнула. Вбежавший Гарик забрал телефон и усадил жену в кресло. Затем крикнул: «Аллё?!» и пару секунд молчал. Слушал. После чего отрывисто бросил: «Собирайся!» Женя ошарашено смотрела на него, – Что случилось... с Димой? Гарик уже куда-то звонил. Потом обернулся к ней и заорал: «Едем! Быстро!»

Последовательность остальных событий запомнилась трагическими цветными фрагментами. Сидящая на полу у дверей квартиры Лиза. Перешептывающиеся соседи. Багрово-фиолетовое от духоты и крика личико её внука. Беспомощно вытянувшееся тело Димы. Абсолютно и окончательно неживое. Запомнились темно-голубые кисти рук её сына. Его мокрые волосы и ярко-желтая футболка, будто он только что оделся после душа. До неё иногда доносился собственный крик и чьи-то удерживающие руки. Она поняла: было слишком много людей в этой комнате. Чужих, отвратительных людей, не пускающих её к Димке. К её родному мальчику. К её ребенку. Надо, чтобы все ушли. И тогда она сможет помочь Диме. Никто кроме матери ему не поможет. Женя умоляла их пустить её. Она кричала и билась в сильных и цепких чужих руках. Пока вдруг её тело не измени-

лось. В какой-то момент оно перестало её слушаться. Превратилось в чужое, тяжелое и обмякшее. Следующий фрагмент, когда она с Гариком, Лизой и малышом едут в такси к ним домой. Отстраненное, деревянное лицо её невестки. Невидящий, устремленный в пустоту взгляд. Похороны не запомнила совершенно. Будто кто-то заботливый и неравнодушный тщательно стер их из её памяти. На следующий день прилетела Шурочка. Увидев сестру, Женя, с искаженным лицом, протянула к ней руки и стала заваливаться назад. Подхватить её не успели. Растерявшаяся Шура вызвала скорую. Диагностировали черепно-мозговую травму. В больнице сказали, что ещё легко отделалась, так как повреждение средней тяжести. Остаться там Женя не согласилась. Вечером Гарик забрал её домой. Лизу с малышом устроили в Аниной комнате. Заехать к себе хотя бы за самым необходимым, Лиза категорически отказывалась. Что, в общем-то, было понятно. Даже простой вопрос или самая безобидная фраза могли вызвать неоднозначную реакцию. Она начинала мелко дрожать, заламывать пальцы и отрицательно качать головой. Трудность была в том, что плакать, Лиза не могла. Собственно говоря, как и любить. Последние слезы у неё высохли, когда ей не было шести. Гарик с Шурой сами перевезли вещи. Помимо Лизы, опасения вызывала и Женя. Она почти ничего не ела, по несколько часов в день проводила на кладбище. Пока была Шурочка, Гарик относительно спокойно работал, а вечером ходил на группу. Но, когда она улете-

ла, надо было срочно что-то решать. Было страшно оставлять их даже на несколько часов. Полуторамесячного ребенка, с находящейся где-то в другом измерении матерью, депрессивно-тревожную Женю, круглосуточно балансирующую на грани нервного срыва и перепуганную, заброшенную одиннадцатилетнюю девочку Аню. Шурочка советовала Гарику чаще оставлять Жене маленького Альбертика. Она верила, и убедила его в том, что это самый логичный, эффективный и беспроегрышный вариант. Тем более, что отношение Лизы к ребенку практически не изменилось. Она слабо реагировала на его плач, забывала о кормлении, неохотно брала на руки. Гарик старался донести до Жени, что без её помощи и участия им не обойтись. Больше всего Гарик боялся, что Женька опять сорвется в запой. В квартире стали появляться его друзья из группы. Женя в их беседах не участвовала, сидела с отсутствующим видом, но и не уходила. Гарик верил, что это добрый знак и радовался этому. Он вообще сильно изменился за последнее время. Он рассказывал жене, что всегда был уверен, что его проблема – алкоголизм. Начав работать по программе, его осенило, что это совершенно не так. Его проблема – трезвость. Он не может находиться трезвым в этом мире и не сходить с ума. Алкоголь был лекарством от злобы, раздражения, неуверенности, обиды. Неким анестезирующим средством от боли, которую ему причинял трезвый взгляд на жизнь. И на начальном этапе он довольно успешно справлялся с этой задачей, но потом, как и любое

другое химическое вещество стал вызывать привыкание. Дозы требовалось увеличивать, а время между приемами, наоборот, сокращать. Но результат все равно, чаще всего уже не соответствовал ожиданиям. Теперь же Гарик понемногу учился радоваться мелочам, жить сегодняшним днем, замечать удивительное и прекрасное в самых обыденных вещах. Он шутил, что вряд ли кто-то ещё кроме выздоравливающего алкоголика поймет, какое счастье может доставить хорошее беспохмельное настроение по утрам, чистая одежда, запах свежесваренного кофе, прогулка по вечернему городу. Гарик вытаскивал Женю почти насильно. Без конца что-то рассказывал, объяснял, приводил аргументы. Одним из таких аргументированных предлогов была необходимость гулять с малышом. Лиза это делать отказывалась наотрез. Но самым удивительным, по крайней мере, для него самого, это появившееся вдруг искреннее желание заботиться о других. Гарик рассказывал на собрании, что иногда не узнаёт себя. И не всегда уверен, это, в самом деле, он? Это он встает рано утром и готовит на всю семью завтрак? Да за все его тридцать семь лет этого ни разу не было. Это он звонит с работы каждые полтора часа, спрашивая, как у них дела и что купить к ужину? Это его каждый вечер ждет Аня, чтобы он помог с уроками? В последние несколько лет его употребления, его не то, что не ждали, в большинстве мест ему сказали никогда не приходить вообще. Это его недавно на работе сделали бригадиром и единственный человек, который не поверил и

рассмеялся, был он сам? Это он успевает помимо основной работы и вечерних собраний, делать шабашки по ремонту с приятелем и неплохо зарабатывать? Он говорил Женьке, что верил в чудеса лет до трех. А затем перестал. Чтобы снова поверить теперь. Конечно, проблем оставалось более, чем достаточно. Отношения с родителями так и не наладились. Самую большую вину Гарик чувствовал перед отцом. И пока не знал, как это исправить. Немногим мог помочь жене, хотя очень к этому стремился. Очень беспокоили непростые отношения Лизы с ними и с собственным ребенком. Вернее их отсутствие. По своей инициативе, Лиза разговор не начинала. На вопросы отвечала сухо, кратко и неохотно.

Но тем нынешний Гарик и отличался от прежнего, что теперь он знал, что случится то, что должно. И больше не дергался. Самое главное, что он нашел, – это душевный покой. И ещё он перестал все время чего-то ждать. Постоянное ожидание может здорово испортить жизнь. Этого опыта у Гарика было предостаточно. Женя вначале почти не слышала его. Все время говорила о том, что накликала беду, солгав однажды про кончину брата. Сожалела, что так боялась армии.

– Я не того боялась, – как-то горько проговорила Женя, – Берегла его от армии, зачем? А чтобы с ним там ничего не случилось, представляешь?! Да может если бы он пошел служить, ничего бы этого не было. Гарик возражал:

– Ты этого не знаешь... Ты действовала, как подсказывало материнское сердце... Женя не слушала, начиная плакать,

говорила как бы сама с собой:

– Володя знал, он говорил, – ты не от того его спасаешь. Он и мне всегда... – Женя не могла продолжать, от душивших её слез.

Шура звонила каждый день.

– Я ведь знала, чувствовала, с Димой происходит что-то... – говорила ей Женя, – Всегда ощущала присутствие беды, а не помогла, не сумела... Будь я с ним, когда он только задумывал этот ужас... Господи! Шура, меня никогда не было рядом... Мой бедный ребенок..., – снова рыдания перехватывали горло, и невозможно было остановиться...

Как-то вечером Гарик тихо зашел в квартиру, и услышал, что Женя с кем-то разговаривает. Дверь в спальню была приоткрыта. Горел приглушенный свет ночника. Женя держала на руках своего внука, и что-то ему негромко и ласково говорила. Что-то очень притягательное, нежное, успокаивающее, хотя и не имеющее особого смысла, но необходимое и понятное мамам и детям абсолютно на всех континентах земли. Гарик смотрел на Женьку, на её мягкие покачивающиеся движения, слушал убаюкивающую, незатейливую колыбельную, состоящую, в основном, из гласных, и вдруг совершенно точно осознал, что не видел более прекрасной и завораживающей картины. Он задумался о сыне, которого в этом возрасте не помнил совсем. Маша, бывшая жена, была привита от Гарика, видимо, на всю оставшуюся жизнь. Несколько раз он звонил, чтобы поговорить о Владике, узнать, как обстоят у

них дела, решить вопрос с алиментами. Мария, слыша его голос, приходила в ярость. Она клокотала от злобы, ненависти и отвращения. – Не звони сюда никогда! – кричала она, – Ты слышишь, ни-ког-да! Ты мало нервов потрепал? И Влада не дергай! Он забыл тебя, – Мария больше руководствовалась чувствами, поэтому в логике её суждений присутствовали явные недочеты, – Ребенок знать тебя не хочет! И денег твоих ему не нужно, ясно!? *У моего сына все есть!*

– Гарик, ты что? – Женька повернулась к нему и внимательно смотрела на мужа. – Песню твою заслушался, чуть сам не уснул, – шепотом ответил Гарик.

Женя тихо улыбнулась, – Да это я на ходу сочиняю, само лется откуда-то... Лиза попросила меня остаться с ним, ей срочно нужно по какому-то делу... Гарик улыбнулся в ответ, – Я так и понял, – Он пошел за Женей, которая укладывала малыша в кроватку, – Ты знаешь, – продолжил он уже в коридоре, – По-моему, Лиза в этот татушник свой бегаёт... Мне кажется, она на работу хочет вернуться. Женя прикрыла дверь и остановилась в задумчивости. – А как же ребенок? С ним кто будет?

– Не знаю, Женя, может это и не так плохо на самом деле, – он внимательно посмотрел на жену, – Иначе она тут свихнется окончательно, это точно.

– Что значит, свихнется, а как другие женщины? Никто с ума не сходит в декрете. Гарик помотал головой, – Лиза – не такая, как другие женщины. Ты не могла не заметить,

что она... несколько своеобразная. Тут нужен другой подход. Женя надолго задумалась, – Может, стоит с ней поговорить? – наконец проговорила она... Гарик молча, кивнул и обнял её. – Ты голодный? – откинув назад голову, спросила Женя. – Нет. Сегодня у Андрея, ты его видела, когда была на группе, юбилей, пять лет трезвости! Представляешь? Он такой стол накрыл... – Не представляю, – протянула Женя. Пять лет? Ты серьезно? То есть вообще ни капли? Гарик рассмеялся, – Пять лет абсолютной, стопроцентной трезвости!

– С ума сойти! Как это возможно? Как он живет на свете вообще? – подозрительно глядя на мужа, спросила Женя. – Отлично живет! – радостно сообщил Гарик, как будто только что узнал великолепную новость, касающуюся непосредственно его самого, и не может не поделиться ею с остальными, – Открывает свой реабилитационный центр, депутат, между прочим. Третьему ребенку четыре года, – Гарик улыбнулся, – Этому мальчишке повезло больше, чем двум старшим. Он появился на свет и растет в трезвости. Да что пять лет! – неожиданно добавил он, – Есть люди и с гораздо большим стажем. Гарик замолчал и хитро посмотрел на Женю.

– Вообще-то, у одного человека завтра тоже юбилей будет... Конечно, не пять лет, но все же, три месяца, как – никак. Женя потянулась к нему, – Гарик, милый, я опять забыла, – она усадила мужа рядом с собой на диван и, глядя прямо на него, сказала, – Послушай, я обещала тебе сообщить, когда буду готова, – Женя опустила глаза и посмотрела на

свои руки, – Что ты скажешь, если я пойду завтра с тобой на группу? Гарик взял её лицо в свои руки, – Я скажу, что я очень рад, – он поцеловал её в макушку, – Ты даже не представляешь, как я ждал этого... Я просто счастлив...

Утро было неприятным, шумным и совсем не добрым. Двери в спальню были распахнуты. Чертыхаясь вполголоса, Женька бегала по квартире, без конца роняя вещи и производя ужасный грохот. Забежала в спальню, начала что-то лихорадочно искать в шкафу и все это под аккомпанемент нестерпимо громкого в столь ранний час детского плача. Гарик, ничего не понимая, сел в кровати. – Что случилось? – Из гостиной вышла заспанная Аня, – Мама, Альбертик плачет, а где Лиза? Гарик, надевая брюки, согласно кивнул, – Я бы тоже хотел это знать, у неё опять срочные дела? Женя выдохнула и на секунду прикрыла глаза. Затем обняла дочь за плечи, – Извини, что мы тебя разбудили, солнышко! Лизе срочно нужно было уехать, а я утром не могла найти соску. Вот малыш и расшумелся. Гарик крикнул вдогонку: «Эй, а как насчет меня, я вообще-то тоже не мечтал подниматься в шесть утра в субботу!» Женька обернулась и покачала головой. Отправив Аню досыпать, она вернулась с ребенком и протянула Гарику лист бумаги. – Ты хотел знать, где Лиза? Здесь все написано. Он, пристально глядя на Женю, развернул листок. Руки слегка дрожали. – Давненько такого не было, – не мог не отметить он. Гарик пытался заставить себя отвести взгляд от жены. Он понял, что боится. Женя взяла его за руку, – Хорошо тебя понимаю, я тоже с некоторых пор

не выношу записок. Ужасно находить вместо живого человека листок бумаги, но сейчас все не так фатально, читай! Гарик опустил взгляд и прочел.

«Извините, что пишу, а не говорю с вами лично. Не хватает смелости. Я уезжаю сегодня ночью. Не имеет значения, куда, к тому же, мне все равно. Главное, что далеко и навсегда. Я честно пыталась, но стать матерью так и не смогла. Не нужно жалеть ни меня, ни ребенка. Лучше никакой матери, чем такая, как я. Евгения Валерьевна! Я оформила на вас генеральную доверенность. Распоряжайтесь моей квартирой на своё усмотрение. Это все, что я могу сделать для Альберта. Я пойму, если вы захотите продать её. Именно по этой причине, я не стала оформлять дарственную. Я уверена, что вы с Гариком не оставите малыша и поступите так, как будет лучше для всех вас.

Р. S. Не ищите меня, и не переживайте. Меня уже трудно напугать. Я не боюсь ни тяжелой работы, ни людей, ни одиночества. И поэтому не пропаду. Спасибо за вашу доброту и терпение. Лиза».

Гарик покрутил в руках записку, – Это все? Женя усмехнулась, – А тебе мало? Лично мне хватило. Но вообще, если тебе так интересно, то рядом с запиской лежал мой паспорт и эта чертова доверенность, – она положила ребенка на кровать и сняла с него мокрую одежду. – Ты смотри, как он быстро растет, памперсы нужны другие, – малыш засучил ножками и снова начал плакать. Женя выпрямилась, – Ну вот что,

оставляю вас, мальчики здесь, а сама иду на кухню. Этого горластика пора кормить. Женя остановилась в дверях.

– Возьми его пока на руки, – Женя вернулась и помогла мужу, – Вот так! Отлично! – Гарик взял ребенка с перекошенным от страха лицом, – Женя, я не могу, уже плечо онемело. – А ты не сиди, ходи с ним, разговаривай, не бойся, он ещё не умеет кусаться, – ответила Женя уже из кухни, – Да не волнуйся, я быстро. Гарик с удивлением разглядывал маленького человека, который в данный момент изо всех сил пытался засунуть в рот собственный кулак. – И можно все-таки одевать ему хоть что-то, прежде чем давать на руки мужчине в чистых брюках? – спросил Гарик у вошедшей с бутылочкой молочной смеси Жени, демонстрируя мокрое пятно на левой штанине. – Что ж, бывает, ничего страшного, – хмыкнула Женя, – Нельзя все время в памперсах, – резюмировала она, – Коже необходимо дышать. Гарик весь этот сумасшедший день наблюдал за Женей, как будто подсознательно чего-то ждал. Или к чему-то готовился. Было ощущение излишне затянутой кульминации. Когда интрига растёт, напряжение аккумулируется, а развязка все не наступает. Гарик продержался до вечера. Он ездил со списком в магазин, гулял с ребенком, помогал его купать. После ужина Женя сказала, что детскую кроватку нужно переставить к ним в спальню. Гарик с тревогой посмотрел на жену. У него были причины волноваться за неё. Всего четыре месяца назад она похоронила сына. Только месяц, как стала посещать

группу. Срок трезвости ещё очень небольшой. Гарик переживал, что нынешняя ситуация может оказаться для Жени непосильной. Он знал, что жена собиралась уже в этом месяце выходить на работу. Женя говорила ему, что не может больше находиться дома. Особенно, когда её жизнь уместилась в один маршрут: дом-кладбище-дом. – Иногда я вообще не хотела уходить с кладбища, – призналась она Гарику как-то. Кое-что изменилось, когда Женя начала посещать собрания. И не только посещать. Гарик с радостным удивлением заметил, как быстро она включилась в программу. Как будто очень долго к ней шла и тщательно готовилась. А может, так оно и было. Женя, как только оказалась в сообществе тут же взяла наставницу. Стала работать по шагам. Выполнила рекомендации программы. Прониклась её идеями, жила этим. Работала по программе захлёб, честно и добросовестно. Гарик с удовлетворением отмечал, что хотя на кладбище его жена, как и раньше, ездит каждый день, но проводит там уже значительно меньше времени. Имело значение и то, что они недавно взяли в кредит машину. У Гарика были права, и он уже ездил. Женя только собиралась их получить. И вот теперь эта ситуация с малышом. Гарик понятия не имел, что делать. И даже не знал с чего начать, в голове была путаница. Мешал страх за Женьку, за их будущее. И когда вечером его жена объявила дочке, что завтра с утра она может спокойно переезжать в свою комнату, Гарик не выдержал:

– Что ты делаешь? – неожиданно вырвалось у него. Женя

с удивлением на него посмотрела. – Вообще-то ложусь спать, денек был немного утомительным, – проговорила она, разбирая постель, – А в силу изменившихся обстоятельств, не думаю, что ночью удастся хорошо выспаться. Так что, милый, нужно отдохнуть, пока есть возможность. Женя посмотрела на него, – А у тебя, что, есть какие-то другие предложения? Гарик растерянно улыбнулся, – Нет, я не то хотел спросить. Мы за весь день, так и не поговорили. Просто такое случилось... Лиза бросила сына и ушла... Ребенок совсем крошечный... И что делать, абсолютно непонятно, – Гарик с остервенением потер лоб, – А ты говоришь весь день о какой-то смеси, памперсах, влажной уборке, – он в растерянности остановился перед ней, – Рассуждаешь об Анином возвращении в её комнату, о чем угодно, только не о главном... – он замолчал и с мольбой смотрел на жену... Они вместе сели на разобранную кровать и Женя тихо произнесла:

– А что случилось, Гарик? Что наша невестка бросила ребенка? А ты разве не был готов к этому, хотя бы подсознательно? Лично я всегда это чувствовала. Что тут поделаешь... Лиза такой человек и она в этом не виновата. Да, ребенку только четыре месяца. И да, я говорю о памперсах, смеси и уборке, потому что именно это сейчас важно, – Женя откинула на спину волосы и заглянула ему в глаза, – Это и есть главное... Разве ты можешь изменить эту ситуацию? Как? Объявить её в розыск и всучить сына назад? Мол, твой, значит бери и воспитывай? Или что? Сдать нашего внука в

дом малютки? – Гарик испуганно отшатнулся от неё, – Видишь? И я не могу... Этот мальчик, – Женя махнула головой в сторону кровати, – Единственное, что осталось от Димы, его продолжение... – Женя прерывисто вздохнула и дрогнувшим голосом сказала:

– Но не только... Этот ребенок – шанс для меня, для тебя, сделать все по-другому, понимаешь? Жить по-другому... С самого начала... С чистого листа... Это, если хочешь, мой долг перед сыном... А я ему сильно задолжала – Женя устало откинулась на подушку.

– И дочери, конечно, тоже. Но Анечка с нами, и я надеюсь, со временем, снова заслужить её любовь и доверие... А Димы нет... Ему я не успела... – Женя замотала головой, отгоняя слезы, и твердо произнесла:

– Я очень хочу, чтобы этот малыш рос счастливым. Ты понимаешь, как это важно для меня? Для всех нас? Гарик обнял её и прошептал:

– Это так, конечно, но пойми, я волнуюсь за тебя... Я ни на чем не могу сосредоточиться, потому что думаю все время о нас. О том, что нужно сделать в первую очередь. Что главное, а что второстепенное. И... – Женя взяла его лицо в свои руки, – Ты снова пытаешься управлять жизнью, отсюда и этот бардак в голове. Отпусти, хватит рулить, – с горечью сказала Женя, – Направлялись уже, достаточно. Мне-то уж точно, – Женя отвернулась, и через минуту, уже другим голосом сказала, – Будем действовать постепенно. Без горячки

и паники. Шаг за шагом, согласен? Гарик, молча, опять при-
тянул её к себе. Через какое-то время, он спросил:

– Ты же хотела на работу выйти? И в автошколу собира-
лась записаться... Женя улыбнулась, – Собиралась... ну знач-
ит, ещё не время, – она запустила обе руки ему в волосы и,
глядя на него в упор, добавила:

– Остаётесь все ещё, вы, папочка, на какое-то время един-
ственным кормильцем семьи. Это временно, Гарик, мы обя-
зательно что-нибудь придумаем. А на группу пока будем хо-
дить по очереди, через день. Сегодня – ты, а я с малышом,
а завтра – наоборот. – Гарик, ты помнишь? – спросила она
его, выключая свет, – Двигаться не спеша, маленькими шаж-
ками.

Женя в третий раз стала проходить курс молодого бойца.
То есть матери. Все началось заново: бессонные ночи, распо-
рядок дня, зависящий от сна и кормления, регулярная дис-
пансеризация, вопросы прикорма и многое другое. Альбер-
тик рос капризным и слабеньким. К сентябрю успел перебо-
леть несколько раз. Два раза лежал с Женей в инфекционном
отделении. При виде белого халата сразу начинал кричать.
Но зато внешность имел, самую, что, ни на есть, ангельскую.
Голубоглазый общительный херувимчик с кудрявыми бело-
курыми волосами. Накануне 1 сентября позвонила Людми-
ла, с которой виделись только на сороковинах. Договорились
встретиться на следующий день. Женя, гуляя с малышом,
первая её увидела. Людмила вышла из машины, достала яр-

кий большой пакет, нажала кнопку сигнализации. Она легко шла в синем кардигане и туфлях на низкой платформе на встречу Жене с коляской, и весело махала рукой. – Эта женщина, само олицетворение практичности, удобства и качества, – невольно промелькнуло у Жени в голове. Они с Людмилой вместе зашли в подъезд. Пока ехали в лифте почти не разговаривали. Смущенно улыбались друг другу и ребенку.

– Боже мой, как вырос наш Альберт! Уже семь месяцев? – разглаживая малышу, завывающиеся кольца белокурых волос, спросила Людмила.

– Так точно, уже семь, – отрапортовала Женя, – Как раз сегодня!

Уже вернулась из школы Аня. Людмила, покачивая головой, разглядывала её с нескрываемым восхищением. – А дочка, значит, в пятом классе уже, – больше для себя, констатировала Людмила. Аня, ещё не успев переодеться, стояла в белой, нарядной кофточке и тёмно-синей юбке. Дваволнистых каштановых хвоста на голове, были перехвачены шелковыми бантами. В настоящий момент её иссиня-бирюзовые глаза из-под темных, длинных ресниц, взирали на мир уверенно и спокойно.

– И-и-и... снова правильный ответ, – рассмеялась Женя. Людмила, окончив раздачу подарков, глянула на Женю:

– Знаешь, Женечка, ты все-таки невероятно счастливая! Ты просто светишься вся! Молодой любящий супруг, этот чудесный карапуз, и дочь просто настоящая красавица, – не

выдержала Людмила. Но до сих пор я была уверена, что у неё тёмно-голубые глаза – глядя вслед девочке, проговорила Люда. Женя привычно кивнула головой, – Да, да, когда ты видела её в прошлый раз, возможно так оно и было. Видишь ли, её глаза довольно часто меняют цвет, но не кардинально, нет, в основном, это сине-зелено-голубая тема. Такая интересная особенность, у Аннушки глаза-хамелеоны. Они меняют цвет в зависимости от настроения, состояния здоровья, даже освещения. Людмила восхищенно присвистнула, – Поразительно, разве такое возможно? Я слышала, что только у новорожденных меняется со временем цвет глаз. Женя, ставя на плиту чайник, улыбнулась, – Ну, как видишь не только у них. Например, Альберт родился голубоглазым, таким и остаётся уже семь месяцев. А у моей сестры Шуры, дочка родилась голубоглазая, а через пару недель цвет глаз стал карим. И так уже два с половиной года. Ну, а Аннушка у нас своего рода уникам. В Москве к ней даже специалисты-офтальмологи приезжали несколько раз. Наблюдали Анечку, делали снимки её глаз, приглашали к ним в институт. Для более, так сказать, глубокого изучения. Да только я отказалась от экспериментов над своим ребенком. Она вам, что, говорю, мышшь лабораторная?

Поговорили о текущих делах. Женя рассказала, что три дня в неделю работает у той же Ирины. В эти дни с ребенком сидит её мама, Зинаида Евгеньевна. Людмила с удивлением вскинула на собеседницу глаза. Женя кивнула, – Да,

ты знаешь, хоть тяжело и болезненно, но понемногу стали общаться, – Женя налила Людмиле чай, и усадила малыша в высокий детский стул, чтобы покормить. – Смерть Димы её очень подкосила, – рассказывала Женя, – Появились болячки, которых в жизни не было, кочевала из одной больницы, в другую. Хуже всего было, что, похоже, она и не собиралась выздоравливать. Пряталась в болезнь, как в скорлупу, никого не хотела видеть. Меня, разумеется, больше, чем всех остальных. Гарику, спасибо, он её навещал. А я умыла руки, в том смысле, что не хочешь, будь по-твоему! Бегать и просить не стану. Абсолютно искренне была уверена, что я самая пострадавшая в этой трагедии с Димой. А то, что бабушка потеряла любимого внука, младшая сестра единственного брата, а новорожденный родного отца, – об этом я не задумывалась. А Лёня, его отец? Ты видела его на похоронах, он ведь тоже потерял сына. Людмила наблюдала, как Женя, воспользовавшись тем, что малыш занят изучением расписного деревянного блюдца, засовывала ему в рот следующую ложку овощного пюре.

– Ты знаешь, мама ведь Гарика вначале прогоняла, – продолжала Женя, – Как только не называла его и меня ... Но он выдержал, с Божьей помощью, не иначе... Через какое-то время гнать перестала, но, тем не менее, не разговаривала. Гарик продолжал в том же духе, ходил в магазин, в аптеку. И все ей рассказывал, о малыше, об Ане, обо мне. Иногда он привозил её к нам. Вот так постепенно и осторожно начали

разговаривать друг с другом. Когда мне удалось договориться насчет подработки, и я стала искать няню, она возмутилась. Я поняла, что мама возвращается, когда она перестала быть равнодушной. Когда она выговаривала мне, что я напрасно списываю её, приглашая чужих людей к младенцу, я едва не заплакала от радости и облегчения. Презрение и безразличие, надеюсь, ушли. И остались в прошлом, так же, как и больницы. Людмила смотрела на эту маленькую женщину и не узнавала её:

– Женья, а как же ты смогла вернуться к работе, ведь насколько я знаю... Женья рассмеялась и малыш засмеялся вместе с ней, отчаянно колотя по столешнице несчастным блюдцем, – Меня оттуда выставили, это ты хотела спросить? Людмила замаялась, – Я имела в виду, что... Женья, всё ещё улыбаясь, накрыла её руку своей, – Да нормально все, Люд... Я имею в виду, какая разница, уволили меня по статье, или это я написала заявление, – Женья умыла ребенка, и глядя на Людмилу, присела с ним к столу, – Ушла я по собственному желанию, – продолжала она, – Или просто не вышла, так как снова отправилась в запой. В моем случае, это не важно. Результат всегда один и тот же: через какое-то время приходится все начинать сначала. Исправлять все то, что наворотила за это время, понимаешь? Искать новую работу, восстанавливать отношения, зарабатывать деньги. Я называю это зализывать раны. До следующего раза. Пока хватает сил. У меня их уже оставалось совсем немного. По этой причине я

и оказалась в сообществе.

Женя приготовила ребенку бутылочку с молоком и уложила его в кроватку. Глядя, на ребенка, Женя сказала:

– Три раза в день обязательно пьет козье молоко, берем у одной женщины. Гарик каждое утро до работы едет сначала за ним. Потом будто вспомнив что-то, добавила:

– Так вот, я пришла к Ирине Анатольевне, своей бывшей начальнице и все ей рассказала. У меня и цели тогда не было, на работе восстановится, я просто делала 9-й шаг...

– ??? – Людмила, округлив глаза, смотрела на неё. Женя вздохнула:

– Ты знаешь, что мы с Гариком выздоравливаем по 12-шаговой программе?

– Людмила кивнула и Женя продолжала, – А девятый шаг – это возмещение ущерба, – глядя на Людмилу, Женя воодушевилась, – Так вот, я пришла извиниться за тот ущерб, что нанесла ей, пациентам, репутации клиники. Ты знаешь, сколько раз я подводила её: опаздывала, не выходила на работу, являлась с перегаром, умудрялась лечить зубы, будучи нетрезвой. Если бы я только могла, я бы пошла к каждому из тех людей! Я постаралась объяснить, что не делала этого нарочно. Или по какому-то злему умыслу. Рассказала о своем заболевании, и о том, что стала выздоравливать и каким именно образом это делаю. Спросила, чем я могу быть ей полезной. А она долго смотрела на меня, качала головой и вдруг заявляет: «Выходи на работу, хотя бы на пару дней в

неделю», представляешь? Невозможно рассказать, что я тогда почувствовала. Наверное, примерно, тоже, что и Гарик, когда разговаривал на эту тему со своим отцом. Людмила задумалась, а потом сказала:

– Да, знаешь, такой шаг не помешало бы делать всем нам... Хотя бы время от времени. Евгения улыбнулась, накрыла пеленкой спящего ребенка и обе женщины тихо вышли из комнаты.

– А почему бы и нет, – продолжила Женя, когда они вернулись на кухню, – Наша программа очень терапевтична. Это я тебе, как врач говорю. Многие наши утверждают, что она вообще решает любые проблемы. И тому есть множество примеров. Людмила недоверчиво посмотрела на неё:

– Ты веришь в это? – спросила она. Женя без улыбки, тихо ответила:

– Я в это не верю, я это знаю. Как и то, например, что не всегда все проходит так легко и замечательно, как в моём случае с Ириной. Есть люди, которым моё, в частности, употребление принесло несоизмеримо больший вред. Это мама и, конечно, дочь. Вообще, ближайший круг, родители и дети – это наиболее уязвимые и страдающие люди. Им возмещать ущерб я буду до конца жизни.

Людмила узнала, что Гарик по-прежнему, работает на стройке. И кроме этого, вместе с приятелем они выполняют заказы по мелкому ремонту. Рассказала, что они хотят открыть группу поддержки зависимых людей у них, в Ми-

хайловске. И что, уже есть человек шесть местных, которым приходится ездить в Ставрополь на группы. Она вытерла мокрые руки и вздохнула:

– А это сложно, понимаешь? – взглянула она на Людмилу, – У пьющего человека, кроме долгов ничего нет. Ему уже, как правило, никто не верит, и нигде его видеть не хотят. Даже в нашей книге прямо говорится, что алкоголики малопривлекательная публика. А значит, пока он не станет трезветь, денег ему взять негде. Без поддержки он не справится. Такой поддержкой может стать группа, а её в Михайловске нет. Вот и получается замкнутый круг. Но мы уже отправили документы в Москву, сейчас ищем помещение, – Женя, наконец, присела, и отхлебнула чай. Людмила молчала, перебарывая услышанное, а затем, сказала:

– Это так здорово, Женя... И не только то, что вы делаете, хотя это, безусловно, очень важно, а то, как вы изменились! Ты сама-то замечаешь? – Ты и выглядишь по-другому совершенно... Я тебя не видела такой, – Люда покачала головой, – Нет, конечно, чувствовалось в тебе всегда некая сила, потенциал, но уж очень глубоко все это было запрячено, – она улыбнулась и развела ладони, – У меня просто нет слов, какие вы молодцы!

Неожиданно для себя, Людмила осталась у Жени дольше, чем планировала. Вечером пришел с работы Гарик. Откуда-то прилетело спонтанное решение жарить шашлык. Уйти было невозможно. Женя говорила, одновременно разделя-

вая мясо, и начиная чистить овощи:

– Мясо хорошее, свиная шейка, – комментировала Женя, – Поэтому долго мариновать не будем, – объявила она Людмиле, которая сидела тут же, с Альбертиком на руках, – У нас все соседи внизу жарят, никаких проблем. Оставайся, Люда, посмотри, какой вечер чудесный.

Гарик и Женя смеялись, болтали, перебивая друг друга, и в целом, вели себя так, будто только что освободились из заключения. Женя сама призналась, что знает, для обыкновенного человека, их бьющая в глаза, кипучая энергия выглядит немного странно. На самом деле, они с Гариком просто наверстывают упущенное время.

Сидели долго, расходиться никому не хотелось. Говорили обо всем на свете. Людмила подумала, что давно ей не было так уютно и хорошо. Никакой спешки, беготни и нервозности. Никаких звонков, отсроченных платежей и командировок. Нет, они ездили, конечно, отдыхать с Алексеем Игоревичем. Но её муж предпочитал дорогие, желательные, европейские курорты. И сопутствующий им повышенный уровень комфорта. Они с ним выезжали не реже трех раз в год. Людмиле там не нравилось. Она кожей чувствовала свою неприкаянность и отчужденность. Все ей казалось ненатуральным и фальшивым, начиная от улыбок и экскурсий и заканчивая дутыми акциями и едой. А этот вечер, ей напомнил почему-то одновременно студенческие годы и родную Грачевку. Эта теплота и душевность, ощущение единения со

всеми, с собой, с Вселенной, была, оказывается, давно знакома ей. Но почти забыта. А ведь тоже самое она чувствовала, в ту пору, когда студентами они ездили «на картошку» и вот так же собирались у огня. Или когда вся её семья усаживалась на веранде в их большом и теплом родительском доме. – Да, точно, – вспоминала Людмила, – была такая же добрая атмосфера, как сейчас. – Почему это, интересно? – думала Людмила, – Ведь мы не родственники и не старые друзья? – Они тоже настоящие, – вдруг осенило её, – Такие, какие есть, ничего из себя не корчащие и не воображающие, – размышляла она, наблюдая, как Гарик, снимает ножом мясо с шампуров. Он, заметив её взгляд, улыбнувшись, произнес:

– Если бы мне, год назад сказали, что я буду с удовольствием жарить, а потом есть шашлык без всякого коньячного сопровождения, я бы ни за что не поверил, – он посмотрел на аппетитные кусочки в руках женщин и усмехнулся, – Это в лучшем случае...

– А в худшем? – невинно задала вопрос Женя, откусывая сочное, источающее невероятный аромат, мясо. – М-м-м, – якобы, в изнеможении, прикрыла она смеющиеся глаза, – Гарик подмигнул ей и ответил:

– А в худшем, я бы послал автора этой идеи далеко и надолго.

Иногда подсаживались соседи. Беседовали, шутили, о чем-то спрашивали. Одна пара, муж и жена интересовались, что они решили с квартирой. Когда они ушли, Женя расска-

зала, что эти люди не только её хорошие знакомые, но и постоянные клиенты. И они знают, что она мечтает о собственном кабинете. А в соседнем доме как раз продаётся однокомнатная квартира. Женя вздохнула:

– Люда, ты не представляешь, какой это отличный вариант, – Женя взяла из коляски малыша, которого Аня прикатила к ним, – Первый этаж, отличное расположение, удобный подъезд. Гарик добавил:

– В новом доме, с ремонтом. Людмила с удивлением переводила взгляд с одного на другого, – И в чем тогда дело? Продайте Лизину и купите эту. Повисло тяжелое молчание, затем Женя тихо сказала:

– Это квартира Альберта, Люда. Как раз тебе, я думала, не нужно объяснять, что это значит. Людмила абсолютно серьезно ответила:

– Боюсь, что все-таки нужно, – она пересела ближе к Жене, – От той квартиры нужно избавиться, ты ведь понимаешь? Ты и сама говорила, что никогда не сможешь ею пользоваться... У тебя есть генеральная доверенность на неё, вот и продай. Женя помотала отрицательно головой, – Альберт вырастет и сам решит, что с ней делать. Людмила всплеснула руками, – Неужели ты думаешь, он захочет хотя бы войти туда? Женя отвернулась, глядя куда-то вдаль, – А почему нет? – пожала она плечами, – Малыш ведь не знает родного отца, для него это что-то абстрактное... И потом, это наследство его матери. Короче, я не могу её продать, и хватит об

этом. Людмила помолчала, а затем согласно кивнула, – Хорошо, но есть же и другие варианты: ипотека, потребительский кредит, взять в долг, наконец, можно. Люда посмотрела на обоих, и спросила:

– Может, стоит поговорить с твоим отцом, Гарик? – заметив, что он собирается возразить, она поспешно добавила:

– В любом случае, выход есть. Подумайте, не спешите отказываться.

Расставались тепло, с чувством взаимного удовлетворения. Гарик, к тому времени, уехал на собрание. Поздним вечером Женя задумчивым и долгим взглядом провожала отъезжающую машину Людмилы.

Через пять месяцев, в январе 2012 года, Алексей Игоревич и Гарик стояли на улице и изучали, на первый взгляд, ничем не примечательную вывеску. Светодиодная надпись гласила «Dental House». Отец Гарика едва заметно сморщил нос, – В общем-то, неплохо, но, во-первых, мягко говоря, не оригинально, а во-вторых, ну, что вас так тянет всех на эту иностранщину? Его сын, Гарик, рассмеялся, – Да, ладно, пап, хорошее название. Это маркетинговый ход, понимаешь? Ну, так уж исторически сложилось, что наш человек больше доверяет заграничному качеству, – Гарик отошел на несколько шагов и оттуда посмотрел на вывеску. Судя по всему, результатом он остался доволен, так как, поддразнивая отца, весело спросил:

– А как бы ты назвал зубоврачебный кабинет? «Русский

витель»)? Или «Добрый доктор Женя»?

– Ладно, не умничай слишком, – Алексей Игоревич и Гарики направились к дому, – Скажи лучше, как твоя учеба?

– Да вроде бы неплохо, трудно, конечно, но пока справляюсь, – ответил Гарики.

– Это вы правильно решили, сын, – Алексей Игоревич, остановился у двери подъезда, – Семейный бизнес, что может быть лучше, ты – зубной техник, она стоматолог. Нажимая кнопку вызова лифта, Гарики произнес:

– Да это идея Жени, она все обдумала и подсчитала, – улыбаясь, рассказывал он, – Оказалось выгодней научить меня, чем платить регулярно более, чем значительную сумму технику со стороны. Алексей Игоревич улыбнулся в ответ:

– Ну, я всегда говорил, что умная жена, это большая удача.

– Уверен, ты знаешь, о чем говоришь, причем из личного опыта, – парировал его сын, – Я так хотел открытие кабинета приурочить к её дню рождения, 13-го, в пятницу! – Гарики засмеялся, а потом вздохнул, – Но чуть-чуть не успели... Но не из-за меня, я с ремонтом и мебелью давно управился, пожарники кота тянули за все детали... Они зашли в квартиру, где навстречу им, с помощью Ани, в светлом ореоле кудрей, вышел малыш, и, увидев Гарику, зашелся от радости, топя к нему. Из кухни выглянула Женя, – Ну, как, Алексей Игоревич, посмотрели кабинет? Вам понравилось? – Конечно, – хохотнул он, – А больше всего понравилось оборудование, которое я же и поставил. Повесив дубленку, он уже серьезно

добавил, – Давсе замечательно, поздравляю, Женечка! Значит с понедельника на работу? – Да, – выдохнула она, семь кругов ада прошли с этим кабинетом, но теперь уже все, наконец-то. Из комнаты послышался глухой звук и сразу же за этим – детский плач. – Опять упал, – забежая в комнату и поднимая всхлипывающего Альберта, сказала Женя. Он уже ни за что не хочет сидеть, а ходит ещё плохо, – успокаивая ребенка, добавила она.

– Через две недели год ему, скоро бегать начнет, – встал Гарик, – Видишь какой активный, как тёща с ним будет управляться, неизвестно. Я говорил, что нужно брать няню, но Зинаида Евгеньевна против категорически, – Гарик пожал плечами, – Уверяет, что справится. Женя возразила, – Родная бабушка, ну, или прабабушка, – поправила она себя, – Лучше чужой тети... Тем более, ещё рано судить, время покажет, – Посмотрим, как у нас все будет, с работой, с малышом. Например, в этом районе, есть отличная ясельная группа, частная, конечно, но туда деток с полутора лет берут. Алексей Игоревич, подхватив ребенка и усадив его на колени, примиряющее сказал:

– Всё уляжется, дорогие мои, разберетесь обязательно, – он повернулся к Жене, – Медсестру нашла? А что с квартирой этого парня? – спросил Алексей Игоревич, кивая на мальчика, и вручая ему игрушечный красный автобус.

– Есть медсестра, очень хорошая девочка, работали вместе с ней, лет пять назад, – в дверь позвонили, Гарик пошел

открывать, а Женя продолжила, – Она с радостью согласилась, а квартиранты все те же, что Людмила нашла, семейная пара, мы очень довольны, спасибо вам. Алексей Игоревич кивнул.

– Я рад, что мы хоть как-то помогли, деньги вы же брать отказались у нас, не в долг, ни как. Женя, вставая с дивана, ответила:

– Отказались, Алексей Игоревич, мы же говорили вам, что должны сами, это тоже часть нашего выздоровления. А ипотеку постараемся закрыть досрочно, ничего, – Женя улыбнулась ему, прислушиваясь к разговору в коридоре, – Мы справимся! Вернувшийся Гарик сообщил, что нужно ехать в Ставрополь. Приходили ребята с группы, им стало известно, что в наркологии лежат два человека из Михайловска. Женя тут жесказала, что едет тоже, так как мама сейчас будет у них и присмотрит за детьми. Алексей Игоревич слушая их с заметной тревогой, не выдержал:

– Дети мои, а зачем вам в наркологию? Что вы там делаете? Гарик с Женей, переглянувшись, улыбнулись:

– Беседуем, делимся опытом своего выздоровления, поддерживаем, – ответила Женя. Гарик добавил:

– Несем весть, так сказать, это двенадцатый шаг нашей программы, как и другие, обязательный, – он глянул на отца, который явно мало, что понял и сказал:

– Ты слышал, что сейчас там лежат двое наших, михайловских, – терпеливо, как ребенку, пояснил он, – И когда ле-

чение окончится, им будет необходима поддержка... И мы расскажем, что помощь есть... Реальная, эффективная, бесплатная... – Что в нашем городе наконец-то появилась группа «Точка возврата» – вставила Женя. Отец Гарика улыбнулся, – Точка возврата? – переспросил он, внимательно глядя на сына, – Вот это название мне нравится! Вот это – то, что надо! Снова раздался звонок в дверь. Альберт, с радостным возгласом, опять потопал в коридор. Аня, догнала его и старалась взять за руку, которую тот, яростно протестуя, вырывал, энергично отстаивая личную независимость и автономию. Алексей Игоревич, посмотрел на Женю и тихо сказал:

– Я вот думаю, ребятки, что какие вы молодцы, – голос его предательски дрогнул, – А тебе спасибо, Женя... Великое спасибо тебе, девочка... Женя ужасно смутилась, да так, что замахала руками:

– Что вы, что вы, Алексей Игоревич! Без Гарика, я бы ничего не сделала... Вы знаете, сколько он для группы, для ребят делает!? В кабинете евроремонт – своими руками! А мебель, представляете? Он же сам проектировал и собрал!! А как он со срывниками, как с новичками работает. У него ведь уже пять или шесть подспонсорных, ну это те, которых он по шагам проводит. Он слушал и кивал, а затем упрямо повторил:

– Я понял, Женечка... Спасибо тебе за все, – он крепко сжал её руку, – Спасибо тебе за... Игоря...

В комнату вошел Гарик с Зинаидой Евгеньевной, которая

поздоровавшись со всеми, громко, с места в карьер начала:

– Женя, я ж сколько раз говорила, что ножницы бери и чикай вслед за дитем, режь путы, – и обращаясь, непосредственно, к Алексею Игоревичу, тут же показала, как именно это следует делать, – Сколько раз им объясняла и показывала! Вот так, от мой золотой, подбадривала она Альбертика, – Гляди, как шагает уже, – малыш, хохоча и смешно подкидывая левую ногу, убежал от бабы Зины, которая, под общий восторг и аплодисменты, наклонившись, шла за ним, и «чикала» в воздухе ножницами.

Добрый вечер! Меня зовут Евгения и я алкоголик. Мне 46 лет и большую часть своей жизни я пила. Первый раз я пришла на собрание группы анонимных алкоголиков в конце января 2011 года. Ничего не поняла и решила, что вы кучка чокнутых сектантов, но все же раза три я присутствовала. Однако вскоре родился мой внук и я запиласнова. Да ещё и прихватила с собой мужа за компанию, а он в то время, только начинал идти по шагам. Вдвоём же интереснее... Тем более внук родился! Хотя, честно говоря, я запивала и по гораздо меньшему поводу. А чаще всего мне и повод-то нужен не был. Особенно в последние годы моего употребления. Последний мой запой окончился всего за несколько дней до ухода моего сына... До его самоубийства... В тот день или вечер, когда мой ребенок задумал такое сотворить, когда он решил, что это единственный выход, я опять мучилась похмельем или шла в магазин за бухлом.

19 июня 2011 года я опять пришла на собрание группы анонимных алкоголиков. А сегодня, 20 июня 2016 года, милостью Божьей, я выступаю в этом огромном красивом зале. И ещё сегодня ровно пять лет, как я не употребляю алкоголь. Когда-то мне представлялось невероятным, что можно жить счастливо без него. Такие истории казались мне не слишком правдоподобными. Я много раз давала обещания

бросить пить. И часто искренне верила, что легко это сделаю... Стоит только захотеть. Но вот беда, как раз желания завязать у меня настоящего и не было. Я лежала в дурке, в наркологии, со мной занимался психолог, и везде мне говорили: «Главное, ты должна сама захотеть бросить пить!» Чаще всего, я кивала головой, думая при этом, – Какие же вы наивные! Как раз это для меня и представляет самую большую трудность! Если у меня отсутствует желание пить, о чем разговор, дамы и господа, мне ничего не будет стоить покончить с этой дурной зависимостью. В том-то и дело, что мне нравилось употреблять алкоголь. Он был моим другом и советником. Я нуждалась в его поддержке всегда. В горе, или в радости, в унынии или эйфории. Я прибегала к нему, когда страдала или тревожилась, когда боялась или ненавидела, когда любила или разочаровывалась. Мой второй муж, пока мы были женаты, говорил, что никогда не ревновал меня. Это было лишнее, так как изменить ему я могла разве что со стаканом. Так он рассказывал своим друзьям, и это было правдой.

Но однажды наступило прозрение. Я поняла, что алкоголь никогда не был мне другом. Он не был даже приятелем. Он разрушал все, что было мне дорого. И делал это методично и последовательно. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Теперь мне известно, что алкоголизм делает человека одиноким. Это его наивысшая цель. Он будет нашептывать, что твой супруг ничтожество, бездельник и круглый дурак.

Твой начальник, будучи клиническим идиотом, все же бесцеремонно на тебе ездит. А те люди, которые будут пытаться остановить тебя, разумеется, двуличные подонки. Я была уверена, что окружена врагами и завистниками. Я упивалась мыслью, что меня никто не понимает, зато все, кому только не лень, используют. Как можно было оставаться такой слепой? Я не знаю. Как и не знала, что ответить своей матери, которая видя меня опять нетрезвой, то в растерянности, то в ужасе спрашивала: «Ты же только на днях подыхала от интоксикации! Ты что забыла? Как же ты можешь снова пить?!» Что ответить на это? Что это определенная форма безумия? Да, конечно. Что так проявляется наша аллергия на спиртное? Возможно. Что сразу же после первой рюмки открывается тяга невероятной силы? Безусловно. Я изучила свою болезнь досконально, как врач и как пациент. Я знаю о ней все, что известно на сегодняшний день науке. К тому же прошла этот путь сама. Я видела проблему зависимости, так сказать, изнутри. Я знаю, как меняется биохимия мозга у алкоголика. Я в курсе тех патологических изменений в деятельности внутренних органов и структуре личности, которые ожидают пьющего человека в зависимости от стадии болезни. В докладе Всемирной организации здравоохранения, сообщается, что алкоголь убил больше населения, чем СПИД и туберкулез вместе взятые. Данные за 2016 год свидетельствуют, что от алкоголизма в России страдает более 5 миллионов человек. А смертность от употребления спирто-

содержащих напитков в год, составляет полмиллиона жителей страны. Также известно, что только 5% алкоголиков выздоравливают. Ну и что дальше? Кому стало легче от этих цифр? Ведь сама природа алкоголизма так до конца и не изучена. Почему один человек становится алкоголиком, а другой, при прочих равных условиях, нет? Если кому-нибудь из вас это известно, скажите. У меня же нет однозначного, конкретного ответа. Но я знаю, что выход есть. И что больше не обязательно умирать от хронической, прогрессирующей, смертельной болезни, имя которой – алкоголизм. Я помню, как пять лет назад, я впервые сказала, – Здравствуйте, меня зовут Женя, я алкоголик..., – и заплакала... Но вместе с этими слезами, я почувствовала невероятное облегчение. Чтобы начать избавляться от проблемы, её следует обозначить. Говоря проще, назвать словами. По возможности, кратко и точно. Именно этого я очень боялась долгие годы. Я засовывала голову в песок, как страус и никак не хотела или не могла признать очевидное. Когда-то мой отец искренне желал, чтобы я заболела любой другой, пусть самой опасной болезнью, лишь бы не этот, по его словам, позор.

Я очень благодарна группе и сообществу в целом, за то, что здесь я узнала, что не виновата в своей болезни. Раньше я искренне была уверена, что я выродок, недочеловек. Моральный урод, одним словом. Мне намертво было вбито в голову, что это то, чего нужно стыдиться и бояться, то, что нужно прятать, зашторивать и маскировать. Ведь это позор!

Дочь, жена, мать – алкоголичка! Но больше я не хочу это скрывать и замалчивать. И не буду в ужасе шархаться как от чего-то постыдного и срамного. Я не обхожу брезгливо пьяных людей, когда вижу их на улице или в транспорте. Потому что знаю, что я – одна из них. Меня не веселят ролики о нетрезвых мужчинах и женщинах, которые ведут себя в опьянении безобразно, уродливо и нелепо на потеху толпе. Мне не смешно, так как я знаю, какая боль и трагедия стоят за этим. И сколько близких им людей пострадало от их употребления. Уверена, что их родителям, детям, мужьям и женам тоже совсем невесело.

И я больше не плачу, когда напоминаю себе и вам, кто я есть. Я точно знаю, что если работа будет угрожать моей трезвости, я оставлю такую работу. Если человек, который рядом со мной будет являться угрозой для моей трезвости – значит, мне не по пути с ним. Слава Богу, что это не так. Мне посчастливилось заниматься любимым делом и идти по жизни и выздоравливать с человеком, которого вы все хорошо знаете. Те люди, которым он помогал с самого начала, уже сами давно являются наставниками. Вот этот человек, который сидит во втором ряду и приветственно машет рукой. Это мой муж Гарик. Благодаря ему я пришла в сообщество второй раз и остаюсь в нем до сих пор. Это благодаря ему сегодня в моем родном городе есть группа поддержки зависимых людей. За окном видна детская площадка. Там носится белокурый пятилетний малыш. Это ребенок моего сына

Дмитрия. Мой внук. Только сына уже нет, а он есть. Когда-то его мать, о поступках которой я нелицеприятно высказалась, так как нам они казались странными, ответила мне: «Не думаю, что вас это касается». Так оно и было на самом деле. Меня не слишком что-то заботило в то время. Кроме меня самой, пожалуй. И моего личного покоя и комфорта. И хотя невестка оставила своего ребенка в четырехмесячном возрасте, она была порядочнее меня. И уж точно, гораздо честнее. По крайней мере, она не старалась никого ввести в заблуждение по поводу своей исключительности. Не вешала лапшу о своих выдающихся качествах. И в двадцать лет имела смелость называть вещи своими именами. Сегодня я хочу заявить, что мой внук растет в любви, принятии и абсолютной трезвости. Благодаря нашей программе я и муж уже несколько лет не курим. Настолько программа универсальна и эффективна. Надеюсь, что для своей шестнадцатилетней дочери я стала, наконец, человеком, которому можно доверять. И опыт которого чего-нибудь да стоит.

Жалею ли я о том, что я зависимый от алкоголя человек? Я сожалею лишь о том, что моё употребление прямо или косвенно затрагивало дорогих мне людей. Ежедневно и до конца дней я буду помнить о том, что моего сына нет в живых. А меня не оказалось рядом. Меня очень часто не было с ним, хотя я могла находиться в соседней комнате. Я не помогла ему, когда была нужна больше всего... И от этого не спрятаться и не убежать, это со мной останется навсегда. Если бы

только можно было хоть что-то изменить. Вернуться к моему сыну и все исправить... Услышать вовремя своего друга и... послушать его. Лучшего друга, которого только можно пожелать... И которого тоже уже нет... Но этого я не могу сделать. Зато могу каждый день своей новой жизни дарить любовь, свет и тепло. Господь оставил меня жить для чего-то. И подарил трезвость. А значит, моя миссия на этой Земле ещё не окончена. Этот путь и все, что встречается на нем и есть моя жизнь. И какой бы она ни была, она – моя. И я не стала бы тем человеком, который сегодня выступает перед вами, если бы не получила этот бесценный опыт. Кто знает, возможно, я никогда не узнала бы о том, что у меня есть родная сестра. Теперь она – часть моей жизни. Моя светлая, лучшая часть. И уж точно, если бы не мой образ жизни я никогда не встретила бы Гарика. Мы просто не смогли бы увидеть друг друга. Ведь тогда мы жили бы в разных измерениях.

Меня просили рассказать, как я двигаюсь по шагам и выполняю программу. Я отвечаю словами доктора Боба, под которыми подписываюсь и которые стали моим девизом «Постоянно помогать другим людям и стараться никому не причинять боли. Тогда к концу дня вы увидите, что поработали по всем 12 шагам». Это просто, но нелегко... Я приняла это всем сердцем сразу и до конца, потому что была к этому готова. Возможно, мне опять повезло. Всю жизнь мне говорили, что я счастливая. «Счастливая ты, Женька! Такого парня оторвала!», или завидовали: «Вот Женька счастливая, не

успела институт закончить, и сразу жильё дали», иногда смеялись: «Женьке все трын-трава, вот и ходит счастливая», а то и просто недоумевали: «С жиру бесится, девка, от счастья бежит...» На самом деле бежала я, не считая трезвых пяти лет, исключительно от себя... Я не могла существовать в трезвости. Вот и гналась за призрачным счастьем. Пока однажды не нашла. Оказалось, что бегала я напрасно. Оно все время было рядом. Стоит лишь протянуть руку, взять бутылку и налить. Через пять минут все готово. Искусственное счастье уже работает. Жизнь-то налаживаться стала! Зачем я говорю то, что вам и без меня отлично известно? Затем, что мне не нужен больше этот суррогат! Благодаря Богу, программе и вам, у меня есть настоящее, а не фальшивое счастье. У меня появилась свобода и радость, очищенные от химических примесей и этиловых испарений. Я уже выиграла, потому что мне больше не страшно проиграть. Я больше не трачу напрасно энергию и время на сопротивление. Я ни с чем не борюсь. Невозможно победить человека, который признал своё бессилие.

Я принимаю все, что дает мне новый день и не сопротивляюсь. Конечно, это не значит, что я всегда нахожусь в состоянии эйфории и безмятежности. Да я бы и не хотела, бр-р, ни в коем случае, такую жизнь. У меня случаются и тяжелые моменты, когда все идет не так, когда накапливается раздражение и усталость. Но сейчас я точно знаю, отчего это происходит. Это потому, что я снова начинаю рулить. Я

опять пытаюсь управлять и думаю, что могу подчинить обстоятельства жизни своей воле. И тогда, я говорю, – Стоп, – я вспоминаю, кто я и откуда пришла и кому я обязана всем, что есть сегодня в моей жизни. Я опускаюсь на колени и прошу: «Господи, направь мои мысли, чувства и поступки в верное русло... Помоги мне избавиться от недостатков и сосредоточить свое внимание на том, какой мне надлежит быть согласно твоей воле. Дай мне терпение к вещам, требующим времени». И я благодарю каждый день за все. И после этого становится легко и радостно. Я прихожу к выводу, о котором говорится в нашей Большой книге, что жизнь, построенная на своеволии, не может быть успешной. Воистину, чем больше я сопротивляюсь и пытаюсь настоять на своём, тем хуже мои дела. Поэтому, чтобы не случилось, я принимаю это, со смирением и благодарностью. Раньше я думала, что это проявление слабости. Теперь я знаю, что это не так. Смирение – это осознание величия Бога. А ещё для меня смирение – это трезвое видение самой себя. И это показатель того, в чем моя главная сила. Не страшно оказаться на самом дне, ведь оттуда есть только один путь – наверх...

Спасибо вам, за то, что вы есть. Придя сюда, я не думала, что на свете есть люди, которые в ответ на моё признание, что я алкоголик, будут хлопать в ладоши, кивать головой и улыбаться, как бы говоря «Мы рады тебе, ты – дома!» Ещё я точно знаю, что любой алкоголик рано или поздно бросает пить, но лишь немногим это удаётся при жизни. Я счастлива,

что нахожусь среди вас, и что вхожу в эти 5%. Спасибо Богу, моей семье и вам за этот бесценный дар!

*Из спикерского выступления Евгении Ш. 20.06.2016 г.
г. Ставрополь*